Проф. М. А. Курчинскій.

ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Курсъ лекцій.

Часть первая.

Юрьевъ — Tartu.
1926.

Труды проф. М. А. Курчинскаго

(изданные отдѣльно).

Союзы предпринимателей. Экономическій этюдъ. СПБ. 1899, стр. IV+201. (Распродано.)

Муниципальный соціализмъ. Задачи городского хозяйства Изд. „Общественной Пользы", СПБ. 1906, 55 стр. (Распродано)
2-ое изд. СПБ. 1917. Изд „Соціалистъ". (Распродано.)

Муниципальный соціализмъ и развитіе городской жизни. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ 1907. 110 стр. Позднѣйшая (1917 г.) перепечатка съ 1-го изданія, съ обозначеніемъ того же, 1907 года изданія.

Городскіе финансы. Эволюція налоговой системы въ городахъ Пруссіи въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка (1870—1910). СПБ. 1911, стр. XX+483. Складъ изд. въ книжномъ маг. „Право".

Поземельная задолженность. Статистика поземельной задолженности въ Австріи, Германіи, Франціи, Италіи и Россіи. П-дъ 1917, стр. IV+95. Складъ изд. въ книжномъ магазинѣ „Право". (Распродано.)

Заемъ свободы. СПБ. 1917, стр. 16 Изд. „Временнаго Правительства" (не поступало въ продажу)

Апостолъ эгоизма. Максъ Штирнеръ и его философія анархіи. Критическій очеркъ. П-дъ 1920. Изд. „Огни", стр VIII+256.

Соціальный законъ, случай и свобода. Съ краткимъ рефератомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Дерптъ. 1922, стр. 44.

Изъ курса политической экономіи. Очерки. Изданіе О-ва русскихъ студентовъ при Дерптскомъ Университетѣ. Дерптъ. 1923, стр. 47. (Распродано.)

Европейскій хаосъ. Экономическія послѣдствія великой войны. Съ небольшимъ рефератомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Дерптъ, 1925, стр. 45.

На нѣмецкомъ языкѣ.

Der Apostel des Egoismus. Max Stirner und seine Philosophie der Anarchie. Aus dem russischen übersetzt von G. von Glasenapp. Berlin 1923. Verlag R. L. Prager, 177 S.

Подъ редакціей М. А. Курчинскаго.

Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. I томъ, 2 вып. Генезисъ капитализма. Изд. Д. С. Горшкова. Москва, 1904, стр. 333—687.

Т о ж е. II томъ. Теорія капиталистическаго развитія. Москва, 1905, стр. 595.

Эебергъ, К. Т. Курсъ финансовой науки. Переводъ съ 12 изданія подъ редакціей и съ дополненіями по русскому финансовому праву *М. А. Курчинскаго.* СПБ 1913, стр. XII+592. (Распродано)

Подготовляется къ печати:

Основы экономической науки Часть вторая.

Проф. М. А. Курчинскій.

ОСНОВЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Курсъ лекцій.

Часть первая.

ВВЕДЕНІЕ.

Юрьевъ — Tartu.
1926.

Est. B
Tartu R[illegible] Ülikool
Raamatukogu
4904

Типографія Г. Лаакмана.

Появленіе этого курса, выходящаго, къ тому же, частями, объясняется, въ первую очередь, учебно-педагогическими цѣлями, желаніемъ дать своимъ слушателямъ подходящее пособіе для подготовки къ экзаменамъ и избавить ихъ отъ необходимости трудныхъ и всегда почти мало-удовлетворительныхъ записей во время чтенія лекцій.

Несмотря на большое количество курсовъ по политической экономіи, рекомендовать слушателямъ подходящее руководство оказывается дѣломъ далеко не легкимъ. Одни курсы не подходятъ по своему содержанію, другіе по своему объему и т. д. Что касается, въ частности, болѣе новыхъ курсовъ на русскомъ языкѣ, то, несмотря на наличіе двухъ прекрасныхъ руководствъ покойнаго проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и проф. В Я. Желѣзнова, приходится отмѣтить, что первое изъ нихъ, при всѣхъ его достоинствахъ, не вполнѣ удовлетворяетъ автора, въ качествѣ учебнаго пособія, а второе представляется трудно доступнымъ для полученія здѣсь, за рубежомъ, и поэтому тоже не можетъ быть рекомендовано въ качествѣ основного руководства. Вотъ тѣ главнѣйшія соображенія, которыя заставили автора, при наличіи цѣлаго ряда имѣвшихся у него сомнѣній, все же приступить къ выпуску въ свѣтъ своего собственнаго курса.

Книга выходитъ по частямъ. Это, конечно, представляетъ извѣстныя неудобства, но автору, при переобремененности другими работами и трудныхъ условіяхъ современнаго печатанія, не хотѣлось задерживать выхода въ свѣтъ подготовленныхъ частей книги до того момента, когда бы онъ могъ ее выпустить цѣликомъ.

Авторъ.

Юрьевъ, 1. VI. 1926.

Оглавленіе.

Стр.

Глава первая. **Общія задачи и сущность экономической науки** . . 1— 24

Глава вторая. **Методъ и система экономической науки** . . . . . 25— 56

Глава третья **Развитіе современной экономической науки** . . . . 57— 85

Глава четвертая. **Эволюція формъ экономической жизни** . . . . 86—138

Глава пятая. **Цѣнность** . . . . . 139—200

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБЩІЯ ЗАДАЧИ И СУЩНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Предметъ экономической науки. Значеніе потребностей. Хозяйственная дѣятельность. Частное хозяйство. Народное хозяйство. Условія его возникновенія. Міровое хозяйство. Потребности матеріальныя и духовныя Хозяйственныя блага. Значеніе услугъ. Соціальный характеръ экономической науки. Значеніе экономическаго фактора въ жизни человѣческихъ обществъ и въ общемъ ходѣ культурнаго развитія. Система курса политической экономіи. Его раздѣленіе на части и ихъ относительная оцѣнка. Разногласіе въ отношеніи вопроса о потребленіи и наиболѣе правильное его разрѣшеніе въ связи съ характеромъ и задачами современной экономической науки.

Въ центрѣ всего построенія экономической науки стоитъ человѣкъ. Но, въ ряду другихъ наукъ, имѣющихъ центромъ своего вниманія человѣка, экономическая наука ставитъ своей задачей разсмотрѣніе хозяйственной дѣятельности человѣка, его поступковъ и дѣйствій, связанныхъ съ удовлетвореніемъ потребностей. Какъ говоритъ профессоръ Маршаллъ, экономическая наука представляетъ собой изученіе человѣчества въ его обыкновенныхъ жизненныхъ дѣлахъ; она изслѣдуетъ ту часть индивидуальной и соціальной дѣятельности, которая болѣе тѣсно связана съ достиженіемъ и пользованіемъ матеріальной стороной нашего благосостоянія. [1])

Такимъ образомъ, какъ мы уже сказали, въ основѣ всѣхъ построеній экономической науки стоитъ человѣкъ и — въ современномъ ея развитіи и постановкѣ — человѣкъ въ главнѣйшихъ проявленіяхъ его обыденной жизни, ибо экономическая наука ставитъ своей задачей вопросъ объ изученіи способовъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей, которыя охватываютъ почти все существованіе людей. Съ такой точки зрѣнія объемъ ея

[1]) A. Marschall. Principles of Economics, eight edition, London 1925, начало первой главы первой книги.

интересовъ является чрезвычайно обширнымъ и она обнимаетъ собой главнѣйшую часть жизни человѣческихъ обществъ.

Это не значитъ, конечно, что вся жизнь человѣка охватывается экономикой. Дѣло тутъ идетъ, конечно, только о той сторонѣ, которая связана съ опредѣленными матеріальными условіями. Значительная часть духовной сферы человѣческаго существованія должна быть отсюда выдѣлена. Однако, можно сказать, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, что вся человѣческая исторія представляетъ собой исторію постепеннаго роста различныхъ человѣческихъ потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія. Весь прогрессъ человѣчества, въ извѣстномъ смыслѣ, зависитъ отъ роста человѣческихъ потребностей. „Благодѣтельная судьба вложила въ людей обладающую потребностями натуру и неограниченное стремленіе къ прогрессу. Первая побуждаетъ къ новому удовлетворенію потребностей, а второе требуетъ все болѣе и болѣе совершенныхъ средствъ къ ихъ развитію.“ [1]) Все болѣе и болѣе усложняющаяся культурная обстановка нашей жизни, ростъ матеріальнаго, а отчасти и духовнаго прогресса можетъ быть сведенъ къ этому процессу роста потребностей. [2]) Поэтому въ основѣ экономическихъ изслѣдованій, какъ это признаетъ цѣлый рядъ прежнихъ и новѣйшихъ писателей по экономическимъ вопросамъ, стоитъ понятіе *потребности*.

Потребности какъ простѣйшія, матеріальныя — въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, такъ и высшія, духовныя, удовлетворяются предметами, которые мы называемъ *благами* или, по терминологіи англійскихъ писателей, богатствомъ. Дѣятельность, направленная на созданіе матеріальныхъ благъ, служащихъ для удовлетворенія нашихъ потребностей, носитъ названіе *хозяйственной*. Эта послѣдняя занимаетъ въ жизни всего человѣчества, какъ и каждаго отдѣльнаго человѣка, очень важное мѣсто. Такая дѣятельность, направленная на добываніе себѣ средствъ къ существованію или на полученіе дохода, и носитъ названіе *частнаго хозяйства*. Такого рода хозяйство можетъ быть хозяйствомъ отдѣльнаго лица, семьи, общины, города и т. п. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ оно представляетъ извѣстный кругъ дѣятельности, связывающій опредѣленными правилами и общими цѣлями всѣхъ лицъ, входящихъ въ него, и отграничивающій этотъ кругъ отъ всѣхъ другихъ частныхъ хозяйствъ, съ которыми данному хозяйству приходится сталкиваться.

Болѣе сложнымъ явленіемъ представляется *народное хозяйство*.

---

[1]) K. Bücher. Volkswirtschaftliche Entwicklungsstufen въ „Grundriss der Sozialökonomik“, I Abteilung, Tübingen, 1914, S. 2.

[2]) Такъ и Менгеръ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности“, пер. подъ ред. А. Гурьева, СПБ. 1894, стр. 41. говоритъ, что исходнымъ пунктомъ и конечной цѣлью всякаго хозяйства являются съ одной стороны „потребности и опредѣленное количество полезностей“ а съ другой — „возможно полное удовлетвореніе вещественныхъ потребностей.“

Понятіе „хозяйства“ вообще или частнаго хозяйства гораздо старше народнаго. Древній міръ и раннее средневѣковье знали домашнее (ойкосное), городское хозяйство, хозяйство общинъ, цеховъ, но не народное. Нуженъ былъ длинный путь экономическаго и государственнаго развитія для того, чтобы могъ выработаться этотъ послѣдній терминъ.

Для возникновенія народнаго хозяйства необходимо прежде всего, чтобы имѣлся народъ, т. е. большое соединеніе людей, живущихъ въ опредѣленной мѣстности, имѣющихъ извѣстное государственное устройство, находящихся въ болѣе или менѣе постоянной жизненной обстановкѣ, связанныхъ часто общностью религіи, языка и исторіи. Такимъ образомъ, однимъ изъ предварительныхъ условій возникновенія народнаго хозяйства является осѣдлое состояніе народа. У кочевниковъ нѣтъ народнаго хозяйства. Но и не у всякаго осѣдлаго народа оно имѣется. Народы Европы жили цѣлыя столѣтія, не имѣя народнаго хозяйства. Греки и римляне, жители средневѣковой Европы знали отдѣльныя частныя хозяйства самыхъ разнообразныхъ видовъ, но не знали народнаго. Это были иногда большія частныя хозяйства общины, города, округа или кантона, но того цѣлаго, которое мы называемъ хозяйствамъ народнымъ, еще не было. Всѣ они были болѣе или менѣе самостоятельными единицами, не связанными еще тою общностью интересовъ и тою взаимною зависимостью, которую мы видимъ въ окружающей насъ хозяйственной жизни. Только съ конца средневѣковья начинаютъ образовываться на мѣстѣ прежней феодальной разрозненности большія національныя государства, а съ ними создается и возможность для возникновенія народнаго хозяйства.

Чѣмъ болѣе назадъ, въ отдаленныя отъ насъ эпохи экономической жизни, тѣмъ болѣе мы видимъ, что отдѣльное частное хозяйство или, сравнительно, небольшая группа хозяйствъ, сами удовлетворяютъ всѣ свои потребности, составляютъ въ хозяйственномъ отношеніи самостоятельное, замкнутое цѣлое. Взаимной тѣсной зависимости, общей связанности всѣхъ отдѣльныхъ хозяйствъ данной страны, какую мы наблюдаемъ въ настоящее время, тогда мы еще не видимъ. Каждое хозяйство по большей части само потребляетъ то, что производитъ. Продается и покупается на сторонѣ очень немногое. Торговый обмѣнъ или совсѣмъ не развитъ, или развитъ очень мало.

Современная намъ экономическая жизнь представляетъ совершенно иную картину. Мы видимъ кругомъ насъ то, что носитъ названіе широко развитого общественнаго раздѣленія труда. Большинство частныхъ хозяйствъ производитъ продукты не для собственнаго потребленія, а для продажи другимъ хозяйствамъ. Наблюдается широкій постоянный обмѣнъ самыхъ разнообразныхъ продуктовъ. Безъ этого обмѣна было бы совершенно невозможно существованіе большинства современныхъ хозяйственныхъ единицъ. Сапожникъ изготовляетъ только сапоги, въ твердой увѣренности,

что нужное для него платье, пища, инструменты, сырье будутъ изготовлены другими хозяйствами и, путемъ обмѣна сапогъ на эти предметы, онъ получитъ все для себя необходимое. И такимъ образомъ думаетъ каждый изъ современныхъ товаропроизводителей. Всѣ отдѣльныя хозяйства связаны путемъ обмѣна тысячами невидимыхъ нитей.

Но, кромѣ этого свободнаго, естественнаго соединенія, связанности частныхъ хозяйствъ на почвѣ общественнаго раздѣленія труда и постояннаго, неизбѣжнаго обмѣна, мы видимъ еще и другое, искусственное соединеніе на почвѣ единообразныхъ правовыхъ установленій и государственныхъ мѣропріятій въ народно-хозяйственной сферѣ. Единообразная для всей страны торговая, промышленная и земельная политика, устанавливаемая государствомъ, единообразный финансовый строй, налоги и пошлины, общая денежная система, государственный кредитъ, военное дѣло, народное образованіе, регулируемая государствомъ сфера путей сообщенія — желѣзныя дороги, каналы, гавани, колоніальная политика, международные договоры — все это оказываетъ замѣтное вліяніе на каждое отдѣльное частное хозяйство и дѣлаетъ изъ этихъ разрозненныхъ хозяйствъ одно общее народное хозяйство.

Такимъ образомъ, для возникновенія народнаго хозяйства необходимо было образованіе государства и государственныхъ установленій. Безъ современной государственной организаціи трудно представить себѣ существованіе народнаго хозяйства. Однако, для возникновенія этого послѣдняго еще въ большей степени важна та внутренняя экономическая зависимость отдѣльныхъ хозяйствъ, о которой мы говорили выше, — зависимость, выражающаяся развитымъ раздѣленіемъ труда между отдѣльными хозяйствами, несамостоятельностью этихъ послѣднихъ въ дѣлѣ производства и необходимостью постояннаго обмѣна для удовлетворенія ихъ потребностей. Уже благодаря этому между отдѣльными хозяйствами каждаго народа создается такая тѣсная зависимость, которая даже и безотносительно къ тѣмъ или инымъ государственнымъ мѣропріятіямъ, дѣлаетъ изъ этого народа по отношенію къ другимъ націямъ сплоченное хозяйственное цѣлое съ опредѣленными общими интересами.

Условіемъ, которое сопутствуетъ возникновенію народнаго хозяйства, является развитіе примѣненія денегъ, такъ называемое денежное хозяйство, ибо растущіе торговые обороты, постоянный обмѣнъ требуютъ оцѣнки всѣхъ товаровъ на деньги для болѣе удобнаго и легкаго ихъ перехода изъ одного хозяйства въ другое, для болѣе легкаго ихъ взаимнаго обмѣна. То-же народное хозяйство вызываетъ своимъ развитіемъ и появленіе новаго строя промышленности въ области производства. Съ ростомъ обмѣна, съ развитіемъ производства для сбыта, съ цѣлью полученія прибыли, большее значеніе получаетъ торговый и промышленный капиталъ. Развивается все болѣе капиталистическое производство, при которомъ орудія производства

находятся въ рукахъ однихъ—капиталистовъ, а принимаютъ участіе въ производствѣ непосредственно своимъ трудомъ другіе — наемные рабочіе.

Такимъ образомъ, народное хозяйство въ современномъ значеніи этого слова представляетъ собою особую форму хозяйственной жизни народа, характеризуемую широкимъ развитіемъ общественнаго раздѣленія труда и обмѣна, создающимъ тѣсную общность интересовъ между отдѣльными частными хозяйствами, которая придаетъ всей экономической жизни данной страны извѣстный общій характеръ, общій тонъ.

Если мы посмотримъ на экономическое развитіе человѣчества на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ, то въ немъ можно будетъ замѣтить одну тенденцію, одно общее направленіе, выражающееся въ постоянномъ переходѣ отъ полной изолированности отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ къ все большей ихъ связанности, большей зависимости другъ отъ друга.

Обмѣна между отдѣльными хозяйствами вначалѣ совсѣмъ или почти совсѣмъ не существуетъ. Производство ведется только для своего собственнаго потребленія. Все приготовленное потребляется тутъ-же на мѣстѣ. Сначала это производство семейное (семьи, рода), расчитанное только на потребности этого замкнутаго, сравнительно узкаго круга. Потомъ это производство общины, деревни, округа, состоящаго изъ города и прилежащихъ къ нему деревень, затѣмъ области, охватывающей цѣлый рядъ городовъ и деревень, наконецъ, цѣлой страны. Отдѣльныя хозяйственныя единицы, составляющія эти все разрастающіяся цѣлыя, производятъ самостоятельно, но ихъ производство расчитано и зависитъ отъ производства цѣлаго ряда другихъ смежныхъ единицъ. Между этими единицами ведется постоянный обмѣнъ, основанный на раздѣленіи труда, на томъ, что каждая единица не изготовляетъ такъ, какъ прежде, всего для нея необходимаго, а спеціализируется на какомъ-либо одномъ производствѣ. Объ этомъ мы уже говорили выше. Но подобно тому, какъ спеціализируются отдѣльныя единицы, начинаютъ спеціализироваться и цѣлыя области. Раздѣленіе труда замѣчается уже не между отдѣльными хозяйственными единицами, а между цѣлыми группами этихъ единицъ, цѣлыми группами хозяйствъ. Происходитъ раздѣленіе труда между городомъ и деревней. Деревня доставляетъ сырье, городъ занимается его переработкой. Потомъ отдѣльныя части страны, отдѣльныя области, въ зависимости отъ ихъ природныхъ условій, отъ навыковъ ихъ населенія, начинаютъ тоже болѣе или менѣе спеціализироваться. Происходитъ раздѣленіе труда между цѣлыми районами страны. Въ одномъ районѣ развита желѣзодѣлательная промышленность и добываніе руды и каменнаго угля, въ другомъ — фабричная промышленность по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, въ третьемъ — земледѣліе, главнымъ образомъ въ зависимости отъ того, для какого рода дѣятельности оказываются на мѣстѣ наиболѣе благопріятныя условія. Но раздѣленіе труда на этомъ не останавливается. Различныя страны, различные народы поставлены неодинаково въ отноше-

ніи ихъ промышленной дѣятельности по условіямъ климата, почвы, обилію или отсутствію естественныхъ богатствъ, густотѣ населенія и характеру жителей. Въ зависимости отъ этихъ условій, между отдѣльными странами начинаетъ также замѣчаться своего рода раздѣленіе труда. Начинается все усиливающійся международный обмѣнъ, международная торговля, а въ связи съ этимъ каждая страна, имѣя возможность получить многое отъ своихъ сосѣдей, старается сосредоточить свое главное вниманіе на производствѣ такихъ товаровъ, производство которыхъ, по тѣмъ или инымъ основаніямъ, оказывается для нея особенно выгоднымъ. Вмѣсто прежней изолированности отдѣльныхъ странъ замѣчается все растущая ихъ связанность, взаимная зависимость, общность хозяйственныхъ интересовъ. За народнымъ хозяйствомъ, о которомъ мы говорили выше, выступаетъ международное, обнимающее цѣлый рядъ народовъ, а затѣмъ и весь земной шаръ, — міровое хозяйство.

Международная связанность интересовъ, о которой мы говоримъ, не исключаетъ конечно, возможности довольно острыхъ столкновеній и борьбы въ хозяйственной сферѣ между отдѣльными народами, но эти столкновенія и борьба служатъ только частичнымъ нарушеніемъ цѣльности общей картины все большаго переплетенія хозяйственныхъ интересовъ различныхъ странъ, ихъ все большаго соединенія въ одно общее міровое хозяйство

Такимъ образомъ, главной причиной, связывающей отдѣльныя частныя хозяйства въ народное, а различныя народныя хозяйства въ міровое, является растущее раздѣленіе труда и обмѣнъ, составляющіе основу для этого соединенія. Но, наряду съ этой главной причиной, есть еще цѣлый рядъ другихъ причинъ, сопутствующихъ и содѣйствующихъ растущей хозяйственной связи между отдѣльными странами. Къ числу такихъ причинъ нужно отнести развитіе усовершенствованныхъ путей сообщенія, развитіе техники производства, страшно повысившее производительность труда, и проникновеніе въ экономическую сферу началъ промышленной и общественной свободы.

Трудно преувеличить вліяніе, которое въ этомъ отношеніи было оказано усовершенствованными путями сообщенія, въ особенности паровымъ транспортомъ. Удешевленіе, большая быстрота и безопасность транспорта расширили рынокъ, а для многихъ товаровъ впервые открыли его. Въ народнохозяйственной жизни новыя средства передвиженія произвели цѣлый переворотъ, безъ котораго была бы совершенно невозможна современная экономическая жизнь, также какъ только благодаря этимъ средствамъ народонаселеніе Европы могло увеличиться съ 1700 по 1910 годъ съ 110 до 447 милліоновъ человѣкъ.

Мы не будемъ говорить о значеніи прогресса техники и связаннаго съ нимъ колоссальнаго роста производства, которое тѣмъ настойчивѣе должно было искать себѣ новыхъ рынковъ сбыта, чѣмъ больше превышало

мѣстный спросъ, укажемъ только на все большее освобожденіе промышленной жизни отъ принудительнаго вмѣшательства извнѣ, которое наблюдалось въ прежнія эпохи. Девятнадцатый вѣкъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи весьма многое. Освобожденіе труда, свободный рабочій договоръ, бо́льшая свобода союзовъ и собраній, уничтоженіе цѣлаго ряда стѣсненій свободы промышленности и торговли оказали значительное содѣйствіе развитію производства и обмѣна въ предѣлахъ каждой отдѣльной страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и между различными странами.

Въ настоящее время съ развитіемъ международной торговли всѣ страны находятся во взаимной зависимости другъ отъ друга, производство каждой изъ нихъ расчитано въ значительной степени на внѣшніе рынки, но и удовлетвореніе собственныхъ потребностей поставлено въ зависимость отъ чужого производства. Это замѣчается даже въ такой области, какъ приготовленіе продуктовъ питанія для собственнаго населенія. Большія континентальныя европейскія государства производятъ сами еще отъ 75 до 90% нужныхъ для нихъ средствъ пропитанія, Великобританія-же уже только всего 25—50%, остальное должно быть получено изъ-за границы. Значеніе мірового хозяйства съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе растетъ. Наряду съ разрозненностью политическихъ, государственныхъ интересовъ, развивается все въ большей степени извѣстная общность хозяйственной жизни, которая тысячью невидимыхъ нитей связываетъ различныя страны. Нѣкоторыя изъ этихъ нитей совершенно очевидны, ясны для каждаго, другія являются болѣе скрытыми. Передача извѣстій и передвиженіе товаровъ и людей изъ страны въ срану стали уже дѣломъ международнымъ Согласованность желѣзодорожныхъ линій различныхъ государствъ, международные расчеты по перевозкѣ товаровъ изъ страны въ страну, всемірный почтовый союзъ, кредитныя отношенія между странами, — все это ясные признаки существованія хозяйственныхъ интересовъ, выходящихъ за предѣлы отдѣльныхъ странъ. Линіи почты и телеграфа, желѣзнодорожные рельсы связываютъ въ настоящее время почти весь міръ, какъ своего рода органы кровообращенія цѣлаго, выходящаго за предѣлы отдѣльныхъ странъ и народовъ — мірового хозяйства.

Кромѣ этихъ связей есть еще пѣлый рядъ другихъ. Денежный и кредитный рынокъ каждой отдѣльной страны связанъ, вслѣдствіе развитія международныхъ кредитныхъ отношеній, международной задолженности, съ денежнымъ рынкомъ другихъ странъ. Кромѣ того капиталы одной страны часто помѣщены въ промышленныхъ предпріятіяхъ другой, напримѣръ, въ дореволюціонное время бельгійскіе и англійскіе капиталы въ русской промышленности; наконецъ, вслѣдствіе раздѣленія труда между странами, международнаго обмѣна, одна страна имѣетъ въ другой свой главный внѣшній рынокъ; Россія, напримѣръ, вывозила свой хлѣбъ за границу, въ Германію и Англію; или одна страна перерабатываетъ сырье, получаемое изъ

другой: хлопокъ, растущій въ Америкѣ, перерабатывается въ Англіи и т. п. Эти хозяйственныя связи между различными странами, которыя все растутъ, дѣлаютъ одну страну заинтересованной въ положеніи другой, потому что отъ этого положенія зависитъ часто въ значительной степени ея собственное благосостояніе. Какое-либо бѣдствіе въ одной странѣ: неурожай, война, тяжелое положеніе промышленности, кризисъ -- отражается на цѣломъ рядѣ другихъ странъ, связанныхъ съ ней своими хозяйственными интересами, заставляетъ и ихъ испытывать на себѣ отзвуки этого чужого бѣдствія. По мѣрѣ дальнѣйшаго промышленнаго развитія эта связь между отдѣльными народными хозяйствами будетъ, конечно, все болѣе расти. За народнымъ хозяйствомъ, въ качествѣ его дальнѣйшаго продолженія, выдвигается все болѣе міровое хозяйство.

Какъ мы уже сказали, основой хозяйственной дѣятельности является стремленіе удовлетворить потребности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Прежде замѣчалось стремленіе ограничить сферу хозяйства исключительно только однѣми матеріальными потребностями, но такое ограниченіе едва ли можно признать правильнымъ. Хозяйственная дѣятельность удовлетворяетъ простѣйшія потребности, но она имѣетъ въ виду и удовлетвореніе духовныхъ. Потребность въ образованіи, просвѣщеніи, является однимъ изъ основаній существованія и развитія громадной хозяйственной отрасли полиграфическихъ искусствъ. Для ея удовлетворенія существуютъ типографіи и литографіи, для этой цѣли изготовляются книги, журналы, отчасти даже газеты, для нея строятся разнообразныя лабораторіи, музеи, библіотеки, т. е. ведется хозяйственная дѣятельность въ широкомъ масштабѣ. Для удовлетворенія потребности въ музыкѣ нужно производство музыкальныхъ инструментовъ, постройка грандіозныхъ залъ для исполненія музыкальныхъ произведеній и т. д. Вообще, самыя разнообразныя потребности, все равно — матеріальныя или духовныя, требуютъ для своего удовлетворенія развитой хозяйственной дѣятельности, такъ что и онѣ могутъ быть съ такой точки зрѣнія включены въ область хозяйства, не по своимъ цѣлямъ, а по характеру ихъ удовлетворенія.

Самый процессъ удовлетворенія этихъ духовныхъ потребностей представляетъ, конечно, дѣятельность, не входящую въ понятіе хозяйства: занятіе наукой, музыкой, живописью, вообще всякое художественное и литературное творчество, отправленіе религіозныхъ требъ и т. п. относятся къ категоріи совершенно иныхъ дѣйствій, чѣмъ хозяйственныхъ, подчиняются своимъ особымъ законамъ и являются предметомъ самостоятельныхъ отраслей человѣческаго знанія и дѣятельности. Однако, необходимыя для ихъ существованія условія и предпосылки, а также и извѣстная сторона ихъ результатовъ, въ особенности въ смыслѣ пользованія ими, относятся къ области хозяйства, носятъ несомнѣнно экономическій характеръ. Тутъ мы имѣемъ своего рода перекрещивающееся вліяніе двухъ различныхъ сферъ,

соединеніе цѣлей различнаго порядка, почему здѣсь и нѣтъ той ясности отношеній, которую мы видимъ въ сферѣ явленій чисто хозяйственныхъ, но отрицать въ нихъ экономическій элементъ является также совершенно невозможнымъ.

Кромѣ того въ отношеніи предметовъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей, рядомъ съ такъ называемыми благами выдвигался еще и вопросъ о значеніи въ такомъ смыслѣ *услугъ*. Существовала тенденція проводить между тѣми и другими весьма существенное различіе. Классическая политическая экономія въ лицѣ ея англійскихъ представителей, начиная съ Адама Смита, назвавшаго свое главное произведеніе „Изслѣдованіемъ о природѣ и причинахъ богатства народовъ", занималась главнымъ образомъ вопросомъ о богатствѣ, т. е. о тѣхъ матеріальныхъ „предметахъ или произведеніяхъ, которые необходимы, полезны или пріятны для человѣка и въ то-же время одарены мѣновою цѣнностью". Вмѣсто слова „богатство" нѣмецкая экономическая наука употребляла обыкновенно выраженіе „хозяйственное благо", и цѣлый рядъ представителей этой послѣдней точно также утверждалъ, что лишь хозяйственныя блага, т. е. матеріальные предметы, созданные человѣческимъ трудомъ, ихъ производство, распредѣленіе, обмѣнъ и потребленіе и составляютъ предметъ экономической науки.

Но, наряду съ этимъ мнѣніемъ, уже довольно давно, особенно рѣзко, начиная съ французскаго экономиста Сэ, стало высказываться иное мнѣніе, значительно расширявшее понятіе хозяйственнаго блага, утверждавшее, что экономическая наука не должна ограничиваться разсмотрѣніемъ вопроса исключительно только о матеріальныхъ благахъ, матеріальныхъ предметахъ, но должна включать также и разсмотрѣніе нематеріальныхъ благъ. Къ числу послѣднихъ относили услуги, оказываемыя одними лицами другимъ, различныя отношенія: кредитные документы, права въ чужой вещи (сервитуты), наконецъ, даже людскіе таланты и отличительныя качества: силу, здоровье, образованіе и т. п.; сфера экономической науки, такимъ образомъ, чрезвычайно расширялась; изъ науки, охватывавшей только часть дѣятельности человѣка, ея хозяйственную сферу, экономическая наука дѣлалась какой-то всеобъемлющей.

Если только твердо помнить, что экономическая наука есть наука о народномъ *хозяйствѣ*, то цѣлый рядъ этихъ новыхъ, навязываемыхъ ей благъ отпадаетъ потому, что они *не хозяйственныя* блага. Такія весьма важныя блага, какъ здоровье, тѣлесная сила, умъ, образованіе, несомнѣнно не матеріальныя блага, не являются, несмотря на всю свою важность для человѣка, богатствомъ. По отношенію къ нимъ нельзя говорить въ точномъ смыслѣ слова ни о производствѣ, ни о потребленіи; нельзя говорить и объ обмѣнѣ, такъ какъ они неотдѣлимы отъ своихъ владѣльцевъ. Включать ученіе о нихъ въ сферу экономической науки значитъ включать

въ послѣднюю самыя разнообразныя отрасли человѣческаго знанія: медицину, политику, искусство и т. д.

Совершенно иная точка зрѣнія должна быть выдвинута относительно услугъ, т. е. дѣятельности, удовлетворяющей опредѣленныя потребности, но не создающей матеріальныхъ предметовъ. Прежняя точка зрѣнія временъ господства ученій классической политической экономіи, не относившая услуги къ категоріи хозяйственныхъ благъ, должна быть въ настоящее время отброшена. Эта точка зрѣнія приводила къ извѣстному дѣленію классической экономіей различныхъ видовъ труда на „производительный“ и „непроизводительный“ не съ точки зрѣнія его полезности или безполезности, а потому, создаетъ-ли онъ матеріальныя блага, или нѣтъ, что приводило къ кидающейся въ глаза путаницѣ. Трудъ дровосѣка или землекопа былъ производительнымъ, а трудъ учителя, врача, домашней прислуги — непроизводительнымъ. Это дѣленіе, не говоря про его неправильность по существу, было, кромѣ того, и крайне трудно выдержать. Такъ, напр., дѣятельность по транспорту, или иначе — услуги транспортныхъ рабочихъ, включалась въ понятіе производства, т. е. созданія хозяйственныхъ благъ, и была поэтому производительной, хотя непосредственныхъ матеріальныхъ благъ не создавала. Дѣятельность домашней прислуги, связанная съ кухней, такъ какъ она создавала матеріальныя блага — кушанья, была производительной, а дѣятельность прислуги, занятой уборкой и поддержаніемъ чистоты въ комнатахъ, была непроизводительной. Трудъ рабочихъ на фабрикѣ при машинахъ, изготовлявшихъ тѣ или иные продукты, долженъ былъ считаться производительнымъ, а трудъ другихъ рабочихъ на той-же фабрикѣ, убиравшихъ и провѣтривавшихъ фабричныя помѣщенія былъ непроизводительнымъ и. т. п., не говоря уже про примѣнявшійся тамъ-же трудъ фабричнаго врача или фабричнаго инспектора. Въ такомъ разсужденіи, ставящемъ все въ зависимость отъ матеріальнаго результата тѣхъ или иныхъ услугъ, заключается извѣстное, вносящее путаницу подчиненіе личности человѣка матеріальнымъ предметамъ. Не то является существеннымъ, относится ли данная дѣятельность къ созданію матеріальныхъ предметовъ, или нѣтъ, — это совершенно второстепенно. Главнымъ вопросомъ является то, служитъ-ли данная услуга посредственно или непосредственно удовлетворенію человѣческихъ потребностей.[1]) „Не только неодушевленные предметы, говоритъ профессоръ Зелигманъ, но и дѣйствія человѣка могутъ быть полезностями: концертъ удовлетворяетъ извѣстной потребности, мы оплачиваемъ здѣсь не физическій предметъ, а услугу; учитель получаетъ жалованье, отдавая въ обмѣнъ неосязаемыя блага. . . . . Въ дѣйствительности, различіе между услугами и предметными (матеріальными М. К.) благами меньше, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло

[1]) Gustav Cassel. Theoretische Sozialökonomie, 3 Auflage, Erlangen 1923 S. 17—18.

съ услугой: единственное значеніе предметныхъ благъ заключается въ рядѣ услугъ, которыя онѣ могутъ оказать..... Единственная разница та, что услуга оказывается одинъ разъ, а предметное благо часто сохраняется и способно оказывать услуги нѣсколько разъ. Услуга-преходяща, вещь часто имѣетъ длительное существованіе. Ее можно разсматривать, какъ накопленный запасъ услугъ, который расходуется по частямъ."[1]) Для того, чтобы тотъ или иной предметъ или услуга представляли собой хозяйственное благо, они должны отличаться нѣкоторыми качествами. Во первыхъ, они должны обладать способностью удовлетворять человѣческія потребности, т. е. быть полезными, во вторыхъ, они не должны быть неотъемлемо связаны съ человѣкомъ, т. е. должны быть чѣмъ то внѣшнимъ для него. Съ такой точки зрѣнія мы и говорили выше, что тѣ или иныя свойства или качества человѣка, здоровье, сила, умъ и. т. д. не могутъ быть хозяйственными благами. Самъ же человѣкъ, поскольку мы имѣемъ въ виду свободныхъ людей, не можетъ быть такимъ благомъ, ибо человѣческая личность сама по себѣ представляется самоцѣлью Наконецъ, въ третьихъ, относимые нами къ благамъ предметы должны имѣться въ ограниченномъ количествѣ, они должны отвѣчать, какъ говоритъ проф. Кассель, принципу ограниченности (Knappheit). Предметы, которыми мы можемъ располагать въ любомъ количествѣ, безъ всякаго или почти безъ всякаго труда съ нашей стороны, не являются хозяйственными благами. Это, такъ называемыя, даровыя блага, наиболѣе яркими примѣрами которыхъ являются воздухъ, солнечный свѣтъ, въ естественныхъ условіяхъ — вода Они чрезвычайно важны для нашего существованія, но не представляютъ собой результатовъ хозяйственной дѣятельности.

Какъ мы указывали въ самомъ началѣ, въ центрѣ всѣхъ построеній экономической науки находится человѣкъ, но не единичный, а — въ качествѣ члена тѣхъ или иныхъ соціальныхъ образованій. Мы знаемъ еще со временъ древности, что человѣкъ, какъ уже давно замѣтилъ Аристотель, есть животное соціальное. По мнѣнію Аристотеля, человѣкъ есть существо политическое по самой своей природѣ. Внѣ государства, по его мнѣнію, могутъ жить только боги или звѣри: первые потому что они уже не нуждаются въ государствѣ, вторые потому, что они еще не нуждаются въ немъ. Нигдѣ, на протяженіи всей человѣческой исторіи, мы не видимъ человѣка совершенно изолированнымъ Всегда онъ живетъ въ извѣстномъ, болѣе или менѣе обширномъ соединеніи съ себѣ подобными. Даже искусственная преднамѣренная изоляція отъ другихъ людей, въ качествѣ основы самостоятельнаго существованія, мало удается. Если мы вспомнимъ всѣмъ намъ извѣстный съ дѣтства примѣръ Робинзона Крузо, заброшеннаго на необитаемый островъ

[1]) Э. Зелигманъ. Основы политической экономіи. перев. В. Твердохлѣбова и М. Булатова, СПБ. 1908. стр. 7.

и тамъ живущаго долгое время внѣ всякаго общенія съ себѣ подобными, то и тутъ, если вдуматься, нѣтъ совершенно полной оторванности отъ остального культурнаго міра. Англійскій романистъ предоставилъ Робинзону возможность спасти съ разбитаго корабля нѣкоторое количество ружей, пороха, свинца для пуль, нѣкоторыя орудія и инструменты — и вотъ эти предметы являются для Робинзона осязаемой связью между нимъ и его культурными сородичами, изготовившими всѣ эти предметы. Но если бы Дефоэ пошелъ въ своей конструкціи даже и дальше и представилъ-бы намъ Робинзона, спасшимся на островѣ безъ какихъ бы то ни было полезныхъ для него предметовъ, и заставилъ бы его производить все необходимое самому, начиная съ лука и стрѣлъ и остальныхъ примитивныхъ орудій, то и тогда съ Робинзономъ были бы неотъемлемые отъ него знанія и навыки, пріобрѣтенные имъ въ прежней культурной жизни и составляющіе результатъ работы ряда предшествующихъ поколѣній. Эти знанія и навыки являлись бы въ отношеніи Робинзона извѣстной соціальной связью съ остальнымъ культурнымъ міромъ и, значитъ, даже въ такой, столь нарочито созданной обстановкѣ не получилось бы полной изолированности. Въ нормальныхъ-же условіяхъ мы имѣемъ дѣло обыкновенно не съ изолированными людьми, а съ извѣстными соціальными образованіями.

Такимъ образомъ, если, какъ мы уже знаемъ, экономическая наука имѣетъ дѣло съ изученіемъ „хозяйства“, то это отнюдь не должно быть частное хозяйство отдѣльнаго лица, взятое само по себѣ, внѣ связи съ остальными. Если народное хозяйство и есть совокупность входящихъ въ него частныхъ хозяйствъ, то оно само является не только суммой этихъ послѣднихъ, а представляетъ нѣчто большее, отъ нихъ отличное. Поэтому между частно-хозяйственнымъ подходомъ къ рѣшенію тѣхъ или иныхъ вопросовъ и народнохозяйственнымъ, или еще болѣе точкой зрѣнія соціально-экономической, наблюдается весьма существенная разница Многія положенія, совершенно правильныя для частнаго хозяйства, оказываются совершенно непримѣнимыми въ приложеніи къ соціальному организму. Такъ, напримѣръ, съ точки зрѣнія отдѣльнаго лица, безъ сомнѣнія, является выгодой обладаніе возможно большимъ количествомъ денегъ, но того-же самаго далеко нельзя сказать про общество или государство въ цѣломъ.

Экономическую науку, разсматривающую явленія общественнаго или соціальнаго хозяйства, называютъ часто „политической экономіей“. Это издавна укрѣпившееся за ней наименованіе. Иногда вмѣсто этого, особенно въ германской наукѣ, употребляется терминъ „національная экономія“ или наука о народномъ хозяйствѣ Однако, противъ этихъ наименованій, еще начиная съ Дитцеля, выдвигаются довольно опредѣленныя возраженія.

Съ терминомъ политическая экономія связывается черезчуръ опредѣленно представленіе объ извѣстной политической сторонѣ вопроса, выдвигающей на первый планъ понятіе государства и государственной дѣятель-

ности, что придаетъ всей наукѣ черезчуръ ограниченный и до нѣкоторой степени тенденціозный характеръ. Въ опредѣленіи же народнаго хозяйства подчеркивается связь всего научнаго построенія съ той фазой экономическаго развитія, когда создалось именно это народное хозяйство, чѣмъ какъ бы исключаются тѣ стадіи экономическаго развитія, которыя ему предшествовали или выходятъ за его предѣлы. Тогда для большей полноты и точности намъ пришлось бы еще отдѣльно говоритъ о наукѣ частнаго, территоріальнаго или областного, народнаго, мірового хозяйства, между тѣмъ какъ всѣ эти послѣдовательныя фазы обнимаются однимъ болѣе общимъ понятіемъ соціальнаго хозяйства. Науку, которая занимается изученіемъ этого послѣдняго, правильнѣе всего поэтому называть соціальной экономіей [1]) Въ качествѣ основы нашего разсмотрѣнія мы всегда имѣемъ въ хозяйствѣ опредѣленную соціальную организацію, которая охватываетъ всѣ виды хозяйственныхъ образованій, начиная съ самыхъ узкихъ — единичнаго хозяйства — и кончая самыми широкими — міровымъ хозяйствомъ, охватывающимъ, по крайней мѣрѣ въ своей идеѣ, весь земной шаръ. Такимъ образомъ объектомъ экономической науки представляется хозяйство какъ соціальное явленіе, почему съ такой точки зрѣнія и является наиболѣе правильнымъ называть самую науку соціальной экономіей. Это наименованіе и начинаетъ за послѣднее время замѣтно распространяться [2])

Какъ мы уже указывали выше, въ соціальной или политической экономіи, или иначе экономической наукѣ, на первомъ мѣстѣ стоитъ человѣкъ и удовлетвореніе его разнообразныхъ потребностей Этому же послѣднему служитъ въ первую очередь производство, т. е. дѣятельность по созданію необходимыхъ для удовлетворенія потребностей благъ. Вслѣдствіе этого способы производства являются, такимъ образомъ, однимъ изъ наиболѣе важныхъ факторовъ, опредѣляющихъ формы человѣческой жизни.

Намъ можетъ показаться съ перваго взгляда, что подобнаго рода утвержденіе грѣшитъ большой односторонностью. Но эта односторонность только кажущаяся. Если вдуматься глубже въ характеръ и происхожденіе окружающихъ насъ процессовъ, то намъ не покажется преувеличеніемъ утвержденіе, что въ извѣстномъ смыслѣ экономика, хозяйство, лежатъ въ основѣ нашей культуры.

---

[1]) Heinrich Dietzel. Theoretische Sozialökonomik, Leipzig, 1895, S. S. 51—60.

[2]) Gustav Cassel. Grundgedanken der theoretischen Ökonomie, Leipzig, 1926, S. 3—4. Самъ Кассель главное свое теоретическое сочиненіе назвалъ „Theoretische Sozialökonomie“, кромѣ того въ настоящее время выходитъ большая, многотомная сводная работа по экономіи, носящая общее названіе „Grundriss der Sozialökonomik“. Franz Oppenheimer строитъ свое изложеніе экономической теоріи въ качествѣ составной части предлагаемой имъ общей соціологической конструкціи (См. его „System der Soziologie“ III Band, Jena 1924). Въ связи съ тѣмъ усиливающимся значеніемъ, которое въ послѣднее время пріобрѣтаетъ соціологія, это, можетъ быть, въ особенности обоснованно.

Нужно только понимать это въ широкомъ смыслѣ, въ общихъ чертахъ, и не пытаться объяснять всѣ отдѣльныя конкретныя явленія культурной жизни связью съ формами хозяйства. Было-бы до крайности близоруко и даже болѣе — совершенно невозможно связывать появленіе тѣхъ или иныхъ продуктовъ духовнаго творчества въ области знанія или искусства экономической обстановкой: связывать оперы Россини, Вагнера или Чайковскаго, или открытія какого-либо Коперника или Кюри, работы И. П. Павлова и т. п. достиженія человѣческой мысли съ конкретными условіями данной экономической дѣйствительности и въ ней искать источниковъ этого рода проявленій человѣческаго генія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приглядываясь къ окружающему, мы не можемъ отрицать, что способы производства и покоящіяся на нихъ хозяйственныя явленія составляютъ основные факты общественной жизни. Совокупность этихъ фактовъ поглощаетъ наибольшую сумму человѣческихъ силъ; она служитъ опредѣляющимъ условіемъ для всѣхъ сторонъ культуры, но не опредѣляетъ всего того, что входитъ въ составъ какой-либо идеологіи.

Во всѣхъ отдѣлахъ культуры данной эпохи, говоритъ профессоръ Исаевъ, можно намѣтить составныя части, прямо вытекающія изъ условій экономической жизни: это касается наиболѣе характерныхъ особенностей данной идеологіи, границъ, за которыя условія хозяйственнаго быта не позволяютъ ей выйти, крайнихъ предѣловъ времени, когда она можетъ возникнуть, или же когда ея возникновеніе невозможно. Но въ каждомъ отдѣлѣ культуры можно найти такія составныя части, которыя не состоятъ въ ближайшей связи съ экономическимъ бытомъ, а должны быть объяснены законами мышленія; согласно съ этими законами извѣстная система идей наталкиваетъ людей на опредѣленные выводы.[1]) Но въ смыслѣ зарожденія и возможности развитія даже опредѣленныхъ отраслей искусства экономическая обстановка играетъ несомнѣнно громадную роль. Нельзя отрицать, напримѣръ, извѣстной связи, особенно на болѣе раннихъ ступеняхъ культуры между искусствомъ и техникой труда. Вспомнимъ по этому поводу извѣстную работу Бюхера „Работа и ритмъ.“ Мы узнаемъ тамъ, что первобытные музыкальные инструменты происходятъ изъ рабочихъ орудій. Ритмъ извѣстныхъ трудовыхъ процессовъ объясняетъ возникновеніе и характеръ рабочей пѣсни. Взмахи веселъ у гребцовъ, удары молота по наковальнѣ и т. п. давали основаніе появленію ритмики первоначальной трудовой пѣсни. Вспомнимъ тутъ же и русскую „Дубинушку“, пріуроченную къ подъему тяжестей или забиванію свай. Впослѣдствіи, конечно, музыкальное искусство идетъ своимъ самостоятельнымъ путемъ, но зарожденіе извѣстныхъ его отдѣловъ изъ экономики, изъ труда, достаточно ясно. Есть въ немъ, конечно,

---

[1]) А. А. Исаевъ. Пять вопросовъ обществовѣдѣнія. Берлинъ. 1901. Первый очеркъ.

и другіе мотивы — любовная лирика, воинская пѣсня, но и экономическій трудовой мотивъ занимаетъ свое вполнѣ опредѣленное мѣсто.

Такимъ образомъ мы видимъ, что хозяйственная жизнь стоитъ въ достаточно тѣсной связи съ проявленіями духовнаго творчества народовъ и налагаетъ свой отпечатокъ на это послѣднее. Вообще же область хозяйственной жизни отличается по отношенію къ остальнымъ той особенностью, что она охватываетъ первую и необходимѣйшую дѣятельность. Ибо прежде чѣмъ люди, составляющіе какой-либо народъ, могутъ посвятить свое время остальнымъ задачамъ своего существованія, они должны позаботиться о своемъ физическомъ существованіи, должны утолять свой голодъ и жажду, должны защищать себя отъ вредныхъ вліяній климата, отъ холода и зноя и т. д. Забота-же о физическомъ существованіи, доставленіе матеріальныхъ средствъ для этого послѣдняго и составляютъ существеннѣйшее содержаніе хозяйственной дѣятельности. Было время, когда среди людей не существовало ни права, ни искусства, ни наукъ, но никогда не было такого народа, который бы не занимался хозяйственной дѣятельностью, жизнь и исторія котораго не строилась бы на базисѣ его хозяйства.[1])

Такъ мы знаемъ, что какъ науки о внѣшней природѣ, такъ и о жизни человѣческихъ обществъ тѣсно связаны съ экономикой, диктуются хозяйственными интересами. Человѣкъ изучалъ внѣшнюю природу, чтобы научиться пользоваться ею и защищаться отъ ея вредныхъ вліяній. Происхожденіе нѣкоторыхъ наукъ съ такой точки зрѣнія особенно ясно. Астрономія, или въ болѣе раннее время астрологія возникаетъ изъ желанія по движенію небесныхъ свѣтилъ предсказывать извѣстныя явленія, вліявшія на хозяйственную жизнь, или руководиться картиной звѣзднаго неба при передвиженіи по морю Въ Египтѣ, напримѣръ, занятія астрономіей вызывались необходимостью и желаніемъ предсказывать время разлитія Нила, отъ котораго зависѣло все экономическое благосостояніе массъ населенія. То же можно сказать и относительно наблюденія за появленіемъ луны и ея фазами, важнымъ для кочевниковъ при ихъ постоянныхъ передвиженіяхъ со стадами въ поискахъ подходящихъ пастбищъ. Точно также мы знаемъ, что и геометрія впервые возникаетъ изъ нужды измѣренія земли при разверсткѣ земельныхъ участковъ и т. д.

Не приходится, конечно, много распространяться о тѣсной связи и взаимодѣйствіи, которыя существуютъ между хозяйствомъ и правомъ. Экономика и право вообще со всѣми почти его подраздѣленіями обнаруживаютъ чрезвычайно тѣсную взаимную зависимость. Даже съ перваго взгляда связь гражданскаго, отчасти и публичнаго права съ экономикой представляется вполнѣ ясной. Право идетъ за развитіемъ экономической жизни, и потому

---

[1]) Schönberg. Ст. „Die Volkswirtschaft“ въ „Handbuch der politischen Ökonomie“ herausgegeben v. Schönberg. 3 Auflage, 1897. B. I., S. 15—18.

то на различныхъ ступеняхъ народнаго хозяйства мы встрѣчаемъ и разное право. Но оно можетъ содѣйствовать или задерживать экономическое и общественное развитіе вообще, причемъ, конечно, главнѣйшей его задачей и является наибольшее соотвѣтствіе существующему уровню соціальнаго развитія. Выдвигая здѣсь на особо замѣтное мѣсто вліяніе экономическаго фактора, мы этимъ отнюдь не исключаемъ воздѣйствія на право религіознаго или политическаго, какъ и иныхъ соціальныхъ моментовъ.

Въ отношеніи гражданскаго права связь его съ экономикой особенно очевидна: права имущественныя, право наслѣдованія и право договорное, право личнаго найма, аренды и т. п. стоятъ въ самой тѣсной связи съ господствующими условіями хозяйственной жизни. Можемъ по этому поводу вспомнить извѣстную работу вѣнскаго профессора, Антона Менгера „Гражданское право и неимущіе классы населенія“, гдѣ онъ доказываетъ, что частное (гражданское) право, также, какъ и публичное, отражаетъ въ себѣ интересы опредѣленныхъ имущественныхъ группъ, т. е., въ концѣ концовъ, извѣстныя экономическія отношенія. Вообще зависимость права отъ хозяйственной жизни наиболѣе ясна. Въ большинствѣ отдѣловъ права мы можемъ свести его нормы къ основнымъ фактамъ хозяйства. Земельное право и его нормы находятся въ тѣсной связи съ наличіемъ въ странѣ общиннаго или индивидуальнаго владѣнія. Желѣзнодорожное право возникаетъ въ связи съ созданіемъ парового транспорта, фабричное или рабочее право — въ связи съ рабочимъ вопросомъ, созданнымъ крупной промышленностью и т. д. Еще болѣе очевидна эта зависимость въ финансовомъ правѣ, наука о которомъ даже и разсматривается какъ часть политической экономіи. Нечего и говорить поэтому, что обширный отдѣлъ права, образующій экономическое законодательство, можетъ быть легко сведенъ къ соотвѣтственнымъ явленіямъ народнаго хозяйства. Вообще вліяніе хозяйства на многіе отдѣлы права подмѣчено уже давно. Связь- же между экономической жизнью съ одной стороны и наукой, искусствомъ, различными идеологическими построеніями съ другой — весьма мало изучена, хотя и здѣсь можно во многихъ случаяхъ подмѣтить опредѣленную зависимость.

Возможность вліянія экономики на науку и искусство, въ общемъ, понятна для насъ уже a priori. Для успѣшнаго развитія этихъ отраслей человѣческой дѣятельности сама собой очевидна необходимость извѣстнаго уровня матеріальнаго богатства. При этомъ характеръ этого послѣдняго въ значительной степени опредѣляетъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ строемъ общественно-политической жизни характеръ художества вообще, живописи, напримѣръ, въ частности. Стоитъ вспомнить по этому поводу Ипполита Тэна, который въ своихъ широко извѣстныхъ „Чтеніяхъ объ искусствѣ“, излагаетъ постепенную смѣну школъ и характера произведеній живописи подъ вліяніемъ измѣненія условій опредѣленной общественно-экономической обстановки, мѣняющихся, въ связи съ этимъ, вкусовъ и интересовъ. Припомнимъ также съ этой точки зрѣнія

т. е. необходимости наличія опредѣленнаго уровня матеріальнаго богатства, развитіе искусства и литературы у разныхъ народовъ въ исторіи. Съ этой точки зрѣнія приходится отмѣтить, что не случайно искусство процвѣтало у опредѣленныхъ народовъ и только въ опредѣленныя эпохи. Въ наиболѣе отдаленной отъ насъ исторической древности мы видимъ съ развитіемъ и упадкомъ политическаго и экономическаго могущества, въ качествѣ наиболѣе яркихъ носителей искусства и культуры тогдашніе Ассирію и Вавилонъ, Египетъ, а затѣмъ Монгольское и Персидское царства. Въ европейской древности мы встрѣчаемъ расцвѣтъ науки и искусства въ Элладѣ и Римѣ какъ разъ въ тѣ моменты, когда эти государства достигали наивысшаго экономическаго благосостоянія. Въ Элладѣ (Аѳинахъ) это были VI по IV вѣка до Рождества Христова, въ Римѣ — конецъ республики и начало имперіи, т. е. моменты наибольшаго политическаго могущества и скопленія богатства. Въ болѣе позднее время мы можемъ отмѣтить тоже и въ отношеніи мусульманскаго міра (арабы), который, вмѣстѣ съ подъемомъ матеріальнаго благополучія, обнаружилъ очень замѣтный расцвѣтъ наукъ и искусствъ. Еще болѣе ярко это проявляется въ богатыхъ итальянскихъ республикахъ въ періодъ XIII—XVI столѣтій. Такой-же подъемъ мы видимъ и въ Англіи съ конца XVI вѣка, когда тамъ, съ развитіемъ политической и экономической мощи, появились такіе представители человѣческой геніальности, какъ Шекспиръ и Бэконъ. Поэтому намъ должно быть понятно, что не даромъ прежніе историки, можетъ быть и не отдавая себѣ полнаго отчета въ причинахъ этого явленія, отмѣчали блестящіе вѣка Гарунъ-аль-Рашида, императора Августа, или Елизаветы англійской.

Необходимо въ отношеніи содѣйствія развитію духовной культуры отмѣтить также и важность извѣстнаго уровня матеріальнаго благосостоянія, допускающаго опредѣленную дифференціацію знаній и занятій. Въ прежнее время мы видимъ своего рода энциклопедистовъ, впослѣдствіи же появляется все большая спеціализація въ каждой отрасли человѣческой дѣятельности. Во вторыхъ, для того-же развитія необходима еще и извѣстная дифференціація, бо́льшая сложность самой общественной жизни, ея разнообразіе и красочность, открывающая передъ идеологомъ гораздо болѣе широкое поле для наблюденія. Достаточно сравнить въ этомъ отношеніи возможность появленія и условій для развитія литературной дѣятельности Шекспира въ Англіи въ вѣкѣ Елизаветы или въ то-же самое время (1564 г.) въ Россіи, при „братѣ и другѣ“ Елизаветы — Іоаннѣ Грозномъ. Наконецъ, въ третьихъ, мы знаемъ, что успѣхи наукъ и искусствъ зависятъ отъ успѣховъ экономической жизни еще и потому, что въ связи съ этими послѣдними находится высота техническихъ знаній, обусловливающая возможность созданія орудій и приспособленій, необходимыхъ для науки и искусства (микроскопы, телескопы, обсерваторіи, музеи, театры и т. п.).

Однако, не нужно и преувеличивать въ этой области значеніе эконо-

мическаго фактора. Онъ является, несомнѣнно, извѣстной матеріальной предпосылкой не только общественно-экономической жизни, но и чисто духовной культуры. Но въ этой послѣдней области нельзя упускать изъ вида значеніе чисто идеальнаго фактора, послѣдовательнаго закономѣрнаго развитія идей, которыя, разъ возникнувъ, совершаютъ извѣстный круговоротъ своего логическаго развитія. Въ качествѣ примѣра можемъ взять извѣстныя математическія, философскія идеи, особенно тѣ изъ нихъ, которыя создаютъ такъ называемую „школу". Конечно, самая жизнь идей протекаетъ въ опредѣленной конкретной обстановкѣ матеріальной, экономической культуры, но это нисколько не противорѣчитъ тому, что сами идеи живутъ своей самостоятельной жизнью, подчиняясь законамъ своего внутренняго развитія. Можно допустить, что кто-либо могъ бы сблизить изложенное выше въ текстѣ съ ученіемъ такъ называемаго экономическаго матеріализма, но это было бы, конечно, совершенно неправильно. — Слабой стороной экономическаго матеріализма является стремленіе объяснить все существующее однимъ только экономическимъ факторомъ, между тѣмъ какъ мы должны всегда отмѣчать рядомъ съ нимъ параллельное вліяніе моментовъ національнаго, религіознаго, политическаго и другихъ. Но это нисколько не мѣшаетъ экономисту признавать во многихъ случаяхъ первостепенное значеніе, въ качествѣ одной изъ главнѣйшихъ основъ культуры, развитія экономики и той формы, которую она въ данное время принимаетъ.

Въ настоящее время содержаніе общаго курса теоретической экономической науки принято дѣлить на четыре отдѣла: производство, распредѣленіе, обмѣнъ и потребленіе. Но это столь принятое теперь, хотя и оспариваемое нѣкоторыми учеными дѣленіе утвердилось въ наукѣ далеко не сразу. Долгое время различныя школы выдвигали на первый планъ то одинъ, то другой изъ этихъ экономическихъ процессовъ: то производство, то распредѣленіе, то обмѣнъ. Менѣе всего привлекало къ себѣ вниманія въ исторіи развитія науки потребленіе, — отдѣлъ, который и въ настоящее время цѣлый рядъ теоретиковъ считаетъ излишнимъ включать въ общій курсъ политической экономіи.

Однако, несмотря на нѣкоторыя разногласія, приведенное дѣленіе на четыре части можно считать для нашего времени наиболѣе распространеннымъ, почти общепринятымъ. Оно дается какъ бы самою сущностью экономическихъ процессовъ. Каждый предметъ долженъ быть произведенъ, поступаетъ въ чье-либо распоряженіе, причемъ весь народный продуктъ дѣлится, главнымъ образомъ, если брать лицъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ производству матеріальныхъ благъ, между землевладѣльцами, капиталистами и рабочими; большинство продуктовъ не потребляется самими ихъ производителями, а поступаетъ въ обмѣнъ, который и приводитъ предметы въ руки лицъ, въ нихъ нуждающихся, потребителей, и, наконецъ, происходитъ конечный актъ, ради котораго и ведется производство, потре-

бленіе, удовлетвореніе людьми своихъ потребностей. Пища должна быть съѣдена, одежда сношена, машины должны точно также износиться, можно сказать, быть потребленными, въ процессѣ производства новыхъ благъ и т. п. Но современная экономическая жизнь вводитъ между этими двумя конечными моментами жизни каждаго предмета, его рожденіемъ на свѣтъ — производствомъ, и его смертью — потребленіемъ, еще двѣ стадіи, черезъ которыя онъ обыкновенно проходитъ при существующихъ условіяхъ: распредѣленіе и обмѣнъ. Конечно, все это дѣленіе условно; экономическая жизнь представляетъ, вѣдь, органически связанный процессъ, но наука дѣлитъ, расчленяетъ его на части по опредѣленнымъ признакамъ, имѣя въ виду большее удобство для человѣческаго разума, большую легкость пониманія при наличности такого дѣленія. Законность же его основывается на самой сущности отношеній, изъ которыхъ складывается соціально-экономическая жизнь; дѣленіе это — просто только примыкаетъ къ различнымъ ступенямъ естественной послѣдовательности соціально-экономическихъ явленій.

Если примѣнить къ только что указанному дѣленію политической экономіи на отдѣлы по главнѣйшимъ, происходящимъ въ экономической жизни процессамъ: производства, распредѣленія, обмѣна и потребленія, попытку отдѣленія естественнаго, коренящагося въ самой сущности вещей, отъ искусственнаго, созданнаго опредѣленной исторической обстановкой, отдѣлить чисто-экономическія явленія отъ исторически-правовыхъ, то мы должны противопоставить отдѣлы производства и потребленія таковымъ-же распредѣленія и обмѣна. Каждый предметъ долженъ непремѣнно пройти для завершенія своего экономическаго существованія черезъ стадіи производства и потребленія. Производство и потребленіе всегда имѣются и будутъ всегда имѣться при всякихъ условіяхъ экономической жизни. Это, такъ сказать, естественные, сами собой вытекающіе процессы экономическаго бытія. Распредѣленіе и обмѣнъ носятъ, несомнѣнно, значительно болѣе искусственный характеръ. Ихъ можетъ и не быть, несмотря на то, что экономическая жизнь будетъ итти своимъ чередомъ; продуктъ можетъ поступать, минуя всякое общественное распредѣленіе и обмѣнъ, въ руки самихъ производителей. Были длинные періоды человѣческаго существованія, когда люди совсѣмъ не знали обмѣна; наконецъ, можно прекрасно представить себѣ такой строй, въ которомъ совершенно отсутствуетъ обмѣнъ, хотя бы соціалистическое общество, гдѣ центральная власть распредѣляетъ продукты между всѣми гражданами. Кромѣ того, тогда какъ самыя формы процесса производства въ значительной степени опредѣляются естественными условіями, зависящими отъ самой природы вещей, формы распредѣленія отличаются большой случайностью, завися гораздо болѣе отъ людскихъ установленій.

Это различіе въ характерѣ отдѣльныхъ экономическихъ процессовъ было подмѣчено уже довольно давно. Извѣстный англійскій экономистъ Д. С. Милль указывалъ на него въ очень опредѣленной формѣ. „Законы и

условія производства — говоритъ онъ — имѣютъ характеръ истинъ, о какихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего, зависящаго отъ воли, ничего такого, что можно было бы измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами внѣшней природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самого человѣка. . . . Не таковы принципы распредѣленія богатства. Это распредѣленіе — чисто дѣло человѣческаго учрежденія. Когда явились вещи, то люди, или какъ частные люди, или какъ общество, могутъ поступать съ ними, какъ захотятъ. Они могутъ отдать ихъ въ распоряженіе кому имъ угодно и на какихъ имъ угодно условіяхъ. . . . Распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, бываютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если-бы того захотѣли люди“ [1]) Въ этомъ указаніи различія законовъ производства и распредѣленія есть, несомнѣнно, извѣстная доля истины, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Милль черезчуръ его преувеличилъ. Неправильно, во первыхъ, что производство управляется только естественными законами, между тѣмъ какъ нельзя отрицать, что то или иное состояніе общества отражается и на производствѣ, т. е. наряду съ естественными выдвигаются уже и соціальныя причины; говоря въ дальнѣйшемъ изложеніи о вліяніи энергіи и искусства человѣка, Милль самъ ихъ допускаетъ. Во вторыхъ, неправильно, конечно, и утвержденіе, что распредѣленіе зависитъ только отъ людскихъ установленій, только отъ соціальныхъ причинъ, между тѣмъ какъ иныя естественныя причины оказываютъ свое вліяніе одинаково какъ на производство, такъ и на раепредѣленіе. Взять хотя бы извѣстный, установленный наукой фактъ уменьшенія производительности послѣдующихъ затратъ на землю, который, несомнѣнно, оказываетъ свое вліяніе и на производство, и на распредѣленіе и т. п. Но, опять-таки, повторяемъ, нельзя отрицать, что вліяніе постоянныхъ, менѣе поддающихся воздѣйствію человѣка, причинъ, гораздо явственнѣе проявляется въ области производства, чѣмъ распредѣленія, значительно болѣе носящаго характеръ искусственнаго, случайнаго.

Однако, главнымъ пунктомъ въ этой схемѣ является вопросъ о включеніи или невключеніи въ нее отдѣла потребленія. Нѣкоторые экономисты, какъ мы уже указали, считаютъ отдѣлъ потребленія совершенно излишнимъ въ построеніи системы экономической науки. На такой, напримѣръ, точкѣ зрѣнія стоитъ профессоръ Туганъ-Барановскій. Вся область потребленія выключается имъ изъ хозяйственной сферы, „ибо потребленіе есть цѣль

---

[1]) Д. С. Миллъ. „Основанія политической экономіи“ изд. А. Н. Пыпина. СПБ. 1865 г. т. I, стр. 245—246.

нашей дѣятельности, а не средство для чего-либо иного. Приготовленіе пищи есть хозяйство, но ѣда не есть хозяйство, заканчивающееся въ тотъ моментъ, когда мы приступаемъ къ потребленію. Задача хозяйства въ томъ и заключается, чтобы сдѣлать возможнымъ потребленіе, которое есть конечная цѣль хозяйства, а не само хозяйство. Если же стали бы включать и потребленіе въ сферу хозяйства, то хозяйство охватило бы всю нашу жизнедѣятельность, которая сводится къ удовлетворенію нашихъ потребностей — иначе говоря, къ потребленію". [1]) Въ такой постановкѣ, какую этому вопросу придаетъ Туганъ-Барановскій, онъ безусловно правъ. Дѣло только въ томъ, что самая постановка совершенно невѣрна и недопустима съ точки зрѣнія экономической науки и строго-продуманной логики. Конечно, самый процессъ потребленія въ смыслѣ, напримѣръ, потребленія пищи, можно было бы сказать еще конкретнѣе — ея разжевыванія и перевариванія, не относится къ области хозяйства. Это область физіологіи питанія, въ иныхъ случаяхъ гигіены, но не экономической науки. Но въ такомъ же точно смыслѣ, если подъ производствомъ понимать самый трудовой процессъ въ смыслѣ опредѣленнаго напряженія тѣхъ или иныхъ мускуловъ, утомленія зрѣнія, напряженія памяти, вызывающаго мозговую усталость и т. д. — и производство не является хозяйствомъ. Это — тоже физіологическій или психо-физіологическій процессъ, ведущій къ тѣмъ или инымъ послѣдствіямъ для нашего организма, и, съ такой точки зрѣнія, онъ не имѣетъ съ экономической наукой ничего общаго. Но вѣдь мы разсматриваемъ его не съ этой физіологической, а съ экономической стороны, какъ дѣятельность человѣка, направленную на созданіе хозяйственныхъ благъ, вызывающую къ жизни новыя цѣнности. Точно также и потребленіе мы не разсматриваемъ въ качествѣ самаго акта уничтоженія или усвоенія нами тѣхъ или иныхъ предметовъ, а въ качествѣ экономическаго процесса того или иного использованія результатовъ нашего производства, отъ котораго въ дальнѣйшемъ зависитъ новая организація того-же самаго производства. Мы интересуемся не тѣмъ, какъ человѣкъ носитъ свое платье, какъ онъ потребляетъ пищу; а тѣмъ, сколько общество въ его цѣломъ также, какъ и отдѣльные индивидуумы въ немъ, тратитъ на платье, на пищу, на удовольствія или на сбереженія и организацію дальнѣйшаго производства. Отъ того или иного характера потребленія въ обществѣ производительныхъ продуктовъ зависитъ, въ конечномъ счетѣ, и самое распредѣленіе производительныхъ силъ. Поэтому то насъ и интересуетъ и долженъ интересовать вопросъ о томъ, какъ не только распредѣляется между общественными классами, но и потребляется общественный доходъ.

Съ такой точки зрѣнія для насъ должно быть понятно, что процессы производства и потребленія чрезвычайно тѣсно связаны другъ съ другомъ, съ одной

[1]) М. И. Туганъ Барановскій. Основы политичеекой экономіи, 4 изд. П-дъ. 1917. стр. 7—8.

стороны въ качествѣ момента затраты трудовой энергіи, а съ другой — ея возстановленія. Выше мы уже подчеркивали первичное значеніе этихъ двухъ основныхъ элементовъ хозяйственнаго существованія каждаго блага. То, куда идутъ результаты народнаго производства и какъ они потребляются, производительно или непроизводительно съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства, не можетъ не интересовать экономиста, ибо отъ этого зависитъ все дальнѣйшее развитіе народнохозяйственной жизни и ея характеръ. Потребляются ли данные продукты народнаго производства рабочими, занятыми производительнымъ трудомъ, или капиталистами въ роскошныхъ прихотяхъ и забавахъ или, наконецъ, „потребляетъ“ ли ихъ армія на поляхъ сраженія въ качествѣ снарядовъ, разлетающихся чугунными осколками и тающими въ небѣ въ видѣ порохового дыма, — это не можетъ быть безразличнымъ для экономиста, изучающаго народное хозяйство и интересующагося не только его настоящей, но и ближайшей будущей структурой. Потребленіе богача временъ Нерона, тратившаго колоссальныя средства на безумную роскошь пировъ, и потребленіе современнаго капиталиста, вкладывающаго значительную часть своего дохода въ акціи новыхъ промышленныхъ предпріятій или въ расширеніе старыхъ, для усиленія ихъ способности къ конкуренціи, — существенно различны по своимъ послѣдствіямъ. Одно потребленіе ведетъ къ обѣднѣнію, другое — къ дальнѣйшему развитію народнаго хозяйства. Такимъ образомъ, интересъ экономиста къ судьбамъ произведенныхъ въ народномъ хозяйствѣ продуктовъ не можетъ останавливаться за порогомъ распредѣленія. Продукты созданы, поступили въ процессъ обмѣна, окончательно распредѣлены и — точка; дальнѣйшій процессъ потребленія не интересенъ для экономиста. „Это уже не хозяйство!“ Нѣтъ, это очень важная часть хозяйственнаго процесса, отъ котораго зависятъ всѣ остальныя. Правда, только, что до сихъ поръ этотъ отдѣлъ хозяйства или совсѣмъ выбрасывался изъ курсовъ политической экономіи, или заполнялся чисто случайнымъ и мало характернымъ содержаніемъ. Но это заставляетъ тѣмъ съ большимъ основаніемъ направить теперь на него наше вниманіе. Оставленіе его въ сторонѣ и еще болѣе его исключеніе такъ же неправильно, какъ оставленіе въ сторонѣ въ финансовой наукѣ отдѣла государственныхъ расходовъ, характеръ которыхъ опредѣляетъ, въ первую очередь, доходную сторону государственнаго бюджета.[1])

На такой же точкѣ зрѣнія, какъ отстаиваемая нами выше, стоитъ и П. П. Масловъ, который говоритъ: „Народно-хозяйственная жизнь..... состоитъ изъ двусторонняго процесса — производства и потребленія, затраты трудовой энергіи и ея возстановленія. Эти двѣ стороны хозяйственнаго процесса такъ тѣсно связаны одна съ другой, что искусственное ихъ раздѣленіе, какъ

[1]) На такой точкѣ зрѣнія исключенія изъ финансовой науки отдѣла расходовъ настаиваетъ, напримѣръ, профессоръ Озеровъ. См. И. Х. Озеровъ. Основы финансовой науки, 2 тома, Москва, нѣсколько изданій.

дѣлаетъ политическая экономія, выбрасывающая изъ своего поля зрѣнія вопросы потребленія, можетъ совершенно исказить представленіе о народномъ хозяйствѣ.“ [1]) Невключеніе вопросовъ о потребленіи въ науку народнаго хозяйства, отсутствіе интереса къ характеру и формамъ этого потребленія соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе построеніямъ экономической науки, стоящей исключительно на точкѣ зрѣнія капиталиста. Съ точки зрѣнія узко понятыхъ интересовъ этого послѣдняго имѣетъ значеніе только производство и результатъ производства — доходъ или еще болѣе — прибыль, но съ точки зрѣнія экономической науки, разсматривающей экономическіе процессы, исходя изъ интересовъ всего народнаго хозяйства, интересующейся преуспѣяніемъ этого послѣдняго въ его цѣломъ, а не только выгодами одного какого-либо класса населенія, — вопросы потребленія имѣютъ первостепенное значеніе.[2]) Такъ что, въ результатѣ всего нашего разсужденія объ этомъ предметѣ, мы приходимъ къ выводу, что старинное дѣленіе экономической науки на четыре отдѣла: производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія — заслуживаетъ полнаго сохраненія, причемъ послѣдній отдѣлъ, включенный прежней наукой безъ отдачи себѣ въ этомъ достаточнаго отчета, можетъ расчитывать съ нашей стороны на полное вниманіе въ интересахъ правильнаго пониманія задачъ народнаго хозяйства въ его цѣломъ.

Литература: John Stuart Mill. Principles of political economy, 1888; есть русск. пер. Н. Чернышевскаго, 1865 г. и пер. подъ ред. Остроградскаго, 1897 г. Hermann. Staatswissenschaftliche Untersuchungen, 2 Aufl. 1870. Marschall, A. Principles of Economics, 8 ed. London 1925. Gustav Cassel, Theoretische Sozialökonomie, 3 Aufl. Erlangen, 1923. Его-же. Grundgedanken der theoretischen Oekonomie, 1926. Schmoller, G. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, Leipzig 1900—1904. Зелигманъ, Э. Основы политической экономіи, пер. В. Твердохлѣбова и М. Булатова, СПБ. 1908. Heinrich Dietzel. Theoretische Sozialökonomik, Leipzig, 1895. Чупровъ А. И. Политическая экономія, 1913. Исаевъ А. А. Начала политической экономіи, 6 изд. СПБ. 1905. Его-же. Пять вопросовъ обществовѣдѣнія, Берлинъ. 1901. Туганъ-Барановскій М. И. Основы политической экономіи, 4 изд. П-дъ 1917. Желѣзновъ В. Я. Очерки политической экономіи, 8 изд. М. 1919. Шарль Жидъ. Основы политической экономіи, русск. пер. М. 1916. Schönberg G. v.

---

[1]) Петръ Маслов. Мировая социальная проблема, Чита. 1921, стр. 40—41.

[2]) Здѣсь мы подходимъ къ этому вопросу болѣе съ точки зрѣнія экономической политики, но и экономическая теорія должна удѣлять ему соотвѣтственное вниманіе, исходя уже изъ одного только желанія опредѣлить вѣроятный ходъ дальнѣйшаго экономическаго развитія, структуры производства, даже безотносительно къ какимъ бы то ни было общимъ или частнымъ интересамъ. Ходъ и характеръ потребленія предопредѣляютъ въ круговоротѣ экономической жизни дальнѣйшую ея структуру и, являясь, въ первую очередь, концомъ и завершеніемъ производственнаго процесса, въ дальнѣйшемъ выступаютъ снова въ качествѣ его причины и исходной точки. Вѣдь потребленіе не есть только уничтоженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и созданіе новыхъ силъ для дальнѣйшей дѣятельности.

„Die Volkswirtschaft“ въ „Handbuch der Politischen Oekonomie“, hrsg. v. Schönberg, 3 Aufl., 1897. Band I. Петр Маслов. Мировая социальная проблема. Чита. 1921. Philippovich E. v. Grundriss der politischen Oekonomie, Erster Band 17 Aufl. Tübingen, 1922. Platter. Grundlehren der Nationalökonomie. 1903. A Wagner. Allgemeine oder theoretische Volkswirtschaftslehre, Grundlegung, 3 Aufl. 1893. Menger C. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre 2 Aufl. 1923. Менгеръ К. Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности, русск. пер. 1894. Franz Oppenheimer. Theorie der reinen und politischen Ökonomie, 3 Aufl. 1919. Wieser F. v. Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft въ „Grundriss der Sozialökonomik“, I Abteilung, 2 Aufl. 1924. Lexis W. Allgemeine Volkswirtschaftslehre. 2 Aufl. 1913. М. А. Курчинскій. Изъ курса политической экономіи. Дерптъ. 1923

ГЛАВА ВТОРАЯ.

МЕТОДЪ И СИСТЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Единство „науки“ и множественность „наукъ“. Методъ науки. Науки естественныя и историческія. Экономическая наука и ея методъ изслѣдованія. Отдѣльныя стадіи этого послѣдняго. Отысканіе причинности. Установленіе законовъ. Законы естественно-научные и соціальные. Вопросъ о степени точности законовъ. Индукція и дедукція въ экономической наукѣ. Каузальный и телеологическій моментъ въ наукѣ. Объединеніе и примиреніе обоихъ принциповъ. Значеніе оцѣнокъ цѣлевого и причиннаго момента въ ученіи о народномъ хозяйствѣ. Борьба между индивидуальнымъ и соціальнымъ началомъ въ общественныхъ наукахъ и экономикѣ. Современная эволюція экономической науки въ смыслѣ проникновенія ея началами другихъ наукъ. Значеніе для экономики исторіи. Экономическая исторія и историческій подходъ къ экономическимъ фактамъ. Соотношеніе между исторической и теоретической точкой зрѣнія (Менгеръ). Составныя части и содержаніе современной экономической науки (Менгеръ, Диль). Наука о частномъ и міровомъ хозяйствѣ.

Наука едина въ качествѣ стремленія къ познанію истины. Цѣлью ея, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія, является задача познанія истины во всѣхъ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ человѣческаго знанія. Всѣ самыя различныя и далекія другъ отъ друга сферы изслѣдованія представляютъ собою законную область господства науки. Но, будучи единой по своему исходному побудительному стремленію, наука до чрезвычайности разнообразна по своему внутреннему содержанію. Устремляя свое вниманіе въ отдаленнѣйшія отъ земли надзвѣздныя пространства, съ ихъ трудно охватываемыми неискушеннымъ умомъ колоссальнѣйшими „астрономическими“ цыфрами, и переходя отъ этой заоблачной сферы къ изученію еле доступныхъ для человѣческаго глаза мельчайшихъ бациллъ, удѣляя свое вниманіе изслѣдованію самыхъ отвлеченныхъ абстракцій человѣческаго мышленія и спускаясь въ дѣлѣ изученія соціальныхъ отношеній въ самую гущу окружающей насъ обыденной человѣческой жизни, наука въ своихъ различныхъ отдѣлахъ представляетъ по своему содержанію чрезвычайно разнообразныя области и интересы, превращаясь изъ „науки“ въ рядъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ и очень отличающихся другъ отъ друга „наукъ“. Утерянное ею какъ будто бы окончательно единство вновь возвращаетъ ей примѣняе-

мый ею научный методъ изслѣдованія. Такимъ образомъ, единство науки заключается, при всемъ разнообразіи ея отдѣльныхъ отраслей, не въ ея матеріальномъ содержаніи, а въ ея методѣ.

Человѣкъ, классифицирующій факты по извѣстной системѣ, открывающій ихъ взаимныя соотношенія и описывающій ихъ послѣдовательность, т. е. примѣняющій научный методъ, является человѣкомъ науки, какой бы отраслью знанія онъ ни занимался. Такимъ образомъ, какъ для насъ должно быть ясно, „не факты сами по себѣ составляютъ науку, а именно — методъ, при помощи котораго она ихъ изучаетъ.“ Только тогда, когда всѣ до одного явленія и составныя части окружающаго насъ міра, не только въ его настоящемъ, но и прошломъ, будутъ наблюдены, классифицированы и координированы другъ съ другомъ, миссія науки можетъ почитаться выполненной, т. е., такимъ образомъ, можно сказать, что она завершитъ свою задачу только съ прекращеніемъ существованія самого человѣка, съ прекращеніемъ самого процесса міровой эволюціи [1]).

Идеаломъ міропознанія, съ точки зрѣнія самыхъ общихъ требованій логики, является „въ первую очередь полная картина міра, расположенная по признакамъ пространства и времени, затѣмъ классификація имѣющихся данныхъ, выполненная въ предѣлахъ законченной системы понятій и, наконецъ, установленіе необходимости этихъ данныхъ въ формѣ непрерывной причинной зависимости.“ Такъ изъ стремленія воспринимать въ формахъ нашего мышленія данное въ качествѣ необходимаго вытекаетъ идеалъ міропознанія, разматривающаго весь подлежащій нашему воспріятію міръ въ качествѣ выраженія извѣстной системы понятій, а ихъ проявленіе — въ качествѣ вывода необходимыхъ слѣдствій изъ высшихъ принциповъ.[2]) Таковымъ представляется формулированное въ самыхъ общихъ чертахъ опредѣленіе общенаучнаго метода, выражающее наиболѣе важные этапы научной дѣятельности, къ какой бы сферѣ науки эта послѣдняя не относилась.

Но, наряду съ этимъ, человѣческій умъ сталъ удѣлять вниманіе тѣмъ особымъ пріемамъ и задачамъ, которыя выдвигались въ отдѣльныхъ областяхъ человѣческаго знанія, обнаруживавшихъ свои специфическія особенности и своеобразія. Въ области методологіи, при ея дальнѣйшемъ развитіи, стало проявляться стремленіе приноровить къ этимъ особенностямъ отдѣльныхъ наукъ или даже цѣлыхъ сферъ человѣческаго знанія общеметодологическіе пріемы, измѣняя ихъ сообразно съ тѣми специфическими задачами,

---

[1]) Karl Pearson. The Grammar of science, 3 ed. 1911; пользуюсь французскимъ переводомъ L. March'a „La Grammaire de la science, Paris, 1912. p. p. 15—16.

[2]) Christoph Sigwart. Logik, 4 Auflage. Tübingen, 1921, § 61, Bd. II, S. S. 6 u. 15.

которыя выдвигали эти науки и которыя отличали ихъ отъ другихъ областей научнаго изслѣдованія. Наибольшее впечатлѣніе въ болѣе близкое къ намъ время произвела въ этомъ отношеніи научно-методологическая попытка дѣленія системы наукъ на двѣ группы, связываемыя съ именами Виндельбанда и Риккерта.

Наряду съ дѣленіемъ всей области научнаго изслѣдованія на науки о природѣ и науки о духѣ, отстаивавшемся Дильтеемъ, цѣлымъ рядомъ ученыхъ, среди которыхъ мы назовемъ Навилля, Зиммеля, Виндельбанда и Риккерта, было съ методологической точки зрѣнія выдвинуто противоположеніе наукъ естественныхъ и историческихъ. Наиболѣе опредѣленно это раздѣленіе было сдѣлано Виндельбандомъ, предложившимъ дѣленіе наукъ на a) науки о законахъ и b) науки о событіяхъ, причемъ первыя учатъ тому, что всегда имѣетъ мѣсто, а послѣднія — тому, что однажды было. При этомъ Виндельбандъ предложилъ называть первыя — „номотетическими," а вторыя „идіографическими." [1]) По мнѣнію Риккерта, тамъ, гдѣ естественно-научное образованіе понятій находитъ свой предѣлъ, начинается историческій интересъ, причемъ всѣ эмпирическія науки разсматриваютъ дѣйствительность или такимъ образомъ, что имѣется въ виду общее, или такимъ образомъ, что имѣется въ виду частное.[2]) Исторія, такимъ образомъ, начинается тамъ, гдѣ прекращается естествознаніе. При этомъ подъ исторіей здѣсь понимается не исторія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, а подъ этимъ названіемъ объединяются всѣ тѣ опытныя науки, которыя не суть естественныя науки.

До сихъ поръ въ наукѣ вообще удѣлялось почти исключительное вниманіе одному только образованію естественно-научныхъ понятій, да и вся логика, собственно, была все время только логикой естественно-научнаго изслѣдованія. Риккертъ и ставитъ своей задачей выдвиганіе значенія такихъ методовъ, которые имѣютъ въ виду не естественно-научные, а историческіе процессы. Но при этомъ нужно всегда помнить, что, по терминологіи Риккерта, исторія охватываетъ собой также науки о природѣ, напримѣръ географію и большую часть геологіи, а въ область естествознанія включаются всѣ отдѣлы обществовѣденія, носящіе обобщающій характеръ. А. А. Чупровъ, видоизмѣняя нѣсколько терминологію Виндельбанда, говоритъ, въ вышеуказанномъ смыслѣ, о наукахъ номографическихъ и идіографическихъ, противопоставленіе которыхъ другъ другу болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ противопоставленію Риккертомъ естествознанія исторіи.[3]) И Виндельбандъ,

---

[1]) В. Виндельбандъ. Исторія и естествознаніе. См. сборникъ его статей „Прелюдіи", пер. С. Франка. СПБ. 1904. стр. 320.

[2]) Генрихъ Риккертъ. Границы естественно-научнаго образованія понятій, пер. Водена, СПБ. 1904. стр. 258—260.

[3]) А. А. Чупровъ. Очерки по теоріи статистики, 2 изд. СПБ. 1910. стр. 45.

и Риккертъ, останавливаясь на вопросѣ о методѣ, требуютъ различной теоріи познанія для обѣихъ этихъ областей науки. Науки номографическія[1]), по словамъ Виндельбанда, стремятся къ отысканію всеобщихъ законовъ, образованію общихъ понятій, онѣ являются науками о законахъ, науки идіографическія стремятся къ познанію отдѣльныхъ историческихъ фактовъ, онѣ являются науками о событіяхъ. Въ мышленіи естествознанія преобладаетъ склонность къ абстракціи, въ историческомъ мышленіи, напротивъ, — склонность къ воззрительной наглядности.

Но въ это рѣзкое противоположеніе двухъ этихъ научныхъ сферъ оба вышеназванные автора сами уже внесли нѣкоторыя довольно существенныя оговорки. Такъ, Виндельбандъ признаетъ, что одинъ и тотъ же предметъ служитъ одновременно объектомъ какъ номографическаго, такъ и идіографическаго изслѣдованія. Это объясняется тѣмъ, что противоположность между неизмѣннымъ и единожды совершающимся въ извѣстномъ смыслѣ относительна, а, слѣдовательно, не могутъ такъ рѣзко быть противопоставлены и оба вышеуказанные метода познанія. И точно также и Риккертъ допускаетъ, что на практикѣ существуютъ такія области, которыя должны быть трактуемы исключительно естественно-научно, такія, трактованіе которыхъ должно быть исключительно историческимъ, и, наконецъ, такія, которыя допускаютъ трактованіе ихъ какъ наукой естественной, такъ и исторической. Такимъ образомъ, въ вышеуказанномъ противоположеніи двухъ научныхъ областей имѣлось въ виду обозначить лишь полярные, служащіе для оріентированія пункты, посреди между которыми находитъ себѣ мѣсто методическая работа многочисленныхъ наукъ.[2])

Разсматривая съ только что указанной точки зрѣнія экономическую науку, мы должны отмѣтить, что она именно занимаетъ такое срединное положеніе, т. е. принадлежитъ къ тѣмъ наукамъ, которыя примѣняютъ, въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, то естественно-научный, то историческій методъ, понимая подъ методомъ вообще производящееся по опредѣленнымъ правиламъ изслѣдованіе для достиженія поставленной нами себѣ цѣли.

Такимъ образомъ, экономическая наука используетъ для своихъ цѣлей методы какъ естественныхъ, такъ и историческихъ наукъ. Подчеркивая этотъ моментъ и указывая на цѣли, которыя ставитъ себѣ экономическая наука, Шмоллеръ опредѣляетъ ея задачи слѣдующимъ образомъ. „Наука политической экономіи, говоритъ онъ, хочетъ представить намъ полную картину народнаго хозяйства, основныя черты хозяйственныхъ явленій, расположенныхъ въ предѣлахъ пространства и времени, соотвѣтственно ихъ размѣрамъ и исторической послѣдовательности; она выполняетъ эту задачу,

---

[1]) Мы употребили этотъ терминъ вмѣсто стоящаго у Виндельбанда „номотетическія."

[2]) Виндельбандъ, op. cit, стр. 321 и Риккертъ op. cit, стр. 29 и 262.

подчиняя свои наблюденія процессу сравнивающаго и различающаго мышленія и подвергая установленныя ею положенія оцѣнкѣ съ точки зрѣнія ихъ достовѣрности, затѣмъ располагаетъ признанныя правильными наблюденія по признакамъ сходства и различія въ опредѣленную систему и, наконецъ, старается понять расположенный такимъ образомъ матеріалъ въ видѣ типическихъ правильностей и общихъ причиннозависимостей." Понятая такимъ образомъ задача науки распадается на три главнѣйшихъ части: 1) дѣлать правильныя наблюденія, 2) давать точныя опредѣленія и классификаціи и 3) находить типическія формы явленій и объяснять ихъ съ точки зрѣнія причинности.[1])

Не нужно предполагать, конечно, что каждый изъ этихъ послѣдовательныхъ умственныхъ процессовъ представляетъ что-либо совершенно отдѣльное отъ другихъ, вполнѣ самостоятельное; наоборотъ, они чрезвычайно тѣсно связаны другъ съ другомъ, переплетаются и переходятъ одинъ въ другой, представляя непрерывную цѣпь научнаго изслѣдованія. Первымъ шагомъ въ этомъ отношеніи, какъ мы уже отмѣтили выше, является наблюденіе и описаніе. Сдѣлать наши наблюденія доступными для использованія другихъ можно только при помощи описанія. Это послѣднее представляетъ собой выдѣленіе даннаго объекта изъ окружающей его массы другихъ явленій, соотвѣтсвенное его наименованіе, исходящее изъ научнаго опредѣленія, и постановку его въ связь съ родственными ему или противоположными ему другими видами и классами тѣхъ или иныхъ наблюденныхъ ранѣе фактовъ. Уже самое знаніе фактовъ представляетъ собой большую цѣнность, такъ какъ они являются тѣмъ матеріаломъ, откуда въ дальнѣйшемъ наука черпаетъ свои выводы, но не нужно никогда представлять себѣ, что наука можетъ ограничиться исключительно задачей одного только наблюденія и описанія. Это только первые шаги, безъ которыхъ трудно двигаться дальше.

Однимъ изъ главныхъ условій законченнаго описанія является примѣненіе правильныхъ терминовъ и понятій. Созданіе этихъ послѣднихъ представляетъ поэтому одну изъ важнѣйшихъ задачъ каждой самостоятельной научной дисциплины. Всякое образованіе понятій сводится къ попыткѣ извѣстной классификаціи явленій при помощи соотвѣтственныхъ сопоставленій и противоположеній. Самая эта дѣятельность представляетъ собой никогда не останавливающійся процессъ, начавшійся еще со времени первыхъ словообразованій человѣческаго языка и продолжающійся на всѣхъ дальнѣйшихъ ступеняхъ культурнаго развитія, являясь одной изъ необходимыхъ предпосылокъ научнаго мышленія. Даваемое нами въ сферѣ науки опредѣленіе есть научно обоснованный выводъ относительно значенія какого либо слова, и поэтому мы видимъ въ этомъ отношеніи постоянную работу

---

[1]) Gustav Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, I Teil, Leipzig 1900. S. 100.

по отграниченію, заострению и фиксированію расплывчатыхъ выраженій обычнаго разговорнаго языка, получающаго такимъ образомъ необходимую научную опредѣленность и точность.

Но всѣ эти виды нашей мыслительной дѣятельности, сводящейся къ наблюденію, описанію, дачѣ опредѣленій и классифицированію, представляютъ собою первыя, подготовительныя ступени научной работы. Ея завершеніемъ является установленіе типическихъ формъ явленій, ихъ сосуществованія и послѣдовательности, наконецъ, ихъ объясненія съ точки зрѣнія причинности. Мы хотимъ найти общее въ многообразномъ и различномъ, мы хотимъ проникнуть въ причины явленій и самаго процесса ихъ образованія. Цѣль научнаго изслѣдованія, какъ ее формулируетъ Карлъ Менгеръ, заключается „не только въ познаваніи, но и въ пониманіи явленій. Мы познали явленіе, когда въ своемъ умѣ представили его образъ; мы поняли его, когда постигли причину существованія его и его отличительныхъ свойствъ (причину его бытія и именно такого бытія его)“[1]) Мы должны въ этомъ отношеніи помнить, что „scire est per causas scire“.

Мы усчитываемъ эту множественность причинъ, особенно понятную при сложности общественныхъ явленій, но все-же, по особымъ свойствамъ нашего ума, стремимся изъ этой множественности выдѣлить главныя или главную причину, считая по отношенію къ ней всѣ остальныя только сопутствующими условіями. Уже давно было замѣчено въ этомъ отношеніи, что одной изъ особенностей нашего мышленія является стремленіе сводить объясненіе явленій къ одной причинѣ. Какъ это неоднократно указывалось, своеобразная потребность человѣческаго разума заключается безъ всякаго сомнѣнія въ томъ, чтобы представить себѣ единичное, разнообразное, особенное въ ихъ сведеніи къ высшему единству, ихъ обнимающему[2]). Одно перечисленіе ряда единичныхъ, разнородныхъ причинъ, какъ объясненіе единичныхъ разнородныхъ явленій экономической жизни, никоимъ образомъ не можетъ удовлетворить болѣе требовательныхъ въ научномъ отношеніи людей. Это, конечно, нисколько не устраняетъ множественности причинъ, не лишаетъ явленій общественной жизни ихъ сложности, а лишь стремится найти первопричину (causa causans) и, такимъ образомъ, болѣе опредѣленно выяснить послѣдовательную связь явленій. Тутъ много значитъ, конечно, и исходная точка зрѣнія: экономистъ и философъ или психологъ будутъ подходить къ общественнымъ явленіямъ съ различныхъ сторонъ, искать въ нихъ разное.

---

[1]) Карлъ Менгеръ. Изслѣдованіе о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. Переводъ подъ ред. А. Гурьева, СПБ. 1894, стр. 12.

[2]) Зомбартъ. Современный капитализмъ, русскій переводъ. Изд. Д. С. Горшкова, Москва, 1903, I томъ. 1 вып. Вступительныя замѣчанія, стр. V.

Мы уже говорили въ первой главѣ о значеніи съ такой точки зрѣнія экономическихъ явленій. Однако, вдумываясь глубже въ самую сущность общественной и экономической жизни и въ тѣ процессы, при помощи которыхъ осуществляются тѣ или иныя человѣческія дѣйствія, мы приходимъ къ такъ называемымъ психическимъ мотиваціямъ, человѣческой психикѣ и, съ такой точки зрѣнія, вполнѣ понятно, что психологія, психологическія соображенія начинаютъ играть все большую роль въ новѣйшей экономической наукѣ. Если представители классической школы политической экономіи и даже сторонники австрійской школы слишкомъ упрощали значеніе психологическаго фактора, дѣлая его чѣмъ то черезчуръ однообразнымъ и одностороннимъ, то теперь уже большинствомъ изслѣдователей ему отводится соотвѣтственное мѣсто, принимая во вниманіе положеніе Зигварта, что „основные законы историческаго процесса могутъ быть только психологическими законами.“ Психологія является для насъ ключомъ ко всѣмъ наукамъ духовнаго порядка, а, слѣдовательно, и къ политической экономіи.

Кромѣ стремленія установить причины или причину тѣхъ или иныхъ явленій, мы указали еще желаніе отмѣтить типическую повторяемость опредѣленныхъ экономическихъ фактовъ, ихъ правильное чередованіе и послѣдовательность. Когда стали обращать вниманіе на историческія и географическія различія народно-хозяйственныхъ явленій, то очень скоро при этомъ пришлось обратить вниманіе на то, что оставалось незыблемымъ среди измѣненій, на типическій ритмъ извѣстныхъ перемѣнъ, на правильное сосуществованіе опредѣленныхъ формъ явленій. И когда статистикѣ удалось примѣнить, наряду съ качественнымъ, также и количественное обслѣдованіе общественныхъ и хозяйственныхъ явленій, то первое, что бросилось въ глаза, была типическая правильность цыфровыхъ данныхъ по различнымъ годамъ и странамъ.[1]) Это наводило человѣческую мысль на идею существованія опредѣленныхъ соціальныхъ законовъ, болѣе или менѣе аналогичныхъ тому, что мы знаемъ въ естественно-историческихъ наукахъ. Но въ этомъ отношеніи очень опредѣленно обнаружилась тенденція противопоставлять естественно-научные законы законамъ въ области духовной сферы, въ частности-соціальнымъ законамъ. Такъ, напримѣръ, Рюмелинъ отмѣчаетъ, что въ то время, какъ въ области естественно-науч ыхъ, хотя бы физическихъ законовъ, все можетъ быть измѣрено, взвѣшено, точно сосчитано, — область духовнаго не поддается такому учету. Въ сферѣ нашей духовной жизни нельзя ничего сосчитать, ничего измѣрить или точно опредѣлить. Вѣдь всякій счетъ нуждается въ качествѣ своего исходнаго положенія въ понятіи извѣстной единицы. Между тѣмъ весь нашъ внутренній опытъ не даетъ намъ ни одного единственнаго явленія, которое мы могли бы въ этомъ смыслѣ считать простымъ, смотрѣтъ на него какъ на единицу, по отношенію

[1]) G. Schmoller. Grundriss etc. S. 105.

къ которой другое явленіе могло бы считаться ея кратнымъ или ея дробной частью. [1]) И такъ-же смотритъ на требованія, предъявляемыя къ точному закону, и Нейманъ. Слѣдствіе какой-либо причины въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ точнаго закона должно являться объектомъ вычисленія. Между тѣмъ въ сферѣ нашей духовной жизни, говоритъ онъ, подкрѣпляя свои доводы цитатой изъ Кэрнса [2]) и повторяя Рюмелина, ничто не допускаетъ счета, измѣренія или точнаго опредѣленія. [3])

Всѣ каузальные законы, по опредѣленію Неймана, представляютъ собою выраженіе однообразнаго повторенія явленій, соединенныхъ другъ съ другомъ причинною связью, и въ то-же время они представляютъ собой, по Рюмелину, „опредѣленіе дѣйствія силъ“, такъ что мы очень часто подставляемъ одно понятіе вмѣсто другого, напримѣръ, говоримъ неоднократно о силѣ капиллярности или силѣ притяженія вмѣсто закона капиллярности или закона притяженія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, отмѣчалъ Гельмгольцъ еще въ 1869 году, сила представляетъ собой ничто иное, какъ „объективный законъ дѣйствія“, и отыскивать силу обозначаетъ собою ничто иное, какъ отыскивать законы. [4]) Но все это должно подлежать точному опредѣленію. Между тѣмъ въ соціальной сферѣ, вслѣдствіе ея связанности съ психическимъ міромъ явленій, это не такъ. Благодаря тому, напримѣръ, что экономическіе законы зависятъ, въ первую очередь, отъ психическихъ вліяній, по мнѣнію Неймана, возможность точныхъ законовъ въ экономической сферѣ исключается. Законы этого рода имѣютъ своей предпосылкой дѣйствіе опредѣленныхъ причинъ постоянно одинаковаго характера, а именно этого-то и нѣтъ въ наличности въ области наукъ о духовной природѣ. И Нейманъ, и Рюмелинъ исходятъ тутъ изъ предположенія, что всѣ психическія явленія совершенно не поддаются математическому учету. Но ни тотъ, ни другой изъ нихъ не считаются съ данными психо-физіологіи и еще болѣе — экспериментальной психологіи, гдѣ уже могутъ быть даны болѣе или менѣе точныя измѣренія. Для той эпохи, въ которую они писали, это и вполнѣ понятно. Такимъ образомъ, существованіе соціальныхъ законовъ не отрицается, но только въ отношеніи ихъ вводятся извѣстныя ограниченія, указывается ихъ меньшая точность и опредѣленность по сравненію съ законами естественно- научными.

Такъ что, если, какъ мы видимъ, самое существованіе соціальныхъ законовъ не отрицается изслѣдователями, то по отношенію къ этимъ законамъ

---

[1]) Rümelin. Über Gesetze der Geschichte. Reden und Aufsätze. Neue Folge. Freiburg i. B. 1881. S. 120--121.

[2]) Cairnes. Character and logical Method of Political Economy, first edition. 1869, p. 78.

[3]) Neumann. Naturgesetz und Wirtschaftsgesetz. Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. 48 Jahrg. Tübingen 1892, S. 437.

[4]) Neumann. o. c. S. 412.

дѣлаются существенныя оговорки и ограниченія. Естественно-научные законы не подвергаются никакимъ сомнѣніямъ, существованіе ихъ прочно установлено въ наукѣ, но изъ существованія естественныхъ законовъ еще ничего нельзя вывести для возможности законовъ соціальныхъ. Однако наличіе послѣднихъ въ соціальной жизни, хотя бы въ видѣ извѣстныхъ правильностей и закономѣрностей, — не входя покуда въ обсужденіе ихъ точности и неизмѣнности, — настолько очевидно, что ни одному трезвому уму не приходитъ въ голову ихъ отрицать. Вѣдь на нихъ основывается самая возможность соціальной жизни. Вся наша личная дѣятельность во всѣхъ ея сферахъ направлена на ближайшее или отдаленное будущее. Но предвидѣніе этого послѣдняго возможно лишь тогда, если мы можемъ ожидать и для этой будущей вѣроятности такого-же равномѣрнаго хода событій, какой имѣлъ мѣсто до настоящаго времени. Протекаетъ-ли соціальное бытіе дѣйствительно такъ равномѣрно, не имѣетъ для насъ столь рѣшающаго значенія, какъ наша увѣренность въ томъ, что оно носитъ такой характеръ, что случай и свободная воля въ общемъ ходѣ соціальнаго процесса играютъ совершенно незначительную роль. Такого рода увѣренность является вообще рѣшающимъ моментомъ для всей нашей личной дѣятельности. — Все соціальное бытіе во всѣхъ его проявленіяхъ, находящихъ свое выраженіе въ хозяйствѣ и правѣ, государственныхъ финансахъ и школьной жизни, въ міровомъ оборотѣ и профессіональной дѣятельности, въ художественныхъ достиженіяхъ и политикѣ, только и возможно, потому что на лицо имѣются соціальные законы и правильности. И при томъ не только та или иная сторона соціальной жизни, но всѣ вообще — подчиняются въ равной мѣрѣ этому общему правилу. Постройка больницы, подготовка къ профессіи юриста, выпускъ акцій, курсъ университетскаго профессора, открытіе торговаго предпріятія, какъ и концертъ какого-либо артиста были бы совершенно безнадежными начинаніями, не могли бы расчитывать ни на какой успѣхъ, еслибы общество не представляло изъ себя нѣкоего космоса съ своеобразнымъ распорядкомъ и своеобразной закономѣрностью Другими словами, общество только и возможно благодаря наличію установленнаго, относительно прочнаго порядка и совершенно опредѣленныхъ измѣненій въ немъ, т. е. существованію и дѣйствію соціальныхъ законовъ. Эти послѣдніе представляютъ собой логическое apriori для совмѣстной жизни и дѣятельности людей.

Но изъ этого вытекаетъ, что для соціальныхъ наукъ, какъ наукъ объ обществѣ, постулатомъ ихъ теоретическаго разума является признаніе дѣйствія соціальныхъ законовъ: только такимъ образомъ онъ оказывается въ состояніи самъ понять отдѣльные факты и связи въ соціальной жизни. Наука объ обществѣ только и возможна при предположеніи существованія соціальныхъ законовъ, это для нея нѣчто неизбѣжное, само собою понятное.

Это, такимъ образомъ, не навѣянное со стороны, не результатъ какихъ-либо аналогій или подражаній естественнымъ наукамъ, это совершенно само-

произвольное образованіе, проистекающее изъ существа разсматриваемыхъ явленій. „Даже еслибы естественной науки вовсе не было, естественныхъ законовъ не существовало, говоритъ Эйленбургъ, и тогда бы мы все-же сами собой пришли къ принятію правильнаго повторенія соціальныхъ событій въ качествѣ одной изъ предпосылокъ познанія соціальныхъ фактовъ. Вѣдь понятіе закона первоначально вовсе не естественно-научное а человѣческо-соціальное.“ [1])

Но, какъ мы видѣли выше, цѣлый рядъ изслѣдователей, въ числѣ ихъ Рюмелинъ и Нейманъ, признавая существованіе соціальныхъ (въ частности-экономическихъ) законовъ, выдвигаютъ противъ нихъ нѣкоторыя оговорки: какъ связанные съ психической дѣятельностью, зависящіе отъ индивидуальной воли, они не представляютъ необходимой точности, не поддаются строгой математической формулировкѣ, а потому и не могутъ носить названія точныхъ законовъ, научныхъ законовъ въ строгомъ смыслѣ слова.

Рюмелинъ, напримѣръ, вполнѣ правильно признаетъ все значеніе соціальныхъ наукъ „Познаніе человѣческаго духа“, говоритъ онъ, „хотя и менѣе совершенное и болѣе трудное, всегда стоитъ выше, чѣмъ всякое познаніе природы.“ [2]) Однако, несмотря на эту высокую оцѣнку, онъ все же указываетъ, что „въ такой области, въ которой столь большое и неустранимое вліяніе на результаты оказываютъ свобода, индивидуальность и случай, гдѣ каждое общественное состояніе не можетъ совершенно точно соотвѣтствовать предыдущему, гдѣ мы никогда не можемъ исчерпывающе сосчитать всѣ различія и никогда не можемъ быть вполнѣ увѣрены, что познали всѣ дѣйствующія причины, тамъ законъ, устанавливающій по образцу жизни природы неизбѣжныя взаимоотношенія причинности, повидимому, вообще не можетъ найти себѣ примѣненія“. [3])

Все это разсужденіе Рюмелина не можетъ не быть признано ошибочнымъ. Въ настоящее время это даже почти не требуетъ доказательства. Не говоря уже о томъ, что въ отношеніи требованія строгой точности только еще малое количество наукъ, даже изъ среды естественныхъ, можетъ когда-либо ему отвѣтить, указаніе на невозможность познать въ соціальныхъ явленіяхъ всѣ дѣйствующія причины можетъ быть почти въ такой же степени отнесено и на счетъ естественныхъ наукъ, ибо и тамъ мы имѣемъ множественность причинъ, обусловливающихъ каждое явленіе и, слѣдовательно, далеко не всегда дающихъ увѣренность въ исчерпывающемъ ихъ учетѣ. [4])

---

[1]) Eulenburg, F. Naturgesetze und soziale Gesetze. Logische Untersuchungen Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Bd XXXII, S. 703. и вообще тамъ-же стр. 697—705.

[2]) Rümelin, Reden und Aufsätze, Neue Folge. S. 140.

[3]) Rümelin, o. c. S. 137.

[4]) О множественности причинъ, обусловливающихъ то или иное явленіе, говорятъ очень многіе ученые: Пуанкарэ, Максъ Ферворнъ, Джевонсъ и др. Вотъ какъ

Относительно абсолютной точности естественно-научныхъ законовъ полной увѣренности не было и у тѣхъ, кто выдвигалъ такой упрекъ противъ законовъ соціальныхъ. Такъ, тотъ-же Нейманъ отмѣчалъ, что имѣются естественно-научные законы, которые не могутъ быть названы точными или по крайности не въ полной мѣрѣ, поскольку по отношенію къ нимъ не примѣнимо точное цифровое выраженіе.[1]) Такимъ образомъ, уже и онъ признавалъ существованіе такихъ не вполнѣ точныхъ естественныхъ законовъ, а, при такомъ условіи, разница между ними и соціальными была только въ степени, а не по существу. Что же касается предъявляемаго къ соціальнымъ законамъ требованія, чтобы устанавливаемыя ими явленія шли непремѣнно въ заранѣе точно опредѣленной послѣдовательности и совершенно правильно повторялись, то требованіе такой „закономѣрности“ идетъ слишкомъ далеко, ибо ея въ такой мѣрѣ не существуетъ и въ природѣ. Вѣдь въ каждомъ изъ явленій этой послѣдней, не исключая даже и изолированнаго эксперимента, разнообразныя условія перекрещиваются и переплетаются и поэтому ни одно изъ нихъ никогда вполнѣ точно не соотвѣтствуетъ другому.[2])

Какъ это въ настоящее время совершенно ясно, и естественно-научные законы носятъ въ большинствѣ случаевъ такъ же, какъ соціальные, только гипотетическій характеръ. Даже и точные естественные законы имѣютъ примѣненіе только при совершенно опредѣленныхъ условіяхъ, напримѣръ, если температура не превышаетъ извѣстныхъ, установленныхъ границъ, т. е. при обстоятельствахъ, подверженныхъ въ дѣйствительности возможнымъ измѣненіямъ. Они никогда не имѣютъ абсолютнаго значенія, а только лишь при извѣстныхъ условіяхъ, молчаливо предположенныхъ въ качествѣ постоянныхъ.[3]) Даже и въ математикѣ приходится теперь признать извѣстную относительность. „Какъ доказали изслѣдованія послѣдняго столѣтія, въ области математическихъ наукъ мы должны отказаться отъ признанія за аксіомами не только незыблемости, но даже и логической непреходимости, существующей лично для насъ.“[4])

выражается по этому поводу Максъ Ферворнъ: „Ни одно явленіе въ мірѣ, утверждаетъ онъ, не зависитъ отъ одного фактора, который можно было бы выдвинуть изъ ряда другихъ и назвать „причиной“. Всякое явленіе обусловлено многочисленными факторами, изъ которыхъ каждый необходимъ для его существованія. Лишь послѣ анализа всѣхъ условій явленіе „объяснено.“ См. Максъ Ферворнъ. Рѣчи и статьи, стр. 47—48, 69, 71, 150—151, 162, 205. См. также Каблуковъ, Н. А. Статистика. Изд. 3-е Москва. 1918. стр. 12, а также 10—19.

[1]) Neumann. o. c. S. 445.

[2]) Gothein Gesellschaft und Gesellschaftswissenschaft. Handw. d. Stswiss. Bd. IV². S. 215., но тотъ же Gothein нѣсколько выше (S. 214) говоритъ о „grundsätzlicher Gegensatz“ между методомъ обѣихъ категорій наукъ.

[3]) Eulenburg, o. c. S. 766 u 750 прим.

[4]) О такой относительной точности даже въ математической сферѣ см. А. Щукаревъ. Проблемы теоріи познанія, Одесса 1913, стр. 9.

Такимъ образомъ, между ними нѣтъ разницы по существу, а лишь въ степени ихъ точности.[1])

Точно также и въ отношеніи ихъ постоянства и неизмѣнности во времени. Соціальные законы зависятъ отъ опредѣленныхъ условій, а эти послѣднія подвержены измѣненіямъ, что придаетъ соціальнымъ законамъ историческій характеръ. Они имѣютъ значеніе „вѣчно и всюду," но только постольку, поскольку сами ихъ условія вѣчно и повсюду являются выполненными. Всякій законъ вообще имѣетъ только провизорный характеръ. Не нужно упускать изъ виду, что все, что основывается на опытѣ, можетъ быть снова опрокинуто тѣмъ-же опытомъ. Точно также и законъ долженъ быть испытанъ на опытѣ, провѣренъ и, возможно, соотвѣтственно измѣненъ[2]). Что-же касается спеціально „психологическаго" характера соціальныхъ законовъ, то они представляютъ собой соціальные законы, законы объ обществѣ и, какъ таковые, являются законами не только sui juris, но и sui generis. Они не являются ни естественно-научными, ни психологическими, ни біологическими, ни техническими. Вся психологія въ ея совокупности такъ-же, какъ и вся въ совокупности техника не создаютъ еще соціальныхъ условій, а потому и соціальныхъ законовъ. Эти послѣдніе характеризуются именно спеціальными отношеніями функцій внѣшнихъ и внутреннихъ составныхъ частей, только и создаваемыми наличіемъ „общества", отъ котораго и зависитъ ихъ существованіе. Соціальные законы и являются абстрактнымъ выраженіемъ связи опредѣленныхъ элементарныхъ явленій общественнаго характера, что совершенно устраняетъ ихъ яко-бы соціально-психологическое существо.[3])

Такимъ образомъ, между естественными и соціальными законами обнаруживается очень большое сходство. У нихъ имѣется формальное совпаденіе, обусловленное одинаковой предпосылкой образованія понятій и логическаго мышленія вообще. Такъ какъ одинъ и тотъ-же родъ людей съ однимъ и тѣмъ-же родомъ умственныхъ способностей издаетъ правовыя нормы и производитъ химическіе опыты, то поэтому-то въ самой широкой степени и совпадаютъ формы естественныхъ и соціальныхъ законовъ. Въ этомъ нѣтъ ничего поражающаго и было бы странно, еслибы это было иначе. Нужно въ этомъ отношеніи еще разъ подчеркнуть гипотетическій характеръ, присущій и естественнымъ законамъ, безъ котораго они вообще теряютъ свой смыслъ. Но объемъ условій, при которыхъ законы сохраняютъ свое значеніе, весьма различенъ по отношенію къ отдѣльнымъ изъ нихъ. Мы можемъ расположить ихъ въ извѣстной послѣдовательности по

---

[1]) Это давно отмѣчалось уже Менгеромъ. См. К. Менгеръ. Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. СПБ. 1894, стр. 33. Тоже см. у Marshall, Principles of economics, 8 ed. London, 1925. p. 38.

[2]) Eulenburg, o. c. S. 746—747 u 768.

[3]) Ibid. S. 764—765.

объему и содержанію требующихся условій. Имѣются „законы“, условія дѣйствія которыхъ носятъ очень общій характеръ: механическіе, имѣющіе дѣло съ наиболѣе общими свойствами. Уже химическія свойства стоятъ въ зависимости отъ гораздо болѣе спеціальныхъ условій температуры, состоянія аггрегатовъ и валентности. Свойства органическаго міра приносятъ съ собой совершенно новое, весьма существенное ограниченіе, связанное съ сущностью „жизненнаго процесса.“ Еще въ большей степени это имѣетъ мѣсто въ отношеніи психическихъ явленій и т. д. Поэтому мы можемъ говорить не объ „іерархіи наукъ“, при которой каждая послѣдующая стадія основывается на знаніи предыдущей, а о своего рода „іерархіи законовъ“, которая покоится на послѣдовательной смѣнѣ условій. Это путь отъ величайшей простоты и поэтому величайшаго объема къ самой сильнѣйшей сложности, болѣе богатому содержанію и поэтому болѣе узкому полю примѣненія. Въ этомъ и заключается послѣднее основаніе, что самый объектъ соціальныхъ законовъ иной, чѣмъ у естественно-научныхъ. Поэтому и содержаніе ихъ совершенно иное, какъ бы ни было велико сходство въ отношеніи ихъ формы и значенія[1]). Но самое это значеніе соціальныхъ законовъ представляетъ въ настоящее время нѣчто въ достаточной степени выясненное.

Въ теоріи экономической науки долгое время шелъ споръ относительно значенія преимущественнаго примѣненія къ разрѣшенію экономическихъ проблемъ индуктивнаго или дедуктивнаго метода. Въ то время какъ классическая политическая экономія, начиная съ Рикардо, главное свое вниманіе обращала на дедукцію, развившееся по преимуществу въ Германіи историко-этическое направленіе усиленно отстаивало значеніе индукціи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти методологическія разногласія были доведены до крайности, но въ болѣе близкое къ намъ время противоположности эти стали значительно сглаживаться. Какъ это отмѣчалъ уже Д. Н. Кэйнсъ, различіе этихъ взглядовъ есть только различіе въ степени. Противоположность ихъ „сведется къ минимуму, если мы сравнимъ дѣйствительные пріемы, практикуемые, при рѣшеніи данныхъ проблемъ, лучшими изъ современныхъ экономистовъ какъ причисляющими себя къ новой школѣ, такъ и предпочитающими оставаться въ рядахъ старой“ [2]). Дедуктивный и индуктивный методъ примѣняются параллельно или послѣдовательно смѣняютъ другъ друга, въ зависимости отъ степени развитія и характера состоянія той или иной отрасли научнаго знанія. Чѣмъ болѣе просты проблемы, предстоящія нашему разсмотрѣнію, говоритъ Шмоллеръ, чѣмъ дальше пошли наши познанія въ какой-либо области, „тѣмъ болѣе можемъ мы довольствоваться дедуктивнымъ методомъ, тѣмъ чаще является еще необъясненное

[1]) Eulenburg. o. c. S. 777—780.

[2]) Д. Н. Кэйнсъ. Предметъ и методъ политической экономіи, пер. А. Гуковскаго. Москва, 1899, стр. 23.

только сложнымъ результатомъ прочно установленныхъ положеній. Этимъ и объясняется тотъ хорошо извѣстный фактъ, что болѣе простыя науки сдѣлались исключительно или почти исключительно дедуктивными, какъ напримѣръ, математика, механика, астрономія, что наиболѣе элементарныя явленія народнаго хозяйства, явленія рынка (рыночнаго обмѣна) — наиболѣе доступны для дедуктивныхъ выводовъ; этимъ и объясняется стремленіе каждой науки съ теченіемъ времени дѣлаться какъ можно болѣе дедуктивной.“ — Ограничиваться исключительно только однимъ какимъ-либо изъ этихъ методовъ значило бы ослаблять нашу позицію въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія. При сколько-нибудь внимательномъ разсмотрѣніи для насъ становится ясно, какъ тѣсно связаны другъ съ другомъ индукція и дедукція. Поэтому Шмоллеръ и подчеркиваетъ, что для научнаго мышленія индукція и дедукція такъ же необходимы, какъ наши правая и лѣвая нога для хожденія, что всякій успѣхъ на поприщѣ индукціи даетъ намъ положенія, могущія быть использованными дедуктивнымъ путемъ, что всѣ наиболѣе законченныя науки отличаются наиболѣе дедуктивнымъ характеромъ[1]).

Когда мы говорили выше о стремленіи нашего ума сводить все объясненіе по возможности къ одной причинѣ, то этимъ мы какъ будто-бы предрѣшали вопросъ о томъ, какой характеръ должно носить все наше изслѣдованіе. Между тѣмъ кромѣ каузальнаго момента нашими построеніями можетъ руководить еще и моментъ телеологическій. Стремленіе къ единству остается, но вмѣсто исключительнаго устремленія вниманія на причину, выступаетъ соображеніе о цѣли развитія, о его конечныхъ задачахъ. Для соціальной науки съ этой точки зрѣнія намъ все же приходится, въ общемъ, исходить изъ того допущенія, что „специфическій моментъ теоріи слѣдуетъ искать въ распорядкѣ, съ точки зрѣнія какого-нибудь единаго принципа истолкованія.[2]) Если, при такомъ условіи, говоритъ Зомбартъ, намъ придется рѣшать вопросъ объ опредѣленномъ систематизирующемъ принципѣ, то „прежде всего мы должны будемъ сдѣлать выборъ между causa и telos, т. е выяснить, желаемъ-ли мы свести единичныя явленія соціальной жизни къ конечнымъ причинамъ, или группировать ихъ, опредѣляясь конечными цѣлями, т. е. другими словами — намъ предстоитъ рѣшить выборъ между причиннымъ и телеологическимъ принципомъ систематизаціи. Зомбартъ при этомъ высказываетъ мысль, что рѣшеніе вопроса о принципѣ систематизаціи въ соціальной наукѣ есть историческая проблема, т. е. въ различныя историческія эпохи въ наукѣ выступалъ то одинъ, то другой изъ указанныхъ принциповъ.

Въ частности, если посмотрѣть на развитіе экономической науки въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій съ точки зрѣнія примѣнявшихся ею основ-

[1]) G. Schmoller. Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und- methode, Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 3 Auflage, VIII Band, S. 478.

[2]) Зомбартъ. Современный капитализмъ. Стр. V.

ныхъ принциповъ познанія, то мы отмѣтимъ, что въ ней послѣдовательно смѣнялись два указанные выше принципа. Именно, въ болѣе отдаленное время, вплоть до эпохи классиковъ, экономическая наука конструировала свои построенія, исходя изъ телеологической точки зрѣнія. Но уже начиная съ эпохи физіократовъ и особенно англійскихъ экономистовъ послѣ Джемса Стюарта, рядомъ съ идеей цѣли начинаетъ выступать и моментъ причинности. Классическая и послѣклассическая экономическая наука, примѣняетъ попеременно оба принципа. Первымъ теоретикомъ въ соціальной наукѣ, мыслящимъ по принципу причинности, является, по мнѣнію Зомбарта, Карлъ Марксъ, но, по нашему мнѣнію, въ качествѣ такового можно съ полнымъ правомъ указать на Давида Рикардо.

При разсмотрѣніи и оцѣнкѣ обоихъ указанныхъ принциповъ нельзя исходить изъ мнѣнія, что телеологическій принципъ якобы является въ своей сущности менѣе совершеннымъ методомъ мышленія, чѣмъ причинный. Каждый изъ нихъ послѣдовательно находилъ себѣ примѣненіе въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій окружающей общественно-экономической обстановки. Телеологическій принципъ являлся естественнымъ пріемомъ разсмотрѣнія вещей до тѣхъ поръ, пока хозяйственная жизнь представлялась наблюдателю явленіемъ, созданнымъ, въ сущности, сознательными органами общественнаго цѣлаго, какъ это имѣло мѣсто въ бюрократическомъ государствѣ XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Въ связи съ этимъ проявляется стремленіе установить прежде всего формы отношеній населенія по опредѣленнымъ правиламъ, а точно также и оказать прямое воздѣйствіе на товарный оборотъ при помощи пошлинъ, воспрещеній, премій и т. д. Отсюда монополизація, регализація, установленіе привиллегій въ нарождающейся капиталистической промышленности. „Въ виду всего этого ясно, что теоретикъ вправѣ былъ видѣть свою основную задачу въ томъ, чтобы формулировать конечныя цѣли и истолковывать всѣ уже наличныя или еще только подлежащія осуществленію явленія хозяйственной жизни съ точки зрѣнія названныхъ конечныхъ цѣлей“. Но, когда въ дальнѣйшемъ въ хозяйственной жизни большее распространеніе получаетъ принципъ свободы, когда развивается такъ называемый индивидуалистическій строй, хозяйственный процессъ все болѣе уходитъ отъ системы внѣшняго воздѣйствія и все болѣе выступаетъ зависимость каждаго единичнаго хозяйства отъ рынка и его „законовъ“, дѣйствующихъ по аналогіи съ законами природы, тогда въ качествѣ наиболѣе правильнаго принципа истолкованія окружающей экономической жизни выступаетъ причинное объясненіе. „Хозяйственная жизнь уже болѣе не явленіе, форма котораго опредѣляется по категоріи цѣлей, а процессъ, протекающій въ зависимости отъ опредѣленно дѣйствующихъ причинъ“. Такимъ образомъ, въ зависимости отъ опредѣленной внѣшней обстановки, наступила необходимость замѣны одного принципа истолкованія другимъ. Поэтому и въ отношеніи изслѣдованія явленій современной экономической жизни мы

останавливаемся на причинномъ методѣ группировки матеріала не потому, чтобы этотъ методъ былъ самъ по себѣ болѣе совершеннымъ, но лишь на томъ основаніи, что „специфическій характеръ современной хозяйственно-мѣновой капиталистической системы хозяйства . . . . . обнаруживаетъ передъ нами, что наиболѣе цѣлесообразной формой группировки является единообразный распорядокъ отдѣльныхъ феноменовъ съ точки зрѣнія причины и слѣдствія.“ [1])

Если, такимъ образомъ, мы видимъ, что оба эти принципа изслѣдованія въ экономической наукѣ послѣдовательно смѣняютъ другъ друга, въ зависимости отъ особенностей окружающей насъ обстановки и условій экономической жизни, то можетъ все-же показаться, что каждый изъ этихъ принциповъ исключаетъ одновременное съ нимъ примѣненіе другого: или causa или telos. Но болѣе внимательное и углубленное разсмотрѣніе вопроса заставляетъ насъ придти къ нѣсколько иному заключенію. Каузальное разсмотрѣніе вопроса нисколько не исключаетъ возможности телеологическаго разсмотрѣнія, и наоборотъ. Можно даже сказать, что одно обусловливаетъ собою другое.

Мы не говоримъ уже о томъ, что въ первоначальномъ человѣческомъ сознаніи господствующимъ понятіемъ была не причина, а цѣлесообразность, которая опредѣляла все существующее. Всякое творчество природы разсматривалось по аналогіи съ человѣческой дѣятельностью, и всѣ естественныя явленія оцѣнивались по той пользѣ или вреду, который они приносили людямъ. Такимъ образомъ возникло „миѳологическое“ понятіе цѣли; вселенная предполагалась устроенной сообразно съ человѣческими цѣлями и потребностями. Но, не идя такъ далеко вглубь вѣковъ и беря, наоборотъ, достиженія человѣческой мысли самаго ближайшаго къ намъ времени, мы видимъ стремленіе объединить оба этихъ исходныхъ принципа. Такъ, если Спиноза представляется намъ самымъ опредѣленнымъ противникомъ всякой телеологіи, относящимся самымъ отрицательнымъ образомъ къ понятію цѣли и считающимъ единственнымъ знаніемъ то, что все существующее необходимо существуетъ въ силу своихъ причинъ, то уже Бэконъ стоитъ на значительно иной точкѣ зрѣнія. Онъ не только признаетъ совмѣстимость обоихъ угловъ зрѣнія (причины и цѣли), но еще утверждаетъ, что изслѣдованіе естественныхъ причинъ находитъ свое завершеніе лишь въ познаніи цѣлей, какъ, обратно, полная цѣлесообразность требуетъ неограниченнаго закономѣрнаго дѣйствія естественныхъ причинъ. Совершенно сходныя мысли въ болѣе позднее время развивалъ Кантъ во введеніи къ „Естественной исторіи неба“ и въ „Критикѣ силы сужденія.“ Оба воззрѣнія и механическое и телеологическое необходимы, по его мнѣнію, такъ какъ оба они отвѣчаютъ основнымъ направленіямъ нашей духовной дѣятельности, и оба они опредѣ-

[1]) Зомбартъ. Ibid. Стр. VI—VIII

ляются апріорными законами. Но телеологическій взглядъ на природу даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетвореніе и неоспоримой нашей потребности свести къ единой точкѣ зрѣнія все множество причинъ и законовъ, къ которымъ приводитъ механическое воззрѣніе. Механической точкой зрѣнія одинаково нельзя доказать ни необходимости опредѣленныхъ формъ вещей, находимыхъ нами на опытѣ, ни необходимости особенныхъ законовъ, управляющихъ ихъ перемѣнами. Въ итогѣ этого разсужденія мы приходимъ къ понятію цѣли въ природѣ, которое было формулировано Кантомъ, и которое онъ примѣняетъ къ организмамъ: именно, что части возможны только благодаря своему отношенію къ цѣлому, и что онѣ взаимно служатъ причиной и слѣдствіемъ своей формы.[1])

И та-же самая точка зрѣнія опредѣляетъ въ значительной степени и современное философское міровоззрѣніе. Такъ Вильгельмъ Вундтъ говоритъ, что „образованія въ людскомъ обществѣ вызываются по преимуществу причинно-дѣйствующими цѣлями.“ Поэтому понятно, что Вундтъ излагаетъ свой взглядъ на каузальность и телеологію слѣдующимъ образомъ: „Причинность и цѣль представляютъ собой понятія, на которыя разлагается для насъ общее понятіе мірового порядка.“ Причина и цѣль являются въ объективномъ смыслѣ коррелативными понятіями, восполняющими другъ друга, одно изъ которыхъ представляетъ собой только обратную сторону и дополненіе другого. И точно также смотритъ на этотъ вопросъ и Зигвартъ, который говоритъ, что безъ телеологическаго момента нельзя себѣ представить возможности оцѣнокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и представленія о прогрессѣ. Такая точка зрѣнія лежитъ уже въ основѣ всего движенія, идущаго отъ Дарвина, которое безпристрастно признаетъ цѣлесообразность организмовъ и, въ то-же время, ставитъ себѣ задчаей объяснить причинно эту цѣлесообразность общими законами и представить ее, какъ необходимое слѣдствіе данныхъ причинъ и ихъ комбинацій. „Гдѣ въ естествознаніи, говоритъ Зигвартъ, рѣчь идетъ о развитіи отъ низшаго къ высшему, отъ менѣе совершенной къ болѣе совершенной организаціи, тамъ и въ этой области эстетическія точки зрѣнія всегда пробиваютъ брешь въ чисто механическомъ пониманіи. Даже самый строгій приверженецъ теоріи отбора, которая все объясняетъ слѣпо дѣйствующими причинами, все-же признаетъ послѣдовательную лѣстницу организацій, и эта послѣдняя представляетъ собой не только послѣдовательность во времени, но и путь, восходящій отъ низшаго къ высшему, т. е. она содержитъ въ себѣ идею прогресса. Но этимъ признается какъ разъ то, что имѣлось въ виду уничтожить, признается значеніе представленія цѣли, которая и служитъ масштабомъ для различныхъ формъ. Или чѣмъ инымъ можетъ опредѣляться противоположность между понятіями

---

[1]) Христофъ Зигвартъ. Борьба противъ телеологіи, перев. І. А. Давыдова СПБ. 1907. стр. 28, 33.

„впередъ“ и „назадъ“, между прогрессивнымъ и регрессивнымъ преобразованіемъ, какъ не идеей цѣли, которая должна быть осуществлена, такъ какъ она является болѣе цѣнной формой бытія?“ — Это приводитъ насъ къ операціи сравненія, къ извѣстнаго рода оцѣнкамъ, которыя предполагаютъ, въ свою очередь, опредѣленный критерій для своего проведенія. Становясь на такую почву, Зигвартъ говоритъ, что „невозможно отрѣшиться отъ телеологическаго угла зрѣнія, который коренится въ различныхъ оцѣнкахъ даваемыхъ нами вещамъ: всякій разъ, какъ мы начинаемъ сравнивать различныя жизненныя формы, точка зрѣнія цѣли незамѣтно привходитъ въ механическое вычисленіе причинъ и слѣдствій Поэтому все, что можно требовать въ данномъ отношеніи, — это строгаго разграниченія, въ интересахъ ясности понятій, обѣихъ точекъ зрѣнія, одинаково присущихъ нашему міросозерцанію, и точнаго опредѣленія границы между механическимъ и эстетически-телеологическимъ воззрѣніями“. Однако, между той и другой точкой зрѣнія нѣтъ никакого противорѣчія; онѣ очень близко подходятъ другъ къ другу, въ сущности другъ изъ друга вытекаютъ. Если продумать до конца понятіе причины, какъ оно дано въ основѣ естествовѣдѣнія, говоритъ тотъ же Зигвартъ, то цѣль и причина „такъ неразрывно связаны другъ съ другомъ, что всякое телеологическое разсмотрѣніе предполагаетъ причинную связь, и всякое каузальное воззрѣніе, даже если оно должно быть механическимъ, въ самомъ узкомъ значеніи этого слова, приводитъ къ телеологическому воззрѣнію“ [1]) На такой же точкѣ зрѣнія признанія полной законности примѣненія телеологическаго начала стоитъ и Генрихъ Риккертъ, а также немало и другихъ современныхъ философовъ.

Такимъ образомъ, послѣднія соображенія приводятъ насъ къ мысли о цѣнности, оцѣнкахъ, которыя играютъ такую большую роль въ мірѣ духовнаго. „Духовный міръ, говоритъ Вундтъ, есть міръ цѣнностей, и потому во всѣхъ наукахъ о духѣ мы имѣемъ три отличительныхъ момента: опредѣленіе цѣнности, установленіе цѣли и проявленіе воли“. Поэтому можно въ извѣстномъ смыслѣ признать въ принципѣ, что конечная цѣль всякаго познанія имѣетъ практическій характеръ, что воля всегда предшествуетъ интеллекту и что всякій успѣхъ нашего познанія самъ является волевымъ актомъ. [2]) Моментъ оцѣнки, выдвигаемый въ этомъ мѣстѣ нашего разсужденія, особенно близко подводитъ насъ къ болѣе тѣсно интересующему насъ положенію въ этомъ отношеніи экономической науки, которая въ значительной степени и сама является наукой о цѣнностяхъ.

Если вдуматься въ положеніе этой послѣдней съ точки зрѣнія разсматриваемаго нами вопроса, то придется придти къ заключенію, что въ ней, наряду съ послѣдовательной смѣной преимущественнаго господства то одного, то другого принципа, наблюдается одновременное существованіе и

[1]) Зигвартъ, op. cit. стр. 27 и 30.

[2]) Schmoller, op. cit. Handw. der Staatswiss. VIII³, S. 492.

примѣненіе какъ причиннаго, такъ и цѣлеваго метода. Значеніе телеологическаго момента можетъ быть выведено съ чрезвычайной ясностью уже изъ самой сущности хозяйственной дѣятельности, опредѣляемой нами, какъ стремленіе къ удовлетворенію нашихъ потребностей, т. е. включающей въ самомъ существѣ своемъ понятіе цѣли. Но самая эта дѣятельность, ея послѣдовательность, ея отдѣльные фазисы и проявленія могутъ и должны быть объяснены по принципу причинности. Точно такъ-же, какъ и въ отношеніи естественныхъ наукъ, такое объединеніе обоихъ принциповъ нисколько не мѣшаетъ успѣху нашего изслѣдованія даже, наоборотъ, содѣйствуетъ этому послѣднему. Общее направленіе, самый смыслъ экономической науки такъ же, какъ и экономической дѣятельности, отличается телеологическимъ характеромъ, самая же разработка заключающихся въ ней проблемъ ведется по строго каузальному принципу, выясняющему намъ опредѣленный характеръ и причинозависимость экономическихъ явленіи.

Разъ мы допускаемъ въ экономической наукѣ наличіе цѣлевого момента, связаннаго въ качествѣ своей руководящей силы съ волей, то намъ, естественно, приходится допустить моментъ оцѣнки тѣхъ или иныхъ нашихъ волевыхъ импульсовъ, что приводитъ насъ во многихъ случаяхъ къ вопросамъ этики, этическимъ соображеніямъ, лежащимъ въ основѣ нашихъ оцѣнокъ. Мы не собираемся подробно останавливаться на этой сторонѣ проблемы, должны только указать, что наше этическое мышленіе, какъ это правильно отмѣчаетъ Дитцель,[1]) углубляющееся въ проблему соціальнаго долженствованія, успокаивается не раньше, чѣмъ доберется до послѣдняго уже не могущаго быть производнымъ положенія, до основной формы, долженствующей имѣть значеніе для всѣхъ нашихъ волевыхъ актовъ, служить правиломъ всего нашего поведенія. Это точно также, какъ и относительно нашего духа, стремящагося къ познанію существующаго, который всегда старается найти первопричину или конечную цѣль, causa causans или causa finalis. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть двоякимъ, ибо каждая система соціальнаго долженствованія, основывающагося на разумѣ, а не исходящая изъ откровенія, строится или на соціальномъ, или на индивидуальномъ принципѣ. Въ первомъ случаѣ верховной цѣлью для насъ является соціальное цѣлое, въ смыслѣ абстрактной общности всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, во второмъ — отдѣльный индивидуумъ, для котораго всякія другія соціальныя образованія высшаго или низшаго порядка представляются только средствомъ.

Борьба между этими двумя противоположными принципами продолжается съ тѣхъ поръ, какъ имѣетъ мѣсто размышленіе о соціальномъ долженствованіи и, можно думать, что борьба эта будетъ продолжаться и въ будущемъ, поскольку мы имѣемъ въ этихъ принципахъ равноцѣнныя аксіомы,

---

[1]) H. Dietzel. Individualismus. Handw. der Staatswiss. Band V⁴, S. 408-424.

недопускающія раціоналистическихъ доказательствъ, а основывающіяся на вѣрѣ въ ихъ истинность. Эти противорѣчивые принципы, какъ мы уже сказали, представляютъ собою равноцѣнныя аксіомы, и между ними наблюдается логическая антиномія. Логическое мышленіе приводитъ къ рѣшенію искать конечный выводъ соціальной мудрости либо въ одномъ, либо въ другомъ изъ нихъ, но „чистый разумъ“ не можетъ общеобязательнымъ образомъ разрѣшить вопросъ, какой изъ этихъ принциповъ является высшимъ или низшимъ. Господство этихъ принциповъ въ исторіи человѣческаго развитія постоянно смѣняется. Исторія, по крайней мѣрѣ западноевропейскаго культурнаго міра, сообщаетъ намъ, что періоды, во время которыхъ соціальный принципъ господствуетъ надъ умами, смѣняются періодами, въ которые царствуетъ индивидуальный принципъ. И эта смѣна идетъ безпрестанно, вызывая сочувствіе у однихъ и негодованіе у другихъ, въ зависимости отъ того, какого міровоззрѣнія они придерживаются.[1])

Въ предшествовавшемъ изложеніи мы говорили объ этикѣ, какъ объ одномъ изъ моментовъ, съ которымъ тоже должны считаться экономическія построенія, а, въ связи съ этимъ, указали на значеніе индивидуальнаго и соціальнаго принципа. Раньше намъ приходилось упоминать о связи между экономической наукой и психологіей. Мы дѣлали это указаніе мимоходомъ, но теперь мы должны отмѣтить, что наука вообще, съ ходомъ умственнаго развитія, продѣлываетъ и сама извѣстную эволюцію. Сейчасъ, напримѣръ, мы наблюдаемъ два параллельныхъ процесса въ современной наукѣ: съ одной стороны все большую дифференціацію, все большее отдѣленіе и самостоятельную разработку отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ, съ другой, наоборотъ, проникновеніе однѣхъ наукъ началами другихъ, извѣстное объединеніе, стирающее прежнія, казалось, трудно переходимыя перегородки. Современная экономическая наука въ отличіе отъ классической политической экономіи и вообще того, что эта наука представляла собой какихъ-либо

---

[1]) М. А. Курчинский, Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии И-во „Огни“ П-д, 1920, стр. 219–220. Одинъ изъ критиковъ этой моей работы, М. В Серебряковъ недоумѣваетъ по поводу этого мѣста: „какимъ образомъ возможна борьба между аксіомами, да еще „равноцѣнными.“ Вѣдь аксіомой, говоритъ онъ, мы называемъ такое ясное, простое и безспорное положеніе, въ истинности котораго никто не сомнѣвается: это — самоочевидная истина.“ М. В. Серебряков, Макс Штирнер перед судом наших современников. Ст. въ „Записках научного общества марксистов,“ 1922. № 4, стр. 84 Въ этомъ замѣчаніи обнаруживается недостаточно внимательное и вдумчивое отношеніе критика къ тексту рецензируемой имъ книги. Еслибы критикъ обратилъ вниманіе, что здѣсь идетъ рѣчь объ аксіомахъ, основанныхъ **не** на раціоналистическихъ доказательствахъ, **а на вѣрѣ**, то ему стало бы понятно, что такихъ религіозныхъ аксіомъ, какъ и этическихъ, можетъ быть не одна, а нѣсколько. Наличность міровоззрѣній, исходящихъ изъ различныхъ противоположныхъ, недоказуемыхъ принциповъ, аксіомъ, догматовъ, — вполнѣ подтверждаетъ это наше положеніе. — Объ отсутствіи конечныхъ истинъ и ихъ относительности даже и въ математикѣ, см. выше на стр. 35.

пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, все въ большей степени становится съ одной стороны исторической наукой, а съ другой — проникается, можно сказать — пронизывается началами философіи и соціологіи. — Сюда же, конечно, какъ мы указывали въ своемъ мѣстѣ, нужно включить и психологію. — Она становится историческо-соціологической наукой на извѣстномъ философскомъ фундаментѣ. Это можно считать незыблемымъ пріобрѣтеніемъ послѣднихъ десятилѣтій научнаго развитія въ сферѣ экономики.[1])

Не собираясь удѣлять большого вниманія этому вопросу во всей его полнотѣ и останавливаться на значеніе каждой изъ этихъ наукъ для экономики, мы скажемъ только нѣсколько словъ относительно значенія съ этой стороны исторіи. Значеніе философіи, какъ общей основы научнаго міросозерцанія, съ этой точки зрѣнія достаточно ясно для изслѣдователей и въ послѣднее время становится особенно замѣтнымъ.[2]) Что же касается значенія исторіи для экономической науки, то и оно въ настоящее время представляется совершенно очевиднымъ. Если исторія въ значительной степени входитъ въ экономику, какъ извѣстная вспомогательная научная дисциплина, то, съ другой стороны, и исторія впитываетъ въ себя все въ большей степени опредѣленные экономическіе элементы. Исторія вообще неизбѣжно включаетъ въ себя въ извѣстной степени и экономическую исторію, эта же послѣдняя является одной изъ существенныхъ составныхъ частей экономической науки. Въ настоящее время, особенно со времени трудовъ такъ называемой исторической школы экономистовъ, значеніе историческаго момента для экономической науки почти не вызываетъ сомнѣній. Если есть въ экономической теоріи такіе вопросы, которые могутъ рѣшаться чисто абстрактнымъ путемъ, въ особенности явленія рынка, то, съ другой стороны, имѣется не мало вопросовъ, для полнаго выясненія которыхъ намъ необходимо приходится привлекать данныя исторіи, какъ, напримѣръ, хотя бы для установленія вліянія, которое оказало введеніе машинъ на высоту заработной платы, или увеличеніе добыванія драгоцѣнныхъ металловъ на цѣнность денегъ и общій уровень цѣнъ. Кромѣ того, историческій матеріалъ и вообще даетъ намъ весьма цѣнныя данныя для необходимыхъ иллюстрацій тѣхъ или иныхъ теоретическихъ положеній, а часто и для ихъ провѣрки или

---

[1]) Werner Sombart. Der moderne Kapitalismus, 4 Auflage, Geleitwort zur zweiten Auflage, S. XII — XV.

[2]) Въ этомъ отношеніи дѣлаются даже попытки построить науку о народномъ хозяйствѣ на спеціально философскомъ базисѣ. См. напр. послѣднюю работу R. Stolzmann'a Grundzüge einer Philosophie der Volkswirtschaft. Jena. 1920. Точно также все болѣе признается въ настоящее время обязательность для всякаго экономиста основательнаго знакомства съ философіей и логикой См. соотвѣтственныя указанія даже въ небольшой работѣ проф. Othmar Spann. Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre, 11 Auflage, Leipzig, 1922, въ отдѣлѣ „Wie studiert man Volkswirtschaftslehre?“ S. 177—178.

опредѣленія фактическихъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ эти положенія сохраняютъ свое значеніе. Поэтому приходится вполнѣ согласиться съ Книсомъ, который говоритъ, что консультированіе историческихъ данныхъ представляетъ одну изъ существенныхъ задачъ экономической науки.

Начиная со второй половины XIX вѣка, особенно, значеніе исторіи для соціальныхъ наукъ стало все болѣе признаваться. Въ Германіи его отстаивали представители исторической школы не только въ экономикѣ, но и въ правовѣдѣніи, въ отношеніи котораго это теченіе проявилось даже раньше, во Франціи на значеніе исторіи для соціальныхъ изслѣдованій указывалъ никто иной, какъ Огюстъ Контъ. И, въ особенности, такое значеніе исторіи усилилось, когда она вмѣсто того, чтобы быть исторіей исключительно прагматической, исторіей „вождей и героевъ," стала все въ большей степени дѣлаться исторіей народныхъ массъ. Въ настоящее время можно сказать, что исторія „событій" отошла на второй планъ передъ исторіей „быта," — учрежденій и нравовъ. Изученіе внѣшней исторіи (или, такъ называемой, прагматической, политической) должно было уступить мѣсто изученію внутренней (бытовой или культурной)[1]). Между тѣмъ извѣстной, весьма существенной частью этой исторіи быта, исторіи культуры является экономическая исторія, исторія смѣны формъ и явленій хозяйственной жизни, которая и входитъ въ качествѣ составной части въ общее построеніе экономической науки.

Самое слово „исторія" въ научномъ языкѣ, какъ это отмѣчаетъ Ключевскій, употребляется въ двоякомъ смыслѣ: 1) какъ движеніе во времени, процессъ, и 2) какъ познаніе процесса. Поэтому все, что совершается во времени, имѣетъ свою исторію. Съ такой точки зрѣнія и всѣ конкретныя экономическія явленія, какъ совершающіяся во времени, тоже имѣютъ свою исторію. Содержаніемъ-же исторіи, какъ отдѣльной науки, спеціальной отрасли научнаго знанія, служитъ историческій процессъ, т. е. ходъ, условія и успѣхи человѣческаго общежитія или жизнь человѣчества въ ея развитіи и результатахъ. Иначе говоря „возникновеніе, ростъ и смѣна человѣческихъ общежительныхъ союзовъ со всѣми условіями и послѣдствіями ихъ жизни и есть то, что мы называемъ историческимъ процессомъ."[2]) Спеціально для экономической исторіи или исторіи хозяйственнаго быта это будетъ исторія послѣдовательной смѣны типическихъ формъ экономической жизни, смѣна послѣдовательныхъ фазъ экономическаго развитія.

Но, кромѣ этой экономической исторіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, гдѣ исторія, какъ таковая, выступаетъ на первое мѣсто, важно отмѣтить, въ смыслѣ значенія исторіи для экономики, еще и самый методъ историческаго

---

[1]) П. Н. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, СПБ. 1904. Изд. 5-е. стр. 2—3.

[2]) В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть I, изд. 4-ое. Москва 1911. стр. 2.

разсмотрѣнія явленій, подходъ къ нимъ съ исторической точки зрѣнія, на которомъ въ особенности настаивала историческая школа экономистовъ. Это, до нѣкоторой степени, примѣненіе эволюціоннаго принципа, разсмотрѣніе явленій не какъ разъ навсегда данныхъ, а какъ фактовъ, находящихся въ постоянномъ развитіи, мѣняющихъ съ ходомъ исторіи свою внѣшность. Во многихъ случаяхъ эта точка зрѣнія оказалась весьма плодотворной до тѣхъ поръ, пока она не становилась чрезмѣрно преувеличенной и грозящей совершенно оттѣснить на второй планъ самую теорію науки.

Однако, при всѣмъ значеніи и важности, которое нужно приписывать исторіи для сферы соціальныхъ наукъ, приходится подчеркнуть уже отмѣченное нами обстоятельство, что давая весьма цѣнный матеріалъ для сравненій, выводовъ, аналогій, исторія сама не даетъ возможности говорить объ „историческихъ законахъ“, что признается какъ учеными, обращавшими свое главное вниманіе на чисто методологическую и философскую сторону вопроса, хотя бы Рюмелиномъ и Зигвартомъ, такъ и большинствомъ историковъ.

Говоря-же вообще о значеніи исторіи и историческаго метода для политической экономіи, мы отнюдь не должны преувеличивать этого послѣдняго, то есть не дѣлать той ошибки, въ которую впали нѣкоторые представители такъ-называемаго историческаго направленія. Чрезмѣрныя преувеличенія „историзма“ вызвали въ свое время горячую отповѣдь со стороны главы австрійской школы, Карла Менгера, который посвятилъ имъ даже цѣлое спеціальное изслѣдованіе.[1])

Міръ явленій, по мнѣнію Менгера, представляетъ или конкретныя явленія въ ихъ положеніи въ пространствѣ и времени и въ ихъ взаимныхъ конкретныхъ соотношеніяхъ, или-же — повторяющіяся, при ихъ взаимодѣйствіи, формы явленій, изученіе которыхъ служитъ предметомъ научнаго интереса. Изъ этого различія вытекаетъ различіе двухъ группъ научныхъ знаній, посвященныхъ изученію индивидуальнаго и родового. Въ экономической наукѣ явленія могутъ быть разсматриваемы также съ индивидуальной (исторической) или съ родовой (теоретической) точки зрѣнія. Задачей второго направленія является познаніе формъ или типовъ и типическихъ соотношеній или законовъ явленій. Въ этомъ и заключается задача теоретической науки о народномъ хозяйствѣ, ставящей своей цѣлью изслѣдованіе общей сущности и общей связи народно-хозяйственныхъ явленій.

Между тѣмъ историческое изслѣдованіе въ экономической наукѣ, при всей его важности и законности, ставитъ своей задачей изъясненіе сущности и развитія какихъ либо отдѣльно взятыхъ народно-хозяйственныхъ явленій, какъ, напримѣръ, состояніе или развитіе хозяйства какого-нибуть народа или состояніе и развитіе какого-нибудь народно-хозяйственнаго института. Та-

---

[1]) К. Менгеръ. Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. Пер. подъ ред. А. Гурьева. СПБ. 1894.

кимъ образомъ, историческія изслѣдованія въ области народнаго хозяйства представляютъ собой нѣчто иное, чѣмъ занятіе теоріей народнаго хозяйства въ узкомъ смыслѣ этого слова. И исторія, и теорія соціальныхъ или народно-хозяйственныхъ явленій даютъ намъ опредѣленные научные результаты, но въ томъ и другомъ случаѣ совершенно своеобразные и различные. Настоящимъ теоретикомъ народнаго хозяйства является не тотъ, кто стремится къ теоретическому уразумѣнію конкретныхъ экономическихъ явленій, а только тотъ, кто ставитъ себѣ задачей построеніе и изъясненіе самой теоріи. Между тѣмъ историческая школа, по мнѣнію Менгера, не отличала специфически историческаго изученія народнаго хозяйства отъ теоретическаго и смѣшивала то и другое. Такимъ-же неправильнымъ, но только съ другой стороны, представляется смѣшиваніе теоретической экономической науки съ народно-хозяйственной политикой — наукой о правилахъ для цѣлесообразной организаціи народнаго хозяйства и содѣйствія этому послѣднему. Эта ошибка въ значительной степени напоминаетъ смѣшиваніе химіи съ химической технологіей, физіологіи и анатоміи — съ терапіей и хирургіей и т. д. Если нѣмецкая экономическая наука болѣе или менѣе свободна отъ этого послѣдняго упрека, то зато она тѣмъ болѣе погрѣшила въ первомъ отношеніи, т. е. смѣшенія исторической и теоретической точекъ зрѣнія, ставя часто на мѣсто теоретическаго изслѣдованія исторію.

Задачей научнаго изслѣдованія является установленіе: a) реальныхъ типовъ, т. е. основныхъ формъ реальныхъ явленій и b) эмпирическихъ законовъ, т. е. констатированіе относительной правильности и законосообразности въ послѣдовательности и сосуществованіи реальныхъ явленій. Эмпирическіе законы не являются абсолютно точными, но здѣсь между науками естественными и соціальными наблюдается различіе не по существу, а лишь въ степени. Однако, рядомъ съ этимъ реалистическо-эмпирическимъ направленіемъ изслѣдованія, съ давнихъ временъ существуетъ еще и другое, такъ называемое, точное направленіе, ставящее своей цѣлью отысканіе строгихъ законовъ явленій, представляющихся намъ ненарушимыми, законовъ, которые обыкновенно называютъ „естественными“, но которые правильнѣе называть „точными“. Для познанія ихъ необходимо итти дедуктивнымъ путемъ, причемъ наше изслѣдованіе должно стремиться раскрыть самые простѣйшіе элементы всего реальнаго, которые, именно въ качествѣ такихъ самыхъ простѣйшихъ, должны разсматриваться, какъ строго типическіе. [1]) Идя такимъ путемъ изученія самыхъ простыхъ, а слѣдовательно строго типическихъ явленій, цѣлый рядъ наукъ въ состояніи дать намъ строгіе типы и типическія соотношенія явленій не только въ отношеніи ихъ существа, но и ихъ мѣры. Такъ и экономическая наука, исходя изъ основныхъ и первѣйшихъ факторовъ человѣческаго хозяйства, раскрываетъ намъ въ отноше-

[1]) Менгеръ, op. cit. стр. 36.

ніи болѣе сложныхъ феноменовъ этой области пониманіе, аналогичное тому, которое даютъ намъ точныя естественныя науки въ отношеніи явленій природы.

Рядомъ съ этимъ точнымъ направленіемъ существуетъ дополняющее его изученіе реальныхъ правильностей въ сосуществованіи и послѣдовательности явленій, не обладающихъ полною ненарушимостью, установленіе которыхъ, однако, составляетъ спеціальную задачу реалистическаго направленія теоретической экономической науки.[1]) Таковы задачи теоретическаго изученія экономическихъ явленій, теоріи народнаго хозяйства, вмѣсто которой часто пытались ставить, по мнѣнію Менгера, чисто историческое изслѣдованіе въ экономической области. Менгеръ очень опредѣленно проводилъ и отмѣчалъ эту разницу, и въ этомъ заключается несомнѣнная заслуга его методологическаго изслѣдованія. Чрезмѣрно полемическій тонъ и нѣкоторая излишняя его рѣзкость объясняются остротою тогдашней борьбы, которая впослѣдствіи значительно улеглась, такъ какъ представители исторической школы, въ лицѣ ея главы Шмоллера, въ значительной степени пошли на уступки въ отношеніи своей первоначально занятой ими, черезчуръ рѣзкой позиціи по отношенію къ классической теоріи, продолжателемъ которой въ извѣстномъ смыслѣ является Менгеръ.

Что касается значенія для экономической науки, особенно описательной ея части, статистики съ ея специфическимъ методомъ и массой собраннаго матеріала, то объ этомъ не приходится распространяться, такъ какъ это значеніе понятно даже и непосвященному, поскольку статистика имѣетъ чрезвычайно часто дѣло съ явленіями, тѣсно входящими въ экономическую теорію или вообще касающимися хозяйственной сферы. Здѣсь мы беремъ статистику исключительно какъ вспомогательную для экономики науку, не затрагивая самостоятельнаго значенія ея, какъ ученія о статистическомъ методѣ.

Не касаясь связи экономической науки съ другими научными дисциплинами, въ частности хотя бы съ правомъ, на что мы уже мимоходомъ указывали въ первой главѣ, мы переходимъ къ вопросу о самомъ составѣ современной экономической науки о томъ, что составляетъ ея содержаніе.

Въ этомъ отношеніи Менгеръ предлагаетъ различать три группы знаній въ области изученія народнаго хозяйства: науки a) историческія, b) теоретическія и c) практическія. Историческія науки о хозяйствѣ, по его мнѣнію, имѣютъ задачей изслѣдовать индивидуальную сущность и индивидуальную связь хозяйственныхъ явленій. Эти науки, сообразно съ тѣмъ, разсматриваютъ-ли онѣ свою задачу съ точки зрѣнія статики или динамики, раздѣляются на статистику и исторію хозяйства.[2]) Что касается теорети-

[1]) Менгеръ, op. cit. стр. 43.

[2]) Здѣсь, очевидно, Менгеръ понимаетъ подъ статистикой сообщаемыя ею данныя о положеніи хозяйства и жизни человѣческихъ обществъ, а не статистику, какъ методъ. По нашему мнѣнію, статистику слѣдовало бы совершенно оставить въ сторонѣ и не включать ее въ спеціальную схему экономическихъ наукъ.

ческой науки о народномъ хозяйствѣ, то она имѣетъ своей задачей изслѣдовать и изобразить общую (родовую) сущность и общую (родовую) связь или законы хозяйственныхъ явленій. Эта наука, въ той или иной придаваемой ей въ отдѣльныхъ случаяхъ постановкѣ, и образуетъ то, что мы называемъ „теоріей народнаго хозяйства.“ Что касается, наконецъ, практическихъ наукъ о народномъ хозяйствѣ, то онѣ должны „учить насъ основаніямъ, по которымъ хозяйственныя цѣли людей (смотря по даннымъ условіямъ) могутъ быть достигаемы наиболѣе успѣшно“. Эти науки распадаются на нѣсколько отдѣльныхъ дисциплинъ: 1) народнохозяйственная или экономическая политика, наука объ основаніяхъ для цѣлесообразнаго содѣйствія народному хозяйству со стороны государственной или общественной власти и 2) практическое ученіе о „сингулярномъ хозяйствѣ, наука объ основаніяхъ, по которымъ наиболѣе совершенно могутъ быть удовлетворяемы экономическія цѣли сингулярныхъ хозяйствъ (сообразно даннымъ условіямъ). Это послѣднее распадается на: а) финансовую науку, науку объ основаніяхъ для цѣлесообразнаго, соотвѣтствующаго даннымъ условіямъ, веденія самаго большого сингулярнаго хозяйства въ народѣ, хозяйства правительства и другихъ хозяйствующихъ субъектовъ, снабженныхъ финансовой властью и b) практическое ученіе о частномъ хозяйствѣ, науку объ основаніяхъ, по которымъ частныя лица (живущія при современныхъ соціальныхъ условіяхъ) могутъ наиболѣе цѣлесообразно устраивать свое хозяйство.“ [1])

Такова полная схема экономическихъ наукъ, изучающихъ народно-хозяйственную жизнь, по мнѣнію Менгера. — По отношенію къ этой схемѣ нужно замѣтить, что едва-ли правильно, какъ это дѣлаетъ Менгеръ, относить финансовую науку исключительно къ области практическихъ дисциплинъ, между тѣмъ какъ въ ней, въ свою очередь, нужно различать теоретическую часть, изучающую общія основанія и принципы, и часть чисто практическую. Что-же касается ученія о частномъ хозяйствѣ, то самъ Менгеръ по этому поводу считаетъ необходимымъ замѣтить, что нѣтъ никакихъ основаній усматривать принципіальное различіе между практическимъ ученіемъ о частномъ хозяйствѣ и практическимъ ученіемъ о народномъ хозяйствѣ. Ученіе о частномъ хозяйствѣ базируется исключительно на положеніяхъ теоретической политической экономіи, составляющей основу всѣхъ остальныхъ экономическихъ наукъ, и не даетъ данныхъ для построенія какого-либо особаго теоретическаго ученія о частномъ хозяйствѣ.

Но, рядомъ съ только что приведенной конструкціей раздѣленія всего матеріала экономической науки на отдѣльныя части. предложенной Менгеромъ, можно указать другую, болѣе короткую и простую схему, тоже извѣстную уже издавна. По этой послѣдней экономическая наука дѣлится на три составляющихъ ее частичныхъ дисциплины: 1) теоретическую науку о

[1]) Менгеръ, op. cit. стр. 242—247.

народномъ хозяйствѣ, 2) практическую науку о народномъ хозяйствѣ и 3) финансовую науку. Это дѣленіе въ новѣйшее время поддерживаетъ, напримѣръ, Карлъ Диль, отмѣчая, однако, что наименованія теоретическая и практическая экономическая наука можно было бы съ бо́льшимъ удобствомъ замѣнить словами „общая“ и „спеціальная экономика“.[1]) По мнѣнію Диля, различіе между обоими этими отдѣлами или видами науки заключается въ томъ, что теоретическая экономія разсматриваетъ такія явленія хозяйственной жизни, которыя носятъ совершенно всеобщій характеръ, т. е. встрѣчаются во всѣхъ областяхъ хозяйственной жизни. Это наиболѣе важныя и типическія, основныя хозяйственныя явленія. Что-же является тогда задачей практической или, лучше сказать, спеціальной экономіи? Она разсматриваетъ и изучаетъ отдѣльныя хозяйственныя явленія въ предѣлахъ важнѣйшихъ областей производственной дѣятельности. Подчеркивая при этомъ моментъ цѣлесообразнаго строительства экономической жизни и пользуясь для этого терминомъ „политика“, мы, сообразно главнѣйшимъ отраслямъ производственной дѣятельности, будемъ имѣть: аграрную, промышленную, торговую политику съ соотвѣтственными дальнѣйшими подраздѣленіями на болѣе дробныя части, или можемъ объединить ихъ всѣ въ общемъ названіи экономической политики. Для вышеприведеннаго раздѣленія экономической науки на эти двѣ части можно привести, конечно, и другія основанія, но не нужно забывать, что оно всегда болѣе или менѣе условно и, въ концѣ концовъ, дѣло сводится къ тому, что теоретическая наука или иначе — „общій курсъ“ экономіи закладываетъ главнѣйшія исходныя основы, а практическая экономія или экономическая политика является уже дальнѣйшимъ развитіемъ и спеціализаціей этихъ основъ. — Что представляетъ собой финансовая наука, являющаяся ученіемъ о доходахъ и расходахъ государства и другихъ публично-правовыхъ союзовъ, — вполнѣ ясно и не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій.

Спеціальное наше вниманіе должно быть, наоборотъ, удѣлено другому вопросу, выдвинувшемуся сравнительно недавно. Ученіе о народномъ хозяйствѣ пытаются въ послѣднее время расширить и дополнить съ одной стороны ученіемъ о частномъ, а съ другой — міровомъ хозяйствѣ. Съ точки зрѣнія извѣстной архитектоники можетъ показаться даже весьма удачнымъ такая послѣдовательная конструкція изъ трехъ членовъ, какъ бы представляющихъ развитіе и расширеніе одного и того-же основного принципа: 1) единичное (частное) хозяйство, 2) народное и 3) міровое. Болѣе близкое и внимательное разсмотрѣніе этого построенія заставляетъ насъ, однако, отказать ему во внутренней цѣлесообразности и законности.

---

[1]) Karl Diehl, Theoretische Nationalökonomie, I Band, 2 Auflage, Jena 1922. S. 82.

Сначала мы остановимся на вопросѣ о наукѣ частнаго хозяйства. Мы встрѣчали уже это наименованіе выше при разсмотрѣніи схемы экономическихъ наукъ, приводившейся Менгеромъ. Но тамъ ученіе о частномъ хозяйствѣ разсматривается какъ одинъ изъ отдѣловъ практической экономической науки, причемъ особенно подчеркивается, какъ мы даже отмѣчали выше, что оно самымъ непосредственнымъ образомъ базируется на теоретической экономіи. „Биржевикъ, банкиръ, спекулянтъ процентными бумагами или хлѣбомъ и т. д., говоритъ Менгеръ, точно также опираются въ своихъ частно-хозяйственныхъ операціяхъ на теорію цѣнъ, процентовъ на капиталъ, поземельной ренты и пр., т. е. на положенія теоретическаго ученія о народномъ хозяйствѣ, какъ и народно-хозяйственный политикъ или органъ финансоваго правленія въ своей публичной дѣятельности. Теоретическое ученіе о народномъ хозяйствѣ является теоретическимъ основаніемъ для практическаго ученія о частномъ хозяйствѣ въ такой же мѣрѣ, какъ и для финансовой науки и народно-хозяйственной политики.“ [1])

Однако, рядомъ съ такимъ пониманіемъ значенія и роли этого предмета, входящаго въ область практической науки о хозяйствѣ, мы встрѣчаемъ и совершенно другое: стремленіе поставить ученіе о частномъ хозяйствѣ въ основу всего построенія экономической науки, исходя изъ соображенія, что единичное частное хозяйство составляетъ ту основную ячейку, изъ соединенія которыхъ въ дальнѣйшемъ создается народное хозяйство. Ученіе объ этомъ послѣднемъ, такимъ образомъ, является только дальнѣйшимъ развитіемъ ученія о частномъ хозяйствѣ, можетъ быть построено только на базисѣ предварительнаго изученія этого частнаго хозяйства. Въ такомъ аспектѣ все это построеніе должно быть самымъ категорическимъ образомъ отвергнуто. Вся экономическая наука, какъ соціальная наука, исходитъ изъ представленія объ единичномъ хозяйствѣ, какъ частицѣ болѣе крупнаго цѣлаго, именуемаго народнымъ хозяйствомъ, внѣ котораго оно даже и не можетъ быть нами себѣ представлено. Для насъ должно быть ясно, что совершенно невозможно изучить единичное хозяйство, какъ основу экономической жизни, внѣ его зависимости отъ остальныхъ хозяйствъ, забывая, что оно составляетъ только отдѣльное звено болѣе крупнаго цѣлаго — народнаго хозяйства, покоющагося на раздѣленіи труда между отдѣльными хозяйствами. Такое атомизированіе народно-хозяйственной жизни, какъ это предполагается при подобной постановкѣ вопроса, есть громадный шагъ назадъ отъ того соціально-историческаго пониманія хозяйственныхъ процессовъ, къ которому пришла современная экономическая наука.

Наряду съ этой попыткой тѣснаго включенія ученія о частномъ хозяйствѣ въ общую часть экономической науки, построенія ученія о народномъ хозяйствѣ только какъ дальнѣйшей эволюціи хозяйства частнаго, выдвинутъ

[1]) Менгеръ, op. cit. стр. 247, примѣч.

цѣлый рядъ другихъ пониманій этой, еще только образующейся и далеко еще не сложившейся окончательно, отрасли научной работы. Въ этомъ отношеніи имѣется безконечное количество самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ точекъ зрѣнія[1]), изъ которыхъ наиболѣе пріемлемой является точка зрѣнія Никлиша и Шмаленбаха, выдвигающихъ на первое мѣсто технически конструктивный характеръ этой науки[2]). Съ такой точки зрѣнія она можетъ быть вполнѣ принята. Будучи построена на базисѣ экономической науки, являясь вспомогательной дисциплиной этой послѣдней, она не пытается ни въ какой степени разрѣшать чисто экономическія проблемы, ограничиваясь областью такъ называемой торговой техники. Съ такой точки зрѣнія она является не ученіемъ о частномъ хозяйствѣ, а ученіемъ о частномъ предпріятіи, объ его внутренней организаціи, доходности и т. под., не **Privatwirtschaftslehre, a Privatbetriebslehre**, аналогично существующему уже нѣсколько времени ученію о сельскохозяйственномъ предпріятіи — **landwirtschaftliche Betriebslehre.**[3]) При такой постановкѣ вопроса эта научная дисциплина можетъ быть вполнѣ принята и займетъ свое мѣсто въ преподаваніи параллельно съ экономической наукой и въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ бухгалтеріей, которая въ послѣднее время тоже пріобрѣтаетъ замѣтное значеніе, какъ извѣстный вспомогательный матеріалъ для экономическихъ изслѣдованій.

Другая попытка расширенія области экономической науки, какъ ученія о народномъ хозяйствѣ, предлагаетъ включеніе въ обычное построеніе еще новаго отдѣла — мірового хозяйства. Это теченіе связывается, въ первую очередь, съ именемъ профессора **Harms'a**, предлагавшаго раздѣлить всю область экономическихъ наукъ на четыре главныхъ отдѣла: 1) чистая теорія (ученіе) соціальнаго хозяйства, 2) ученіе объ единичномъ хозяйствѣ, 3) ученіе о народномъ хозяйствѣ и 4) ученіе о міровомъ хозяйствѣ.[4])

По мнѣнію Гармса, который исходитъ изъ понятія единичнаго хозяйства, лежащаго въ основѣ всей экономической жизни, передъ нами имѣются двѣ области: одна — охватывающая отношенія единичныхъ хозяйствъ

---

[1]) См. Diehl. Theoretische Nationalökonomie, I Band. S. 87—112.

[2]) Nicklisch. Allgemeine kaufmännische Betriebslehre. Leipzig, 1912. См. также Helauer, System der Welthandelslehre. Berlin, 1910.

[3]) Въ этомъ отношеніи нужно особенно отмѣтить выдвинувшіяся въ послѣднее время въ этой области работы Aereboe и Laur'a. Aereboe. F. Allgemeine landwirtschaftliche Betriebslehre, 3 Aufl. Berlin, 1918. Laur E. Landwirtschaftliche Betriebslehre, 1917 и вообще довольно большую литературу, обнимающую какъ болѣе старыхъ авторовъ, начиная еще съ A. Thaer'a, H. Settegast'a и до v. der Goltz'a, такъ и болѣе новыхъ — Waterstradt'a, Howard'a, Ehrenberg'a, среди которыхъ нужно указать и на представителей русской науки: Чаянова, Макарова, Челинцева, Бруцкуса и другихъ.

[4]) Harms. Volkswirtschaft und Weltwirtschaft. Jena, 1912.

внутри объединеннаго въ государство народнаго цѣлаго, и другая, представляющая собой различныя связи и соотношенія единичныхъ хозяйствъ всего земного шара. Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собой двѣ сферы мѣновыхъ отношеній: а) народнаго хозяйства и б) мірового хозяйства. Экономическая наука въ современной ея постановкѣ разсматриваетъ, особенно въ практической своей части, хозяйственныя отношенія въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго государства и тѣсно связана съ мѣропріятіями этого послѣдняго. Предметомъ ученія о міровомъ хозяйствѣ являются отношенія, выходящія за предѣлы отдѣльныхъ странъ и регулируемыя междугосударственными соглашеніями. Такимъ образомъ, различіе между народнымъ и міровымъ хозяйствомъ заключается, во-первыхъ, въ объемѣ сферы разсмотрѣнія тѣхъ или иныхъ явленій, а, во-вторыхъ, въ томъ, что народно-хозяйственныя явленія регулируются отдѣльной государственной властью, въ то время какъ основные факты изъ области мірового хозяйства покоятся на международныхъ договорахъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что область международныхъ отношеній, въ первую очередь и въ хозяйственной сферѣ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивается; весь міръ связанъ въ своей жизни тысячами невидимыхъ нитей. Уже однѣ безчисленныя телеграфныя проволоки, линіи подводнаго кабеля, международный транспортъ, всемірный почтовый союзъ и т. д. являются достаточнымъ подвержденіемъ этого положенія. Цифры, характеризующія международную торговлю и выражающіяся въ данныхъ вывоза и ввоза, международный денежный оборотъ, явленія мірового денежнаго рынка даютъ намъ краснорѣчивыя иллюстраціи той связанности, которая наблюдается теперь между самыми отдаленнѣйшими уголками современнаго міра. Понятіе мірового хозяйства въ качествѣ опредѣленной идеальной конструкціи, въ качествѣ извѣстнаго вывода изъ фактически наблюдающихся соотношеній, представляется для насъ вполнѣ пріемлемымъ. Но отсюда еще очень далеко до конструированія самостоятельной отрасли экономической науки о міровомъ хозяйствѣ.[1])

Наше заключеніе по этому поводу должно находиться въ зависимости отъ того, можетъ-ли въ этой сферѣ найтись матеріалъ для конструкціи тео-

[1]) Говоря все это, мы нисколько не отрицаемъ возможности и законности ознакомленія съ явленіями международной хозяйственной сферы, въ качествѣ особаго спеціальнаго предмета изученія. Но это не создаетъ самостоятельной научной дисциплины и не обогащаетъ теоретической части экономической науки никакими новыми положеніями. Главная часть подобнаго рода изслѣдованій будетъ носить по преимуществу описательный характеръ. Такъ, напримѣръ, у Гармса наука о міровомъ хозяйствѣ превращается въ нѣчто вродѣ экономической географіи. Мы имѣемъ цѣлый рядъ работъ, посвященныхъ вопросамъ мірового хозяйства — Дитцеля, Исаева и т. д. безъ того, чтобы это послужило основаніемъ для созданія въ этой области какой-либо новой, самостоятельной теоріи, заставляющей въ какомъ бы то ни было отношеніи пересмотрѣть положенія науки народнаго хозяйства.

ретической части ученія о міровомъ хозяйствѣ, можемъ ли мы построить теорію мірового хозяйства, а не одни только описанія явленій этого послѣдняго. И сколько-нибудь внимательное разсмотрѣніе вопроса приводитъ насъ довольно быстро къ заключенію, что для такой теоріи въ сферѣ явленій мірового хозяйства никакого матеріала нѣтъ. Всѣ теоретическіе вопросы, касающіеся мірового хозяйства, всецѣло разрѣшаются въ предѣлахъ теоріи народнаго хозяйства. Вопросы цѣнъ, рынка, производства, доходности, процента и т. д., въ какомъ бы масштабѣ они ни разсматривались, всецѣло входятъ въ теорію народнаго хозяйства и не требуютъ для себя никакой новой конструкціи, которая и оказывается невозможной.

Точно также, какъ мы отвергли законность построенія въ сферѣ соціальной экономической науки спеціальнаго ученія о частномъ хозяйствѣ, также мы отклоняемъ и основательность включенія въ нее, какъ самостоятельной дисциплины, науки мірового хозяйства. Какъ правильно подчеркиваетъ Диль, не имѣется „никакого ученія о міровомъ хозяйствѣ, которое можно было бы какимъ-либо образомъ по моменту содержанія или методологическимъ соображеніямъ отдѣлить отъ науки о народномъ хозяйствѣ . . . Ученіе о народномъ хозяйствѣ охватываетъ явленія какъ мірового, такъ и коммунальнаго хозяйства. Какъ нецѣлесообразно было бы выдѣлять изъ него особое ученіе о коммунальномъ хозяйствѣ, такъ же мало умѣстно и созданіе такъ называемой науки о міровомъ хозяйствѣ.“ Едва-ли вѣдь можно найти хотя бы одну какую-либо изъ такъ называемыхъ экономическихъ проблемъ, которая не находилась бы въ какомъ либо соотношеніи съ явленіями мірового хозяйства. Послѣднее утвержденіе можетъ быть отнесено какъ къ проблемамъ теоретичской, такъ и практичееской сферы.[1]) Въ конструкціи понятія мірового хозяйства нѣтъ ничего столь своеобразнаго, чтобы изъ него можно было бы построить самостоятельную теорію или взять его за основную точку для таковой. Это понятно въ такой же мѣрѣ и съ точки зрѣнія историческаго развитія и обрисовки послѣдовательныхъ ступеней эволюціи хозяйственной жизни, почему, напр., Бюхеръ категорически отклоняетъ въ своей теоріи цѣлесообразность конструированія самостоятельной ступени мірового хозяйства, какъ дальнѣйшей эволюціи народнаго, о чемъ намъ еще придется говорить впослѣдствіи. Въ противоположность отмѣченнымъ нами попыткамъ включенія въ область общаго изученія экономической науки сферъ частнаго и мірового хозяйства, которыя какъ будто, съ перваго взгляда, обогащали и развивали научное пониманіе экономическаго міра, приходится придти къ заключенію, что единственно правильной и законной областью теоретической науки является изученіе народнаго хозяйства.

---

[1]) Diehl. op. cit. S. 115.

Литература: Karl Pearson. The Grammar of science, 3 ed. 1911. Christoph Sigwart. Logik. 4 Aufl. Tübingen. 1921. Его-же. Борьба противъ телеологіи, пер. І. Давыдова. 1907. Wundt W. Logik. 1906—08. Виндельбандъ В. Прелюдіи, пер. С. Франка. 1904. Риккертъ Г. Границы естественно-научнаго образованія понятій, пер. Водена, 1904. Чупровъ А. А. Очерки по теоріи статистики. 2 изд. 1910. Schmoller G. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. 1 Teil. 1900. Его-же. Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und- methode въ Handw. d. Staatswiss. B. VIII³. Карлъ Менгеръ. Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. СПБ. 1894, Зомбартъ В. Современный капитализмъ. Русск. пер. 1903—1905. Rümelin. Reden und Aufsätze. Neue Folge. 1881. Cairnes. Character and logical Method of Political Economy 1869, есть русск. пер. (неполный) Туганъ Барановскаго, 1897. Neumann. Naturgesetz und Wirtschaftsgesetz. Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft, 48 Jahrg. Simiand F. La méthode positive en science économique, 1912. Курчинскій М. А. Соціальный законъ, случай и свобода. 1922. Eulenburg F. Naturgesetze und soziale Gesetze. Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. B. XXXI u. XXXII. Кэйнсъ Д. Н. Предметъ и методъ политической экономіи, пер. Гуковскаго. 1899. Diehl K. Theoretische Nationalökonomie, I. Band, 2 Auflage. 1922.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РАЗВИТІЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.*)

Образованіе современной экономической науки. Эпоха, къ которой относится первое ея возникновеніе. Меркантилисты. Теорія и практика въ ученіи меркантилистовъ. Значеніе иностранной торговли и торговаго баланса. Взгляды естественнаго права. Физіократы. Франсуа Кенэ. Общія идеи физіократической школы и ихъ оцѣнка. Классическая школа. Адамъ Смитъ. Мальтусъ и Рикардо. Общая характеристика классической школы. Реакція противъ „классиковъ". Романтическое направленіе. Соціализмъ. Утопическое направленіе. Новѣйшая фаза. Марксъ. Экономическій матеріализмъ. Историческая школа. Фридрихъ Листъ. Рошеръ, Книсъ, Гильдебрандтъ. Историко-этическое направленіе. Шмоллеръ и его послѣдователи. Австрійская школа. Экономическая наука въ новѣйшее время.

Современная экономическая наука есть результатъ довольно долгаго историческаго развитія. Она не свалилась въ современномъ ея видѣ готовой съ небесъ. Если даже считаться съ ея относительной молодостью по сравненію со многими другими науками, то не нужно забывать, что самыя ея начатки построены на опредѣленныхъ предпосылкахъ и связаны съ цѣлой массой разнообразныхъ предшествующихъ философскихъ, политическихъ, религіозныхъ, и иныхъ теорій. Поэтому то и различныя направленія экономической науки являются, сообразно съ тѣми элементами, которые въ нихъ вошли какъ составныя части и ихъ обусловили своимъ вліяніемъ, — выраженіемъ опредѣленныхъ разновидностей человѣческаго міросозерцанія. Въ виду связанности экономическихъ теорій съ ученіемъ о государствѣ, обществѣ, о высшихъ цѣляхъ человѣческаго существованія и развитія, съ этическими и философскими взглядами и т. д., экономическая наука въ извѣстномъ смыслѣ является міросозерцаніемъ опредѣленной эпохи или, по крайней мѣрѣ, — извѣстныхъ теченій человѣческой мысли въ данную эпоху.

---

*) Въ этой главѣ, на немногихъ страницахъ, не было, конечно, возможности дать сколько-нибудь исчерпывающій очеркъ различныхъ экономическихъ ученій. Единственной ея задачей являлось желаніе ознакомить читателя съ главнѣйшими теченіями экономической мысли и ея развитіемъ, останавливая вниманіе только на самыхъ крупныхъ этапахъ этого послѣдняго.

Для того, чтобы понять современное состояніе науки и въ достаточной степени оцѣнить достигнутые ею во многихъ областяхъ результаты, необходимо познакомиться съ постепеннымъ ходомъ ея развитія, представить себѣ, какъ многія изъ нынѣ понятныхъ каждому истинъ явились результатомъ длиннаго ряда ошибокъ и заблужденій. Съ этой точки зрѣнія намъ полезно ознакомиться даже и съ этими послѣдними, ибо они съ одной стороны предостерегаютъ насъ самихъ отъ ложнаго пути, а съ другой — даютъ возможность оцѣнить трудность того пути, который до сего времени пройденъ цѣлымъ рядомъ предшествующихъ поколѣній работниковъ науки.

Останавливаясь на изученіи эволюціи экономической науки, мы сейчасъ же сталкиваемся съ вопросомъ, съ какого момента намъ необходимо начать наше изслѣдованіе. Въ виду важности значенія экономическихъ фактовъ въ жизни человѣка, намъ понятно, что уже издавна человѣческая мысль подходила къ разрѣшенію тѣхъ или иныхъ экономическихъ вопросовъ. Мы встрѣчаемъ указанія на экономическія проблемы въ произведеніяхъ писателей классической древности; еще ранѣе извѣстный экономическій моментъ можетъ быть нами найденъ въ писаніяхъ еврейскихъ пророковъ. Средневѣковая христіанская мысль выдвигаетъ цѣлый рядъ экономическихъ положеній и даетъ намъ опредѣленныя экономическія конструкціи въ произведеніяхъ тогдашнихъ религіозно-философскихъ писателей. Но, несмотря на это, ни древній міръ, ни средневѣковье не создали въ этой области ничего такого, что могло бы носить названіе экономической науки. Насъ это и не должно особенно удивлять, если понимать подъ этой послѣдней науку о народномъ хозяйствѣ, въ виду того, что указанные выше періоды исторіи не создали въ экономической сферѣ ничего подобнаго и обнаруживали только отдѣльные начатки народнохозяйственной организаціи.

Экономическая наука появляется только съ образованіемъ и развитіемъ народнаго хозяйства, основаннаго на широкомъ и постоянномъ обмѣнѣ, т. е. съ началомъ періода новой исторіи. Но и здѣсь она складывается далеко не сразу, ибо нужно было, чтобы прошелъ опредѣленный періодъ, въ теченіи котораго новыя экономическія начала получили бы достаточное развитіе, а человѣческая мысль успѣла бы съ ними въ полной мѣрѣ освоиться, проникнуть въ ихъ внутреннюю сущность и дать имъ соотвѣтственное объясненіе.

Нужно вѣдь въ этомъ отношеніи помнить вообще, что, изучая исторію той или другой науки, приходится въ первую очередь задаться вопросомъ о томъ, когда началась эта наука въ точномъ смыслѣ этого слова, съ какого момента можно считать ее отдѣльной научной дисциплиной, ставящей себѣ опредѣленныя цѣли и оперирующей при помощи вполнѣ научнаго метода. Въ отношеніи экономической науки отвѣтить на этотъ вопросъ оказывается въ настоящее время вовсе не такъ легко. Вмѣстѣ съ развитіемъ науки вопросъ о моментѣ ея самостоятельнаго существованія, ея отдѣленія отъ другихъ наукъ становится достаточно запутаннымъ.

Какъ это отмѣчаетъ Августъ Онкенъ, до второй половины девятнадцатаго столѣтія не было почти совершенно разногласій относительно того, что титулъ „отца политической экономіи“ принадлежитъ шотландцу Адаму Смиту, и съ выхода въ свѣтъ его произведенія „Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ“ въ 1776 году и нужно датировать начало экономической науки. Но, съ половины девятнадцатаго столѣтія стали отказываться отъ этого категорическаго утвержденія въ связи съ тѣмъ, какъ литературно-научное изслѣдованіе обратилось къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ черпалъ самъ Адамъ Смитъ. Такъ, уже Бернгарди отмѣчалъ важное значеніе физіократовъ для развитія экономической науки, а среди нихъ особенно выдвигалъ значеніе Франсуа Кенэ. „Можно, пожалуй, не дѣлая несправедливости утверждать, писалъ онъ, что дальнѣйшій шагъ, сдѣланный Адамомъ Смитомъ, былъ болѣе легкимъ, чѣмъ первый, который сдѣланъ былъ Кенэ.“[1]) И въ то же самое время Карлъ Марксъ въ своей полемической работѣ, направленной противъ Прудона, высказалъ слѣдующее положеніе: „Врачъ Кенэ сдѣлалъ политическую экономію наукой“.[2]) Начиная съ этого времени съ разныхъ сторонъ, разными писателями въ различныхъ странахъ стали высказываться взгляды, относившіе начало экономической науки къ самымъ различнымъ эпохамъ и связывавшіе ее съ цѣлымъ рядомъ именъ тѣхъ или иныхъ ученыхъ. Въ качествѣ основателей науки указывали Ричарда Кантильона, Виктора Мирабо, Давида Юма, Монтескье, Вильяма Петти, Монкретьенъ де Ваттевилля, Антоніо Серра, нѣмецкихъ камералистовъ, наконецъ, даже Аристотеля. Такимъ образомъ, оказывается, что нѣтъ почти ни одной эпохи отъ нашихъ дней до глубокой древности, къ которой бы не относили начало экономической науки. Подходя къ этой путаницѣ мнѣній, Онкенъ устанавливаетъ въ качествѣ критерія, исходя изъ котораго можно было бы критически отнестись къ высказаннымъ по этому поводу мнѣніямъ, первое появленіе и вполнѣ сознательное примѣненіе для научной работы метода изслѣдованія, выведеннаго изъ самихъ цѣлей нашей науки. Примѣняя этотъ критерій, Онкенъ приходитъ къ выводу, что первая научная система въ области экономіи была создана физіократической школой, а главнымъ родоначальникомъ экономической науки долженъ быть признанъ глава этой школы Франсуа Кенэ, примѣнившій впервые въ своихъ произведеніяхъ „точный или математически-доказательный методъ“, явившійся впослѣдствіи одной изъ специфическихъ особенностей работъ представителей классической школы политической экономіи.[3]) Такимъ образомъ, начало эконо-

---

[1]) T. Bernhardi, Versuch einer Kritik der Gründe, die für grosses und kleines Grundeigentum angeführt werden, Petersburg, 1848, S. 90.

[2]) Karl Marx. Das Elend der Philosophie, 3 Auflage, 1895, S. 84.

[3]) August Oncken. Geschichte der Nationalökonomie, I Teil, 3 Auflage, Leipzig, 1922, S. 1—5.

мической науки должно быть отнесено къ эпохѣ господства ученія физіократовъ, все же предшествующее развитіе представляетъ собой только предварительные шаги, такъ сказать, доисторическій періодъ науки.

Такъ какъ мы связывали начало изслѣдованія вопросовъ народнаго хозяйства съ наступленіемъ періода новой исторіи, то сюда должны быть включены и научные труды довольно многочисленнаго ряда писателей по экономическимъ вопросамъ, объединяемыхъ общимъ названіемъ *меркантилистовъ*. Хотя они и должны быть отнесены, согласно взгляду Онкена, только къ подготовительной стадіи исторіи нашей науки, но такъ какъ писанія ихъ относятся уже къ періоду новой исторіи и въ значительной степени подготовили самую школу физіократовъ, являющуюся отчасти опроверженіемъ высказанныхъ ими мнѣній, то мы считаемъ правильнымъ начать свое разсмотрѣніе именно съ этой доктрины.

Меркантилисты, къ числу которыхъ принадлежитъ очень большое количество писателей въ различныхъ странахъ, не создали своей собственной теоріи. Хотя въ ихъ произведеніяхъ можно намѣтить нѣкоторыя общія черты, но эти полѣднія давались не столько послѣдовательной работой теоретической мысли, сколько представляли собой отраженіе тогдашней практической политики большинства европейскихъ государствъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что меркантилизмъ это, въ первую очередь, система практическихъ государственныхъ мѣропріятій, представлявшихъ собою вмѣшательство въ экономическую сферу и унаслѣдованныхъ государственной властью по естественной традиціи отъ средневѣкового строя городской жизни.

Меркантилистическія сочиненія того времени исходятъ, по преимуществу, отъ практическихъ текущихъ запросовъ дня: въ Италіи отъ вопросовъ денежной системы, въ Англіи отъ торговли съ Индіей, торговыхъ компаній, защитительныхъ пошлинъ; также приблизительно въ Голландіи и Франціи; въ Германіи она занимается, главнымъ образомъ административными и хозяйственными задачами территоріальныхъ государствъ. Вся эта литература носитъ наполовину политическо-административный, наполовину техническій характеръ. Исходитъ она очень часто отъ отдѣльныхъ конкретныхъ вопросовъ, а цѣлью ея является намѣтить пути для побѣдоносно развивающейся абсолютистской власти государства. Она хочетъ создать промышленность при помощи системы охранительныхъ пошлинъ, запрещеній на ввозъ и премій на вывозъ, стремится пріобрѣтать колоніи и желаетъ содѣйствовать объединенію въ болѣе крупное хозяйственное цѣлое мелкихъ разрозненныхъ областей при помощи отграниченія во внѣ и уничтоженія всякихъ стѣсненій для внутренняго оборота. „Вся политическая и хозяйственная жизнь представляется ей въ качествѣ механизма, который можно регулировать при помощи разумно придуманныхъ законовъ и государственныхъ органовъ. Новая хозяйственная жизнь, по ихъ мнѣнію, является продуктомъ творчества государственнаго дѣятеля, какъ это и можно

на самомъ дѣлѣ сказать про Англію Кромвеля, Францію Кольбера и Пруссію Фридриха II."[1]) Съ нѣкоторыми оговорками сюда же можно присоединить и Россію эпохи Петра I-го.

Такимъ образомъ, хотя меркантилисты, какъ мы уже сказали, не создали никакой собственной завершенной теоріи, они теоретически обосновывали практическія мѣропріятія государственной политики, являясь проводниками системы политическаго абсолютизма, направленной къ поддержанію буржуазіи и движимаго капитала и, болѣе или менѣе, во вредъ дворянства и землевладѣнія

Если свести въ одно цѣлое характерныя черты меркантилизма, какъ ученія, то онѣ могутъ быть выражены слѣдующими главнѣйшими положеніями. Меркантилисты стремились: a) придавать чрезмѣрное значеніе большому запасу драгоцѣнныхъ металловъ, b) выдвигали значеніе иностранной торговли передъ внутренней, обрабатывающей промышленности передъ добывающей, c) слишкомъ высоко цѣнили густое населеніе въ странѣ, какъ элементъ національной силы и d) прибѣгали къ дѣятельности власти для искусственнаго достиженія желательныхъ, по ихъ мнѣнію, цѣлей.[2]) Среди этихъ положеній нужно на особо замѣтное мѣсто выдвинуть то значеніе, которое меркантилизмъ придавалъ внѣшней торговлѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ученію о торговомъ балансѣ. Богатство, по мнѣнію меркантилистовъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ больше товаровъ продается за границу. Иностранную торговлю можно сравнить съ коромысломъ вѣсовъ, по отношенію къ которому ввозъ и вывозъ являются какъ бы двумя чашками, и перевѣсъ, обнаруживаемый одной изъ нихъ, выясняетъ, притекаютъ ли деньги въ страну, т. е. она дѣлается богаче, или деньги изъ нея уходятъ, и страна бѣднѣетъ.

Теперь мы знаемъ, что далеко не все дѣло заключается въ торговомъ балансѣ, рядомъ съ которымъ выдвигается все большее значеніе расчетнаго. Но для того времени политика меркантилистовъ, направленная на созданіе системы охраны туземной промышленности при помощи таможенныхъ пошлинъ и премій, на пріобрѣтеніе колоній и заключеніе выгодныхъ торговыхъ договоровъ, заключали въ себѣ извѣстное зерно истины. Эта половинчатая истинность ихъ положеній подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстная часть меркантилистическихъ требованій возродилась значительно позже въ видѣ, такъ называемой, политики протекціонизма.

Но, какъ уже ясно изъ предыдущаго, иностранная торговля и содѣйствіе вывозу издѣлій туземной промышленности заграницу важны, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того притока денегъ, который они вызываютъ. По словамъ Томаса Мёна, который считается первымъ основателемъ системати-

---

[1]) Schmoller, Volkswirtschaft etc. l. c. S. 441.

[2]) Ингрэмъ. Исторія политической экономіи, пер. А. Н. Миклашевскаго, 2 изд. 1897, стр. 53, а также, въ видѣ перечисленія большаго количества отдѣльныхъ пунктовъ, въ статьѣ Leser'a, Merkantilsystem, Handw. d. Stsw. Bd. VI³, S. 651.

ческаго ученія о торговомъ балансѣ, „деньги создаютъ торговлю, а торговля создаетъ деньги.“ Изъ того значенія, которое меркантилисты придавали притоку денегъ въ страну и вообще изобилію въ странѣ благородныхъ металловъ, дѣлали иногда выводъ, что они идентифицировали понятіе денегъ съ богатствомъ. Но это неправильно по отношенію къ нимъ и вообще, и, въ особенности, не можетъ быть отнесено на счетъ болѣе позднихъ представителей меркантилизма. Они высоко цѣнили деньги, но такая оцѣнка должна была быть вполнѣ понятной въ моментъ перехода отъ въ значительной еще степени натуральнаго хозяйства къ широко развитому свободному денежному обороту и развитію новыхъ формъ промышленности. Деньги были важны, какъ одно изъ необходимыхъ средствъ для такого перехода.

Однако, ихъ взглядъ на экономическую жизнь былъ значительно глубже и не исчерпывался превознесеніемъ значенія иностранной торговли и преувеличенной оцѣнкой денежной наличности въ странѣ. Они обращали вниманіе, какъ это показываетъ хотя-бы политика наиболѣе блестящаго практическаго представителя взглядовъ меркантилизма — Кольбера во Франціи, и на чисто хозяйственную сторону народнаго благосостоянія, и на содѣйствіе его развитію. Это выражалось въ отмѣнѣ всякихъ стѣсненій торговли внутри страны, вродѣ внутреннихъ таможенныхъ заставъ и тому подобныхъ поборовъ, усовершенствованіи дорогъ, постройкѣ каналовъ, созданіи торговаго флота и усиленномъ содѣйствіи развитію туземной промышленности путемъ привлеченія искусныхъ мастеровъ изъ за границы, покупки промышленныхъ тайнъ и, наконецъ, прямого созданія государственныхъ мануфактуръ и фабрикъ, остатки которыхъ мы встрѣчаемъ еще и понынѣ (Севрская и Саксонская фарфоровыя фабрики и т. д.) Въ этихъ мѣропріятіяхъ для того времени было немало вполнѣ жизненныхъ элементовъ, но, при ихъ чрезмѣрномъ преувеличеніи и слишкомъ долгой длительности, они выродились, отстали отъ жизни и сдѣлались вмѣсто содѣйствія тормазомъ. Промышленность, ставшая на ноги и окрѣпшая, начинала тяготиться чрезмѣрною опекой и стала взывать о свободѣ дѣйствія: „Laissez faire, laissez passer!“ Развившаяся иностранная торговля между государствами не могла исходить изъ убѣжденія, что эта торговля есть нѣчто вродѣ войны и что торговая выгода одной страны всегда получается на счетъ вреда для другой. Наоборотъ, въ этомъ отношеніи стали исходить изъ предположенія объ общей, обоюдной выгодѣ. Времена измѣнились и на смѣну меркантилистовъ стало выдвигаться новое ученіе, исходившее изъ началъ свободы въ экономической жизни.

Мы знаемъ, какое громадное вліяніе идеи одной сферы человѣческаго мышленія оказываютъ подчасъ на другую. Въ частности, руководящія экономическія системы съ XVI по XIX вѣкъ въ значительной степени были обусловлены ученіемъ естественнаго права и философскими теоріями этой эпохи. Особенно большое вліяніе оказало естественное право, которое было въ это время выдвинуто цѣлымъ рядомъ мыслителей и талантливыхъ писателей въ раз-

личныхъ странахъ. О немъ писали Бодэнъ, Пуффендорфъ и Христіанъ Вольфъ, и тѣ же идеи мы встрѣчаемъ въ различномъ преломленіи и по отношенію къ различнымъ сферамъ человѣческой дѣятельности у Гуго Гроція, Гоббса, Локка, Шефтсбюри, Монтескье, Руссо и другихъ. Въ общемъ, это былъ довольно длинный періодъ почти полнаго господства естественнаго права, которое проводило свои идеи въ философіи, правовѣдѣніи, морали, воспитаніи и экономикѣ. Величайшіе мыслители этой эпохи, исходя изъ анализа человѣческой природы, изъ познанія истинъ, вложенныхъ въ человѣка божествомъ, думаютъ, что могутъ на этомъ основаніи создать абсолютно истинную науку.

Самая идея естественнаго закона и идущая рядомъ съ ней идея естественнаго права, собственно, очень древняго происхожденія, восходя своими корнями еще къ греческой философіи, главнымъ образомъ къ стоикамъ, которые опять таки идутъ по стопамъ Гераклита, отчасти же къ ученію Эпикура. Но мотивъ стоической философіи является здѣсь, несомнѣнно, главенствующимъ въ видѣ представленія о тождествѣ закона естественнаго и закона нравственнаго, природы и разума, которое наложило свой отпечатокъ на цѣлыя столѣтія человѣческаго мышленія. Конечно, въ ученіи естественнаго права было очень много разнообразныхъ оттѣнковъ, нерѣдко извѣстныхъ противорѣчій, объясняемыхъ уже одной длительностью его существованія и большимъ количествомъ ученыхъ, излагавшихъ въ своеобразной интерпретаціи и примѣнительно къ различнымъ сферамъ человѣческой жизни его существенныя основы. Но эти послѣднія были болѣе или менѣе одинаковы. Наблюдающіеся въ тогдашней общественной жизни повторяющіеся повсюду порядки и установленія, какъ раздѣленіе труда, рыночный обмѣнъ, денежное хозяйство и т. п. представляются мыслителямъ естественнаго права слѣдствіемъ природныхъ влеченій и божественныхъ законовъ. Божественное начало, человѣческій разумъ и природа очень часто идентифицируется ими по примѣру стоиковъ. Естественные законы, по мнѣнію Гоббса, неизмѣнны и вѣчны. Никакой обычай и никакой гражданскій законъ не можетъ ихъ устранить. Если гдѣ и обнаруживаются извѣстныя отступленія отъ этихъ законовъ, то естественное право даетъ указанія, какъ можно къ нимъ снова приблизиться и ихъ возстановить. Такимъ образомъ, главный вопросъ представляетъ ознакомленіе съ естественнымъ порядкомъ вещей, при помощи котораго можно понять основную сущность государственной, общественной и хозяйственной жизни и намѣтить существенныя цѣли божества и мірового разума. Вотъ, вкратцѣ, тѣ основныя мысли, изъ которыхъ исходила школа физіократовъ, пришедшая на смѣну меркантилистамъ.

Основой всѣхъ ихъ построеній является ordre naturel — естественный порядокъ. Это — порядокъ, предусмотрѣнный Богомъ для счастья людей, такъ сказать, провиденціальный порядокъ. Нужно только сначала ознакомиться съ нимъ, а, узнавъ его, научиться ему подчиняться, что не представляетъ чрезмѣрной трудности, такъ какъ онъ основанъ на „очевидности“ — evidence.

Изъ такой точки зрѣнія исходитъ Франсуа Кенэ, основатель и глава физіократической школы. лейбъ-медикъ короля Людовика XV, только уже въ очень зрѣломъ возрастѣ начавшій заниматься экономическими вопросами. Онъ былъ не только экономистомъ, но въ такой же степени моралистомъ и философомъ. Поэтому онъ и строитъ все свое ученіе на философско-моральной основѣ естественнаго права. По его мнѣнію, законамъ естественнаго порядка, господствующаго въ природѣ и людскомъ обществѣ, нужно научиться, и потому образованіе и воспитаніе является одной изъ главнѣйшихъ задачъ государства. Но далеко недостаточно только узнать этотъ естественный порядокъ, нужно еще и сообразовать съ нимъ свое поведеніе. Это очень легко, ибо онъ въ то же время является самымъ выгоднымъ для человѣчества. Каждый, дѣйствуя сообразно естественному порядку и стремясь съ наименьшими затратами добиться наибольшаго благосостоянія, приближается къ созданію общаго блага. Принципъ невмѣшательства — laissez faire — съ такой точки зрѣнія — вовсе не пассивность и не фатализмъ, это, наоборотъ, созданіе простора для свободы дѣйствія, которая приведетъ къ осуществленію естественнаго порядка.

Главнымъ экономическимъ произведеніемъ Кенэ является его сочиненіе „Tableau économique“ (1758), гдѣ представленъ процессъ обращенія, циркуляціи доходовъ въ народномъ хозяйствѣ. Физіократы приписывали необычайное значеніе этому сочиненію. По ихъ мнѣнію, человѣчество знало три величайшихъ изобрѣтенія: 1) изобрѣтеніе письма, 2) изобрѣтеніе монеты и 3) превосходящее два предшествующихъ — созданіе экономической таблицы.

Въ своей „таблицѣ“ Кенэ различалъ три основныхъ класса народонаселенія: 1) производительный классъ, состоящій исключительно изъ земледѣльцевъ, 2) классъ владѣльцевъ земельной собственности и вообще представителей какихъ либо „правъ“ и 3) безплодный классъ (classe stérile), включающій въ себя промышленность, торговлю, домашнюю прислугу и либеральныя профессіи. Кромѣ этихъ основныхъ трехъ классовъ Кенэ знаетъ еще и четвертый, не нашедшій себѣ мѣста въ „Таблицѣ“, — это совершенно неимущее населеніе, самое многочисленное. Это — „dernières classes de citoyens“, „petit peuple“, „bas peuple“, низы населенія, играющіе только пассивную роль въ хозяйственномъ процессѣ, въ крайнемъ случаѣ, имѣющіе значеніе лишь потребителя созданныхъ продуктовъ.

Уже изъ этого перечисленія и наименованія соотвѣтственныхъ классовъ выясняется отчасти одна изъ самыхъ основныхъ идей физіократовъ, мысль объ исключительной производительности земли. Только въ земледѣльческой промышленности, по ихъ мнѣнію, вновь созданное богатство превышаетъ количество богатства, потребленнаго во время процесса работы. Во всякомъ другомъ производствѣ происходитъ лишь измѣненіе формы, обмѣнъ, передвиженіе уже готовыхъ созданныхъ цѣнностей. Къ этимъ по-

слѣднимъ лишь прибавляется стоимость другихъ продуктовъ, потребленныхъ во время работы всякаго ремесленника, мануфактуриста и т. д. Но, какъ это говоритъ видный физіократъ Мерсье де ла Ривіеръ, „сложеніе не есть умноженіе“. То, что получаютъ мануфактуристы, купцы, вообще представители класса, который физіократы называютъ безплоднымъ — stérile — это ихъ выручка „gain“, но она не ихъ созданіе; она ими заработана, но не создана. Она получается ими отъ другихъ, которыми являются земледѣльческіе классы, единственные, создающіе при помощи силъ природы настоящій доходъ „produit net“.

Въ связи съ этимъ ихъ представленіемъ находится и извѣстное физіократическое предложеніе о замѣнѣ всѣхъ налоговъ, особенно косвенныхъ, единымъ налогомъ, падающимъ на землю и облагающимъ этотъ „чистый продуктъ“. Вотъ, въ самыхъ короткихъ словахъ, главнѣйшія основныя экономическія идеи физіократовъ, особенно въ той ихъ формѣ, какъ онѣ выразились въ произведеніяхъ Кенэ. Но, наряду съ этимъ, не нужно забывать, что все построеніе этого послѣдняго не одно только экономическое ученіе, но и отраженіе извѣстной философской доктрины, и это то обстоятельство и придаетъ ему такой опредѣленный характеръ, даетъ ему особый размахъ и значеніе. По своему общему характеру это ученіе является построеніемъ, исходящимъ изъ идей экономическаго индивидуализма, соединяемаго съ опредѣленными стремленіями либеральной политики. Законы хозяйства должны разсматриваться, какъ законы внѣшней, матеріальной природы, должны носить тотъ же механическій причинный характеръ. Наряду съ этимъ, индивидууму должна быть предоставлена возможно большая свобода, ведущая, въ результатѣ преслѣдованія имъ своихъ цѣлей, къ общему благу. Исходя изъ этого, физіократы являются убѣжденными сторонниками свободы не только внутренней, но и иностранной торговли, что вполнѣ отвѣчаетъ соображеніямъ доктрины laissez faire. Чѣмъ меньше стѣсненій, тѣмъ лучше, и поэтому самымъ полезнымъ дѣяніемъ законодателя была бы отмѣна безполезныхъ законовъ. Однако, такое отрицательное отношеніе къ ненужнымъ стѣсненіямъ нисколько не мѣшаетъ физіократамъ быть сторонниками сильной власти, монархіи, въ извѣстномъ смыслѣ деспотизма. Нужно только имѣть въ виду, что представляемый ими себѣ деспотизмъ совсѣмъ особенный. Это деспотизмъ естественнаго порядка, съ которымъ долженъ сообразоваться всякій разумный человѣкъ. Представителемъ такой исполняющей велѣнія мірового разума власти является король, выражающій собой лишь органъ для проведенія въ жизнь высшихъ законовъ, не имъ созданныхъ. Его можно было бы, по идеѣ, сравнить съ капельмейстеромъ оркестра, пользующимся своимъ скипетромъ лишь для отмѣчанія музыкальныхъ размѣровъ и тактовъ симфоніи, не имъ написанной[1]).

[1]) Gide et Riste. Histoire des doctrines économiques, 2 ed. Paris, 1913, p. 42.

Физіократическая школа дала для экономической науки чрезвычайно много цѣннаго. Самымъ главнымъ былъ примѣненный ею методъ, выражавшійся въ отысканіи строгихъ причинныхъ законовъ, и выдвиганіе, въ связи съ этимъ, на особо замѣтное мѣсто дедукціи. Что касается самаго содержанія ихъ писаній, то въ нихъ, наряду съ весьма цѣнными мыслями, предвосхищавшими многія позднѣйшія достиженія экономической теоріи, было очень много непродуманнаго и прямо ложнаго: вспомнимъ хотя бы указанное нами выше ихъ положеніе объ исключительной производительности одной только земли и непроизводительности всѣхъ остальныхъ видовъ промышленнаго труда или ихъ предложеніе относительно замѣны всѣхъ другихъ видовъ обложенія единымъ поземельнымъ налогомъ и т. д.

Но, несмотря на всѣ эти ошибки и неправильные выводы, все же эта школа, несомнѣнно, является тѣмъ направленіемъ экономической мысли, съ котораго датируется настоящее начало экономической науки. Однако, тѣмъ не менѣе, не Франсуа Кенэ, главѣ физіократической школы выпала честь именоваться создателемъ политической экономіи; названіе „отца“ этой науки было присвоено англичанину, или точнѣе шотландцу, Адаму Смиту.

Адамъ Смитъ явился основателемъ того направленія въ экономической наукѣ, которое впослѣдствіи получило названіе „классической школы“ политической экономіи. Онъ былъ профессоромъ университета, но въ началѣ своей жизни имѣлъ возможность непосредственно наблюдать практическую сторону экономичнской жизни въ одномъ изъ ея наиболѣе чувствительныхъ пунктовъ — таможенной сферѣ, такъ какъ былъ сыномъ таможеннаго чиновника. Эпоха, въ которой онъ жилъ (1723—1790), была періодомъ промышленнаго перелома, когда рядомъ съ отмиравшими, но все еще сохранявшими свою частичную силу положеніями стараго экономическаго уклада, зарождались начатки новаго крупно-капиталистическаго строя. Это былъ періодъ великихъ изобрѣтеній въ промышленности: прядильной машины, механическаго ткацкаго станка, паровой машины. Техническія преимущества новаго капиталистическаго строя, въ частности крупнаго производства, успѣли намѣтиться уже съ достаточной очевидностью, но соціальныя его послѣдствія, въ особенности вслѣдствіе сохраненія многихъ пережитковъ стараго законодательства, еще не успѣли обнаружиться съ полной силой. Техническій прогрессъ, концентрація производства сулили почти неограниченныя экономическія возможности, обѣщали неустанный ростъ народнаго богатства, а для конфликтовъ въ соціальной сферѣ далеко еще не было того простора, который характеризовалъ дальнѣйшія эпохи того же экономическаго развитія. Эти особенности окружающей обстановки наложили свой отпечатокъ на всю экономическую конструкцію главнаго произведенія Смита „Богатства народовъ“ (1776). Онъ вѣритъ въ творческую силу народнаго труда и въ зависимость степени народнаго благосостоянія отъ количества этого послѣдняго, затрачиваемаго въ странѣ. При этомъ важно не только самое это

количество, но и характеръ его организаціи. Это заставляетъ Смита выдвинуть на особо замѣтное мѣсто проблему раздѣленія труда, убѣжденнымъ проповѣдникомъ выгодъ котораго онъ и является. Сосредоточеніе рабочихъ въ одномъ предпріятіи и расчлененіе процесса работы между ними даетъ грандіозные результаты въ смыслѣ повышенія производительности. Но раздѣленіе труда и соединенное съ нимъ увеличеніе производства находятся въ тѣсной зависимости отъ размѣровъ рынка для сбыта созданныхъ продуктовъ. Послѣднее понятіе приводитъ насъ къ вопросу объ обмѣнѣ, склонность къ которому, по мнѣнію Смита, заложена въ человѣческой природѣ. Процессъ обмѣна и является тѣмъ основнымъ пунктомъ, съ которымъ связаны всѣ дальнѣйшіе экономическіе выводы Смита.

Такимъ образомъ, Смитъ устанавливаетъ основное положеніе, что годичный трудъ націи является тѣмъ источникомъ, изъ котораго она получаетъ средства, необходимыя ей для поддержанія жизни и удовлетворенія другихъ потребностей. Въ непосредственную связь съ трудомъ, какъ основнымъ и первоначальнымъ источникомъ богатства, ставится понятіе цѣнности, ибо, по мнѣнію Смита, трудъ является мѣриломъ для мѣновой цѣнности всякого блага. Реальнымъ выраженіемъ мѣновой цѣнности представляется цѣна, которая, въ свою очередь, раздѣляется на естественную и рыночную. Естественная цѣна приближается къ цѣнности, а къ этой естественной цѣнѣ тяготѣютъ мѣняющіяся, зависящія отъ соотношенія спроса и предложенія рыночныя цѣны.

Въ дальнѣйшемъ Смитъ останавливается на вопросѣ о распредѣленіи результата годичнаго производства націи между тремя главнѣйшими группами производителей и устанавливаетъ понятія заработной платы, ренты и прибыли, останавливаясь на выясненіи и расчлененіи сложнаго вопроса о капиталѣ. Вообще, можно сказать, что Смитъ въ теоретической части своего сочиненія затрагиваетъ и намѣчаетъ всѣ главнѣйшіе пункты экономической теоріи, которые въ дальнѣйшемъ были предметомъ обсужденія и разработки цѣлаго ряда писателей самыхъ различныхъ направленій. Поэтому въ работѣ Смита и заложены тѣ основанія, съ которыми связаны работы послѣдующихъ „школъ“ и направленій въ экономической наукѣ.

Кромѣ этихъ теоретическихъ положеній въ „Богатствѣ народовъ“ имѣются довольно значительные историческіе экскурсы и исторія и критика предшествующихъ экономическихъ направленій: физіократическаго, оказавшаго на Смита очень большое вліяніе, и, въ особенности, меркантилизма, съ которымъ Смитъ считалъ своей задачей самымъ усиленнымъ образомъ бороться. Замѣтная часть его сочиненія посвящена вопросамъ экономической политики, въ первую очередь, защитѣ началъ свободной торговли и вообще установленію принципа возможно широкой экономической свободы и, наконецъ, послѣдняя часть, трактующая о „доходахъ государя или государства“, представляетъ собою нѣчто вродѣ краткаго курса финансовой науки.

Для того времени „Богатство народовъ“ или, какъ гласитъ полный его титулъ „Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ,“ представляло собою неизсякаемый кладезь экономической мудрости, и вполнѣ понятно, что черезъ короткій срокъ вліяніе книги распространилось далеко за предѣлы Англіи; она была переведена на многіе европейскіе языки, стала, въ самомъ дѣлѣ, „классической“ и сравнивалась по своему значенію съ библіей.

Нельзя отрицать, что взгляды Смита складывались подъ тѣми же вліяніями, которыя оказали свое воздѣйствіе на ученіе физіократовъ. Смитъ вѣдь былъ не только экономистомъ, но въ значительной степени и философомъ, при чемъ первое его сочиненіе, какъ извѣстно, было посвящено вопросамъ морали и носитъ названіе „Теорія нравственныхъ чувствъ“ (1759), и въ немъ основой дѣятельности людей предполагается чувство симпатіи, между тѣмъ какъ въ главномъ его экономическомъ изслѣдованіи все покоится на принципѣ индивидуальнаго эгоизма. Въ общемъ, взгляды Смита носятъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ же общихъ теченій, которыя отразились и на міросозерцаніи его современника, Кенэ: просвѣтительной философіи, естественнонаучнаго раціонализма и индивидуализма. И Адамъ Смитъ точно также исходитъ изъ предположенія о спасительности системы, ничѣмъ неограничиваемой экономической свободы. Разумный эгоизмъ каждаго, даже безотносительно къ его личнымъ намѣреніямъ, долженъ привести въ конечномъ итогѣ къ общему благу. Свободная конкуренція, уничтоженіе всякихъ оставшихся отъ старины стѣсненій монополистическаго характера, цеховыхъ привилегій, пошлинъ и. т. п. обезпечиваютъ наиболѣе цѣлесообразный порядокъ экономической жизни, изученіе котораго Смитъ и ставитъ своей задачей. Такимъ образомъ Смитъ предполагаетъ наличіе извѣстной цѣлесообразности въ природѣ, его міросозерцаніе носитъ, подобно физіократическому, сообразно съ этими его предположеніями, телеологическій, въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, даже теологическій характеръ. Государство, по его мнѣнію, лучше всего достигаетъ преуспѣнія, если оно ограничиваетъ свою задачу облегченіемъ налоговой тяжести и обезпеченіемъ прочнаго правового порядка; все остальное придетъ само собой безъ государственнаго вмѣшательства. Вѣдь общество представляетъ собою организмъ, самопроизвольно достигающій наилучшихъ результатовъ. Даже людскіе пороки ведутъ въ конечномъ счетѣ къ общему преуспѣянію, и эгоистическій интересъ является лучшимъ регуляторомъ общественныхъ отношеній. Какъ клѣточки организма работаютъ на пользу цѣлаго, такъ и въ общественномъ цѣломъ эгоистическіе мотивы, живущіе въ отдѣльныхъ людяхъ; природѣ и здѣсь долженъ быть предоставленъ возможный просторъ и она, какъ всегда, наилучшимъ образомъ выполнитъ свою задачу.

Таково общефилософское міросозерцаніе Смита, во многомъ, какъ мы видимъ, напоминающее отправныя точки зрѣнія физіократовъ. Но, рядомъ съ замѣтнымъ сходствомъ между взглядами Смита и его предшественниковъ,

въ нихъ обнаруживается и замѣтное различіе. Такъ, напримѣръ, вмѣсто выдвиганія физіократами на первый планъ силъ природы (земли) и преклоненія передъ творческою силою этихъ послѣднихъ, Смитъ на первое мѣсто ставитъ значеніе человѣческаго труда, особенно цѣлесообразно организованнаго, и оцѣниваетъ человѣческую дѣятельность съ точки зрѣнія ея производительности. Поэтому для него наиболѣе цѣлесообразной формой промышленной организаціи является крупное производство съ широкимъ раздѣленіемъ труда и примѣненіемъ капитала, т. е. капиталистическое производство, и Смитъ, съ такой точки зрѣнія, можетъ быть названъ первымъ философомъ новѣйшаго капитализма.

Однако, это его пристрастіе къ наиболѣе продуктивнымъ методамъ производства, которыми является, несомнѣнно, капиталистическая промышленность, въ связи съ его вѣрой въ спасительную силу невмѣшательства въ экономическую жизнь, не дѣлаетъ его совершенно безучастнымъ зрителемъ окружающаго, и онъ, съ свойственной ему во многихъ мѣстахъ его труда подкупающей непослѣдовательностью, не разъ становится на сторону рабочихъ въ ихъ возможныхъ конфликтахъ съ капиталомъ и, вмѣсто всеспасительнаго начала эгоизма, въ его сочиненіи съ достаточной наглядностью выступаютъ чувства симпатіи.

Такова, въ самыхъ крупныхъ чертахъ, общая концепція экономическаго построенія Смита. Какъ мы видѣли, сообразно съ тѣми воздѣйствіями, которыя на него оказывала окружающая жизнь и господствовавшіе въ это время научныя теченія, его ученіе отлилось въ такія формы, что Смита съ полнымъ правомъ можно назвать идеалистомъ и оптимистомъ. Однако, развивающаяся экономическая жизнь несла съ собой такъ много новаго и обнаруживала такія рѣзкія противорѣчія, что, въ противоположность Смитовскому оптимизму, уже у его ближайшихъ послѣдователей ярко проявился совершенно опредѣленный пессимизмъ и вмѣсто идеализма на первый планъ выступила строго реалистическая оцѣнка дѣйствительности. Дальнѣйшими продолжателями дѣла Адама Смита, внесшими, однако, въ него соотвѣтственную новую струю, новый тонъ, были Робертъ Мальтусъ и Давидъ Рикардо.

Смитъ жилъ въ эпоху, когда начинался великій промышленный переворотъ въ экономической жизни, но всѣ послѣдствія его еще не успѣли сказаться въ дѣйствительности. Усовершенствованіе путей сообщенія, въ видѣ проведенія каналовъ, создавали значительное облегченіе для внутреннихъ торговыхъ оборотовъ и вообще для передвиженія товаровъ, изобрѣтеніе машинъ и всевозможныхъ техническихъ приспособленій, вмѣстѣ съ все большимъ примѣненіемъ начала раздѣленія труда въ мануфактурѣ, обѣщали необычайное увеличеніе производительности, а вмѣстѣ съ нимъ, и развитіе народнаго богатства. Но, рядомъ съ этими грандіозными перспективами увеличенія человѣческаго благополучія и несомнѣннымъ подъемомъ экономи-

ческой жизни, стали обнаруживаться явленія обратнаго порядка. Вытѣсненіе крестьянъ съ земли и появленіе капиталистическаго фермера на земляхъ лэндлордовъ, правда, знаменовало собой извѣстный прогрессъ сельскаго хозяйства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, создавало кадры безземельнаго пролетаріата. Появленіе машинъ, во много разъ поднимавшихъ прежнюю производительность труда, выбрасывало многіе десятки и даже сотни тысячъ рабочихъ на улицу и вело къ усиленной эксплоатаціи дѣтскаго и женскаго труда, замѣнявшаго собою мужской. Вообще, возрастаніе національнаго богатства во многихъ случаяхъ, вопреки ученію Смита, оказалось равносильнымъ обѣдненію народной массы. Въ экономической жизни, предоставленной самой себѣ, при господствѣ принципа индивидуальнаго эгоизма, вовсе не получалось той гармоніи и тѣхъ благопріятныхъ результатовъ, которые отъ этого ожидались. Особенно ярко проявлялись всѣ эти неблагопріятныя послѣдствія и неустройства въ области распредѣленія народнаго дохода. Законы этого послѣдняго не были съ достаточной полнотой изучены и изслѣдованы Смитомъ, и то немногое, что было сказано имъ въ этомъ отношеніи, принадлежитъ къ числу наиболѣе слабыхъ частей его экономическаго построенія. Главное вниманіе Смита было направлено на производство и его факторы, на тѣ великія достиженія, которыя могутъ быть связаны съ разумнымъ примѣненіемъ и использованіемъ человѣческаго труда, этой важнѣйшей творческой силы. Обратить вниманіе на послѣдствія возростанія народнаго производства и его распредѣленіе между различными соціальными группами, принимающими въ немъ участіе, сдѣлалось одной изъ главнѣйшихъ задачъ, привлекшихъ къ себѣ вниманіе писателей слѣдующаго за Смитомъ поколѣнія. Среди этихъ послѣднихъ, какъ мы уже сказали, на особо замѣтное мѣсто должны быть поставлены Рикардо и Мальтусъ.

Съ именемъ Мальтуса (1766—1834) сейчасъ же связывается обыкновенно его знаменитое ученіе о народонаселеніи, такъ называемый „законъ Мальтуса“. Въ этомъ мѣстѣ нашего изложенія мы не собираемся подробно на немъ останавливаться, откладывая это до дальнѣйшихъ частей курса. Достаточно, однако, сразу же указать, что въ то время какъ Смитъ исходилъ въ своихъ разсужденіяхъ изъ вопросовъ и явленій народнаго богатства, Мальтусъ исходилъ изъ размышленій о народной бѣдности. Онъ подвергъ сомнѣнію оптимистическое вѣрованіе Смита, что трудъ самъ по себѣ можетъ творить богатства, что съ увеличеніемъ его количества возрастаетъ народное благосостояніе. Въ этомъ отношеніи ученіе Смита нѣсколько напоминало взгляды меркантилистовъ съ необычайнымъ выдвиганіемъ этими послѣдними популяціонистическаго принципа: вѣрой въ спасительность увеличенія населенія въ странѣ и стремленіемъ всякими способами увеличивать число жителей каждаго государства, ибо параллельно съ этимъ возрастаетъ мощь и благосостояніе всего государственнаго цѣлаго.

Мальтусъ подходитъ къ этому вопросу совершенно иначе и рѣшаетъ

его въ діаметрально противоположномъ смыслѣ. Производительность человѣческаго труда онъ разсматриваетъ примѣнительно къ землѣ, на которой онъ прилагается. Но почва не даетъ пропорціональнаго увеличенія своихъ продуктовъ въ точномъ соотвѣтствіи съ количествомъ затраченнаго на ней труда. Новыя количества труда, приложеннаго при тѣхъ же условіяхъ къ землѣ, даютъ послѣдовательно все меньшіе результаты. Земля все менѣе вознаграждаетъ, за переходомъ опредѣленной границы, трудъ земледѣльца. Это знаменитое ученіе объ уменьшающемся плодородіи почвы, намѣченное уже раньше Тюрго, Андерсономъ и Вестомъ, но особенно подробно развитое Мальтусомъ.

Въ этой теоріи заключается уже въ зародышѣ все его знаменитое ученіе о народонаселеніи. Разъ почва не вознаграждаетъ земледѣльца пропорціонально дополнительному количеству труда, приложеннаго къ ея обработкѣ, то это отражается вообще на возможности пропитанія населенія. Населеніе въ своемъ ростѣ можетъ обгонять ростъ средствъ продовольствія, а это приводитъ къ чрезвычайно тяжелымъ послѣдствіямъ для человѣчества, вызывающимъ необходимость тѣхъ или иныхъ, внутреннихъ или внѣшнихъ коррективовъ. Бѣдность, по мнѣнію Мальтуса, является естественнымъ слѣдствіемъ черезчуръ быстраго увеличенія населенія, которое не можетъ найти себѣ достаточнаго пропитанія. Такимъ образомъ, естественная гармонія, которую представлялъ себѣ Смитъ въ результатѣ ничѣмъ не стѣсняемаго соціально-экономическаго развитія общества, оказывается въ корнѣ нарушенной.

Но, если Мальтусъ сосредоточилъ главное свое вниманіе только на нѣкоторыхъ пунктахъ экономической дѣйствительности, представивъ ихъ съ чрезвычайной яркостью и произведя громадное впечатлѣніе не только на своихъ современниковъ, но и на рядъ послѣдующихъ поколѣній, то все же наибольшее развитіе основы заложеннаго Смитомъ ученія получили въ трудахъ Рикардо.

Только нужно сразу же отмѣтить, что тонъ и характеръ экономическихъ изслѣдованій Рикардо (1772—1823) были совершенно иными, чѣмъ у его учителя. Происшедшія въ экономической жизни измѣненія, обнаружившіяся въ ней противорѣчія не прошли для Рикардо даромъ и онъ не могъ уже убаюкивать себя утѣшительными снами о спасительности ничѣмъ не стѣсняемаго свободнаго развитія экономическихъ силъ. Та сфера, на которую Рикардо обратилъ свое преимущественное вниманіе, была область распредѣленія. — Какъ же распредѣляется народный доходъ, въ какой степени накапливающееся народное богатство осчастливливаетъ различныя группы народонаселенія? И вотъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что въ результатѣ этого распредѣленія, этой свободной игры экономическихъ силъ и интересовъ, общій ростъ народнаго благосостоянія можетъ идти и идетъ часто параллельно съ обѣднѣніемъ широкихъ народныхъ массъ. Обезпечи-

вающія кучкѣ счастливцевъ повышенные барыши усовершенствованныя машины и другія, облегчающія и ускоряющія работу изобрѣтенія вызываютъ нищету и страданія громадныхъ массъ населенія не только въ самой странѣ, но и далеко за ея предѣлами.

Все это не могло не произвести впечатлѣнія на Рикардо и онъ въ своемъ ученіи о распредѣленіи вмѣсто той картины болѣе или менѣе гармоническаго развитія, которое рисовалось передъ умственнымъ взоромъ Смита, даетъ намъ изложеніе наблюдающихся въ этой области противорѣчій. Онъ указываетъ на противоположность, характеризующую соотношеніе высоты прибыли и заработной платы, на противорѣчіе интересовъ промышленниковъ и землевладѣльцевъ. Въ этомъ отношеніи онъ закладываетъ прочныя экономическія основы ученію объ интересахъ различныхъ классовъ и обосновываетъ, такимъ образомъ, теорію классовой борьбы, хотя и не останавливаетъ на этомъ предметѣ своего спеціальнаго вниманія. Но подходъ у Рикардо ко всѣмъ этимъ вопросамъ совершенно своеобразный. Соотвѣтственно математическому складу своего ума онъ изслѣдуетъ всѣ эти вопросы чисто абстрактнымъ образомъ, какъ своего рода теоремы. Дедуктивный методъ мышленія поставленъ у него на особую высоту, являясь единственнымъ средствомъ познанія экономической истины. Поэтому, именно вслѣдствіе этого абстрактнаго подхода къ явленіямъ дѣйствительности, экономическая жизнь представляется ему не организмомъ, какъ у Смита, а скорѣе своего рода механической конструкціей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, выводы экономической науки пріобрѣтаютъ характеръ совершенно непреложныхъ, естественно-научныхъ или математическихъ законовъ, развивающихся съ желѣзною необходимостью. Человѣческія массы являются только своего рода пѣшками или винтиками сложнаго соціальнаго механизма, который совершаетъ свою работу, подчиняясь общимъ механическимъ или физико-математическимъ принципамъ. Но, при такой постановкѣ, именно вслѣдствіе ея крайней абстрактности, экономическая теорія могла быть поставлена на чрезвычайную высоту, и теоретическія достиженія Рикардо представляютъ собой нѣчто, сохраняющее свою постоянную цѣнность, несмотря на цѣлый рядъ послѣдующихъ возраженій и критики. Нѣкоторыя изъ его теорій, какъ, напримѣръ, ученіе о поземельной рентѣ, сохранили свое полное значеніе и донынѣ. Вообще же, по своему вліянію на послѣдующую экономическую науку, Рикардо можетъ быть съ значительнымъ правомъ признанъ, согласно словамъ его комментатора, Диля „самымъ вліятельнымъ экономистомъ XIX столѣтія.“

Въ Рикардо классическая школа политической экономіи достигла своего высшаго завершенія. Позднѣйшіе ея представители, какъ Макъ-Кёллокъ, Сеніоръ, Джонъ Стюартъ Милль, Кэрнсъ и другіе не прибавили ничего особенно крупнаго къ тому, что было сдѣлано указанными выше тремя ея главнѣйшими представителями, хотя Д. С. Милль, напримѣръ, сумѣлъ при-

дать всему ученію болѣе законченный характеръ и обнаружилъ мѣстами большую чуткость къ опредѣленнымъ соціальнымъ требованіямъ эпохи.

То атомистически-механическое представленіе, которое выдвигала классическая школа въ лицѣ ея лучшихъ представителей, разложеніе ею всѣхъ экономическихъ процессовъ на количественно опредѣляемые мѣновые акты, ярко выраженное абстрагированіе отъ дѣйствительности и представленіе общества въ качествѣ индивидуалистически обособленныхъ, руководимыхъ только личнымъ эгоизмомъ, самостоятельно хозяйствующихъ субъектовъ — вызвали противъ себя возраженія съ разныхъ точекъ зрѣнія. Эти возраженія были еще болѣе усилены тѣмъ обстоятельствомъ, что классическая школа съ высотъ своей абстракціи часто желала представить всѣ существующія неустройства въ качествѣ неизбѣжныхъ послѣдствій непреложныхъ экономическихъ законовъ, которыя поэтому и не должны вызывать съ нашей стороны никакого возмущенія, а приниматься, какъ нѣчто данное.

Критика этой постановки трактованія экономическихъ проблемъ и объясненія экономической жизни исходила, главнымъ образомъ, съ трехъ точекъ зрѣнія: оцѣнки ея положеній изъ сопоставленія ихъ съ прошлымъ, провѣрки и конструированія экономическихъ выводовъ изъ данныхъ исторіи и наблюденій надъ дѣйствительными фактами и, наконецъ, изъ извѣстной оріентаціи на будущее.

Первое направленіе представляютъ такъ называемые романтики, направленіе, зародившееся впервые въ Германіи, бывшей въ то время гораздо болѣе отсталой страной, чѣмъ Франція и Англія. Изъ противопоставленія всѣхъ тѣхъ неустройствъ, которыя несло съ собой новѣйшее экономическое развитіе съ его атомистическимъ расчлененіемъ общества, прежнему болѣе патріархальному экономическому укладу съ характеризовавшею его общностью интересовъ, дѣлался выводъ о несомнѣнныхъ преимуществахъ этого послѣдняго, и изъ этого постулировалась желательность сохраненія остатковъ этого прошлаго, а отчасти даже и высказывалось стремленіе къ извѣстному возвращенію назадъ, къ условіямъ пережитыхъ эпохъ. Это вызывало, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе выдвигать, въ противовѣсъ разрозненности отдѣльныхъ эгоистическихъ интересовъ современности, объединяющую и организующую роль государственной власти. Изъ такихъ соображеній болѣе или менѣе исходилъ нѣмецкій писатель начала XIX вѣка, Адамъ Мюллеръ (1779—1829), котораго въ настоящее время чрезвычайно превозносятъ нѣмецкіе неоромантики, среди которыхъ на особо замѣтное мѣсто нужно поставить вѣнскаго профессора, Отмара Шпанна. Въ прежнее время это теченіе имѣло только отдѣльныхъ представителей и характеризуется не столько какими либо новыми достиженіями въ сферѣ экономической теоріи, сколько своимъ стремленіемъ оказать воздѣйствіе на строй и характеръ дѣйствительной жизни, современная экономическая сущность которой подвергается съ его стороны суровой критикѣ. Къ числу представителей этого направленія, только

косвенно прикосновенныхъ къ области экономики, должны быть причислены два англійскихъ писателя: Карлейль и Рёскинъ; первый подходившій ко всѣмъ вопросамъ преимущественно съ этической, второй — съ эстетической точки зрѣнія.

Соціализмъ подходилъ съ своей оцѣнкой къ тѣмъ же фактамъ отрицательныхъ послѣдствій экономическаго развитія, обнаружившимся послѣ эпохи Смита, которые послужили исходной точкой для трудовъ Мальтуса и Рикардо. Но подойти къ объясненію этихъ отрицательныхъ явленій можно съ двухъ сторонъ. Продолжатели дѣла Смита, какъ мы уже знаемъ, объясняли ихъ естественными причинами, съ которыми приходится примириться, какъ съ извѣстною неизбѣжностью, которую предстояло только безпристрастно изслѣдовать, представители же соціалистическаго направленія объясняли ихъ несовершенствомъ соціальнаго устройства и поэтому приходили къ выводу о необходимости его коренного измѣненія.

Уже изъ только что сказаннаго ясно, что мы имѣемъ здѣсь въ виду ту фазу соціализма, которую можно назвать современнымъ соціализмомъ, соціализмомъ новаго времени. Мы не останавливаемся здѣсь на опредѣленіи самаго слова, которое является чрезвычайно многообъемлющимъ, и очень ограничиваемъ свою задачу. Вѣдь, беря соціализмъ въ широкомъ смыслѣ, мы должны были бы начать свое изложеніе уже съ древности, которой мы вообще не касаемся въ нашемъ краткомъ очеркѣ. Мы оставляемъ въ сторонѣ соціалистическія теченія средневѣковья, проявлявшіяся особенно замѣтно въ ученіяхъ различныхъ религіозныхъ сектъ, не указываемъ знаменитой „Утопіи“ Томаса Мора, въ значительной степени предвосхищавшей нѣкоторыя положенія позднѣйшаго соціализма, и останавливаемъ наше вниманіе только на тѣхъ проявленіяхъ соціалистической мысли, которыя появляются около эпохи французской революціи, т. е. относятся уже къ новому времени.

Соціализмъ самъ по себѣ не представляетъ, собственно, какой либо единообразной теоріи хозяйственнаго развитія или объясненія хозяйственной жизни. Онъ является, въ первую очередь, опредѣленнымъ этическимъ устремленіемъ, извѣстной идеей, выдвигающей требованіе коренного переустройства хозяйственной и государственной жизни и только, исходя изъ этихъ соображеній, развиваетъ опредѣленныя теоретическія положенія, обращая свое главное вниманіе на критику существующаго порядка.

Не останавливаясь на произведеніяхъ соціалистическихъ писателей революціонной и предреволюціонной эпохи, Бабёфа, Морелли, Мабли, Бриссо, мы можемъ указать сразу трехъ крупнѣйшихъ соціалистовъ начала XIX вѣка: Сенъ Симона и Фурье во Франціи, Роберта Оуэна въ Англіи и ихъ послѣдователей. Въ отношеніи своего появленія этотъ соціализмъ связанъ съ одной стороны съ тѣми матеріальными послѣдствіями, которыя обнаружились въ экономической жизни послѣ великаго промышленнаго переворота конца XVIII столѣтія, а съ другой стороны идейно онъ находится въ тѣсной связи

и духовномъ родствѣ съ французскими раціоналистическими ученіями той же эпохи, т. е. конца XVIII вѣка. Его обычно принято называть „утопическимъ“ или раціоналистическимъ (по Зомбарту) соціализмомъ. Но нужно сразу же подчеркнуть, что утопичны въ ученіи этихъ первыхъ крупныхъ соціалистовъ не идеи, не самый идеалъ, а лишь ихъ представленіе о способахъ его осуществленія. У нихъ на каждомъ шагу выступаетъ вѣра въ силу идеи, силу разума. По ихъ мнѣнію все дѣло заключается лишь въ недостаткѣ знанія, и поэтому людей нужно только убѣдить въ желательности новаго строя для того, чтобы онъ осуществился. Утопизмъ этихъ теорій представителей перваго періода новѣйшаго соціализма заключается кромѣ того въ томъ, что они совершенно не уясняютъ себѣ истинныхъ движущихъ пружинъ соціальной жизни и не понимаютъ того простого факта, что возможность осуществленія ихъ идеаловъ зависитъ, въ первую очередь, отъ соотвѣтственной общественной обстановки. У всѣхъ у нихъ чрезвычайно живо убѣжденіе въ исключительной важности открытыхъ каждымъ изъ нихъ истинъ. Открытіе же каждой изъ этихъ „истинныхъ“ идей, по ихъ мнѣнію, есть дѣло чистой случайности. Она могла быть открыта только благодаря появленію на свѣтъ этихъ мыслителей, которое могло произойти пятью стами лѣтъ раньше, какъ и пятью стами лѣтъ позже. Такимъ образомъ, при всей оригинальности многихъ положеній ученія этихъ мыслителей, при всемъ талантѣ и проницательности ими обнаруженными, ихъ творчество не дало никакого прочнаго результата въ виду ихъ малой связанности съ той почвой, на которой оно возникло и малаго пониманія ими дѣйствительнаго характера общественной жизни. Всѣ они, и Оуэнъ, и Сенъ Симонъ, и Фурье не представляли себѣ въ полной мѣрѣ органическаго процесса соціальной жизни, а придумывали, такъ сказать — изобрѣтали, новый общественный строй, какъ механикъ изобрѣтаетъ новую машину. — Это замѣчаніе можетъ быть приложено даже и къ Сенъ Симону, несмотря на многія крайне глубокія его мысли въ области намѣчанія главнѣйшихъ линій философіи европейской исторіи, въ отношеніи попытки матеріалистическаго объясненія которой Сенъ Симонъ является несомнѣннымъ предшественникомъ Маркса. Въ общемъ, соціализмъ исходилъ изъ рѣзкой критики существующаго и, въ противовѣсъ ему, рисовалъ картины желательнаго будущаго, къ которому человѣчество должно было стремиться, исходя изъ тѣхъ плановъ и соображеній, которые развертывали передъ его умственными взорами писатели утописты.[1])

Въ качествѣ извѣстнаго противоположенія утопическому соціализму выдвигается такъ называемый научный или историческій (Зомбартъ) соціа-

[1]) См. по поводу утопическаго соціализма, въ особенности, Werner Sombart. Sozialismus und soziale Bewegung, 9 Auflage, Jena 1920, SS. 34—46, а также Charles Gide et Charles Rist. Histoire des doctrines économiques, 2 édition, Paris 1913, pp. 234—308.

лизмъ. Если прежній, болѣе ранній утопическій соціализмъ исходилъ изъ идей естественнаго права, намѣчая, аналогично физіократамъ и представителямъ классической школы, тоже извѣстный естественный порядокъ, соотвѣтствующій истинному благу человѣчества, порядокъ, отъ котораго отклонилась современная жизнь и къ которому нужно направить человѣчество путемъ убѣжденія и раскрытія ему глазъ на его истинныя нужды, — то научный соціализмъ тоже исходилъ изъ опредѣленныхъ отправныхъ посылокъ общественной философіи. Философія эта, представленная въ научныхъ работахъ такихъ писателей, какъ де Бональдъ, Тьерри, Гизо во Франціи, и Галлеръ, Савиньи, Шлегель и Шлейермахеръ въ Германіи, была рѣзкимъ противопоставленіемъ школѣ естественнаго права и выдвиганіемъ, въ противовѣсъ ему, началъ историзма. Никакого естественнаго порядка, по взглядамъ этихъ писателей, нѣтъ; явленія каждой эпохи обусловливаются предшествующимъ развитіемъ и окружающей исторической обстановкой, поэтому представляются измѣнчивыми и должны неизбѣжно быть таковыми. Существующій порядокъ общественной жизни въ такой же степени представляется „естественнымъ“, какъ и всякій другой, онъ обусловленъ опредѣленными причинами и поэтому необходимо носитъ ту форму, въ какой мы его наблюдаемъ. Своей вершины этого рода пониманіе окружающаго достигло въ ставшемъ знаменитымъ, извѣстномъ изреченіи Гегеля: „Все существующее — разумно“.

Съ такой точки зрѣнія представители этого направленія подходили къ различнымъ областямъ знанія: ученію о государствѣ, исторіи, правовѣдѣнію, филологіи и т. д. — и вездѣ проводили отмѣченный выше взглядъ. Задумываясь, однако, надъ основными руководящими силами, вліяющими на измѣненіе структуры общественнаго порядка, многіе изъ этихъ писателей останавливали свое вниманіе на значеніи разнообразныхъ людскихъ интересовъ, и при томъ не интересовъ отдѣльныхъ людей, а цѣлыхъ соціальныхъ группъ. Какъ это отмѣчалъ не разъ въ своихъ работахъ Гизо, „содержаніе современной исторіи составляетъ классовая борьба,“ столкновенія различныхъ классовъ только и создали историческое лицо современной Европы.

Вотъ тѣ отправные философско-историческія основанія, отъ которыхъ сталъ исходить болѣе поздній научный или историческо-реалистическій соціализмъ. Вмѣсто представленія объ естественномъ порядкѣ, который долженъ быть только открытъ, разъясненъ и къ которому въ дальнѣйшемъ остается только стремиться, научный соціализмъ сталъ выдвигать идею необходимой эволюціи, являющейся не результатомъ познанія истиннаго и дѣла просвѣщенія, а слѣдствіемъ соціальной борьбы, ведущей къ прогрессу.

Этотъ новѣйшій соціализмъ, который, какъ и предшествующій, исходитъ, въ общемъ, изъ идеи осчастливить человѣчество, насчитываетъ не мало именъ, среди которыхъ на особо замѣтномъ мѣстѣ должны быть поставлены

Родбертусъ, Энгельсъ, Марксъ и отчасти Лассаль. Мы не можемъ останавливаться на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, какъ бы они этого ни заслуживали, и должны сосредоточить свое вниманіе на томъ изъ нихъ, произведенія котораго явились фокусомъ, соединившимъ въ себѣ все существеннѣйшее новой фазы развитія соціализма, и чье имя дало наименованіе для могущественнаго идейнаго и практическаго движенія въ соціальномъ развитіи конца XIX и начала XX столѣтія.

Этимъ писателемъ былъ родившійся въ Германіи и прожившій большую часть своей жизни въ изгнаніи въ Англіи Карлъ Марксъ (1818—1883). Мы не собираемся подробно останавливаться на изложеніи его ученія и отдѣльныхъ высказанныхъ имъ мнѣній, тѣмъ болѣе что со многими изъ нихъ мы будемъ имѣть случай не разъ встрѣтиться въ дальнѣйшемъ изложеніи нашего курса. Экономическая сторона ученія Маркса исходитъ въ существеннѣйшихъ своихъ чертахъ отъ классической школы, главнымъ образомъ отъ Рикардо, продолжателемъ котораго онъ въ значительной степени является. Можно сказать, что, при внимательномъ чтеніи, у Рикардо можно найти, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, цѣлый рядъ экономическихъ положеній, развитыхъ въ дальнѣйшемъ Марксомъ Эти теоріи Маркса, какъ и примѣняемый имъ методъ, въ значительной степени отличаются многими изъ тѣхъ положительныхъ и отрицательныхъ чертъ, которыя характеризуютъ собой взгляды Рикардо, только имъ приданъ гораздо болѣе широкій размахъ, онѣ во многихъ случаяхъ поставлены на соотвѣтственную историческую основу, продуманы и развиты въ гораздо большей степени, чѣмъ это имѣло мѣсто въ нѣсколько черезчуръ скупомъ и сжатомъ изложеніи Рикардо.

Но, не въ этой, чисто экономической части теоріи Маркса его наиболѣе сильная сторона, та особенность его взглядовъ, которая позволила окрестить его именемъ — „марксизма“ цѣлое направленіе человѣческой мысли и дѣятельности и поставила имя Маркса наряду съ такими крупными властителями думъ человѣческихъ въ XIX вѣкѣ, какъ Гегель и Дарвинъ. Тѣмъ комплексомъ идей, которыя выдвинули Маркса на одно изъ наиболѣе замѣтныхъ мѣстъ въ сферѣ соціально-философскаго развитія, является его теорія историческаго или экономическаго матеріализма.

Въ ученіи Маркса объ экономическомъ матеріализмѣ онъ въ своихъ отправныхъ пунктахъ идетъ отъ философіи Гегеля. Этотъ послѣдній, какъ мы знаемъ, исходилъ изъ идеи діалектическаго развитія всемірнаго разума, духа, который проникаетъ все и, въ своемъ торжественномъ шествіи на пути самопознанія, разрѣшаетъ всѣ тайны міра и жизни, даетъ исчерпывающее объясненіе всему окружающему. При этомъ все разсужденіе Гегеля велось строго діалектическимъ путемъ, приводя въ конечномъ итогѣ къ разрѣшенію и объясненію всѣхъ историческихъ противорѣчій въ идеѣ мірового разума, воплощающаго въ себѣ все существующее. Марксъ усвоилъ себѣ этотъ діалектическій способъ разсужденія, Гегелевскій подходъ

къ объясненію дѣйствительности, замѣнивъ только, сообразно своему общему міросозерцанію, „идею," духъ матеріальными соображеніями, идеальное — матеріальнымъ.

Главнѣйшими положеніями его исторической философіи является представленіе о томъ, что все историческое развитіе объясняется эволюціей формъ хозяйственной жизни. „Не сознаніе людей объясняетъ ихъ бытіе, но, наоборотъ, именно общественное ихъ бытіе объясняетъ ихъ сознаніе." Въ отношеніи же экономическихъ формъ на первый планъ выступаютъ явленія производства и обмѣна, которыя накладываютъ свой отпечатокъ на все окружающее до умственной и духовной сферы включительно. Конечными причинами всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ являются экономическіе факторы. Эти причины нужно искать не въ философіи, а въ экономіи данной исторической эпохи. Существующій въ данное время укладъ экономической жизни (феодальный строй, капиталистическая система и т. п.) накладываетъ свой отпечатокъ на всю политическую, правовую, научную, религіозную и художественную сферу человѣческаго существованія. Это главная и исчерпывающая основа; все остальное, возникающее, параллельно съ ней, только ея результаты „надстройка". — Нужно отмѣтить здѣсь, что выдвиганіе и подчеркиваніе особаго значенія экономическихъ фактовъ имѣло мѣсто неоднократно и до Маркса и послѣ него, новымъ же въ этой конструкціи была ея исключительность, объясненіе только изъ одной причины и отрицаніе всякихъ другихъ вліяній, представляющихся только слѣдствіями основного экономическаго момента.

Вся эта общая философско-историческая концепція, какъ и остальныя части ученія экономическаго матеріализма, нигдѣ не изложена Марксомъ во всей полнотѣ, а разбросана отдѣльными частями въ многочисленныхъ его произведеніяхъ, главнымъ образомъ, въ наиболѣе крупной и важной его научной работѣ „Капиталъ, критика политической экономіи" (томъ I вышелъ въ 1867 году, II въ 1885 и III въ 1894 году; оба послѣднихъ уже послѣ смерти Маркса), первая же ея основа была заложена въ совмѣстой работѣ Маркса и его друга и соратника Энгельса „Коммунистическій Манифестъ" (1847), гдѣ въ общихъ чертахъ набросаны всѣ наиболѣе существенныя положенія развивавшагося впослѣдствіи міросозерцанія.

Въ то время какъ утопическій соціализмъ конструировалъ искусственно свои построенія, соотвѣтствовавшія опредѣленному „нормальному" порядку вещей, которому нужно было научить человѣчество, — научный соціализмъ представлялъ себѣ общественно-экономическую эволюцію въ качествѣ процесса, развивающагося подъ воздѣйствіемъ внутреннихъ, заложенныхъ въ немъ самомъ силъ. Общество можетъ только открыть естественные законы своего развитія, необходимыхъ фазъ котораго оно уже въ дальнѣйшемъ не въ состояніи ни перескочить, ни отмѣнить. Силы производства, развивающіяся внутри общества, приводятъ съ неумолимой неизбѣжностью къ

опредѣленному результату, которымъ является новый строй соціальной организаціи. За капиталистической организаціей общества неминуемо выдвигается въ извѣстный моментъ организація соціалистическая. Капиталистическій строй самъ въ себѣ создаетъ тѣ силы, которыя поведутъ къ его разрушенію.

Эта общая теорія эволюціи, въ свою очередь, распадается на нѣсколько отдѣльныхъ теорій, каждая изъ которыхъ обрисовываетъ извѣстную часть той общей картины, которая широкими мазками была набросана уже въ „Коммунистическомъ Манифестѣ", являющемся однимъ изъ самихъ блестящихъ образчиковъ міровой публицистической литературы. Мы не можемъ въ нашемъ краткомъ обзорѣ входить въ болѣе детальное разсмотрѣніе и критическую оцѣнку этихъ отдѣльныхъ теорій, должны только указать, что въ каждой изъ нихъ, какъ и въ общемъ построеніи всей этой историко-философской схемы есть немало внутренно противорѣчивыхъ моментовъ. Это объясняется не только тѣмъ, что вся теорія никогда не была изложена въ качествѣ одного связнаго цѣлаго, а состоитъ изъ отрывковъ, но и тѣмъ, что въ міросозерцаніи Маркса были объединены различные элементы, въ первую очередь: эволюціонный и революціонный. Въ однихъ случаяхъ передъ нами раціоналистически мыслящій научный изслѣдователь, въ другихъ — пылкій революціонеръ, возлагающій надежды не столько на естественную эволюцію, сколько на насильственные перевороты. Намъ не приходится останавливаться на этой особенности произведеній и міросозерцанія Маркса, достаточно только сказать, что этимъ обстоятельствомъ объясняется возможность черпать изъ его трудовъ обоснованія для совершенно различныхъ выводовъ и способовъ дѣйствій. Этимъ и объясняются, между прочимъ, споры о томъ, что же составляетъ истинную сущность ученія Маркса, что является истиннымъ и что ложнымъ марксизмомъ. Одну изъ иллюстрацій этого изложенія представляетъ тоже основывающееся на марксовской теоріи возникновеніе и дѣятельность большевизма — этого кривого зеркала марксизма.

Какъ мы уже указывали, въ отношеніи своихъ экономическихъ теорій Марксъ являлся продолжателемъ работъ англійскихъ классиковъ, особенно Рикардо, а также англійскихъ соціалистовъ, въ первую очередь Томпсона [1]), въ отношеніи своей историко-философской теоріи онъ также имѣлъ достаточное количество предшественниковъ, указанныхъ нами выше французскихъ и нѣмецкихъ писателей историко-философского направленія, Гегеля, Сенъ Симона и другихъ, но это нисколько, конечно, не отнимаетъ у него права на оригинальность и на чрезвычайно видное мѣсто въ исторіи развитія экономической мысли. Мы не говоримъ уже здѣсь о тѣхъ грандіозныхъ практическихъ результатахъ, которое имѣло его ученіе, хотя бы въ смыслѣ раз-

---

[1]) Anton Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, 3 Aufl., Stuttgart 1906, S. 100.

витія и организаціи рабочихъ партій въ цѣломъ рядѣ странъ и созданія необычайно могущественнаго рабочаго движенія въ міровомъ масштабѣ. Но это, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ высказывавшимся иногда мнѣніемъ, что „научность“ марксовскаго соціализма нужно понимать въ смыслѣ научно доказанной имъ необходимости наступленія соціалистическаго строя. Борьбу за наступленіе какого бы то ни было новаго строя никогда нельзя обосновать научными данными въ смыслѣ ея необходимости; это является дѣломъ внутренняго убѣжденія, извѣстной вѣрой и не имѣетъ ничего общаго съ наукой[1]). Но и безотносительно къ этому, ученіе Маркса, несмотря на цѣлый рядъ имѣющихся въ немъ слабыхъ сторонъ, представляетъ большой интересъ для науки, а самъ Марксъ является однимъ изъ тѣхъ мыслителей, самыя ошибки которыхъ оказываются чрезвычайно плодотворными для общаго научнаго развитія, заставляя усиленно работать человѣческую мысль.

Послѣ Маркса и Энгельса возглавлявшійся ими соціализмъ въ теоретическомъ и конструктивномъ отношеніи не далъ ничего новаго. Работа мысли среди его представителей ограничивалась либо комментированіемъ и дополненіемъ основъ, заложенныхъ главными его создателями, либо растрачивалась, въ безконечныхъ внутреннихъ спорахъ между ортодоксальными послѣдователями учителя и новаторами, такъ называемыми „ревизіонистами“. Въ болѣе близкое къ намъ время въ этой области стали обнаруживаться кромѣ того, еще и анархическо-утопическія теченія вродѣ французскаго синдикализма и русскаго большевизма.

Если соціализмъ исходилъ въ своей критикѣ существующаго и въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ тому, что давали современные ему представители классической школы, изъ извѣстной оріентаціи на будущее, при чемъ его позднѣйшая фаза носитъ „историческій“ характеръ, то еще болѣе именно этотъ послѣдній моментъ „исторіи“ былъ выдвинутъ другими критиками классиковъ, именно, представителями такъ называемаго историческаго направленія въ экономической наукѣ.

Новое направленіе зародилось раньше всего въ Германіи и тамъ же достигло наибольшаго своего расцвѣта. Въ этомъ отношеніи его предшественниками, въ смыслѣ критики классиковъ, были съ одной стороны представитель романтическаго направленія, Адамъ Мюллеръ, съ другой же, въ особенности, Фридрихъ Листъ. Этотъ послѣдній возражалъ главнымъ образомъ противъ взглядовъ классиковъ относительно спасительности повсемѣстнаго примѣненія принципа свободы торговли, доказывая, что различныя историческія эпохи заставляютъ въ этомъ отношеніи придерживаться неодинаковыхъ способовъ дѣйствія, и что сама Англія обязана расцвѣтомъ своего экономическаго могущества именно своевременно примѣнявшимся таможен-

[1]) W. Sombart, o. c. S. 99.

нымъ ограниченіямъ. Сильная критика англійской школы была выдвинута и швейцарцемъ Сисмонди, находившимъ, что чрезмѣрно абстрактное рѣшеніе экономическихъ вопросовъ не соотвѣтствуетъ конкретной исторической дѣйствительности и насилуетъ эту послѣднюю.

Методъ классической школы обычно характеризуютъ, какъ дедуктивный, но, можетъ быть, его еще съ большимъ правомъ слѣдовало бы назвать абстрактнымъ, такъ какъ у классиковъ дѣло идетъ въ гораздо большей степени о стремленіи разсматривать экономическія явленія совершенно абстрактно, изолированно, чѣмъ объ исключительномъ или почти исключительномъ примѣненіи метода дедукціи. Съ одной стороны вѣдь, вообще, ни одна изъ экономическихъ теорій не можетъ обойтись безъ употребленія обоихъ методовъ, а съ другой и конкретно, напримѣръ, глава классической школы, Адамъ Смитъ пользовался вѣдь на ряду съ дедукціей и индуктивными пріемами, и только у Рикардо индукція совершенно отступила на задній планъ. Что же касается абстрактнаго подхода къ рѣшенію экономическихъ проблемъ, то онъ очень характеренъ для англійскихъ классиковъ. У нихъ совершенно несомнѣнна тенденція рѣшать всѣ вопросы внѣ времени и пространства, подходить къ нимъ съ такой точки зрѣнія, какъ будто бы это были чисто математическія теоремы или логическія задачи, совершенно лишенныя какой либо конкретной исторической одежды, накладывающей свой отпечатокъ и на ихъ внутренную сущность. Конечно, мимоходомъ должно быть сказано, — и классики были дѣтьми своего времени и смотрѣли на окружающее глазами современнаго имъ англійскаго промышленнаго или биржевого дѣльца, но такая точка зрѣнія и казалось имъ совершенно всеобщей и выражающей вѣрную для всѣхъ временъ и народовъ оцѣнку экономическихъ событій. Пріемы классической школы разлагали органическую общность соціальнаго цѣлаго и вмѣсто нея выдвигали на первый планъ чисто атомистическую точку зрѣнія, совершенно не отвѣчавшую соціально-политическимъ воззрѣніямъ позднѣйшаго времени и несоотвѣтствовавшую новѣйшимъ фактамъ общественно-экономическаго развитія.

Въ Германіи почва для противоположнаго рода взглядовъ была подготовлена, съ одной стороны развитіемъ обще-философскихъ идей въ духѣ историзма, съ другой стороны, болѣе конкретно, исторической школой въ правовѣдѣніи, которая, въ лицѣ Пухты и Савиньи, отвергала естественное право и клала въ основу научной разработки его исторически образовавшіяся формы. На тотъ же приблизительно путь вступила и нѣмецкая экономическая наука въ лицѣ Книса, Рошера и Гильдебранда, составляющихъ такъ называемую старую историческую школу. Наиболѣе яркимъ ея выразителемъ былъ Карлъ Книсъ [1]), выступающій противъ имѣющихъ всеобщее значеніе экономическихъ рецептовъ и за необходимость индивидуали-

[1]) Karl Knies. Die politische Ökonomie vom Standpunkt der geschichtlichen Methode. Braunschweig, 1853.

зированія примѣнительно къ данной исторической обстановкѣ. Въ экономической наукѣ, по его мнѣнію, возможны только относительныя рѣшенія, что, конечно, идетъ совершенно въ разрѣзъ съ абсолютизмомъ рѣшеній и выводовъ классической школы политической экономіи.

Нѣсколько позже, начиная, приблизительно, съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, это теченіе нѣмецкой экономической мысли получаетъ нѣсколько иную форму въ лицѣ такъ называемой новой исторической школы, главой которой и ея наиболѣе законченнымъ завершеніемъ является Густавъ Шмоллеръ (1838—1917) съ цѣлымъ рядомъ сотрудниковъ и послѣдователей, среди которыхъ можно назвать Кнаппа, Брентано, Бюхера, Гельда, Шенберга и длинную илеяду другихъ экономистовъ, частью вполнѣ входящихъ въ ея составъ, частью только примыкающихъ къ общему характеру и тону ея работъ. Въ то время, какъ старое направленіе исторической школы было все же болѣе теоретическимъ, новѣйшее ея теченіе почти совершенно отодвинуло въ сторону теорію и направило все свое вниманіе на историческія изысканія. Вмѣсто теоретическихъ конструкцій,которыя представители этого направленія считаютъ достаточно безплодными, они устремляютъ все свое вниманіе на собираніе матеріаловъ и описаніе явленій окружающей жизни, создающія кропотливую мозаичную работу въ области изученія прошлаго и современной экономической дѣйствительности. Это теченіе было господствующимъ въ Германіи въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій прошлаго и перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка. Представители его продѣлали въ нѣкоторыхъ областяхъ колоссальную работу и сблизили въ значительной степени экономическую науку съ конкретной дѣйствительностью, но, съ другой стороны, они черезчуръ ограничили свои задачи исключительно только этой описательно-изслѣдовательской дѣятельностью. Они какъ бы все время только собирали кирпичи, балки и другіе строительные матеріалы для постройки зданія, даже самый планъ котораго совершенно уходилъ изъ ихъ поля зрѣнія.

Въ значительной степени дальнѣйшимъ развитіемъ той же самой новѣйшей исторической школы является этическое направленіе, отъ котораго и сама она часто получаетъ названіе историко-этической. Начатки этого направленія намѣчаются уже довольно давно и выступаютъ тоже въ качествѣ извѣстной реакціи противъ чрезмѣрной отвлеченности классической школы и ея отдаленія отъ дѣйствительной жизни. Чрезмѣрное ея увлеченіе принципомъ невмѣшательства „laissez faire“, разсматриваніе всѣхъ экономическихъ феноменовъ совершенно абстрактно и часто полное невниманіе къ судьбамъ живой человѣческой личности, скрывавшейся за этими абстракціями, вызывали цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній уже у современниковъ англійскихъ классиковъ. Такъ, тотъ же Симондъ де Сисмонди, смотрѣвшій на англійскую промышленную жизнь глазами, привыкшими къ условіямъ жизни здороваго швейцарскаго крестьянства, не могъ согласиться съ оцѣнкой экономическихъ успѣховъ исключительно съ точки зрѣнія доходовъ

государственной казны или кучки промышленныхъ магнатовъ. „Что же! съ негодованіемъ замѣчаетъ онъ въ главномъ своемъ произведеніи [1]), составившемъ ему славу, — богатство все, а люди совершенно ничего не значатъ? . . . Въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли было бы пожелать, чтобы король, оставшійся въ полномъ одиночествѣ на островѣ, приводя постоянно въ движеніе какую либо рукоятку, выполнялъ бы при помощи автоматовъ весь трудъ, необходимый для Англіи . . .“ Въ другомъ же мѣстѣ онъ высказываетъ сомнѣніе, не принесла ли Англія, позабывъ человѣка за вещами, въ жертву средствамъ самую цѣль, которой всегда являются живые люди? И точно также нѣсколько позже въ Германіи разсуждалъ талантливый экономистъ Германнъ, который выдвигалъ, въ противовѣсъ исключительнымъ интересамъ производства, вопросы распредѣленія народнаго имущества, являющіеся наиболѣе важными съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія, — и еще болѣе Бернгарди въ Россіи, исходившій изъ этическаго обоснованія экономической науки. Въ этомъ отношеніи онъ идетъ вслѣдъ за Кантомъ, смотрѣвшимъ на общество, какъ на организмъ, въ которомъ каждый отдѣльный членъ является одновременно средствомъ и въ то же время цѣлью.

Эта Кантовская этическая точка зрѣнія, выдвигавшаяся Бернгарди, нашла себѣ яркій откликъ у Шмоллера, который упоминаетъ съ благодарнымъ чувствомъ объ этомъ нѣмецко-русскомъ ученомъ въ одной изъ своихъ первыхъ научныхъ работъ. Въ дальнѣйшемъ Шмоллеръ и сдѣлался общепризнаннымъ главой упомянутаго выше этическаго или историко-этическаго направленія нѣмецкой экономической науки. Въ основу всѣхъ своихъ построеній оно кладетъ этическія соображенія нѣмецкой философіи и, являясь вполнѣ реалистичнымъ по своимъ методамъ, представляется высоко идеалистичнымъ по своимъ цѣлямъ. Внѣшнимъ объединеніемъ работъ этого направленія представляется основанный въ 1873 году „Союзъ соціальной политики“ (Verein für Sozialpolitik), выдвигающій, въ противовѣсъ атомистическому представленію объ обществѣ, идею общей солидарности и необходимости для государства прилагать возможно бо́льшія усилія для обезпеченія благополучія своихъ отдѣльныхъ гражданъ, исходя изъ мысли о нравственной отвѣтственности цѣлаго за судьбы каждаго отдѣльнаго, составляющаго его члена. Къ этому „Союзу“ принадлежитъ большинство представителей нѣмецкой профессуры и науки, даже такихъ, которые, по характеру своей научной работы, стоятъ нѣсколько въ сторонѣ отъ исторической школы, какъ, напримѣръ, знаменитый экономистъ-теоретикъ, Адольфъ Вагнеръ.

Однако, параллельно съ этимъ отказомъ исторической школы почти отъ всякой чисто теоретической работы, экономическая мысль не могла примириться съ подобнаго рода ограниченіемъ изслѣдованія исключительно только историческими проблемами и описательными задачами. Въ 70-хъ

[1]) Simonde de Sismondi. Nouveaux Principes d'Économie politique, 2 ed. Paris 1827 t. II, p. 331, note.

годахъ прошлаго столѣтія въ Австріи появилось направленіе, представлявшее собою въ значительной степени продолженіе методовъ классической школы, работавшее въ духѣ этой послѣдней и выдвигавшее на первый планъ чисто теоретическіе вопросы. Главой этого направленія явился вѣнскій профессоръ Карлъ Менгеръ (1840—1921), къ которому присоединилась довольно большая группа послѣдователей: Бёмъ-Баверкъ, Визеръ, Филипповичъ, Цуккеркандль и другіе, жившіе по большей части въ Австріи, почему это новое направленіе и получило названіе австрійской школы. Оно, конечно, не является прямымъ продолженіемъ англійскихъ классиковъ, но, въ противовѣсъ нѣкоторымъ преувеличеніямъ историзма, подчеркиваетъ преимущественное значеніе дедукціи и объявляетъ экономическое знаніе, въ существѣ своемъ, абстрактно-изолирующей наукой. Съ работами этого направленія связывается, въ первую очередь, представленіе о методологическомъ спорѣ съ представителями историзма, о которомъ мы говорили во второй главѣ, и — ученіемъ о предѣльной полезности, съ которымъ мы еще будемъ имѣть случай встрѣтиться въ дальнѣйшемъ. Австрійская школа въ настоящее время значительно распространила предѣлы своего вліянія и играетъ довольно большую роль какъ въ Германіи, такъ особенно за границей — въ Англіи, Голландіи и, еще болѣе, въ Америкѣ. Между тѣмъ историческая школа за послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ потеряла въ Германіи свое исключительное господство, принадлежавшее ей одно время.

Кромѣ „австрійцевъ“ теоретическая работа въ Германіи совершенно самостоятельно и отдѣльно отъ историзма находила себѣ все время видныхъ представителей, среди которыхъ слѣдуетъ упомянуть изъ среды стараго поколѣнія, кромѣ Адольфа Вагнера, еще Дитцеля и Лексиса. Въ общемъ же, можно сказать, что за послѣднее время рѣзкія разногласія между главенствующими направленіями — историзмомъ и представителями чистой теоріи — въ значительной степени сгладились. Съ одной стороны историзмъ сталъ гораздо терпимѣе относиться къ обсужденію чисто теоретическихъ вопросовъ, съ другой — теоретики замѣтно ослабили категоричность многихъ своихъ утвержденій и говорятъ не столько о „законахъ“, сколько о „тенденціяхъ“. Кромѣ того, что слѣдуетъ отмѣтить, экономическая наука въ своемъ цѣломъ значительно расширила базисъ своихъ построеній въ сторону большаго проникновенія чисто соціальными моментами и, какъ мы это уже отмѣчали выше[1]), стремится подчеркнуть это даже въ своемъ названіи, именуясь „соціальной“ экономіей.

Въ другихъ странахъ, кромѣ Германіи, не намѣчается какихъ либо опредѣленныхъ, яркихъ экономическихъ „школъ“, и вообще среди современныхъ представителей экономической науки меньше рѣзкихъ дѣленій по „направленіямъ“ и больше индивидуальныхъ различій или примѣровъ по-

[1]) См. глава I, стр. 13.

средствующаго, примирительнаго отношенія къ борющимся мнѣніямъ. Мы можемъ поэтому совершенно спокойно ограничить нашъ кроткій очеркъ описаніемъ прежнихъ крупныхъ школъ, не входя въ детальное изученіе пестрой современности, которая еще не вылилась въ рѣзко опредѣленныя формы.

Литература: Ingram. History of Political Economy, 1888 (есть русскій переводъ А. Н. Миклашевскаго). A. Oncken. Geschichte der Nationalökonomie, 1902. W. Roscher. Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland 1874. А. И Чупровъ. Исторія политической экономіи, 9 изд. 1924. М. И. Туганъ-Барановскій. Очерки новѣйшей политической экономіи, 3 изд 1906. Gide et Riste. Histoire des doctrines économiques, 2 éd. 1913. E. Dühring. Kritische Geschichte der Nationalökonomie, 4 Aufl. 1900. G. Adler. Geschichte des Sozialismus und Kommunismus 1899. С. Н. Булгаковъ. Исторія экономическихъ ученій, 2 вып. пѣск. изд. Eisenhart. Geschichte der Nationalökonomik, 2 Aufl. 1891. H. v. Scheel. Die politische Oekonomie als Wissenschaft, im „Handbuch der Politischen Oekonomie," hrsg. von Schönberg. Его-же. Sozialismus und Communismus. Ibid. O. Spann. Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre, 11 Aufl. 1922. Rambaud. Histoire des doctrines économiques, 3 éd. 1909. K. Wilbrandt. Die Entwicklung der Volkswirtschaftslehre, 1924. А. Н. Миклашевскій. Исторія политической экономіи, 1909. W. Sombart. Sozialismus und soziale Bewegung, 9 Aufl. 1920. Denis. Histoire des systèmes économiques et socialistes 1904—07. J. Schumpeter. Epochen der Dogmen- und Methodengeschichte im „Grundriss der Sozialökonomik", I Abteilung, 1 Teil, 2 Aufl. 1924.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЭВОЛЮЦІЯ ФОРМЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Дѣленіе исторіи хозяйственнаго развитія на періоды. Основаніе для такого дѣленія. Схема Листа и ея оцѣнка. Схема Гильдебранда. Критика этой схемы. Ступени хозяйственнаго развитія по Бюхеру. Конструкціи Шмоллера и Зомбарта. Общій очеркъ экономической исторіи примѣнительно къ Бюхеровской схемѣ. Древній міръ и его хозяйственныя особенности. Ойкосное хозяйство. Римская familia. Роль обмѣна въ экономическихъ условіяхъ древности. Институтъ рабства. Рабство въ Греціи и Римѣ. Колонатъ. Рабство въ древней Россіи. Общая характеристика хозяйственной жизни древности. Средневѣковой соціально-экономическій строй и его особенности. Феодализмъ. Крѣпостное право. Вліяніе духовенства Justum pretium и отношеніе къ взиманію процентовъ. Средневѣковое помѣстье и деревня. Замкнутое домашнее хозяйство въ средніе вѣка и новое время. Городское хозяйство. Средневѣковой городъ на Западѣ. Цеховой строй. Обмѣнъ въ средневѣковыхъ городскихъ и сельскихъ условіяхъ. Городская жизнь въ средневѣковой Россіи. Періодъ новой исторіи. Открытіе новыхъ рынковъ. Развитіе торговли и промышленности. Примѣненіе машинъ. Новыя формы промышленности. Большія территоріальныя государства и ихъ экономическая политика. Капиталистическій строй. Народное и міровое хозяйство. Возраженія противъ теоріи Бюхера. Ея общая оцѣнка.

Исторію человѣчества, а въ ея составѣ и исторію хозяйственнаго развитія, слѣдуетъ разсматривать, какъ единый, непрерывный процессъ, въ которомъ каждое предыдущее звено непосредственно связано съ послѣдующимъ и, въ свою очередь, является результатомъ всего хода предшествующаго развитія. Однако, въ виду трудности или даже невозможности охватить весь этотъ процессъ сразу, единымъ взглядомъ, намъ приходится искусственно раздѣлять его на отдѣльные, болѣе или менѣе характерные части или періоды, и, съ такой точки зрѣнія, получаетъ особое значеніе методологическій пріемъ дѣленія исторіи хозяйственнаго развитія человѣчества на соотвѣтственные части или отдѣлы, по тѣмъ или инымъ, положеннымъ въ основаніе такого дѣленія признакамъ.

Уже давно было отмѣчено различными изслѣдователями, что въ общемъ ходѣ историческаго развитія народовъ можно отмѣтить по отдѣльнымъ крупнымъ періодамъ извѣстныя типическія основныя формы этого развитія, позво-

ляющія проводить въ немъ опредѣленныя раздѣляющія грани. Каждая изъ этихъ формъ представляетъ собой въ исторической послѣдовательности особую новую картину хозяйственной и общественной жизни народовъ. Въ виду нашего представленія объ извѣстной, проявляющейся при этомъ эволюціи, эти новыя характерныя формы, въ которыя отливается хозяйственное развитіе, носятъ поэтому названіе „ступеней хозяйства“ или ступеней развитія хозяйственнаго быта.

Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ [1]) о значеніи для экономической науки не только историческаго метода, но и исторіи вообще. Здѣсь-же мы можемъ въ особенности подчеркнуть то обстоятельство, что ознакомленіе съ прежними эпохами экономическаго развитія помогаетъ намъ уяснить себѣ современные намъ экономическіе процессы. Вѣдь только историческій подходъ во многихъ случаяхъ можетъ объяснить намъ, почему тѣ или иныя явленія приняли ту форму, въ какой мы наблюдаемъ ихъ въ настоящее время, и только ознакомленіе съ процессомъ ихъ постепеннаго развитія позволяетъ намъ иногда произвести имъ надлежащую оцѣнку. Прошлое является во многихъ случаяхъ объясненіемъ настоящаго.

Исходя изъ указанной нами выше необходимости раздѣленія общаго историческаго процесса на части, всеобщая исторія, какъ мы знаемъ, дѣлила общій курсъ исторической науки на четыре періода: древній періодъ, средневѣковый, распадающійся, въ свою очередь, на раннее и позднее средневѣковье, новый и новѣйшій періодъ. Этимъ дѣленіемъ въ значительной мѣрѣ пользуется и исторія экономическаго быта, но, наряду съ нимъ, экономистами уже довольно давно дѣлались попытки самостоятельнаго дѣленія по соотвѣтственнымъ экономическимъ признакамъ. Всякое научное дѣленіе для того, чтобы не быть совершенно произвольнымъ, должно исходить изъ какого-либо существеннаго для данной отрасли научнаго изученія — принципа. Въ области экономическихъ знаній такимъ принципомъ долженъ быть, конечно, принципъ экономическій. Поэтому въ основу дѣленія экономической исторіи, или вѣрнѣе самаго хода экономическаго развитія, наиболѣе правильно полагать какой-либо основной экономическій процессъ. Но для этого необходимо, чтобы самые эти процессы уже въ достаточной степени намѣтились, т. е. чтобы жизнь человѣчества уже отлилась въ сколько-нибудь осязаемыя формы, поэтому мы и можемъ въ этомъ отношеніи говорить только о человѣкѣ, уже вышедшемъ изъ періода наиболѣе первобытнаго, полуживотнаго существованія. Въ этомъ отношеніи намъ приходится помнить о томъ, что почти полный мракъ окутываетъ для насъ первый періодъ жизни человѣчества, когда человѣкъ былъ во всецѣлой зависимости отъ природы, когда его хозяйственная дѣятельность, если ее только можно назвать таковой, мало чѣмъ отличалась отъ дѣятельности животныхъ,

---

[1]) Глава II. стр. 46—47.

лишь пользующихся тѣми или другими дарами окружающей природы. Въ это время дѣятельность человѣка носитъ почти исключительно захватный характеръ, направленный на использованіе того, что у него имѣется подъ руками: плоды, коренья, мелкія животныя — которыя немедленно идутъ въ потребленіе. Никакихъ запасовъ человѣкъ еще не научился дѣлать, онъ еще совершенно не думаетъ о будущемъ, и его жизнь представляетъ собой смѣну періодовъ изобилія — періодами крайняго недостатка и нужды, при чемъ послѣдніе періоды очень часто занимаютъ доминирующее мѣсто. Объ этой эпохѣ историку хозяйства можно сказать очень мало, ибо никакого хозяйства еще, въ строгомъ смыслѣ этого слова, мы тутъ не видимъ, и все касающееся этого отдаленнѣйшаго отъ насъ періода жизни человѣчества можетъ представлять интересъ только для историка первобытной культуры По отношенію же къ человѣчеству, достигшему извѣстнаго уровня культурнаго развитія, умѣющему уже пользоваться огнемъ, присоединившему къ чисто растительной пищѣ мясную въ приготовленномъ видѣ, обладающему уже нѣкоторыми первобытными орудіями, можно говорить объ извѣстныхъ начаткахъ хозяйственной дѣятельности. Въ отношеніи этой стадіи развитія, въ связи со всѣми послѣдующими, было выдвинуто нѣсколько системъ дѣленія исторіи хозяйства на періоды.

Одна изъ наиболѣе раннихъ системъ кладетъ въ основу такого дѣленія процессъ производства, его характеръ и степень развитія. Такую схему особенно подробно разработалъ извѣстный нѣмецкій экономистъ Фридрихъ Листъ.[1]) Онъ дѣлитъ всю исторію экономическаго развитія человѣчества на пять ступеней или періодовъ: 1) охотничій или рыболовный, который онъ называетъ „дикимъ", 2) пастушескій, 3) земледѣльческій, 4) земледѣльческо-мануфактурный и 5) земледѣльческо-мануфактурно-торговый.[2]) Здѣсь, такимъ образомъ, все дѣленіе построено на томъ, какую форму получаетъ преобладающая хозяйственная дѣятельность человѣка въ сферѣ производства необходимыхъ для его существованія благъ. Въ этомъ дѣленіи есть, несомнѣнно, извѣстное историческое основаніе. Мы можемъ найти цѣлый рядъ историческихъ примѣровъ изъ жизни различныхъ народовъ, хозяйственный бытъ которыхъ характеризовался особенностями той или иной изъ перечисленныхъ ступеней. Такія же данныя въ достаточномъ количествѣ представляетъ намъ и этнографія, описывающая условія существованія дикарей, стоящихъ еще на низкихъ ступеняхъ экономической культуры. Наконецъ, даже въ современныхъ намъ условіяхъ, въ предѣлахъ какой-либо одной очень большой страны, возьмемъ хотя бы Россію недавняго времени, мы можемъ одновременно наблюдать всѣ эти разнообразныя стадіи хо-

[1]) F. List. Das nationale System der politischen Ökonomie, 1843. Einleitung. Есть позднѣйшія изданія: одно съ введеніемъ Eheberg'a, 8 изд. 1925 г. и другое въ изд. Waentig'a. 4 Auflage. Jena. 1922.

[2]) List. op. cit. Изд. Waentiga, стр. 63.

зяйственной дѣятельности отъ наиболѣе примитивнаго, полудикаго существованія до самой развитой и разносторонней экономической дѣйствительности.

Листъ предполагалъ, что предложенная имъ схема представляетъ нѣчто универсальное, что народы послѣдовательно переходятъ, въ связи съ развитіемъ своей все усложняющейся дѣятельности по добыванію необходимыхъ для нихъ продуктовъ, отъ одной стадіи къ другой, болѣе сложной и отъ примитивныхъ условій существованія къ осѣдлой, болѣе культурной жизни, начало которой онъ связывалъ съ третьимъ періодомъ — занятія земледѣліемъ. Однако, схема эта, ведущая свое начало еще изъ XVIII вѣка, не можетъ быть признана правильной, не отвѣчая дѣйствительнымъ, извѣстнымъ намъ фактамъ исторической жизни. Присматриваясь къ этой послѣдней, мы должны констатировать отсутствіе той правильной послѣдовательности въ смѣнѣ періодовъ, которая предположена Листомъ. Многіе народы начинаютъ вовсе не съ первой, а со второй или третьей ступени Листовскаго дѣленія, другіе перепрыгиваютъ черезъ нѣкоторыя изъ перечисленныхъ ступеней; наконецъ, очень часто развитіе захватываетъ одновременно нѣсколько такихъ періодовъ, и народъ одновременно занимается земледѣліемъ и охотой или скотоводствомъ и т. д. Все зависитъ отъ той обстановки внѣшней природы, среди которой протекаетъ жизнь народа: находится ли передъ нимъ и вокругъ него лѣсъ или степь, почва удобная для обработки или каменистыя горы и т. д. Въ отношеніи позднѣйшихъ періодовъ могутъ быть тоже скачки, позволяющіе, напримѣръ, сразу отъ развитого земледѣлія перейти къ послѣдней ступени съ развитой одновременно промышленностью и торговлей, минуя четвертую, гдѣ торговли еще нѣтъ.

Кромѣ того, болѣе позднія историческія или, вѣрнѣе, историко-культурныя изслѣдованія показали, напримѣръ, что земледѣліе, по крайней мѣрѣ, въ видѣ наиболѣе примитивныхъ его формъ — земледѣлія безъ примѣненія движущей силы животныхъ, практикуемое не при помощи плуга, а простѣйшихъ орудій — мотыки (Hackbau), нисколько не моложе другихъ видовъ хозяйственнаго труда и возникаетъ даже уже въ охотничій періодъ. Мы знаемъ, что оно является основой наиболѣе примитивнаго раздѣленія труда между мужчиной и женщиной и достается въ удѣлъ этой послѣдней. Въ то время какъ мужчина занятъ войной и охотой, женщина около первобытнаго жилища — шалаша, пещеры и т. п. — разводитъ тѣ или иные растенія или овощи. Это скорѣе, конечно, по своему ограниченному характеру и примѣняющимся пріемамъ — огородная культура. Что же касается занятія скотоводствомъ, то оно, въ виду трудности дѣла приученія животныхъ, появляется уже значительно позднѣе. При этомъ приученіе животныхъ начинается сначала, или исходя изъ религіозныхъ цѣлей: поклоненіе священнымъ животнымъ — бѣлый слонъ, священный быкъ (Апись) и т. п., или для цѣлей не хозяйственныхъ, а — развлеченія; животныхъ держатъ сначала для удовольствія и уже только потомъ начинаютъ извлекать изъ нихъ

пользу. Такимъ образомъ, болѣе внимательное разсмотрѣніе фактовъ изъ области исторіи культуры и этнографіи заставляетъ насъ отказаться отъ принятія апріорнаго построенія Листа, которое въ первый моментъ можетъ подкупить насъ своей кажущейся логической стройностью перехода отъ какъ будто простѣйшихъ занятій къ все болѣе и болѣе сложнымъ условіямъ хозяйственной жизни.

Сходную съ указанной схему отстаиваетъ и французскій экономистъ и статистикъ Левассёръ, различающій въ исторіи также пять ступеней экономическаго развитія, при чемъ каждой изъ нихъ, по его мнѣнію, соотвѣтствуетъ особая степень густоты населенія. При этомъ именно ростъ этого послѣдняго, создающаяся благодаря этому „тѣснота“ и вызываетъ переходъ отъ одного періода къ другому, дающему возросшему населенію возможность прокормиться на той же территоріи, совершенно недостаточной при менѣе совершенныхъ способахъ хозяйственной дѣятельности. Въ общемъ, эта мысль отвѣчаетъ по своему существу и основѣ знаменитой теоріи народонаселенія Мальтуса, устанавливающей въ принципѣ тенденцію населенія всегда стремиться обогнать средства продовольствія. Что же касается послѣдовательности періодовъ, то въ полной силѣ остаются и здѣсь сдѣланныя нами выше замѣчанія [1]).

Вторая теорія, имѣвшая большое значеніе для построеніи системы ступеней народнаго хозяйства, была выдвинута Бруно Гильдебрандомъ. Въ основу своего дѣленія она кладетъ о б м ѣ н ъ, ту форму, которую въ каждомъ періодѣ принимаетъ процессъ обращенія товаровъ. Сообразно съ этимъ все народнохозяйственное развитіе дѣлится на три періода: натуральнаго, денежнаго и кредитнаго хозяйства. Вначалѣ, по мнѣнію Гильдебранда, всѣ мѣновыя сдѣлки происходятъ путемъ непосредственнаго обмѣна товара на товаръ безъ помощи денегъ. Затѣмъ, съ развитіемъ мѣнового оборота, съ оживленіемъ хозяйственной жизни наступаетъ продолжительный, наиболѣе знакомый намъ по личнымъ наблюденіямъ, періодъ денежнаго хозяйства. Все продается и покупается за деньги. Денежный оборотъ является основой всѣхъ экономическихъ отношеній между людьми. Но, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи это денежное хозяйство ведетъ къ возникновенію новой ступени — кредитнаго хозяйства, когда разнообразныя сдѣлки совершаются безъ помощи наличныхъ денегъ путемъ различныхъ кредитныхъ оборотовъ:

---

[1]) L e v a s s e u r. Les causes et les limites de la population dans le monde въ „Séances et travaux de l'Academie des sciences morales et politiques“, mai 1892, а по поводу его теоріи см. М и л ю к о в ъ П. Н. Очерки по исторіи русской культуры, ч. I, 5 изд. СПБ. 1904 стр. 21—22 и П о к р о в с к і й М. Н. Очеркъ исторіи русской культуры, ч. I М. 1915, стр. 25. Послѣдній авторъ сначала очень рѣзко критикуетъ самую основу теоріи Левассёра, а затѣмъ принужденъ, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, признать ея правильность, въ частности для исторіи русскаго народнаго хозяйства.

выдачи и обращенія кредитныхъ документовъ — чековъ, векселей, цѣнныхъ бумагъ, перевода по книгамъ банка (жиро), расчетныхъ операцій между банками (клирингъ) и т. д. Деньги, такимъ образомъ, какъ бы теряютъ свое прежнее универсальное значеніе и замѣняются кредитомъ[1]).

Нельзя отрицать, что въ системѣ Гильдебранда имѣется много удачнаго. Правильно отмѣченъ послѣдовательный переходъ къ все болѣе усложнюящимся экономическимъ отношеніямъ и развитіе народнохозяйственной жизни на почвѣ такого основного экономическаго процесса, какимъ является обмѣнъ. Термины Гильдебрандовскаго дѣленія прочно укрѣпились въ наукѣ. Что касается дѣйствительной жизни, то и сейчасъ можно видѣть въ различныхъ странахъ примѣры всѣхъ трехъ ступеней развитія обмѣна, соотвѣтствующихъ теоріи Гильдебранда. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ недавней Россіи, не говоря уже про большія колоніальныя имперіи (Великобританіи), — даже только въ европейской части Россіи, оставляя въ сторонѣ далекія ея окраины, можно было видѣть всѣ эти системы хозяйства, начиная отъ натуральнаго обмѣна самоѣдовъ и киргизовъ и до широко развитого кредитнаго оборота крупныхъ городскихъ центровъ.

Но, наряду съ этими достоинствами, система Гильдебранда не лишена и весьма существенныхъ недостатковъ. Однимъ изъ сразу же бросающихся въ глаза является двусмысленность перваго, употребленнаго имъ термина „натуральное хозяйство.“ Въ наукѣ онъ употребляется въ двухъ значеніяхъ. Съ одной стороны подъ нимъ, какъ это дѣлаетъ Гильдебрандъ, понимаютъ безденежный, натуральный обмѣнъ вещей на вещи. Съ другой стороны, пожалуй, еще болѣе распространеннымъ толкованіемъ этого термина является пониманіе въ качествѣ натуральнаго такого строя хозяйства, когда каждая отдѣльная хозяйственная ячейка совершенно обходится безъ обмѣна, удовлетворяя своими собственными силами всѣ свои потребности. — Вторымъ же и самымъ существеннымъ недостаткомъ данной схемы является ея третій членъ: кредитное хозяйство. Во всякой классификаціи всѣ составляющія ее отдѣльныя части должны отличаться чѣмъ либо существеннымъ, быть по отношенію къ другимъ частямъ болѣе или менѣе самостоятельными цѣлыми. Между тѣмъ про кредитное хозяйство, какъ особую систему, этого сказать нельзя. Мы не говоримъ уже про то, что экономическая жизнь не знаетъ до сихъ поръ нигдѣ примѣровъ такого положенія вещей, гдѣ бы денежныя сдѣлки были совершенно вытѣснены кредитнымъ оборотомъ: даже въ Англіи, съ ея наиболѣе развитыми экономическими отношеніями, кредитныя сдѣлки и документы только отчасти замѣняютъ наличныя деньги, все же фигури-

---

[1]) Bruno Hildebrand. Naturalwirtschaft, Geldwirtschaft, Kreditwirtschaft, въ Jahrbücher für Nationalökonomie u. Stat. II Jahrg. 1864, S. 1 и Его-же. Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. 1848. S. 276. Тоже см. новое изданіе „Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft und andere gesammelte Schriften“, hrsg. von Prof. H. Gehrig. Jena, 1922. S. 329—330.

рующія, хотя и въ ограниченномъ, по сравненію съ другими странами, количествѣ, въ экономическомъ оборотѣ. Но, самое главное, всякія кредитныя сдѣлки и отношенія строятся всегда на денежномъ базисѣ. Кредитъ не столько замѣщаетъ деньги въ буквальномъ смыслѣ этого слова, сколько позволяетъ раздвинуть границы между моментами покупки и уплаты, дѣлаетъ одновременный двусторонній актъ купли-продажи и вообще обмѣна — разновременнымъ, отдаляя актъ погашенія обязательства на извѣстное время. Правда, самымъ фактомъ созданія различныхъ кредитныхъ документовъ кредитный оборотъ уменьшаетъ въ значительной степени нужду въ наличныхъ денежныхъ знакахъ, но все-же всѣ эти кредитные документы въ конечномъ своемъ итогѣ предполагаютъ уплату наличными. За всякими кредитными отношеніями стоитъ моментъ погашенія обязательства тѣмъ или инымъ законнымъ платежнымъ средствомъ, которое и представляютъ собой деньги. Такимъ образомъ, кредитное хозяйство есть лишь дальнѣйшее развитіе и дополненіе денежнаго, а отнюдь — не его замѣна.[1]) Какъ мы видимъ, изъ всей конструкціи Гильдебранда совершенно нетронутымъ остается только понятіе денежнаго хозяйства, являющееся широко распространеннымъ экономическимъ терминомъ.

Наибольшее распространеніе и признаніе въ современной наукѣ получило дѣленіе, предложенное извѣстнымъ лейпцигскимъ профессоромъ Карломъ Бюхеромъ. Въ основу своего дѣленія онъ кладетъ два главнѣйшихъ процесса экономической жизни: начальный — производство и конечный — потребленіе, или, вѣрнѣе, разстояніе между ними, т. е. то разстояніе, которое продуктъ проходитъ отъ производителя до потребителя.

По этому признаку Бюхеръ предлагаетъ различать въ хозяйственномъ развитіи (по крайней мѣрѣ народовъ западной Европы) три самостоятельныхъ ступени: 1) ступень замкнутаго домашняго хозяйства (производство для собственныхъ нуждъ, безобмѣнное хозяйство), при которой блага потребляются въ томъ же самомъ хозяйствѣ, въ которомъ они созданы; 2) ступень городского хозяйства (производство на заказъ или ступень прямого обмѣна), при которой блага непосредственно переходятъ изъ производящаго хозяйства въ потребляющее; и, наконецъ, 3) ступень народнаго хозяйства (производство товаровъ, ступень обращенія благъ),

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ кредитныя сдѣлки могутъ базироваться даже на основѣ натуральнаго обмѣна, т. е., другими словами, подъ ними всегда имѣется опредѣленная матеріальная сущность. Нужно отмѣтить также, что Гильдебрандъ черезчуръ подчеркиваетъ чисто личный моментъ въ обоснованіи кредита, „die Macht des Personalkredits als Umlaufsmittel.“ (указ. выше изданіе подъ ред. Gehrig'a стр. 334), что, конечно, неправильно, такъ какъ не нужно забывать, что, какъ это отмѣчаетъ Шеффле, „предѣлъ кредита находится на границѣ вѣроятности уплаты.“

при которой блага обычно изготовляются предпринимателями и проходятъ черезъ цѣлый рядъ другихъ хозяйствъ, прежде чѣмъ доходятъ до потребителя.[1])

Въ ходѣ историческаго развитія, такимъ образомъ, длина пути отъ начала производства до момента потребленія благъ становится все бо̀льшей. На ряду съ этимъ, въ экономической сферѣ происходитъ большое количество всевозможныхъ измѣненій, уничтоженіе одного и созданіе другого, процессы дифференціаціи и интеграціи различныхъ явленій. Но намъ будетъ понятно все это развитіе только въ томъ случаѣ, если мы будемъ обращать вниманіе только на то, что является нормальнымъ или типическимъ для каждой ступени, оставляя въ сторонѣ переходныя явленія, остатки прежняго или упреждающіе общее развитіе факты, относящіеся къ будущему. Мы будемъ имѣть при такихъ условіяхъ нѣсколько стилизованную дѣйствительность, такъ какъ въ нашемъ изложеніи различія будутъ выражены нѣсколько рѣзче, чѣмъ они, можетъ быть, были представлены въ ту или иную опредѣленную эпоху въ исторической обстановкѣ. При этомъ, конечно, едва ли возможно и точное отграниченіе указанныхъ ступеней во времени, хотя для каждой изъ нихъ все-же можно указать историческіе періоды, а также и народы, для которыхъ эти ступени могутъ быть признаны типическими.

Вообще, нужно представить себѣ картину экономической эволюціи такъ, какъ намъ ее желаетъ изобразить Бюхеръ, идущей не по прямой линіи вверхъ, а двигающейся зигзагообразно, съ отступленіемъ назадъ и въ стороны, при чемъ въ одномъ и томъ-же періодѣ, наряду съ новымъ, встрѣчается иногда не мало пережитковъ стараго или зародышей совершенно невиданнаго еще, только образующагося новаго уклада.

Вся экономическая наука, по мнѣнію Бюхера, до самаго послѣдняго времени исходила изъ представленіи о народномъ хозяйствѣ, т. е. хозяйствѣ, основанномъ на обмѣнѣ, какъ будто бы это послѣднее существовало всегда. На такой точкѣ зрѣнія стояла вся классическая школа политической экономіи. Адамъ Смитъ, напримѣръ, считаетъ стремленіе къ обмѣну заложеннымъ въ самой природѣ человѣка и выводитъ изъ него даже систему раздѣленія труда, а Рикардо, приводя въ качествѣ иллюстраціи первобытнаго охотника и рыболова, заставляетъ ихъ дѣйствовать, какъ капиталистическихъ предпринимателей. Даже Тюненъ въ своей конструкціи изолированнаго государства исходитъ всецѣло изъ предпосылокъ мѣнового хозяйства. Между тѣмъ, всѣ подобнаго рода представленія отстоятъ крайне далеко отъ дѣйствительнаго положенія вещей, которое намъ обрисовываютъ историческія и этнографическія науки по отношенію къ условіямъ жизни первобытныхъ народовъ Болѣе внимательное изученіе вопроса заставляетъ

---

[1]) Karl Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft, I Sammlung. 16 Aufl. Tübingen, 1922. S. 91. и Его-же. Volkswirtschaftliche Entwicklungsstufen въ „Grundriss der Sozialökonomie, I Abteilung, Tübingen. 1914. S. 10.

насъ придти къ выводу, что народное хозяйство представляется продуктомъ историческаго развитія многихъ тысячелѣтій и не старше по своему возрасту современнаго государства. Мы узнаемъ, что, до возникновенія этого народнаго хозяйства, человѣчество жило въ теченіе долгихъ періодовъ безъ всякаго мѣнового оборота или пользуясь такими формами обмѣна продуктовъ и услугъ, которыя никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ области народнохозяйственныхъ явленій. Бюхеръ и ставитъ своей задачей изложить намъ ходъ возникновенія и развитія народнаго хозяйства, какъ завершенія длинной цѣпи предшествующей исторической эволюціи, и дѣлаетъ это въ своей схемѣ вышеуказанныхъ трехъ хозяйственныхъ ступеней или періодовъ. До наступленія перваго изъ этихъ періодовъ человѣчество жило тоже въ теченіе длиннаго ряда столѣтій на уровнѣ, стоявшемъ близко вначалѣ къ образу жизни животныхъ, когда еще вовсе нельзя говорить о хозяйствѣ, какъ сознательной системѣ или организаціи, а лишь объ инстинктивномъ стремленіи удовлетворять отъ случая къ случаю свои немногочисленныя потребности.

Въ значительной степени приближающаяся къ Бюхеровской схема была предложена Шмоллеромъ, который дѣлитъ экономическое развитіе на четыре періода: деревенскаго, городского, территоріальнаго и государственнаго хозяйства. Хотя дѣленіе Шмоллера было имъ выдвинуто по времени раньше, чѣмъ Бюхеромъ, и по этому поводу даже возникъ нѣкоторый споръ о пріоритетѣ, но Бюхеровское дѣленіе, вслѣдствіе его бо̀льшей стройности и разработанности, прочнѣе утвердилось въ экономической наукѣ.

Слѣдуетъ удѣлить еще нѣсколько словъ системѣ дѣленія на хозяйственныя эпохи, выдвинутой Зомбартомъ. Этотъ послѣдній ограничиваетъ свою задачу въ отношеніи мѣста тѣмъ, что онъ беретъ исключительно народы южной, западной и центральной Европы, а въ отношеніи времени, охватываетъ періодъ, начиная съ эпохи Каролинговъ, т. е., приблизительно, періодъ одиннадцати столѣтій съ 800 по 1900 годъ. При этомъ онъ также стремится намѣтить только самыя общія черты въ экономическихъ явленіяхъ, оставляя всѣ мѣстныя особенности отдѣльныхъ странъ совершенно въ сторонѣ. Опредѣляя съ этой точки зрѣнія ясно выступающіе „идеальные типы“, онъ получаетъ три хозяйственныя системы: 1) хозяйство для удовлетворенія собственныхъ потребностей въ его двухъ разновидностяхъ: крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства, 2) ремесло и 3) капитализмъ. Какъ ни самостоятельно конструируетъ Зомбартъ эту свою систему, но при ближайшемъ, внимательномъ разсмотрѣніи, она, въ общихъ чертахъ, близко напоминаетъ Бюхеровское дѣленіе [1]).

[1]) Werner Sombart. Der moderne Kapitalismus 5 Auflage. München 1922. I Band, 1 Halbband. S. 22—24. Въ первомъ изданіи того же своего главнаго труда Зомбартъ строилъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе сложную схему, сопоставляющую ступени, системы и, наконецъ, группы системъ, объединенныхъ ка-

Я не собираюсь здѣсь писать исторіи хозяйства; единственной нашей задачей можетъ быть только желаніе намѣтить главнѣйшіе этапы экономической эволюціи, дать небольшія иллюстраціи къ тѣмъ схемамъ, съ которыми мы выше познакомились, выдвигая на особое мѣсто Бюхеровскую классификацію.

Какъ это явствуетъ само собой, въ нашу задачу не можетъ входить описаніе жизни первобытныхъ народовъ, стоящихъ еще на самой низкой ступени культурнаго развитія. По отношенію къ нимъ, какъ мы уже указывали выше, собственно, не можетъ еще идти рѣчь о хозяйствѣ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, такъ что поле нашего наблюденія будетъ ограничено только, такъ сказать, „историческими“ народами, имѣющими писанную исторію, живущими осѣдло, знакомыми съ земледѣліемъ и ремеслами и, кромѣ того, для того, чтобы не слишкомъ разбрасываться въ стороны, мы ограничимся исключительно только народами, населявшими Европу, включая, однако, и восточную часть этой послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы сразу же отмѣтимъ совпаденіе, хотя и частичное, Бюхеровскихъ ступеней хозяйства съ обычнымъ дѣленіемъ всеобщей исторіи на періоды. Такъ, ступень замкнутаго хозяйства болѣе всего совпадаетъ съ періодомъ древней исторіи, хотя въ отношеніи помѣстнаго строя и крестьянской общины она захватываетъ въ значительной степени средневѣковье, переходя отчасти даже и въ новую эпоху. Здѣсь проявляется та зигзагообразность общей линіи развитія, о которой мы уже говорили выше, а также и трудность провести точныя историческія границы въ отношеніи времени распространенія и господства каждой изъ указанныхъ типическихъ формъ хозяйства. — Ступень городского хозяйства тѣсно связана съ средневѣковой эпохой и является типической особенностью этой послѣдней. Что-же касается ступени народнаго хозяйства, то она появляется на переломѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени и достигаетъ своего наибольшаго развитія только въ ближайшее къ намъ время. Не нужно забывать, опять-таки повторимъ мы, что, наряду съ этими новыми формами, въ среднихъ вѣкахъ сохраняется, по крайней мѣрѣ въ сельской обстановкѣ, какъ мы уже сказали выше, замкнутое домашнее хозяйство въ качествѣ параллельной съ городскимъ хозяйствомъ формы экономической жизни. Но въ тѣ-же средніе вѣка, рядомъ съ господствующими формами хозяйственной организаціи, уже зарождаются ростки новаго строя, достигающаго затѣмъ своего дальнѣйшаго развитія. Въ первомъ-же періодѣ народное хозяйство развивается только постепенно, а наряду съ нимъ продолжаютъ сохраняться нѣкоторые пережитки стараго, при чемъ въ иныхъ странахъ остатки системы замкнутаго домашняго хозяйства доживаютъ до послѣдней трети XIX столѣтія. Такъ причудливо перепле-

---

кимъ-либо единымъ принципомъ хозяйства. См. Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ I томъ, 1 вып. (Изд. Горшкова) Москва, 1904, глава 3: „Ступени хозяйства, системы, формы и эпохи хозяйства“. Стр. 53—73.

таются разнообразныя проявленія экономической организаціи, но, несмотря на эту спутанность, все же для каждой эпохи можно указать господствующій типъ, налагающій на нее свой преимущественный характерный отпечатокъ.

Мы не собираемся, конечно, писать здѣсь исторіи хозяйственнаго развитія, мы хотимъ дать только бѣглый обзоръ главнѣйшихъ историческихъ эпохъ съ экономической точки зрѣнія.

Древній міръ, какъ мы уже сказали выше, былъ по преимуществу періодомъ господства замкнутаго домашняго хозяйства. Переходя къ бѣглой характеристикѣ этого послѣдняго, мы должны сразу же подчеркнуть, что главной его особенностью является, вполнѣ согласно съ опредѣленіемъ Бюхера, малое развитіе обмѣна. Это малое развитіе мѣновыхъ актовъ, ихъ рѣдкость и непривычка къ нимъ создавали опасеніе быть въ каждомъ такомъ случаѣ обманутымъ, что отразилось, можетъ быть, даже въ языкѣ. Tauschen и täuschen на старинномъ нѣмецкомъ языкѣ означаютъ одно и то-же, точно также и англійское truck (мѣнять) происходитъ отъ trick (обманывать),[1]) а, можетъ быть, и близкое созвучіе русскихъ словъ „обмѣнивать“ и „обманывать“ указываетъ на то-же самое обстоятельство. Неувѣренность при актахъ обмѣна, опасеніе быть обманутымъ создавало необходимость цѣлаго ряда предосторожностей, принимаемыхъ при обмѣнѣ. Вспомнимъ въ этомъ отношеніи римскую rei vindicatio съ ея сложнымъ формальномъ аппаратомъ. Положеніе „caveat emptor“ характеризуетъ достаточно римскую хозяйственную мораль.[2]) Эта трудность и неувѣренность мѣновыхъ актовъ еще углублялась отсутсвіемъ въ это время точнаго мѣрила цѣнности при маломъ сравнительно развитіи денежнаго хозяйства. Въ связи съ господствующей формой натуральнаго самодовлѣющаго хозяйства, мы видимъ необычайную власть надъ человѣкомъ земли, изъ которой онъ долженъ былъ извлекать все для себя необходимое, начиная съ пищи и сырья. Вмѣстѣ съ тѣмъ, та-же замкнутость хозяйства и малое развитіе обмѣна требовали очень большой многосторонности свѣдѣній и знаній, необходимыхъ для древняго человѣка. Даже при одновременной работѣ большого ихъ количества мы видимъ, что простое сотрудничество въ тѣ времена играетъ большую роль, чѣмъ раздѣленіе труда: стоитъ вспомнить, хотя бы египетскія грандіозныя постройки, требовавшія объединенія на одной и той же работѣ громадныхъ массъ людей.

Въ этихъ примитивныхъ условіяхъ особое значеніе пріобрѣтаетъ первобытная большая семья, объединенная родовымъ началомъ, gens, родъ, кланъ, въ болѣе позднее время и въ нѣсколько сокращенномъ размѣрѣ, такъ называемая задруга у южныхъ славянъ или болъшая семья въ Россіи, на Кавказѣ и у индусовъ, имѣющая особенную важность для возможности въ

---

[1]) Зелигманъ. Основы политической экономіи. Стр. 65—66.

[2]) Max Weber. Wirtschaftsgeschichte, München, 1923. S. 304.

ея предѣлахъ удовлетворять возросшія разнообразныя потребности. Распаденіе этой большой семьи въ дальнѣйшемъ и вызываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимость временнаго соединенія разныхъ семей для производства совмѣстныхъ большихъ работъ, превышающихъ силы отдѣльныхъ семей и производимыхъ на почвѣ взаимныхъ услугъ, или созданія особыхъ временныхъ объединеній трудового характера, какъ, напримѣръ, русская артель, чета или дружина у болгаръ и т. п. Рядомъ съ этимъ объединеніемъ на сцену выступаетъ также и другой способъ искусственнаго расширенія семьи путемъ включенія въ нее новыхъ постороннихъ членовъ — рабовъ или крѣпостныхъ. Необходимымъ условіемъ экономическаго развитія въ это время является рабство или въ болѣе поздній періодъ крѣпостное состояніе.

Если мы возьмемъ замкнутыя хозяйственныя единицы греко-римскаго міра, то мы будемъ имѣть такъ называемые „οἶκος“ и „familia“. Родбертусъ, въ своемъ изслѣдованіи объ экономикѣ древняго міра, впервые ввелъ терминъ „ойкосное“ хозяйство отъ греческаго οἶκος — домъ, который представлялъ собой основную хозяйственную единицу, объединяющую въ своемъ составѣ всѣхъ членовъ дома δικέται, слово, подъ которымъ въ болѣе позднюю эпоху понимались принадлежавшіе дому рабы. Такой же точно характеръ носитъ и римская familia, какъ объединеніе всѣхъ famuli, домашнихъ рабовъ, челяди.[1]) Вмѣстѣ съ этой хозяйственно-родовой организаціей почти совершенно исчезаетъ индивидуальный элементъ. Государство и право имѣютъ дѣло не съ отдѣльными людьми, а лишь съ извѣстными родовыми группами. Человѣкъ исчезаетъ и расплывается въ семьѣ.

При отсутствіи раздѣленія труда между отдѣльными хозяйствами, внутри каждой хозяйственной единицы, при достаточныхъ ея размѣрахъ, наблюдалось чрезвычайно дробное раздѣленіе отдѣльныхъ функцій, позволявшее собственными силами удовлетворять достаточно изысканныя и развитыя потребности. Въ греческомъ мірѣ строй жизни въ эту эпоху былъ проще, но римскій міръ въ періодъ своего расцвѣта давалъ, даже и въ предѣлахъ домашняго хозяйства, картину самой оживленной и сложной хозяйственной дѣятельности. „Хозяйственной автономіей рабовладѣльческаго дома объясняется вся соціальная и значительная часть политической исторіи древняго Рима. Тамъ не имѣется производительныхъ профессій, нѣтъ сельскихъ хозяевъ, нѣтъ ремесленниковъ. На лицо только крупные и мелкіе собственники, богатые и бѣдные. Если богачъ лишаетъ бѣдняка обладанія земельный собственностью, то онъ дѣлаетъ его пролетаріемъ. Свободный человѣкъ, лишенный владѣнія землей, не можетъ найти себѣ заработка.

---

[1]) Rodbertus. Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Altertums въ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, Bd. II, 1864, Bd IV u. V 1865 u. Bd. VIII, 1867; имѣется и въ русскомъ переводѣ, подъ ред. проф. Тарасова „Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. 4 выпуска. Ярославль 1880—1887.

Вѣдь въ наличности нѣтъ предпринимательскаго капитала, который нанимаетъ рабочихъ за плату; не имѣется никакой промышленности за предѣлами замкнутаго хозяйства. Встрѣчающіеся въ историческихъ источникахъ artifices — вовсе не свободные производители, а ремесленные рабы, получающіе изъ рукъ рабовъ земледѣльцевъ и пастуховъ зерно, шерсть и дерево для соотвѣтственной переработки въ хлѣбъ, платье и орудія.“[1])

Характеризуя сложность хозяйственной жизни римскаго дома, голландскій писатель Помпа написалъ еще въ XVII вѣкѣ книжку, въ которой насчитываетъ до 146 различныхъ спеціальныхъ занятій рабовъ въ богатомъ римскомъ домѣ. Для того, чтобы представить себѣ эту жизнь, слѣдуетъ обратить вниманіе на подобнаго рода описанія, которыя мы имѣемъ въ исторической и экономической литературѣ. Такъ, напримѣръ, Бюхеръ рисуетъ намъ слѣдующую картину организаціи римскаго ойкоснаго хозяйства. „Всѣ несвободные работники богатаго римскаго хозяйства распадались на двѣ главныхъ группы: familia rustica и familia urbana. Familia rustica служитъ производительнымъ цѣлямъ. Въ каждомъ крупномъ имѣніи есть управляющій и его помощникъ со штабомъ надсмотрщиковъ и мастеровъ, въ распоряженіи которыхъ находится значительное количество полевыхъ рабочихъ и рабочихъ при виноградникахъ, пастуховъ и скотниковъ, челяди на кухнѣ и въ домѣ, прядильщицъ, ткачей и ткачихъ, валяльщиковъ шерсти, портныхъ, плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ и рабочихъ, занятыхъ въ побочныхъ отрасляхъ сельско-хозяйственнаго производства. Въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ всякая рабочая группа дѣлится на части, состоящія изъ десяти человѣкъ (decuriae), которыя подчиняются руководителю или надсмотрщику (decurio, monitor). — Familia urbana подраздѣляется на персоналъ управляющій и персоналъ для личныхъ услугъ хозяину и хозяйкѣ какъ въ домѣ, такъ и за его предѣлами. Здѣсь передъ нами прежде всего является управляющій имуществомъ съ кассиромъ, бухгалтерами, управляющими домами для сдачи въ наемъ, закупщиками и т. п. Если глава дома беретъ въ аренду государственную землю или снаряжаетъ корабли, то для этого онъ держитъ особый персоналъ несвободныхъ чиновниковъ и рабочихъ. Внутреннюю службу въ домѣ несутъ управляющій домомъ, привратникъ, прислуга для комнатъ и залъ, хранители мебели, хранители серебра, гардеробщики; продовольствіемъ завѣдуютъ гофмейстеръ дома, ключникъ и смотритель кладовой; въ кухнѣ тѣснится толпа поваровъ, истопниковъ, хлѣбопековъ, кондитеровъ, пирожниковъ; за столомъ прислуживаютъ слуги, изъ числа которыхъ одни спеціально заняты накрываніемъ стола, другіе — нарѣзываніемъ кушаній, пробованіемъ ихъ и наливаніемъ вина, при чемъ гостей увеселяетъ во время обѣда толпа красивыхъ мальчиковъ, танцовщицъ,

---

[1]) K. Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Vorträge und Aufsätze. Erste Sammlung, 16 Auflage. Tübingen 1922. S. 99—100.

карликовъ и шутовъ. Для личныхъ услугъ къ господину приставлены: церемоніймейстеръ, который вводитъ посѣтителей, различные камердинеры, купальщики, слуги для натиранія мазью, слуги, обтирающіе господъ, лейбъ-хирурги, врачи почти для каждой части тѣла, парикмахеры, чтецы, частные секретари и т. п. Для домашняго же обихода держатъ ученаго или философа, архитектора, живописца, скульптора, оркестръ; въ библіотекѣ работаютъ переписчики, гладильщики пергамента, переплетчики, при помощи которыхъ библіотекарь домашними средствами изготовляетъ книги. Въ знатномъ домѣ должны были имѣться изъ числа рабовъ даже свои журналисты и стенографы Когда хозяинъ дома появляется въ общественныхъ мѣстахъ, то передъ нимъ идетъ большая толпа рабовъ (anteambulones), другая слѣдуетъ за нимъ (pedisequi); nomenclator называетъ ему имена встрѣчныхъ, которыхъ нужно привѣтствовать; собственные distributores и tesserarii распредѣляютъ среди народа подачки и даютъ избирательный пароль . . . Эта политическая система давленія восполняется устройствомъ зрѣлищъ, состязаній колесницъ, борьбы звѣрей и игръ гладіаторовъ, для которыхъ подготовляются особыя группы рабовъ. Если такой господинъ отправляется въ провинцію въ качествѣ намѣстника или проводитъ время въ одномъ изъ своихъ имѣній, то несвободные курьеры и гонцы съ письмами поддерживаютъ ежедневныя сношенія со столицей.“ То же нужно сказать и относительно служебнаго штата при хозяйкѣ и необычайно спеціализированнаго персонала по уходу и воспитанію дѣтей. Здѣсь имѣла мѣсто „невѣроятная расточительность человѣческихъ силъ; въ концѣ же концовъ, при помощи этого многорукаго организма замкнутаго домашняго хозяйства, поддерживаемаго грандіозной системой дисциплины и воспитанія, личная сила рабовладѣльца утысячерялась, и это обстоятельство существенно способствовало тому, что горсть аристократовъ имѣла возможность господствовать надъ полуміромъ [1])“.

Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ богатое хозяйство римскаго періода могло быть въ значительной степени самодовлѣющимъ и очень мало нуждаться въ обмѣнѣ. Объ особенностяхъ раздѣленія труда въ древнемъ мірѣ мы уже говорили выше, отмѣчая почти полное его отсутствіе между хозяйствами каждой данной страны, производившими болѣе или менѣе одинаковые предметы и потому не нуждавшимися въ обмѣнѣ, и большое и чрезвычайно дробное раздѣленіе занятій въ предѣлахъ каждой отдѣльной хозяйственной единицы, что мы видѣли выше на примѣрѣ внутренней организаціи богатаго римскаго дома. Такое положеніе чрезвычайно сокращало область распространенія внутренней торговли, но не уничтожало необходимости въ иностранной, ибо, вслѣдствіе различій между продуктами производства разныхъ странъ, коренящимися въ естественныхъ и культурныхъ условіяхъ,

[1]) Bücher, op. cit, S. 101—103.

международная торговля была замѣтно развита уже и въ древнемъ мірѣ. Это подверждается, между прочимъ, и существованіемъ торговыхъ націй въ древности: въ болѣе раннее время финикіянъ, а нѣсколько позже — карѳагенянъ. Можно сказать для этого періода, что торговля тогда была весьма мало развита, но все же она существовала, несмотря на довольно медленное проникновеніе въ психику тогдашнихъ людей привычки къ обмѣну. Такъ мы знаемъ, напримѣръ, что „въ позднѣйшіе вѣка греческой исторіи сельскія хозяйства производили сырые продукты, а иногда и предметы роскоши, для продажи въ городахъ съ развитымъ торговымъ обмѣномъ; въ Римѣ, въ періодъ его наивысшаго могущества, въ большихъ имѣніяхъ производился какой-либо одинъ продуктъ — вино, масло или пшеница — въ цѣляхъ вывоза, производившагося крупными торговыми компаніями . . . . . Тѣмъ не менѣе главная масса потребляемыхъ этими хозяйствами благъ производилась на мѣстѣ. Хотя между хозяйственными единицами происходилъ обмѣнъ, внутри ихъ обмѣна почти не было; мѣновой оборотъ съ другими хозяйствами могъ достигать значительныхъ размѣровъ, но въ повседневномъ обиходѣ каждаго хозяйства его роль была ничтожной.“ [1])

Какъ мы уже указали выше, тотъ сравнительно высоко развитой строй хозяйственной жизни, образцы котораго даетъ намъ въ особенности болѣе поздняя исторія Рима, покоился на широко распространенномъ институтѣ рабства. Какъ ни кажется намъ, съ нашей современной точки зрѣнія морально недопустимымъ господство человѣка надъ человѣкомъ, превращавшее одного изъ нихъ въ вещь, зависящую отъ произвола другого, но, становясь на историческую точку зрѣнія, мы должны признать, что въ свое время только рабство обезпечило накопленіе богатства, полученіе нетрудового дохода, а вмѣстѣ съ тѣмъ появленіе искусствъ, наукъ, а въ значительной степени — и возможность прогресса. Мы въ особенности поймемъ это, если усчитаемъ то презрительное отношеніе къ труду, какъ не дѣлу свободнаго гражданина, которое вообще характеризовало человѣка древности, особенно въ Римѣ. Римлянинъ исходилъ изъ положенія, что „**pigrum et iners videtur labore acquirire, quod possis sanguine parare**“, а выразитель болѣе поздней римской мысли Цицеронъ какъ-то заявляетъ, что кто работаетъ за плату, тотъ продается въ рабство. [2])

---

[1]) Зелигманъ, op. cit, стр. 66.

[2]) Относительно древней Греціи такое презрительное отношеніе къ труду не можетъ быть установлено. См. Ѳ. Зѣлинскій. Древне-греческая религія, Петроградъ, 1918. стр. 27 и слѣд. Вообще греческая экономическая жизнь, особенно въ болѣе раннее время, отличалась гораздо большей простотой и патріархальностью, дающей намъ примѣръ натуральнаго хозяйства, въ качествѣ одного изъ лучшихъ источниковъ обрисовки котораго намъ можетъ служить „Одиссея“. Рабство въ это время, судя по „Одиссеѣ“, носило достаточно легкія формы. Мы видимъ тамъ совмѣстную работу хозяевъ, даже царей съ рабами Навзикая, дочь царя Алкиноя,

Причины возникновенiи рабства, т. е. превращенiя части свободнаго населенiя въ несвободное состоянiе, довольно различны. Такъ, рабство въ Греціи происходитъ или вслѣдствіе a) подчиненiя одной народности другой (илоты въ Спартѣ), или b) пріобрѣтенiя рабовъ черезъ посредство похищенiя и торговли невольниками или, наконецъ, въ предѣлахъ того-же народа c) продажи дѣтей родителями, рабства несостоятельныхъ должниковъ.

Сначала, при болѣе примитивныхъ условіяхъ экономической жизни, рабство развито сравнительно мало. Большинство рабовъ составляютъ чужеземцы, частью военноплѣнные, частью похищенные и проданные купцами. Мужчинъ рабовъ значительно меньше, гораздо больше рабынь женщинъ.[1]) Въ болѣе позднюю эпоху, съ большимъ развитіемъ денежнаго хозяйства, однимъ изъ главныхъ источниковъ рабства являются кредитныя отношенiя. Изъ года въ годъ въ низшихъ слояхъ населенiя, среди крестьянъ, ремесленниковъ, рабочихъ и поденщиковъ, оказывается множество людей, которые не въ состоянiи уплатить свои долги и вмѣстѣ съ женами и дѣтьми впадаютъ въ рабство. Одна и та же картина въ этомъ отношенiи наблюдается у цѣлаго ряда народовъ древности: евреевъ, грековъ и римлянъ. У всѣхъ у нихъ „этотъ соціальный кризисъ наступаетъ нѣсколько столѣтій спустя послѣ окончательнаго перехода къ осѣдлости и можетъ держаться въ теченiи цѣлыхъ столѣтій, сопровождаясь нерѣдко сильными революціонными потрясенiями. Тѣ же жалобы, которыя слышатся въ устахъ всѣхъ пророковъ, начиная съ Амоса, наполняютъ стихотворенiя Солона и его современниковъ, а также дошедшія до насъ произведенiя, изображающія римскій соціальный строй V и IV столѣтій.“[2])

Конечно, положенiе рабства и дальнѣйшее его развитіе въ разныхъ странахъ далеко не одинаковы. Даже въ Греціи мы видимъ въ этомъ от-

---

идетъ вмѣстѣ съ рабынями полоскать бѣлье на берегъ моря. Свинопасъ Одиссея, Эвмей получаетъ эпитетъ „богоравнаго“ и т. д. См. ст. Lexis'a „Naturalwirtschaft“ въ Handw. d. Staatsw. VI[3], а также В. Я. Желѣзновъ. Экономическое міровоззрѣніе древнихъ грековъ. Исторія экономической мысли. Т. I, вып. 1. Москва. 1916. Въ болѣе позднее время и въ Греціи отношеніе къ физическому труду мѣняется, и привиллегированныя сословія смотрятъ съ достаточнымъ презрѣніемъ на изнемогающихъ на работѣ закрѣпощенныхъ крестьянъ. См. Эдуардъ Мейеръ. Рабство въ древности, пер. подъ ред. В. Э. Дена. СПБ. 1899 стр. 23.

[1]) Тутъ играетъ роль отсутствіе особой нужды въ домашнихъ рабочихъ силахъ, которыхъ и безъ того хватало въ условіяхъ примитивнаго хозяйства, да и рабы мужчины изъ побѣжденныхъ враговъ были мало покорнымъ элементомъ. Главную часть рабовъ составляли тогда женщины, захваченныя въ плѣнъ, похищенныя или купленныя у иноземныхъ купцовъ. При этомъ нужно помнить, что онѣ прежде всего служили для удовлетворенiи половой потребности. „Рабство, и при томъ домашнее рабство, при несложныхъ условіяхъ жизни, исполняетъ прежде всего ту функцію, которая впослѣдствіи выпадаетъ на долю болѣе или менѣе организованной проституціи.“ Э. Мейеръ. op. cit стр. 18.

[2]) Э. Мейеръ op. cit. стр. 25.

ношеніи довольно большія различія. Такъ, напримѣръ, рабство въ Спартѣ, согласно съ общимъ духомъ послѣдней, отличается гораздо болѣе суровымъ характеромъ. Стоитъ вспомнить въ этомъ отношеніи извѣстныя κρυπτεῖαι — охоты на илотовъ. Въ Аттикѣ рабство всегда было болѣе мягкимъ. Въ болѣе позднюю эпоху потребность въ рабахъ удовлетворялась здѣсь, главнымъ образомъ, при помощи ввоза, что дѣлало рабовъ болѣе дорогимъ товаромъ.[1]) Поэтому ихъ не могло быть слишкомъ много. Такъ, во времена Перикла число рабовъ достигало въ Аттикѣ до ста тысячъ противъ 130 — 150 тысячъ свободныхъ. Рабы исполняли тогда не только тѣ или иныя работы у хозяина, но и низшія общественныя функціи, на которыя не находилось охотниковъ изъ числа свободныхъ: должности полицейскихъ, палачей, переписчиковъ. — Число рабовъ въ Спартѣ было значительно больше. Такъ, по Виллону, тамъ насчитывалось до 220 тысячъ илотовъ противъ 32 тысячъ спартанцевъ.

Рабство въ Римѣ представляетъ нѣсколько иную картину. Исторія его развитія распадается на три періода. Первый, до пуническихъ войнъ — слабое развитіе рабства; второй, отъ пуническихъ войнъ до времени императоровъ — расцвѣтъ рабства, и третій, начиная съ этой послѣдней эпохи — паденіе рабства и постепенный переходъ къ болѣе легкой формѣ зависимости — колонату.

И въ Римѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ причинъ, которыя вели къ возникновенію рабства. Къ числу ихъ нужно отнести, на первомъ мѣстѣ, паденіе мелкой земельной собственности вслѣдствіе войнъ, задолженность бѣднаго населенія и возникновеніе латифундій, затѣмъ — появленіе массы рабовъ изъ военноплѣнныхъ и благодаря установленію торговыхъ сношеній съ болѣе отдаленными странами. Однако, самая причина возникновенія рабства не оказывала никакого вліянія на положеніе раба: **in servorum conditione nulla differentia est.**

Мы знаемъ, что латифундіи, оказавшія могущественное содѣйствіе развитію рабства вытѣсненіемъ мелкихъ собственниковъ съ принадлежащей имъ земли, появились въ Римѣ на рубежѣ стараго и новаго лѣтоисчисле-

---

[1]) Совершенно другое наблюдаемъ мы въ тѣхъ случаяхъ, когда рабы доставляются изъ числа военноплѣнныхъ и когда цѣна ихъ можетъ падать до крайности низко. Такъ, во время третьей войны римлянъ съ Македоніей, въ 169 г. до Р. Х., въ одномъ только Эпирѣ, въ теченіе одного дня было разграблено 70 городовъ и 150.000 жителей было продано въ рабство. По Бёку, цѣна раба въ Аѳинахъ колебалась отъ 100 до 200 драхмъ (отъ 80 до 160 золотыхъ германскихъ марокъ). Ксенофонтъ указываетъ гораздо бо́льшіе предѣлы колебаній: отъ 50 до 1000 драхмъ. Но иногда эта цѣна падала необычайно низко. Такъ, по даннымъ Аппіака, въ Понтѣ военноплѣнные были проданы по 4 драхмы (около трехъ германскихъ марокъ) за голову. За Іосифа, проданнаго братьями въ Египетъ, они выручили всего только 20 сиклей (18 марокъ). К. Каутскій. Античный міръ, іудейство и христіанство, пер. Рязанова. СПБ. 1909. стр. 58.

нія и представляли собой громадное сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ земельной собственности. Такъ, земельныя владѣнія одного изъ тріумвировъ, Красса оцѣниваютъ въ 35 милліоновъ германскихъ марокъ[1]), Claudius Isidorus владѣлъ при Августѣ, по первому государственному цензу, площадью въ 16½ кв. географическихъ миль и 270 тысячами овецъ. По даннымъ Діона Кассія, Агриппѣ принадлежалъ оракійскій Херсонесъ, обнимавшій собою 45 кв. миль пространства, а Плиній свидѣтельствуетъ, что шести лицамъ принадлежала половина Африки, т. е. тогдашнихъ римскихъ африканскихъ владѣній[2]). Эти данныя даютъ представленіе о необычайной концентраціи тогдашняго богатства, построеннаго въ значительной степени на основѣ рабскаго труда.

Положеніе рабовъ въ Римѣ съ теченіемъ времени все ухудшалось, не отличаясь тѣмъ мягкимъ характеромъ, который мы наблюдаемъ особенно въ древней Греціи. Въ правовомъ отношеніи рабъ приравнивался вещи: servi pro nullius habentur. Онъ, правда, могъ обладать имуществомъ, но это владѣніе — peculium было условнымъ, завися отъ доброй воли хозяина Такимъ же условнымъ характеромъ отличал сь и семейное сожительство рабовъ — contubernium, которое могло быть въ любой моментъ расторгнуто, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, хозяиномъ раба.

Въ эпоху наибольшаго расцвѣта римскаго рабства, въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., число рабовъ въ Италіи доходило до 1½ милліона, а въ Сициліи до 400 тысячъ. Въ это время положеніе рабовъ стало особенно тяжелымъ, и мы видимъ въ послѣдніе два вѣка до Р. Х. постоянныя возстанія рабовъ и, наконецъ, страшное возстаніе гладіаторовъ подъ предводительствомъ Спартака, приведшее государство почти на край гибели[3]). Въ дальнѣйшемъ мы видимъ, съ измѣненіемъ политическихъ и экономическихъ условій римской жизни, цѣлый рядъ затрудненій въ этой области, приведшій, въ концѣ концовъ, къ паденію рабства. Въ этомъ отношеніи довольно существенную роль сыграли какъ увеличившаяся трудность доставать рабовъ, цѣна которыхъ во времена Августа, напримѣръ, доходила до 2000 сестерцій (около 400 германскихъ марокъ) и выше, такъ и большая дороговизна ихъ „разведенія“, такъ какъ рабы, въ условіяхъ своей жизни, не слишкомъ легко и быстро размножались.

Съ усиленіемъ императорской власти наблюдается все большее оттѣсненіе аристократіи отъ политической дѣятельности, что дѣлаетъ для нихъ прежнее обязательное пребываніе въ Римѣ менѣе нужнымъ и заставляетъ ихъ въ погонѣ за увеличенными доходами, которыхъ не даетъ теперь государственная служба, переселяться въ свои помѣстья. Рядомъ съ этимъ

[1]) Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, когда мы говоримъ о германскихъ маркахъ, мы всегда имѣемъ въ виду золотую германскую марку довоеннаго времени.

[2]) Conrad. Latifundien, Handw. d. Stsw. B. VI³, S. 411.

[3]) Grünberg. Sclaverei. Handw. d. Stsw. B. VII³.

идетъ и наблюдающееся въ это время повышеніе интенсивности сельскаго хозяйства, приводящее въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ развитію огородничества и даже цвѣтоводства въ окрестностяхъ Рима, которые были совершенно невозможны на основѣ принудительнаго рабскаго труда, всегда являющагося очень небрежнымъ и мало продуктивнымъ. Въ своей совокупности эти условія привели къ установленію болѣе мягкой формы зависимости — колонату. Колоны были, по сравненію съ рабами, лично свободными людьми, но привязанными къ землѣ, которую они должны были обрабатывать, — glebae adscripti. Это была форма отношеній, въ значительной степени напоминавшая позднѣйшее крѣпостничество. Какъ мы видимъ, переходъ отъ одной формы зависимости къ другой произошелъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ измѣнившихся экономическихъ условій [1]).

Мы удѣлили такое большое, сравнительно, вниманіе этому вопросу, потому что рабство, какъ мы уже знаемъ, являлось однимъ изъ главныхъ устоевъ хозяйства древности, базой, съ которой было самымъ тѣснымъ образомъ связано существованіе высоко развитой стадіи эпохи замкнутаго домашняго хозяйства.

Такое-же значеніе рабства мы встрѣчаемъ въ совершенно иной обстановкѣ и въ другую эпоху, но при подходящихъ условіяхъ примитивнаго хозяйства, въ древней Руси X—XII вѣковъ. Экономическое благосостояніе Кіевской Руси XI—XII в.в. держалось на рабовладѣніи, которое къ половинѣ XII вѣка достигло тамъ громадныхъ размѣровъ, при чемъ съ X вѣка рабы являлись однимъ изъ главныхъ предметовъ вывоза и иностранной торговли. На рабовладѣніи вмѣстѣ съ тѣмъ строились и первые начатки частнаго землевладѣнія, образованіе древнерусскихъ боярскихъ вотчинъ. Въ отношеніи же самаго возникновенія рабства мы и тутъ видимъ тѣ же главные знакомые намъ способы. Во первыхъ, превращеніе въ рабовъ, порабощеніе свободныхъ вольныхъ людей, частью путемъ перенесенія на вольнонаемнаго крестьянина отношеній къ земледѣльцамъ рабамъ, частью же какъ результатъ долгового холопства, т. е. займа у крупнаго собственника. Во вторыхъ, можетъ быть еще бо́льшую роль, въ качествѣ способа добыванія рабовъ, игралъ захватъ, т. е. обращеніе въ рабовъ плѣнныхъ, которыхъ сажали на землю въ помѣстьяхъ князя и членовъ его дружины. Къ такому результату въ значительной степени сводились княжескія междоусобицы. „Превратившись въ хищническую борьбу за рабочія руки, говоритъ Ключевскій, сопровождавшуюся уменьшеніемъ свободнаго населенія, княжескія усобицы еще болѣе увеличивали тяжесть положенія низшихъ классовъ, и безъ того приниженныхъ аристократическимъ законодательствомъ XI—XII вѣ-

[1]) M. Rostowzew. Kolonat, Handw. d. Stsw. B. V[3], а также статья Ростовцева „Колонатъ“ въ Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона. Томъ 22, стр. 216.

ковъ“ [1]), Такъ, въ отношеніи рабства въ различныхъ странахъ и эпохахъ повторяются весьма сходныя явленія, обусловленныя сходствомъ опредѣленныхъ общественно-экономическихъ отношеній.

Изъ того, что намъ извѣстно относительно римскихъ латифундій, изъ тѣхъ данныхъ, которыя характеризуютъ положеніе и строй римскаго ойкоснаго хозяйства богатаго патриція, мы можемъ заключить о весьма значительной концентраціи тогдашняго богатства. Такъ, напримѣръ, Сенека [2]) говоритъ по этому поводу: „обширныя пространства нашихъ полей воздѣлываются заключенными въ оковы; для выгоновъ нашему безчисленному скоту потребны провинціи и царства; домашней прислуги у насъ больше, чѣмъ воиновъ, а строенія, по своей обширности, превосходятъ большіе города.“ Если къ этому прибавить еще производительное употребленіе рабовъ въ болѣе позднюю эпоху не только въ рудникахъ, но и строительными подрядчиками въ городахъ при постройкѣ стѣнъ, клоакъ, водопроводовъ, храмовъ и театровъ, не говоря уже про существованіе „капиталистическихъ“ сельскихъ хозяйствъ, заимствованныхъ римлянами изъ Карѳагена [3]), то намъ станетъ вполнѣ понятной возможность говорить о своеобразномъ „капитализмѣ“ античнаго міра [4]). Но нужно при этомъ никогда не упускать изъ вида, что этотъ капитализмъ совершенно особаго рода, что онъ проникнутъ совершенно инымъ духомъ, чѣмъ теперешній. Современные богачи обладаютъ капиталами, передъ которыми все то, что намъ сообщаетъ на этотъ счетъ древность, представляется совершенно ничтожнымъ. Но самое главное это то, что психологія богатыхъ людей, на протяженіи вѣковъ, существенно измѣнилась. Несмотря на все ихъ богатство, расточительность, которой отличается современный американскій богачъ-милліардеръ, несмотря на ея размѣры „врядъ ли можетъ сравниться съ расточительностью ихъ римскихъ предшественниковъ, которые угощали своихъ гостей соловьиными языками и распускали въ винѣ жемчужины . . . Если современнаго капиталиста характеризуетъ страсть къ накопленію, то знатнаго римлянина временъ имперіи . . . отличаетъ страсть къ наслажденіямъ“ [5]). При всемъ сходствѣ нѣкоторыхъ чертъ отдѣльныхъ эпохъ, въ нихъ наблюдается и

---

[1]) В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. I. 4 изд. Москва, 1911. Стр. 328–342 и М. Н. Покровскій. Очеркъ исторіи русской культуры. М. 1915, ч. I, стр. 56—57.

[2]) De benef. VII, 10, цит. у Т. Буткевича. Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. Харьковъ, 1888, стр. 44.

[3]) См. для характеристики капиталистическаго хозяйства древности, накоплявшихся въ немъ богатствъ и его размаха, описаніе Карѳагена около эпохи Пуническихъ войнъ въ извѣстномъ романѣ Флобера „Саламбо“.

[4]) См. G. Salvioli. Le capitalisme dans le monde antique, traduit par A. Bonnet. Paris, 1906.

[5]) К. Каутскій, op. cit. стр. 68.

весьма существенное различіе, которое намъ никогда не надо упускать изъ вида при попыткахъ какихъ бы то ни было сравненій и аналогій.

Однако, несмотря на указанное нами громадное скопленіе богатства въ древнемъ мірѣ, на грандіозныя сельско-хозяйственныя предпріятія — если только это слово здѣсь допустимо — на примѣненіе рабскаго труда и въ промышленныхъ начинаніяхъ, на широкое распространеніе спеціализаціи въ предѣлахъ отдѣльныхъ хозяйствъ и развитіе денежнаго оборота въ связи съ иностранной торговлей — всѣ эти явленія затрагиваютъ одну только поверхность замкнутаго хозяйства, которое продолжаетъ сохранять свои специфическія черты и переноситъ ихъ отчасти даже въ слѣдующій періодъ — средневѣковье.

Особенностями средневѣковаго строя хозяйственно-политической жизни, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь переходимъ, являются: 1) малое развитіе денежнаго хозяйства съ преобладаніемъ особенностей натуральнаго хозяйства, 2) феодализмъ съ соединеннымъ съ нимъ крѣпостнымъ правомъ, 3) широкое вліяніе духовенства, накладывающее свой отпечатокъ не только на политическія, но и на экономическія отношенія и, наконецъ, 4) такъ называемое, по терминологіи Бюхера, городское хозяйство съ цеховымъ строемъ и развитіемъ ремесла.

Малое развитіе денежнаго хозяйства, обнаруживавшееся въ эту эпоху, находится въ самой тѣсной связи съ общими условіями тогдашняго экономическаго уклада, либо вообще очень сокращавшаго объемъ и распространеніе торговыхъ операцій, какъ мы это видимъ въ сельской обстановкѣ тогдашней крестьянской общины и феодальнаго помѣстья, либо обходившагося въ своихъ мѣновыхъ сдѣлкахъ безъ денегъ или съ помощью очень малаго ихъ количества, какъ это имѣло мѣсто при обычныхъ оборотахъ на городскомъ рынкѣ. Средневѣковая жизнь въ значительной степени продолжала еще сохранять натуральный характеръ, свойственный древнему періоду; наблюдавшееся въ это время довольно большое распространеніе денегъ и вообще благородныхъ металловъ нисколько не противорѣчитъ этому утвержденію. Деньги употреблялись тогда не столько въ качествѣ орудія обмѣна, сколько мѣрила цѣнности, платежнаго средства (при платежѣ налоговъ, пошлинъ, штрафовъ, почетныхъ подношеній и т. п.) и, въ особенности, средства сбереженія, накопленія богатствъ.

Что касается системы феодализма (X—XV в.в.) и его особенностей, то мы не собираемся останавливаться подробно на выясненіи этого понятія, считая его болѣе или менѣе общеизвѣстнымъ. Всѣ мы знаемъ достаточно его военную основу, на которой въ теченіи столѣтій базировалось все военное дѣло и создавалась возможность обходиться безъ постоянныхъ армій при безконечныхъ военныхъ столкновеніяхъ и никогда не прекращавшихся междоусобицахъ.

Это феодальное устройство, какъ мы знаемъ, было не только исключи-

тельной особенностью западной Европы, но находило себѣ, въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ и безъ сохраненія соотвѣтственныхъ названій, широкое примѣненіе въ восточной части Европы. Въ частности мы знаемъ, что такъ называемая русская помѣстная система, порядокъ которой установился въ Московскомъ государствѣ XV и XVI вѣковъ, въ значительной степени напоминаетъ западно-европейскую средневѣковую феодальную систему. Самая бѣглая характеристика подтверждаетъ правильность этой аналогіи. „Помѣстьемъ въ Московской Руси, говоритъ Ключевскій, назывался участокъ казенной или церковной земли, данный государемъ или церковнымъ учрежденіемъ въ личное владѣніе служилому человѣку подъ условіемъ службы, т. е какъ вознагражденіе за службу и вмѣстѣ какъ средство для службы. Подобно самой службѣ это владѣніе было временнымъ, обыкновенно пожизненнымъ.“ [1]) Въ отношеніи же лежащихъ на тогдашнихъ служилыхъ людяхъ чисто военныхъ повинностей мы имѣемъ достаточно точные, сохранившіеся отъ далекой старины списки, въ которыхъ при имени каждаго служилаго лица „обозначено, сколько у него вотчины и помѣстья, съ какимъ числомъ дворовыхъ людей обязанъ онъ являться на службу и въ какомъ вооруженіи и какъ великъ назначенный ему окладъ денежнаго жалованья“.[2]) Это несомнѣнное сходство западно-европейскихъ и русскихъ земельно-служебныхъ отношеній, не исключавшее, конечно, и своеобразныхъ различій между ними, дало поводъ совершенно сближать обѣ системы и говорить о феодализмѣ въ обстановкѣ древнерусской исторіи. „Основныя начала вассальной службы, одного изъ двухъ элементовъ феодальнаго договора, говоритъ Н. П. Сильванскій, легко выясняются въ боярской службѣ удѣльнаго времени. Эта боярская служба представляетъ собою безусловно учрежденіе, тождественное по своей природѣ съ вассальствомъ феодальной эпохи“.[3])

Рядомъ съ феодализмомъ, въ качествѣ одной изъ существенныхъ основъ этого послѣдняго, мы видимъ институтъ крѣпостного права. Насъ завела бы слишкомъ далеко попытка обрисовать исторію и причины его возникновенія, да это и не входитъ въ нашу задачу. Достаточно для насъ вспомнить, что рядомъ съ принудительнымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ и установленіемъ ихъ личной зависимости, широко практиковался еще и добровольный переходъ крестьянъ подъ власть феодаловъ, объяснявшійся правовою неустроенностью и отсутствіемъ какой бы то ни было безопасности тогдашней жизни, заставлявшей искать защиты и покровительства у сильнѣйшаго, хотя бы и съ потерей своей личной свободы.[4]) И здѣсь

[1]) Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. II, изд. 3-е. Москва 1912, стр. 278.

[2]) Ключевскій. op. cit. стр. 286.

[3]) Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси, СПБ. 1907, стр. 95. Критику этого мнѣнія см. у В. Сергѣевича. Древности русскаго права. Т. III, Изд. 2. СПБ. 1911, стр. 469—475.

[4]) H. Taine. Les origines de la France contemporaine. L'ancien régime, 5 éd. Paris, 1878. Здѣсь мы тоже видимъ полную аналогію между соотвѣтствен-

мы видимъ тоже существенное сходство западно-европейскихъ условій съ русскими, гдѣ крѣпостное право, владѣніе населенными помѣстьями было непремѣннымъ условіемъ возможности правильно и безотказно нести государственную службу, а крѣпостное право сплеталось изъ полицейской приписки по мѣсту жительства, ссудной задолженности, дѣйствія кабальнаго холопства и добровольнаго соглашенія.[1])

Одной изъ особенностей средневѣковаго строя, которую мы указали выше, было необычайно сильное вліяніе духовенства. Мы знаемъ изъ исторіи значеніе папской власти, накладывавшей свой отпечатокъ на всю общественную, политическую и духовную жизнь того времени. Наряду съ этимъ, было очень велико и значеніе монастырей, которые являлись въ это время въ значительной степени хранителями духовной культуры и учрежденіями, занимавшимися дѣлами благотворительности, въ первую очередь призрѣніемъ бѣдныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ являвшимися проводниками культуры матеріальной, ибо въ раннюю эпоху своего существованія монастыри и на Западѣ, и въ Россіи способствовали заселенію и первоначальной обработкѣ пустынныхъ и дикихъ мѣстностей.[2]) Все это являлось только отзвукомъ того вліянія религіознаго начала, которое проникаетъ собой всю жизнь этой эпохи. Вліяніе церковнаго элемента сказывалось въ это время повсюду: въ искусствѣ,

---

ными условіями на востокѣ и западѣ Европы. Не нужно забывать, что и тамъ, только благодаря защитѣ феодальнаго сеньора, крестьянинъ находился въ нѣкоторой безопасности. Какъ говоритъ Тэнъ, его теперь не убьютъ „его не уведутъ въ плѣнъ съ семьей, какъ стадо, съ вилами, приставленными къ его шеѣ. Онъ рѣшается пахать, сѣять, надѣяться на сборъ жатвы; въ случаѣ опасности, онъ знаетъ, что найдетъ убѣжище для себя, для своего зерна и скота подъ защитою стѣнъ крѣпости“ ... Въ десятомъ вѣкѣ, по словамъ Стендаля, высшимъ счастьемъ для многихъ людей было не быть убитымъ и имѣть на зиму хорошую одежду изъ шкуръ; для женщинъ, прибавляетъ отъ себя Тэнъ, къ этому присоединялось еще желаніе — не быть изнасилованной цѣлой шайкой. „Когда мы себѣ представимъ, говоритъ Тэнъ, сколько нибудь ясно условія жизни людей въ эти времена, то поймемъ, что они добровольно соглашались на самыя худшія феодальныя права ... то, чему можно было подвергнуться въ любой день было еще хуже.“ Taine, op. cit. pp. 11—12.

[1]) Ключевскій op. cit. Часть III, 2 изд. Москва. 1912. стр. 222.

[2]) Въ этомъ отношеніи достаточно вспомнить культурную работу на Западѣ монастырскихъ орденовъ — Бенедиктинцевъ, Францисканцевъ и другихъ, ставившихъ одной изъ своихъ первыхъ задачъ, наряду съ молитвой, тяжелый трудъ по завѣту; laborare et orare. См. H. Sieveking. Grundzüge der neueren Wirtschaftsgeschichte, Berlin 1923, S. 7., а также С. Булгаковъ. Народное хозяйство и религіозная личность, ст. въ сборникѣ „Два града“. М. 1911. Т. I, стр. 186. О значеніи русскихъ монастырей для колонизаціи русскаго сѣвера см. Ключевскій. Курсъ, ч. II. Стр. 316—340. Вліяніе на хозяйственную жизнь и особенно на развитіе капиталистическаго духа протестантскихъ религіозныхъ теченій прекрасно изложено въ работѣ: Max Weber. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“. Band XX und XXI (1904—1905), теперь перепечатано въ сборникѣ его статей „Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie“. 2 Aufl. Tübingen 1922.

наукѣ, зодчествѣ и поэзіи. Университеты XI и XII вѣка были, въ сущности, богословскими школами, поэзія отражала въ себѣ сильное вліяніе религіозныхъ воззрѣній, готическій стиль можетъ быть съ значительнымъ правомъ названъ стилемъ іерархіи. „Однимъ словомъ, какъ говоритъ Ранке, это соединеніе религіи и власти, священства и рыцарства, поэзіи и искусства представляло одно блестящее, но подавляющее цѣлое, расчлененное какъ готическій соборъ, на вершинѣ котораго стоялъ, всѣмъ повелѣвая, первосвященникъ [1])". Для того, чтобы представить себѣ всю величину значенія религіознаго принципа въ этотъ періодъ исторіи, намъ достаточно вспомнить возникновеніе ислама и его побѣдное шествіе по Азіи, Африкѣ и отчасти — Европѣ, или исторію крестовыхъ походовъ и созданіе Іерусалимскаго королевства и Латинской имперіи. Должно быть для насъ понятно при такихъ условіяхъ и вліяніе религіозно-церковной мысли на экономическую жизнь.

Подъ воздѣйствіемъ христіянскаго ученія измѣнился вообще самый взглядъ на трудъ, и презрительное отношеніе къ физическому труду, характеризовавшее въ особенности римскій міръ, теперь исчезло. Вмѣстѣ съ тѣмъ церковь стала задаваться мыслями пронизать всю экономическую жизнь этическими началами. Такое стремленіе проявляется, въ первую очередь, въ установленіи требованія объ **justum pretium** — справедливой цѣнѣ, цѣнѣ, не дававшей возможности чрезмѣрной наживы со стороны продавца. Для установленія этого понятія въ экономической дѣйствительности того времени уже имѣлись нѣкоторыя необходимыя предпосылки. Другое экономическое требованіе, исходившее отъ церкви, заключалось въ запрещеніи взиманія процентовъ съ суммъ, отданныхъ взаймы. Эти странныя, на первый взглядъ, средневѣковыя теоріи цѣнности и кредита находили свое основаніе въ условіяхъ хозяйства, проникнутаго идеей справедливаго и неизмѣннаго обычая. Обычай игралъ въ это время очень большую роль, особенно въ обстановкѣ феодальнаго хозяйства, въ которомъ нормы и повинности основываются прежде всего на извѣстномъ обычномъ порядкѣ, отступленія отъ котораго всегда казались несправедливостью. Параллельно съ этимъ всякое извлеченіе чрезмѣрной прибыли, на основаніи соотвѣтственной благопріятной конъюнктуры, считалось грѣхомъ, и возможность и законность противодѣйствія этому грѣху строгими полицейскими мѣрами не подвергалась никакому сомнѣнію. Такъ, напримѣръ, Нимвегенскій капитулярій, трактующій о максимальныхъ цѣнахъ и **justum pretium**, хотя и не былъ церковнымъ, однако былъ составленъ при весьма замѣтномъ и вліятельномъ участіи франкскихъ іерарховъ.

Но еще большее значеніе въ этой области имѣло отрицательное отношеніе церкви къ взиманію процентовъ. Церковь исходила при этомъ отчасти изъ извѣстнаго положенія Аристотеля о томъ, что „деньги не родятъ

---

[1]) Ранке. Объ эпохахъ новой исторіи. Москва. 1898. стр. 88.

денегъ", а съ другой стороны основывалась на религіозныхъ предписаніяхъ. Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ имѣлось запрещеніе брать ростовщическую прибыль съ ближняго,[1]) а въ Новомъ Завѣтѣ въ такомъ смыслѣ понималось Евангеліе отъ Луки (VI, 35), которое въ латинскомъ переводѣ гласитъ: „**Mutuum date nihil inde sperantes**" — взаймы давайте, не разсчитывая извлечь изъ этого выгоды; въ дѣйствительности же, какъ показываетъ контекстъ, тамъ предъявляется еще болѣе высокое требованіе — давайте въ долгъ, не расчитывая получить обратно. Исходя изъ этого, церковь издавна считала, что тотъ, кто сремится извлечь возможно большую прибыль изъ отданнаго взаймы капитала, эксплоатируетъ нужду ближняго и совершаетъ тяжкій грѣхъ. На этомъ основаніи церковь стала совершенно запрещать всякія сдѣлки, связанныя съ полученіемъ роста, а въ 1179 году папа Александръ III предписалъ отлучать ростовщиковъ отъ церкви, въ болѣе-же позднее время — Вѣнскій Соборъ 1311 года объявилъ запрещеніе взиманія процентовъ догматамъ церкви, а сомнѣвающихся въ немъ — еретиками. Для условій тогдашней общественно-политической жизни подобное запрещеніе не было никоимъ образомъ мертвой буквой, и представляло собой нѣчто до крайней степени реальное.

Но для того, чтобы понять такое странное на нашъ взглядъ требованіе, нужно вдуматься въ условія тогдашняго хозяйственнаго порядка. Если вспомнить, что отличительной его особенностью было господство натуральнаго хозяйства, что для предпринимательской дѣятельности въ области промышленности или сельскаго хозяйства не было почти никакой возможности и что, слѣдовательно, занятыя деньги не могли быть использованы производительно, и заемъ вызывался въ большинствѣ случаевъ нуждой, то подобнаго рода запрещеніе, особенно со стороны церкви, должно представляться намъ вполнѣ естественнымъ. При господствѣ натуральнаго хозяйства отрицательное отношеніе къ взиманію процентовъ имѣло за себя полное основаніе.

Но, когда условія экономической жизни стали мѣняться, когда появилась возможность, при дальнѣйшемъ развитіи хозяйства, выгоднаго использованія занятыхъ денегъ въ торговыхъ или промышленныхъ предпріятіяхъ, приносившихъ прибыль, то ожиданіе кредитора получить на ссуженный имъ для этого капиталъ соотвѣтственные проценты стало совершенно естественнымъ. Развитіе экономической жизни требовало использованія кредита, какъ средства, содѣйствующаго расширенію и ускоренію экономическаго оборота, и мы видимъ, параллельно съ этими мѣняющимися условіями, какъ съ одной стороны мѣняются вначалѣ столь ригористическіе взгляды церкви, а съ другой — появляются способы обхода строгихъ церковныхъ запрещеній. Такъ какъ въ дѣйствительности нельзя было обойтись безъ оплачиваемаго кредита, то, по мѣрѣ развитія промышленности и торговли, кре-

[1]) Второзаконіе, XXIV, 19, 20; Левитъ XXV, 35, 36.

дитныя сдѣлки и обязательства по займамъ становились все болѣе и болѣе частыми. „Характерно для средневѣковыхъ общественныхъ условій, что образовались спеціальныя наслѣдственныя группы, обслуживавшія эту потребность. Главной изъ нихъ были евреи, которые спеціально занимались ссудами подъ проценты. Положеніе ихъ было не только признано юридически, но даже обставлено привиллегіями въ виду того, что они считались собственностью королей“ [1]). Эти послѣдніе извлекали изъ этой „собственности“ немаловажную пользу, грабя, въ свою очередь, этотъ привиллегированный классъ королевскихъ ростовщиковъ, какъ это имѣло мѣсто, между прочимъ, въ 1290 году въ Англіи, гдѣ король Эдуардъ I изгналъ евреевъ — „зарѣзалъ курицу, приносившую ему золотыя яйца, чтобы сразу ограбить скопленные евреями капиталы“ [2]), Подобными же привиллегіями пользовались впослѣдствіи французскіе купцы изъ Кагора и другихъ южныхъ мѣстностей, такъ называемые каурсинцы; въ XIV вѣкѣ ихъ по банкирскимъ дѣламъ смѣнили итальянцы, преимущественно ломбардцы, а рядомъ съ этимъ такого рода прибыльными денежными операціями стали заниматься нѣкоторыя духовныя корпораціи и даже монастыри. Такъ, мѣняющіяся условія экономической жизни вызываютъ понемногу отступленія отъ первоначальныхъ строгихъ правилъ на практикѣ, а затѣмъ и сама теоретическая мысль подыскиваетъ для этого соотвѣтственныя возможности и объясненія.

Въ качествѣ слѣдующей особенности средневѣковаго строя мы указали такъ называемое городское хозяйство съ цеховой организаціей и развитіемъ ремесла. Но, рядомъ съ этимъ новшествомъ, въ экономической жизни средневѣковья продолжалъ сохраняться въ полной силѣ и старинный укладъ замкнутаго домашняго хозяйства. Въ этомъ отношеніи приходится отмѣтить, что самый строй экономической жизни средневѣковья складывался изъ двухъ главныхъ частей: строя жизни деревни и помѣстья, продолжавшихъ въ своемъ развитіи линію замкнутаго домашняго хозяйства, и жизни городовъ, представлявшихъ по сравненію съ прежнимъ нѣчто совершенно новое.

Въ мѣстахъ разселенія германскаго племени населеніе живетъ первоначально деревнями, а не по отдѣльнымъ хуторамъ. Дорогъ, соединяющихъ отдѣльныя деревни, сначала вовсе не имѣется, а когда онѣ и появляются впослѣдствіи, то не проводятся по опредѣленному плану, а прокладываются временно, по мѣрѣ надобности, и исчезаютъ отъ одного года къ другому. Да и нужды въ такихъ связующихъ отдѣльныя поселенія постоянныхъ путяхъ сообщенія въ то время еще не наблюдается, такъ какъ каждая деревня представляетъ собою въ экономическомъ отношеніи самодовлѣющее цѣлое, покрывая собственными силами всѣ свои немногосложныя потребности. Земля находилась у такой деревни частью въ общемъ владѣніи (выгонъ, лѣсъ),

[1]) П. Виноградовъ. Экономическія теоріи средневѣковыя. „Исторія экономической мысли“. Т. I, вып. 3-й. Москва, 1916, стр 65.

[2]) Виноградовъ. Ibid.

частью въ единоличномъ (усадебные участки, огороды и пахотное поле). Пахотная земля была раздѣлена между дворами отдѣльными полосами въ каждомъ изъ полей, на которыя распадалась вся площадь, съ цѣлью уравновѣсить разницу въ плодородіи и въ мѣстоположеніи участковъ. Получалась черезполосица, являвшаяся причиной принудительнаго сѣвооборота при господствовавшемъ въ тѣ времена трехпольи. Для того, чтобы перейти къ высшей ступени плодосмѣннаго хозяйства, много вѣковъ спустя, въ Германіи въ 1821 году пришлось прибѣгнуть къ принудительному измѣненію этихъ остатковъ старинныхъ общинныхъ отношеній. — При всемъ различіи между германскими и русскими земельными порядками, основанными на земельныхъ предѣлахъ сельской общины, мы не можемъ отрицать въ этихъ первоначальныхъ отношеніяхъ извѣстнаго внѣшняго сходства [1]).

Рядомъ съ такой деревней, иногда въ центрѣ ряда деревень, находится рыцарское или феодальное помѣстье, тѣсно связанное съ существованіемъ крѣпостного права. Не нужно думать, чтобы всѣ крестьяне были непремѣнно крѣпостными. Мы встрѣчаемъ и свободное крестьянство, но гораздо болѣе рѣдко и, скорѣе, въ видѣ исключенія. Наиболѣе нормальнымъ положеніемъ является крѣпостное крестьянство, находящееся въ зависимости отъ господскаго помѣстья и связанное съ нимъ опредѣленными узами, основанными на правѣ и стародавнемъ обычаѣ. Въ раннемъ средневѣковьи мы видимъ такія большія помѣстья, представлявшія дальнѣйшую эволюцію замкнутаго домашняго хозяйства и являвшіяся продолженіемъ развитія помѣстій поздней римской императорской эпохи, покоившихся на институтѣ колоната. Однако, хотя это и было дальнѣйшимъ развитіемъ, но отнюдь не повтореніемъ прежняго. Именно, въ Римѣ мы видѣли, что крупныя помѣстья, основанныя на примѣненіи принудительнаго труда, вытѣсняли мелкое свободное хозяйство и превращали его представителей въ рабовъ или колоновъ. Между тѣмъ въ средневѣковьи мелкій собственникъ не терялъ совершенно своей хозяйственной самостоятельности и только ставилъ себя, взамѣнъ потери части своей личной свободы и несенія имъ опредѣленныхъ повинностей, подъ защиту и опеку феодальнаго владѣльца.

Лучше всего можно себѣ представить строй средневѣковаго помѣстнаго хозяйства съ прилежащими къ нему деревнями или деревней въ качествѣ извѣстнаго хозяйственнаго единства, центромъ котораго является помѣстье. Собственныя земли помѣстья обрабатываются живущими въ немъ и прочно связанными съ нимъ рабочими силами, получающими тамъ содержаніе и пріютъ и исполняющими для нуждъ владѣльца опредѣленныя какъ сельскохозяйственныя, такъ и промышленныя работы. Кругомъ помѣстья расположены земли крестьянъ общиннаго и частнаго пользованія, на которыхъ они ведутъ свое собственное хозяйство, будучи обязаны въ пользу помѣстья

[1]) Max Weber. Wirtschaftsgeschichte. München. 1923. S. 19—29.

опредѣленными работами и приношеніями въ натурѣ. Работы эти сначала устанавливаются въ зависимости отъ потребности, а затѣмъ опредѣляются по времени. Къ непосредственному участію въ сельскомъ хозяйствѣ присоединяются еще опредѣленныя, связанныя съ нимъ работы, а тамъ и отправленіе извѣстнаго промысла, предполагающаго уже нѣкоторую спеціализацію и часто передающагося въ отдѣльныхъ крестьянскихъ дворахъ по наслѣдству. Вся эта система создаетъ весьма прочный и замкнутый въ себѣ хозяйственный организмъ, вполнѣ удовлетворяющій собственными силами своимъ незамысловатымъ потребностямъ. Какъ ни широка его основа, по сравненію съ чисто ойкоснымъ хозяйствомъ, и какъ ни покоится въ немъ все на принципѣ услуги-возмездія, все-же наблюдающіяся тамъ отношенія между помѣщикомъ и крѣпостными совершенно выходятъ изъ круга нормальныхъ экономическихъ категорій, исходящихъ изъ основъ мѣнового хозяйства. Въ такомъ средневѣковомъ крѣпостномъ хозяйствѣ нѣтъ еще спеціальнаго, а имѣется только общее экономическое возмѣщеніе тѣмъ или инымъ субъектамъ за ихъ труды, а поэтому „не имѣется ни цѣны, ни заработной платы, ни арендныхъ или наемныхъ платежей, ни прибыли на капиталъ и, сообразно съ этимъ, не имѣется предпринимателей и наемныхъ рабочихъ.“ [1]). Вслѣдствіе этихъ особенностей понятно, что тогдашнее хозяйство должно было весьма существенно отличаться отъ современнаго. Многихъ позднѣйшихъ экономическихъ понятій въ это время еще даже и не существуетъ. „Потребность, трудъ, производство, орудія производства, продукты, потребительные запасы, потребительная цѣнность, потребленіе: вотъ тѣ немногія понятія, которыя исчерпывали въ обычномъ ходѣ вещей кругъ экономическихъ явленій“. [2])

При господствѣ въ это время натуральныхъ формъ хозяйства, мы не имѣемъ еще капитала въ смыслѣ источника полученіи дохода или прибыли. Большинство тѣхъ предметовъ, которые скапливаются въ рукахъ владѣльца тогдашняго помѣстья, представляетъ собой потребительные запасы, а потому и не можетъ быть долгое время сберегаемо; еще менѣе могутъ эти предметы быть капитализированы. Этимъ обстоятельствомъ — изобиліемъ запасовъ, которые, при ихъ громоздкости и повсемѣстной распространенности въ сосѣднихъ хозяйствахъ, почти невозможно сбывать на сторону и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможно сохранять, объясняется съ одной стороны привычка держать громадную дворню, массу слугъ, а въ болѣе раннее время — свиту или дружину. Въ тѣ отдаленныя времена по численности сопровождавшей феодала свиты судили о размѣрахъ его могущества и политическаго вліянія, а съ другой стороны этимъ же изобиліемъ запасовъ объясняется необычайное развитіе гостепріимства. При отсутствіи того и дру-

---

[1]) Bücher. op. cit. S. 108.
[2]) Bücher. op. cit. S. 114.

гого обыкновенія, было бы совершенно невозможно использовать скоплявшіеся въ хозяйствѣ разнообразные продукты. Это явленіе было въ такой же мѣрѣ извѣстно западу Европы, какъ и востоку. Такъ, въ дореформенной Россіи гораздо болѣе поздняго времени, мы точно также встрѣчаемъ съ одной стороны необычайно многочисленную дворню, десятки и сотни слугъ самаго различнаго рода, а съ другой стороны привычку принимать у себя гостей, пріѣзжавшихъ въ очень большомъ количествѣ съ чадами, домочадцами и массой прислуги, гостившихъ по цѣлымъ недѣлямъ, и наличіе для нихъ въ сколько-нибудь богатомъ помѣстьи цѣлыхъ спеціальныхъ флигелей съ десятками комнатъ. Измѣненіе привычки держать при себѣ большое количество челяди на Западѣ уменьшило во многихъ случаяхъ размѣры политическаго вліянія землевладѣльческой аристократіи. Такъ Адамъ Смитъ разсказываетъ, что англійскіе лорды въ послѣднія столѣтія, когда развилась иностранная торговля и промышленность, уменьшили свое политическое значеніе тѣмъ, что распустили свою многочисленную свиту и, вмѣсто этого, стали тратить деньги на покупку элегантныхъ модныхъ предметовъ, которые ими пріобрѣтались для личнаго удовольствія [1]).

Можно легко понять, что при системѣ этого помѣстнаго хозяйства, служившаго во многихъ отношеніяхъ продолженіемъ античнаго хозяйства, для торговли, въ качествѣ нормальнаго явленія, почти совершенно не было мѣста. Въ такомъ средневѣковомъ помѣстьи почти всѣ потребности безъ исключенія удовлетворялись своими собственными силами. Покупались только какіе-либо привозные, часто заморскіе продукты, предметы роскоши или нѣкотораго излишества. Такія покупки могли имѣть мѣсто крайне рѣдко, и поэтому пріѣздъ торговца въ помѣстье былъ своего рода событіемъ, при чемъ и количество предлагавшихся имъ на продажу товаровъ было обычно весьма незначительно. Довольно часто въ средневѣковьи (до XIII вѣка) средствомъ передвиженія товаровъ служила собственная спина торговца, въ самомъ лучшемъ случаѣ — двухколесная телѣжка, что вполнѣ понятно при тогдашнемъ состояніи дорогъ. Насколько малъ былъ этотъ торговый оборотъ, можно заключить изъ того обстоятельства, что во времена высшаго расцвѣта германской Ганзы весь обмѣнъ товаровъ между Германіей и Англіей не превышалъ 15.000 германскихъ марокъ въ годъ, въ Ревельскую гавань въ XV столѣтіи ежегодно входило всего 15 кораблей, а въ концѣ средневѣковья высчитывали, что количество товаровъ, перевозившихся въ теченіи года черезъ Сенъ-Готардъ, не превышало того, что теперь въ одинъ разъ можетъ быть перевезено на одномъ или $1^1/_2$ товарныхъ поѣздахъ [2]). Понятно, что при такихъ рѣдкихъ торговыхъ сдѣлкахъ, при томъ касавшихся предметовъ большаго или меньшаго излишества, часто предметахъ

[1]) Adam Smith. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations, 5 ed. (by M'Culloch) Edinburgh, 1859, p. 183.

[2]) Max Weber. Wirtschaftsgeschichte 1923. S. S. 178, 185, 186.

извѣстной рѣдкости, отсутствовали сколько-нибудь твердо установленныя цѣны, которыя опредѣлялись въ большинствѣ случаевъ настойчивостью желанія покупщика пріобрѣсти ту или иную вещь. Уже Адамъ Смитъ говорилъ о томъ, что съ распространеніемъ роскоши представители земельной знати легко отдавали въ обмѣнъ за пару брильянтовыхъ пряжекъ годовое содержаніе тысячи человѣкъ. Для богатаго рыцаря не составляло особой разницы заплатить за миланское вооруженіе вмѣсто годовой ренты съ двухъ или двадцати крестьянъ, ренту съ четырехъ или сорока, и тоже можно сказать и про тогдашнихъ богатыхъ князей церкви, жившихъ также доходами съ крѣпостного хозяйства, которые, нуждаясь въ какихъ-либо привозныхъ, особенно восточныхъ товарахъ, не стояли за цѣной. [1])

И вотъ одной изъ причудливостей того зигзагообразнаго хода развитія, о которомъ мы неоднократно уже говорили, и доказательствомъ извѣстной искусственности всякаго дѣленія на періоды является то обстоятельство, что очерченное нами выше замкнутое домашнее хозяйство сохраняетъ свои черты въ деревнѣ не только въ теченіи всего средневѣковья, но переходитъ даже и въ новѣйшій періодъ исторіи Такъ, тотъ строй помѣстнаго хозяйства и вообще всего уклада сельской жизни, о которомъ мы говорили выше, сохраняется въ значительной степени, если мы возьмемъ, напримѣръ, Германію, до начала XIX вѣка, при чемъ существенная основа отношеній между помѣстьемъ и окружающими его крестьянами остается той-же, что и раньше [2]).

Еще въ большей степени и значительно дольше сохранились черты замкнутаго домашняго хозяйства въ помѣстномъ строѣ дореформенной Россіи, т. е. почти до половины XIX столѣтія. Были даже въ этой сферѣ нѣкоторыя черты сходства съ римскимъ дѣленіемъ на familia rustica и familia urbana. Богатый русскій помѣщикъ жилъ обыкновенно часть года у себя въ деревнѣ, а часть въ городѣ. И тамъ, и тутъ у него было обширное налаженное хозяйство. Въ деревнѣ, кромѣ веденія сельскаго хозяйства на основѣ крѣпостного труда, имѣлся многочисленный штатъ дворни, и на господскомъ дворѣ культивировались всякія ремесла и виды производства до изящныхъ искусствъ включительно. Собственными средствами изготовлялись не только предметы обычнаго домашняго обихода, но, при помощи обученныхъ гдѣ-либо въ столицѣ, а то и за границей крѣпостныхъ мастеровъ, и изысканные предметы роскоши. Въ помѣстьи изготовлялись собственныя матеріи, посуда, мебель, экипажи, имѣлись домашніе живописцы,

---

[1]) Adam Smith o. c. p. 183 и В. Зомбартъ, Современный капитализмъ, т. I, стр. 245.

[2]) G. F. Knapp. Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit въ сборникѣ статей Кнаппа подъ заглавіемъ „Einführung in einige Hauptgebiete der Nationalökonomie“, München 1925. S. 96—97 и W. Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert. Berlin. 1903. SS. 49—59.

оркестры музыки, труппы крѣпостныхъ актеровъ. Жизнь такого помѣстья очень напоминаетъ приведенное нами выше описаніе жизни богатаго римскаго дома. — Когда такой богатый помѣщикъ переѣзжаетъ на часть года, обыкновенно зимой, въ большой городъ или столицу, съ нимъ переѣзжаетъ значительная часть дворни, и тамъ продолжаетъ вестись та-же разнообразная промышленная дѣятельность. Кромѣ помѣстья у большинства такихъ богатыхъ людей имѣлись въ городѣ собственные дома съ примыкающимъ къ нимъ садомъ и большимъ количествомъ службъ и флигелей, гдѣ размѣщалась многочисленная дворня. Еще и до сихъ поръ, хотя бы въ Москвѣ въ многочисленныхъ переулкахъ около Арбата, сохранились такіе особняки, напоминающіе этотъ старинный укладъ помѣщичьяго хозяйства. Такъ долго сохраняются, при извѣстныхъ условіяхъ, пережитки давно прошедшей эпохи, представляющіе собой остатки натуральнаго хозяйства среди все болѣе заливавшихъ экономическую жизнь волнъ стихіи денежнаго хозяйства[1]).

Но главной особенностью средневѣковой эпохи въ экономическомъ отношеніи является строй такъ называемаго городского хозяйства, о которомъ мы уже упоминали выше. При этомъ строѣ мы имѣемъ уже общественное раздѣленіе труда — между городомъ и деревней. Представляя его себѣ наиболѣе схематично, мы можемъ сказать, что деревня доставляетъ сырье и получаетъ взамѣнъ его въ городѣ обработанные продукты. Такимъ образомъ, на этой ступени хозяйственнаго развитія мы имѣемъ обмѣнъ въ качествѣ основы хозяйственной дѣятельности, но обмѣнъ непосредственный между производителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ потребителемъ съ одной стороны и производителемъ и потребителемъ съ другой. — Собственно, и здѣсь мы должны представить себѣ, для уясненія этой хозяйственной организаціи, *замкнутое* цѣлое, но состоящее изъ двухъ зависящихъ другъ отъ друга, въ остальныхъ отношеніяхъ, однако, самостоятельныхъ частей — города и деревни. Проще всего было бы представить для того времени пространство всей страны, раздѣленнымъ на цѣлый рядъ окружностей, состоящихъ изъ центра — города съ тяготѣющими къ нему экономически прилежащими деревнями.

Если взять карту средневѣковой Германіи, то въ ней, по свидѣтельству Бюхера окажется около 3000 такихъ городковъ, являющихся каждый подобнаго рода экономическимъ центромъ. Они отстоятъ другъ отъ друга въ южной и западной Германіи на 4—5 часовъ пути, а въ сѣверной и восточной на 6—8, такъ что на каждый такой городъ выпадаетъ районъ отъ 2 до $2^1/_2$ квадратныхъ миль въ югозападной и отъ 5 до 8 миль въ восточной части страны. Если представить себѣ городъ, расположеннымъ въ самомъ центрѣ

---

[1]) Для характеристики экономическихъ порядковъ дореформенной эпохи довольно много интереснаго, хотя и отрывочнаго матеріала можно найти у нашихъ писателей-беллетристовъ: Гончарова, Тургенева, С. Т. Аксакова, Салтыкова и другихъ.

такой области, то крестьянинъ изъ деревни, находящейся на самой ея периферіи, все же могъ въ теченіи дня побывать на городскомъ рынкѣ съ тѣмъ, чтобы къ вечеру вернуться домой.

Происхожденіе средневѣковаго города связано съ военной обстановкой тогдашней жизни. Средневѣковый городъ, въ первую очередь, представлялъ собой „burg“ — крѣпость, мѣсто, окруженное стѣнами, рвомъ, въ которомъ, въ случаѣ необходимости, можно было отсиживаться отъ врага. Въ городѣ существовало особое городское право „Burgrecht“, а тотъ, кто имъ пользуется, и есть Burger отъ латинскаго burgensis, смягченное Bürger — горожанинъ (французское — буржуа, итальянское — боргезе) [1]).

Это городское право заключалось въ возможности для лица, имъ пользующагося, въ случаѣ необходимости укрыться за стѣнами города отъ враговъ вмѣстѣ со своей семьей, движимымъ имуществомъ и скотомъ. Но зато съ нимъ были соединены и опредѣленныя обязанности, заключавшіяся въ необходимости участвовать въ постройкѣ и поддержаніи въ порядкѣ городскихъ стѣнъ. Постоянные жители города по своимъ занятіямъ въ первое время мало чѣмъ отличались отъ жившихъ по сосѣдству сельскихъ жителей. Они должны были имѣть въ городѣ собственную недвижимость (домъ) и нести сторожевую службу по охранѣ города, для чего требовалось обладаніе соотвѣтственнымъ вооруженіемъ.

Въ дальнѣйшемъ, городъ дѣлается не столько по преимуществу крѣпостью, сколько средоточіемъ промышленной дѣятельности и рыночной торговли, а „Burgrecht“ развивается въ право свободной продажи и покупки на городскомъ рынкѣ. Такимъ образомъ, изъ военнаго охранительнаго союза создается территоріальная хозяйственная община. Торговыя сдѣлки на городскомъ рынкѣ находятся подъ особымъ покровительствомъ; города, особенно въ связи съ тою ролью, которую они играли во время борьбы королей съ феодалами, получаютъ особыя права и привиллегіи и являются нѣкоторымъ исключеніемъ среди того моря безправія, которое представляла собой тогдашняя жизнь. Городъ становится въ это время мѣстомъ, гдѣ все болѣе, конечно только относительно, чувствовала себя дома свобода въ тѣ времена всеобщаго насилія, рабства и крѣпостного права, что заставляло несвободное населеніе стремиться въ города, тѣмъ болѣе что пребываніе человѣка въ теченіи извѣстнаго срока въ городѣ дѣлало его свободнымъ, согласно положенію, по которому „Städtische Luft macht frei!“

Средневѣковые города сдѣлались, такимъ образомъ, съ теченіемъ времени средоточіями торговли и ремесла. Деревни, расположенныя вокругъ города, доставляютъ ему необходимые продукты и сырье, а городъ снабжаетъ

---

[1]) Выраженія „буржуа“, „буржуазія“, въ смыслѣ опредѣленнаго соціальнаго класса, значительно болѣе поздняго происхожденія и ведутъ свое начало только приблизительно съ половины XIX столѣтія, будучи впервые употреблены Луи Бланомъ въ его „Исторіи десяти лѣтъ.“ (1840).

ихъ издѣліями своей промышленности. На городскомъ рынкѣ встрѣчаются крестьянинъ и городской ремесленникъ, являющіеся другъ для друга взаимно потребителями и производителями обмѣниваемыхъ ими продуктовъ. Что касается положенія промышленности въ городѣ, то особенностью тогдашняго ремесла была его цеховая организація, т. е. объединеніе производителей одной и той-же спеціальности въ особые союзы, создававшіе для своихъ участниковъ замѣтныя привиллегіи. Задачей каждаго цеха въ отдѣльности и всѣхъ цеховъ, какъ особой организаціи, являлись двѣ цѣли: регулированіе условій работы внутри цеха и установленія монополіи во внѣ. Эти цѣли достигались тѣмъ, что цехи требовали, чтобы въ нихъ поступалъ каждый, кто въ данномъ мѣстѣ занимался какимъ либо ремесломъ. Исходя изъ этого можно сказать, что каждый цехъ оказывался въ городѣ въ положеніи монополиста, такъ какъ только его члены пользовались правомъ сбыта своихъ произведеній на городскомъ рынкѣ. Задачей цеха, если опредѣлить проникавшій его внутренній духъ, было стремленіе дать своимъ членамъ достаточное пропитаніе, опезпечить имъ условія жизни, соотвѣтствующія опредѣленному среднему уровню, характерному для даннаго цеха. Для выполненія этой задачи необходимо было озаботиться тѣмъ, чтобы для членовъ цеха не возникало нежелательной конкуренціи въ самыхъ его предѣлахъ, и чтобы такая конкуренція не могла появиться извнѣ. Что касается первой цѣли, то она достигалась стремленіемъ поставить всѣхъ членовъ цеха въ болѣе или менѣе равное положеніе въ отношеніи условій ихъ работы и сбыта продуктовъ. Тутъ цехъ, пользуясь переданнымъ ему отъ оффиціальной власти правомъ, самымъ детальнымъ образомъ регулировалъ технику производства и правила сбыта продуктовъ. Существовали правила относительно необходимаго качества продуктовъ, продолжительности рабочаго дня, количества вспомогательныхъ рабочихъ силъ, высоты заработной платы, продажныхъ цѣнъ и т. д. При такомъ положеніи внутри города могли конкурировать другъ съ другомъ только члены даннаго цеха, да и то только большей или меньшей талантливостью своей работы, а не какими либо внѣшними болѣе выгодными условіями своего производства.

Въ отношеніи конкуренціи извнѣ, мы знаемъ, что на городскомъ рынкѣ могли продавать свои продукты только цеховые ремесленники, а въ отношеніи возможности существованія того-же самаго ремесла за предѣлами города имѣлись тоже опредѣленныя ограниченія въ видѣ такъ называемаго „Meilenrecht“, по которому въ ближайшихъ къ городу деревняхъ ни одно лицо, не принадлежавшее къ цеху, не могло заниматься тѣмъ или инымъ цеховымъ ремесломъ. Такимъ образомъ, въ основѣ всей этой организаціи лежитъ крайне строгая регламентація и система разнообразныхъ таксъ: таксъ на самыя ремесленныя издѣлія, таксъ заработной платы, покупки необходимаго для производства сырья самимъ цехомъ и распредѣленія его между отдѣльными членами цеха и т. д.

Но всѣ эти детальныя и строгія требованія имѣли въ виду не одни только интересы цехового ремесленника, они исходили и, изъ заботы объ интересахъ потребителя. Покупатель не могъ быть всегда компетентнымъ судьей предлагавшагося ему товара, а предложеніе было ограничено количествомъ участниковъ цеха, такъ что цехъ, ограничивая предложеніе и, такимъ образомъ, устраняя конкуренцію, ручался, по крайней мѣрѣ, за доброкачественность предлагавшагося за его отвѣтсвенностью продукта. То же самое можно сказать и въ отношеніи цѣнъ, которыя также устанавливались далеко не исключительно только къ выгодѣ самихъ ремесленниковъ, а имѣли въ виду интересы и покупателя, который могъ бы оказаться въ черезчуръ невыгодномъ положеніи при наличіи цеховой монополіи. [1])

Въ итогѣ всѣхъ этихъ правилъ средневѣковый ремесленникъ видѣлъ въ свей дѣятельности не свободную работу, направленную только на личный заработокъ, а исполнялъ ее скорѣе какъ чиновникъ, т. е. подъ страхомъ отвѣтственности передъ союзомъ, къ которому принадлежалъ, даже въ интересѣ и какъ бы по заказу послѣдняго. Ремесло съ такой точки зрѣнія представляло собой должность, которая должна была быть отправляема ко всеобщему благу. Мастеръ обязанъ былъ поставлять добросовѣстную, или, какъ тогда говорили, „справедливую“ работу. Такое положеніе обезпечивало ремесленнику извѣстную самостоятельность и возможность существованія сообразно своему положенію, что вполнѣ удовлетворяло его важнѣйшимъ стремленіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ эпоху развитія цеховаго ремесла, т. е. въ періодъ отъ XI до XIII вѣка, въ самомъ строѣ цеха господствовала извѣстная семейная организація, включавшая въ семью мастера всѣхъ остальныхъ участниковъ производства — подмастерьевъ и учениковъ, жившихъ съ нимъ подъ одной крышей. Въ ремеслѣ, покуда сохранялась въ чистомъ видѣ его сущность, господствовала извѣстная естественная іерархія, при которой институтъ учениковъ и подмастерьевъ представлялъ какъ бы своего рода преддверіе къ званію мастера [2]). При этихъ условіяхъ и при благопріятномъ положеніи въ отношеніи спроса и цѣнъ на ремесленные продукты, въ цехахъ не было никакой почвы для возникновенія какихъ бы то ни было соціальныхъ антагонизмовъ. Такъ было до тѣхъ поръ, пока ремесленное цеховое производство вполнѣ отвѣчало медленному и постоянному теченію

---

[1]) На томъ, что цеховыя таксы далеко не всегда были направлены во вредъ потребителямъ, а имѣли часто въ виду только гарантировать этимъ послѣднимъ устойчивыя и равныя для всѣхъ цѣны, въ особенности принимая во вниманіе, что часто такія регулированія цѣнъ исходили отъ правительственной власти, — особенно настаиваетъ, опираясь на Кейтгена, проф. Струве въ своей работѣ „Хозяйство и цѣна“. СПБ. 1913, ч. I, стр. 276—286.

[2]) Мы знаемъ, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученичества, отъ 4 до 8, ученикъ дѣлался подмастерьемъ, а затѣмъ, черезъ нѣкоторый срокъ, иногда, положимъ, только въ случаѣ освобожденія соотвѣтственной вакансіи, — мастеромъ, т. е. вполнѣ самостоятельнымъ производителемъ и полноправнымъ членомъ цеха.

экономической жизни, связанному съ неизмѣнностью спроса какъ въ количественномъ отношеніи, вслѣдствіе замедленности прироста населенія, такъ и въ качественномъ — вслѣдствіе отсутствія измѣнчивости, связаннаго съ прочностью установившихся обычаевъ и отсутсвіемъ измѣнчивой моды То же можетъ быть отмѣчено и на сторонѣ предложенія, которое было довольно постояннымъ, вслѣдствіе незначительной производительности, вытекавшей изъ низкой техники производства, и ограниченнаго количества цеховыхъ мастеровъ, которое въ болѣе позднюю эпоху бывало иногда даже точно фиксировано. [1])

При обрисованныхъ нами условіяхъ становится вполнѣ понятнымъ, что для сколько-нибудь развитой торговли, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, въ обстановкѣ средневѣковаго городского хозяйства мѣста не было. Цеховой ремесленникъ былъ въ одно и то же время и предпринимателемъ, и работникомъ, и торговцемъ. Рынокъ, на которомъ встрѣчались въ опредѣленные дни производители и потребители, и постоянная торговля въ качествѣ спеціальнаго занятія — исключаютъ другъ друга Это тѣмъ болѣе понятно, что тогдашнее ремесло, изготовлявшее продукты для продажи на рынкѣ или на заказъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ имѣло въ виду совершенно опредѣленныхъ потребителей, такъ какъ рынкомъ сбыта для него служилъ только родной городъ съ пріѣзжавшимъ туда, не слишкомъ большимъ контингентомъ деревенскихъ покупателей. Правда, въ городѣ существовала, безъ сомнѣнія, осѣдлая розничная торговля для нуждъ болѣе бѣднаго населенія, но она касалась только нѣкоторыхъ опредѣленныхъ предметовъ, и, во всякомъ случаѣ, не давала тона тогдашней городской жизни, нормально обходившейся безъ торговыхъ посредниковъ. Что же касается болѣе крупной, настоящей торговли, то она была въ это время исключительно пришлой, привозившей свои товары на ярмарки, имѣвшія мѣсто сравнительно изрѣдка и представлявшія единственный случай, когда производители изъ различныхъ мѣстностей могли обмѣниваться своими продуктами. Такимъ образомъ, какъ мы уже указали въ началѣ нашей характеристики городского хозяйства, каждый городъ въ эту эпоху составлялъ съ окружавшей его и тяготѣвшей къ нему мѣстностью своего рода автономную хозяйственную единицу, въ предѣлахъ которой протекалъ по опредѣленнымъ нормамъ весь тогдашній несложный круговоротъ экономической жизни. [2])

Въ отношеніи сельскаго строя, а также феодальнаго помѣстья мы указывали на извѣстное сходство между западно-европейскими и русскими условіями экономическаго развитія. Но рядомъ съ такимъ сходствомъ мы видимъ въ общемъ ходѣ экономической эволюціи и достаточно крупныя различія, обусловливаемыя иначе складывавшимся ходомъ исторической жизни,

---

[1]) Max Weber. op. cit. S. 129.

[2]) Bücher. Entstehung etc. S. 127.

иными общественно-политическими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и экономическими условіями. Въ качествѣ главнаго такого отличія обыкновенно указывается на отсутствіе у насъ періода городского хозяйства, на малое развитіе городовъ и неимѣніе сколько нибудь выраженнаго цехового ремесла. Но, какъ показываютъ позднѣйшія, болѣе внимательныя историческія изслѣдованія, все же и у насъ наблюдались начатки этого рода явленій, которые не могли только вполнѣ развиться, вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся условій нашей исторіи. Такъ мы знаемъ уже въ древней Руси цѣлый рядъ довольно большихъ торговыхъ городовъ, которые были созданы успѣхами внѣшней торговли. Къ этимъ городамъ, возникновеніе которыхъ мы можемъ отнести къ VIII вѣку, тянули болѣе или менѣе значительные торгово-промышленные округа. Въ IX вѣкѣ мы встрѣчаемъ уже опредѣленную мѣстную политическую форму „городскую область“ т. е. „торговый округъ, управляемый укрѣпленнымъ городомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и промышленнымъ средоточіемъ этого округа. Эти области и звались по именамъ городовъ“ [1]). Это явленіе нѣсколько напоминаетъ намъ западно европейскія условія, но дальнѣйшія обстоятельства нашей исторіи задержали развитіе городской жизни, вначалѣ такъ благопріятно складывавшейся. Тѣмъ обстоятельствомъ, которое повліяло такъ неблагопріятно на развитіе русскихъ городовъ и подорвало ростъ городской промышленности, было помѣстное землевладѣніе. Это помѣстное землевладѣніе во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ западное. Оно тоже строится на системѣ опредѣленныхъ поборовъ съ окрестнаго зависимаго населенія. Самъ боярин ведетъ очень маленькое собственное хозяйство, непревышавшее часто хозяйства хорошаго крестянскаго двора, зато его крестьяне должны были доставлять ему всяческіе припасы, которыми кормился не столько онъ самъ, сколько его дворня, вооруженная и невооруженная, по количеству которой мѣрилось его политическое и общественное значеніе. Служилые бояре, кормившіеся отъ своихъ помѣстій и принужденные жить въ нихъ, старались устроиться поудобнѣе, завести своихъ дворовыхъ ремесленниковъ, и все необходимое получать на мѣстѣ, не прибѣгая къ услугамъ города. „Такимъ образомъ у городскихъ торговцевъ, ремесленниковъ и рабочихъ исчезалъ цѣлый классъ заказчиковъ и потребителей. Вотъ чѣмъ между прочимъ объясняется необыкновенно медленный зяблый ростъ нашихъ городовъ и городской промышленности въ XVI и XVII вѣкахъ“ [2]). И та-же самая помѣстная система повела еще и къ другой мѣрѣ: прикрѣпленію крестьянъ къ ихъ мѣсту жительства. Въ дальнѣйшемъ, какъ мы знаемъ, за прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, положимъ далеко не сразу, создалась личная крѣпостная зависимость, крѣпостное право, наложившее такой глубокій отпечатокъ на всю русскую жизнь и послужившее наиболѣе „ѣдкимъ“ элементомъ послѣдую-

[1]) В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. I, стр. 148—150 и 160—162.

[2]) Ключевскій. Op. cit. ч. II, стр. 310.

щаго сословнаго взаимоотчужденія. При томъ нужно отмѣтить, что крѣпостное право у насъ окончательно сложилось только въ ту эпоху, когда вездѣ на Западѣ оно стало уже постепенно отмирать и, что, можетъ быть, еще важнѣе, вмѣстѣ съ развитіемъ русской общественной и экономической жизни, съ ея европеизаціей въ императорскій періодъ, крѣпостное право вмѣсто того, чтобы ослабѣть, еще болѣе укрѣпилось и расширилось. Оно, можно сказать, черезчуръ запоздало по сравненію съ состояніемъ народной психологіи и общественнаго развитія. Этимъ и объясняется, что несмотря на то, что въ общемъ его формы и проявленія были въ Россіи нисколько не болѣе, а, можетъ быть, даже и менѣе жестоки и грубы, чѣмъ на Западѣ, оно сильнѣй отразилось на народной психологіи и оставило по себѣ гораздо болѣе тяжелую память и горестный осадокъ. Этимъ, отчасти, можетъ быть, точно также и объясняется та жгучая ненависть и негодованіе по отношенію къ крѣпостному праву, которыя характеризуютъ настроеніе лучшихъ представителей русской литературы и вообще передовыхъ слоевъ русскаго общества, уже начиная съ Екатерининской эпохи.

Какъ мы видѣли, тотъ же принудительный трудъ, въ связи съ помѣстной системой, былъ одной изъ причинъ, воспрепятствовавшихъ въ Россіи развитію стадіи городской жизни съ соединеннымъ съ ней ремесломъ. Если, какъ мы отмѣчали въ своемъ мѣстѣ, въ древней Руси можно найти большое сходство существовавшихъ тамъ вотчинныхъ и помѣстныхъ порядковъ съ западной феодальной системой, то относительно городского періода до недавняго времени утверждали совершенно обратное. Говорили, что въ Россіи вообще было настолько мало городовъ, что они прямо „тонули въ общей сѣрой массѣ деревень.“ Въ то время какъ на западѣ городъ былъ центромъ мелкой промышленности, работавшей непосредственно на потребителя, въ Россіи городъ былъ по преимуществу только административнымъ и торговымъ центромъ, а промышленность была, главнымъ образомъ, разбросана по деревнямъ. Тамъ и зародилась издавна кустарная промышленность, пользовавшаяся, въ виду отдаленности рынка сбыта, услугами торговаго посредника. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи Россія существенно отличается отъ запада, не переживъ совсѣмъ эпохи, аналогичной стадіи западно-европейскаго городского хозяйства. И вслѣдствіе этого можно сказать, что „цеха, городского ремесла, — въ томъ видѣ, какъ это сложилось на западѣ, — Россія ни древняя, ни новая, никогда не знала.“ [1]) Теперь, послѣ того какъ были болѣе основательно изучены и изслѣдованы городскія писцовыя книги [2]), такой взглядъ относительно незначительнаго

---

[1]) См. подобныя утвержденія хотя бы у Туганъ-Барановскаго. Основы политической экономіи, 4. изд. СПБ., 1917. Стр. 107—108.

[2]) Писцовыя книги, какъ мы знаемъ, являлись основаніемъ тогдашняго обложенія налогами, главнымъ образомъ „сошнаго“ обложенія. Въ нихъ коммандированными правительствомъ писцами записывались на мѣстѣ различные предметы

развитія городского ремесла не могъ уже болѣе поддерживаться. И въ отношеніи условій городской жизни мы находимъ гораздо больше сходства съ Западомъ, чѣмъ это предполагали раньше. Уже самый способъ возникновенія городовъ замѣтно напоминаетъ европейскій; это также, въ первую очередь, крѣпость, „бургъ", служившая убѣжищемъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ окрестному населенію. Вѣдь и слово „городъ" означаетъ огороженное мѣсто. Но самое важное, что открыли позднѣйшія изслѣдованія, касается положенія городской промышленности, точнѣе городского ремесла. Вопреки прежнимъ представленіямъ, мы видимъ очень большое количество разнообразныхъ ремесленниковъ въ городахъ, исчисляемое многими сотнями и тысячами. Въ Новгородѣ, напримѣръ, до его разрушенія Грознымъ, насчитывалось до 2000 лицъ, занятыхъ различными промыслами, въ Москвѣ, въ первой трети XVII столѣтія, значительно болѣе двухъ тысячъ. Во многихъ городахъ ремесленники составляютъ отъ четверти до половины общаго числа населенія. Среди этихъ ремесленниковъ имѣются представители самыхъ разнообразныхъ спеціальностей: булочники, мясники, портные, сапожники, скорняки, шапочники, перчаточники, кузнецы, ювелиры, иконописцы и т. д. Такимъ образомъ, мы видимъ широко развитое городское ремесло, но отличіе его отъ западнаго было въ томъ, что оно не выработало такой исключительной и замкнутой организаціи, какую мы знаемъ на Западѣ. Хотя во многихъ городахъ занятія ремесломъ и торговлей были главнымъ источникомъ пропитанія для его жителей, но это не вело къ такой концентраціи этой дѣятельности исключительно въ городахъ, съ запрещеніемъ заниматься ею за ихъ предѣлами, какъ это было при цеховомъ строѣ. Въ русскихъ условіяхъ не было проведено такого строгаго раздѣленія въ этомъ отношеніи между городомъ и деревней, которая развивала тѣ же самыя ремесла; вообще, промышленная дѣятельность и сельское хозяйство еще не были отдѣлены другъ отъ друга. Рядомъ съ городомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, встрѣчались и села съ довольно большимъ числомъ жителей, которыя удѣляли менѣе вниманія сельскому хозяйству, чѣмъ ремеслу и торговлѣ. Во многихъ изъ нихъ имѣлись многіе десятки лавокъ, и только незначительное меньшинство дворовъ было связано съ сельской хозяйственной дѣятельностью. Нѣкоторые изслѣдователи поэтому приходятъ къ нѣсколько, можетъ быть, преувеличенному выводу, что „Московское государство XVI вѣка даетъ намъ типичную картину городского хозяйства, знакомаго западной Европѣ въ серединѣ среднихъ вѣковъ, въ XI—XIII столѣтіяхъ" [1]). Если, такимъ образомъ, мы видимъ въ тогдашней

обложенія какъ на основаніи показаній и документовъ обывателей, такъ и на основаніи прежнихъ описей и личнаго осмотра.

[1]) Kulischer J. Russische Wirtschaftsgeschichte, I Band, Jena, 1925, S. 279—295; также Покровскій М. Н. Очеркъ исторіи русской культуры, ч I. М. 1915, стр. 78—80, откуда взята послѣдняя цитата; кромѣ того Лаппо-Данилевскій,

Россіи значительно большее развитіе чисто городской жизни, нѣколько напоминающее Западъ, развитіе, котораго до недавняго времени даже и не предполагали, то все же мы должны признать, что настоящей цеховой организаціи у насъ не возникло. Однако, нѣкоторые начатки этой послѣдней все-же имѣлись, и только опредѣленныя условія русской жизни помѣшали имъ достичь болѣе замѣтнаго развитія. Такъ, мы имѣемъ въ тогдашнемъ ремеслѣ институтъ ученичества, о которомъ упоминаетъ какъ то Посошковъ. Ученики должны были пробыть у мастера въ ученьи опредѣленное число лѣтъ (по большей части 5), получали отъ него содержаніе, кое гдѣ встрѣчаются даже указанія на особое испытаніе по окончаніи ученья. Настоящаго цехового порядка, однако, все же не развилось, а имѣлись только первые шаги въ этомъ направленіи, указывавшіе, тѣмъ не менѣе, на извѣстную тенденцію. Особенно близко подходила къ цеховымъ порядкамъ спеціальная организація серебряниковъ и иконописцевъ. Серебряники сами торговали своими произведеніями въ торговыхъ рядахъ, гдѣ имѣлись ихъ лавки, въ которыхъ могли вести торговлю только члены данной корпораціи. Сдѣлаться ея членомъ могъ кто-либо только послѣ соотвѣтственнаго количества лѣтъ ученичества, послѣ представленія особой образцовой работы, послѣ обязательства поставлять только правильный товаръ и предъявлять его для контроля старшинамъ корпораціи, которые провѣряли чистоту металла и снабжали его своимъ клеймомъ. Такая же организація была и у иконописцевъ. Нельзя отрицать, что здѣсь мы имѣемъ организацію, очень близко напоминающую средневѣковые западные цехи. Но изъ этихъ начатковъ не сложилось законченнаго ремесленнаго цехового уклада. Съ одной стороны этому отчасти препятствовало, какъ мы уже указывали, развитіе помѣстнаго хозяйства, съ другой — у насъ слишкомъ быстро развился торговый капиталъ, который направилъ общее промышленное развитіе въ нѣсколько иную сторону. Можно сказать, однако, съ увѣренностью одно: городская жизнь въ это время была достаточно развита, и даже въ условіяхъ помѣстнаго строя, который принужденъ былъ прибѣгать хотя бы отчасти къ услугамъ рынка, не сохранился въ полной чистотѣ характеръ замкнутаго домашняго хозяйства. Во всякомъ случаѣ новѣйшія изысканія въ отношеніи Россіи показываютъ, что и условія русскаго хозяйственнаго развитія въ значительно большей степени соотвѣтствовали теоріи Бюхера, чѣмъ это казалось раньше [1])

Организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ. 1890, Довнаръ-Запольскій. Торговля и промышленность Москвы въ XVI и XVII ст. 1910 и цѣлый рядъ историческихъ актовъ и другихъ источниковъ.

[1]) Kulischer, op. cit. S. 296—307, Покровскій. op. cit, стр. 84—85. Мы остановились нѣсколько подробнѣе на этихъ явленіяхъ именно потому, что до недавняго времени по этимъ вопросамъ высказывались совершенно иные взгляды, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, то или иное ихъ разрѣшеніе представляетъ большой интересъ не только для историка, но и для теоретика, въ качествѣ провѣрки опредѣленной на-

Экономическій характеръ періода новой исторіи можетъ быть опредѣленъ, какъ „эпоха свободнаго хозяйственнаго оборота“. Это отвѣчаетъ извѣстной намъ по Бюхеровскому опредѣленію ступени народнаго хозяйства, какъ организаціи хозяйственнаго процесса, цѣлью котораго является изготовленіе „товаровъ“, призводство для сбыта. Мы знаемъ прекрасно изъ всеобщей исторіи, да и изъ предыдущаго краткаго изложенія, что предшествующія хозяйственно-историческія эпохи также знали процессъ обмѣна, но этотъ обмѣнъ въ древнемъ періодѣ былъ до крайности стѣсненъ господствомъ основаннаго на рабскомъ трудѣ „замкнутаго хозяйства“, а въ средніе вѣка, даже въ ихъ болѣе позднюю эпоху, представлялъ собою обмѣнъ, связанный цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ стѣсненій и ограниченій.

При достаточно извѣстномъ намъ отсутствіи твердо очерченныхъ границъ между отдѣльными періодами, мы можемъ прекрасно представить себѣ то, о чемъ мы уже не разъ упоминали, именно, что начатки новаго порядка намѣчаются уже очень давно, а остатки стараго сохраняются въ нѣкоторыхъ случаяхъ чуть-ли не до нашихъ дней. Въ этомъ случаѣ важно, однако, рѣшить, съ какого-же момента можно все же считать господствующими въ хозяйственной жизни начала новаго хозяйственнаго порядка. По нашему мнѣнію, въ связи со всей нашей предыдущей схемой изложенія, новый строй хозяйственной жизни совпадаетъ, въ своемъ болѣе или менѣе опредѣленномъ проявленіи, съ началомъ періода новой исторіи, которая датируется моментомъ открытія Новаго Свѣта. Съ этимъ мнѣніемъ совпадаютъ взгляды цѣлаго ряда видныхъ писателей, которые, какъ Бюхеръ, Шмоллеръ, Куннингэмъ, считаютъ началомъ новой эпохи XVI столѣтіе. Другіе писатели, къ которымъ нужно причислить Рошера, фонъ Белова и Зомбарта, находятъ, что періодъ съ XVI по XVIII столѣтіе представляетъ больше сходства съ старой, чѣмъ съ позднѣйшей, новой эпохой. Мнѣ кажется, что этотъ послѣдній взглядъ можно связать, до нѣкоторой степени, съ дѣленіемъ періода новой исторіи на новую и новѣйшую исторію. Въ первомъ сохранялось еще много отъ стараго, во второмъ — новыя начала возобладали и крайне рѣзко измѣнили все лицо экономической жизни. Однако, никому не придетъ въ голову утверждать, что измѣненія, начавшіяся съ XVI вѣка и связанныя въ значительной степени съ образованіемъ въ это время болѣе крупныхъ европейскихъ государствъ и весьма замѣтнымъ расширеніемъ экономическаго оборота, не даютъ основанія къ проведенію опредѣленной черты, отдѣляющей и въ экономическомъ отношеніи средніе вѣка отъ новаго періода.[1])

учной схемы, представляющей все-же извѣстную абстракцію или стилизацію дѣйствительной жизни.

[1]) Зомбартъ въ этомъ отношеніи предлагаетъ даже различать эпоху „ранняго капитализма“ „Frühkapitalismus“, захватывающую періодъ съ XV до половины XVIII столѣтія (или въ болѣе широкомъ смыслѣ — съ середины XII до середины XIX вѣка), отъ эпохи „расцвѣта капитализма“ „Hochkapitalismus“, обнимающей

Конецъ пятнадцатаго вѣка былъ эпохой великаго перелома въ исторіи человѣчества. Открытіе Америки, морского пути въ Индію, послѣдовавшее затѣмъ вскорѣ основаніе цѣлаго ряда колоній были такими событіями, которыя совершенно встряхнули старый свѣтъ, уже начавшій застывать въ путахъ феодальнаго устройства, цеховыхъ стѣсненій и обусловленныхъ ими рутинныхъ способовъ производства, еще не выходившаго изъ младенчества. Толчокъ, положимъ, коснулся на первыхъ порахъ не столько промышленности, сколько торговли. Новый свѣтъ, открывшійся взорамъ удивленнаго европейца, Индія, ставшая чуть не въ два раза ближе, представляли такой громадный запасъ всевозможныхъ товаровъ, въ видѣ естественныхъ произведеній природы и продуктовъ индійской хлопчатобумажной промышленности, а, главное, золота, что торговля почувствовала себя какъ бы окрыленной.

Новое время принесло, вмѣстѣ съ открытіемъ колоній, необычайное расширеніе размѣровъ экономическаго оборота. Открылся необъятный новый рынокъ, и потребности европейцевъ могли теперь покрываться въ замѣтно увеличенномъ размѣрѣ, благодаря полученію различныхъ продуктовъ изъ новыхъ странъ. Широкій потокъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Перу и Мексики далъ развивающемуся капитализму желательное увеличеніе платежныхъ средствъ, а основанное на примѣненіи рабскаго труда хозяйство плантацій Новаго Свѣта очень увеличило производство сахара, кофе и табака. Но еще до этого болѣе планомѣрнаго развитія колоніальнаго хозяйства уже самый моментъ открытія новыхъ торговыхъ перспективъ и легкой наживы во вновь открытыхъ странахъ, куда устремились толпы предпріимчивыхъ людей „алча золота и счастья“, создавалъ переворотъ въ европейской экономической жизни.

Вмѣстѣ съ развитіемъ заокеанской торговли долженъ былъ весьма замѣтнымъ образомъ усилиться и внутренній обмѣнъ въ самыхъ предѣлахъ и между отдѣльными странами Европы, что должно было оказать свое воздѣйствіе на существовавшій до этого строй промышленной организаціи, основанной на монополіи и цеховыхъ ограниченіяхъ. Цеховая организація, при тѣсной ограниченности мѣстнаго рынка вполнѣ отвѣчавшая экономическимъ условіямъ и представлявшая въ своей внутренней средѣ до нѣкоторой степени картину соціальнаго мира, теперь оказывается совершенно несоотвѣтствующей и мѣняетъ свой характеръ. Она становится все болѣе замкнутой, доступъ новыхъ членовъ все болѣе ограничивается, являются новыя стѣсненія, у подмастерьевъ все болѣе исчезаетъ надежда на возможность сдѣлаться самостоятельнымъ мастеромъ, начинается рознь между трудомъ и капиталомъ. Но конечно, всѣ эти неустройства были очевиднымъ доказательствомъ ихъ несоотвѣтствія новымъ порядкамъ; съ измѣненіемъ условій рынка и производства цехи потеряли свой raison d'être и начали обнаружи-

только новѣйшее время. См. W. Sombart. Der moderne Kapitalismus. 5 Aufl. Bd. II. S.7 ff, а также Bd. I, S. 26.

вать все больше отрицательныхъ сторонъ. Вообще, возникшіе для удобнаго снабженія рынка своего родного города и имѣвшіе, пока сбытъ оставался въ томъ же положеніи, много хорошихъ сторонъ, хотя бы въ смыслѣ устраненія классовыхъ противорѣчій, цехи, при измѣнившихся условіяхъ жизни, оказались совершенно непригодными. „Вся ихъ организація была настолько точно приноровлена къ опредѣленной стадіи промышленнаго развитія, что, при дальнѣйшемъ ходѣ этого самаго развитія, стала оказывать вмѣсто благодѣтельнаго — вредное, вмѣсто прогрессивнаго — задерживающее вліяніе“ [1]).

Пока рынокъ былъ узокъ, цехи прекрасно отвѣчали своему назначенію, съ его расширеніемъ они стали тягостью для производства. Въ это же время — въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій — въ размѣрахъ рынка произошла громадная перемѣна. Рынокъ изъ городского, мѣстнаго сталъ быстро дѣлаться міровымъ. Пока пути сообщенія на сушѣ были въ весьма плачевномъ состояніи, пока государства представляли очень мало безопасности для купца и путешественника, особенно, чѣмъ далѣе онъ подвигался къ Востоку, до тѣхъ поръ водный и, въ особенности, морской транспортъ былъ почти единственно возможнымъ. Этимъ-то объясняется первенствующее положеніе въ прежнее время націй, занимавшихся мореходствомъ. Промышленность тогда была очень мало развита, въ ней не получалось особенно большихъ барышей, и единственные капиталы, которые тогда достигали замѣтныхъ размѣровъ, были капиталы купеческіе и ростовщическіе. Націи, обладавшія большимъ купеческимъ капиталомъ, и были поэтому самыми богатыми, и мы можемъ замѣтить, какъ, съ переходомъ торговли изъ рукъ одной страны къ другой, богатство также мѣняетъ своего обладателя. Припомнимъ, какъ торговля переходила отъ венеціанцевъ къ голландцамъ, и отъ этихъ послѣднихъ къ англичанамъ, и какъ, вмѣстѣ съ этимъ обстоятельствомъ, каждая нація послѣдовательно считалась самою богатою.

Итакъ открытіе новыхъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ, странъ расширило чрезвычайно европейскій рынокъ. Съ завоеваніемъ тамъ колоній и съ началомъ правильныхъ торговыхъ сообщеній, а также съ заселеніемъ этихъ колоній, потребовалось необычайное расширеніе промышленности. Обмѣнъ, завязавшійся между Европой съ одной стороны, Америкой и Индіей съ другой — заставилъ усилиться обмѣнъ и между отдѣльными странами Европы. Страны, которыя вели торговлю съ новымъ свѣтомъ, не обладали всѣми тѣми продуктами, которые туда требовались, а съ другой стороны вывозили оттуда массу товаровъ, которыхъ сами потреблять не могли; все это способствовало усиленію и ускоренію обмѣна, а онъ въ свою очередь требовалъ расширеннаго производства. Цеховая организація являлась ненужнымъ

---

[1]) Philippi. Die gewerblichen Gilden des Mittelalters. Preussische Jahrbücher, I, XIX, S. 664.

стѣсненіемъ, путами, наложенными на промышленность. Эта послѣдняя нуждалась въ новомъ строѣ промышленной организаціи, который и воплотился въ крупномъ производствѣ. Большимъ подспорьемъ этой перемѣнѣ въ условіяхъ промышленности явились улучшенные пути сообщенія, относительно которыхъ можно сказать, что какъ съ одной стороны они были слѣдствіемъ потребности торговли, вслѣдствіе ея расширившихся оборотовъ, такъ съ другой стороны они давали возможность этимъ оборотамъ такъ сильно расширяться. О желѣзныхъ дорогахъ принято даже говорить, что онѣ сами себя выстроили, такъ какъ, хотя торговцы и тратили на нихъ деньги, но улучшенные способы перевозки настолько повышали ихъ прибыль, что не только давали возможность къ дальнѣйшей дѣятельности въ томъ же направленіи, но и покрывали первоначальныя затраты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наряду съ дѣйствительнымъ расширеніемъ рынка, благодаря открытію новыхъ странъ, завоеванію колоній, вовлеченію многихъ народовъ, прежде стоявшихъ совершенно въ сторонѣ, въ международный обмѣнъ, шло и относительное расширеніе — вслѣдствіе ускоренія и улучшенія перевозки. Улучшенный транспортъ, особенно паровой, произвелъ въ этомъ отношеніи большой переворотъ, для нѣкоторыхъ товаровъ расширивъ рынокъ, а для другихъ, въ особенности громоздкихъ, даже почти открывъ его, такъ какъ теперь на большія разстоянія стали отправляться многіе товары, не выносившіе прежде гужевой перевозки. Не будемъ упоминать уже о менѣе важныхъ усовершенствованіяхъ, также оказавшихъ вліяніе на развитіе и положеніе торговли, какъ, напр. улучшенные способы передачи извѣстій съ одного мѣста на другое, о телеграфной сѣти, связывающей самые отдаленные уголки міра и дѣлающей ихъ болѣе близкими, чѣмъ были въ прежнее время сосѣдніе города, отстоявшіе другъ отъ друга на какихъ нибудь сотни полторы верстъ. Ливерпуль, напр., со времени проложенія трансатлантическаго кабеля, сталъ ближе къ американскому материку, чѣмъ былъ ранѣе къ своему сосѣду, Манчестеру.

Условіемъ возникновенія крупной промышленности былъ такимъ образомъ, какъ мы видѣли, постоянно расширявшійся рынокъ и улучшенные пути сообщенія. Прежде всего крупное производство укоренилось тамъ, гдѣ большія государства съ сильной правительственной властью могли обезпечить торговлѣ не только обширный внутренній рынокъ, но, благодаря разумной торговой политикѣ, удачнымъ завоеваніямъ и пріобрѣтенію колоній, не менѣе важный — и внѣшній. Тамъ прежде всего могло создаться капиталистическое производство въ видѣ домашней промышленности или большихъ фабрикъ и массовый сбытъ произведенныхъ товаровъ. Новѣйшіе усовершенствованные способы обмѣна и сношеній — почта, желѣзныя дороги, телеграфъ, паровое мореходство и усовершенствованіе внутреннихъ водныхъ путей были главными способствующими обстоятельствами современнаго капиталистическаго развитія. „Обмѣнъ былъ внѣшнимъ рычагомъ, торговля

внутренней, сокровенной душой, которая дала побудительный толчокъ къ созданію крупнаго производства“ [1]).

Наряду съ производителями и потребителями выдвигался все болѣе новый могущественный классъ купцовъ. Между потребителемъ и производителемъ становился посредникъ — торговецъ, появленіе котораго обусловливалось новыми условіями сбыта, трудностью обозрѣть рынокъ, размѣры котораго чрезвычайно расширились, угадать современный спросъ на тотъ или другой сортъ товаровъ — и требованіями все растущей конкуренціи, являвшимися новымъ побудительнымъ толчкомъ къ улучшеніямъ въ производствѣ. Торговля направляла производство, а конкуренція побуждала это послѣднее выискивать все новые способы, все болѣе улучшать свою технику. Конкуренція была бичомъ, неустанно побуждавшимъ къ прогрессу. Торговля, такимъ образомъ, имѣла первенствующее значеніе. Ея условіями и обычаями опредѣлялось все производство, отъ ея размѣровъ, отъ нахожденія ею новыхъ рынковъ и заказчиковъ зависѣли его размѣры.

Новыя открытія и пути сообщенія нуждались не только въ большихъ богатствахъ для купцовъ, они, какъ мы видѣли, расширяли и рынокъ сбыта для промышленности всѣхъ странъ, особенно занимавшихся мореходствомъ. Ремесло не было въ состояніи удовлетворять столь быстро растущіе запросы рынка. Массовой сбытъ требовалъ массового производства; громадный рынокъ нуждался въ производствѣ, которое вполнѣ сообразовалось бы съ его потребностями, т. е., въ производствѣ крупномъ. Послѣднее и не замедлило возникнуть. Главнымъ условіемъ его возникновенія служитъ, конечно, развитіе товарнаго хозяйства, т. е. производство не для собственнаго потребленія и не на заказъ, а исключительно для сбыта и притомъ, какъ это обусловливается современными его условіями, неизвѣстному потребителю. Съ развитіемъ производства, вслѣдствіе возросшихъ потребностей необъятнаго рынка, является необходимость въ повышенной производительности труда; раздѣленіе его въ мануфактурѣ, скопленіе большого количества рабочихъ подъ одной кровлей становится недостаточнымъ. Дѣлается настоятельной необходимость въ машинѣ, какъ замѣнѣ недостающаго человѣческаго труда. Для массового производства при началѣ его возникновенія, когда вся промышленность получила громадный толчокъ и когда сразу понадобилось чрезвычайно расширить размѣры всѣхъ промышленныхъ предпріятій, потребовалось большое число рабочихъ, но таковыхъ на лицо въ нужномъ количествѣ не оказалось, такъ какъ самостоятельный ремесленникъ, бывшій въ то время почти единственнымъ производителемъ, самъ обладавшій средствами производства, не желалъ продавать своей рабочей силы вмѣсто того, чтобы продавать ея продукты, оставаясь свободнымъ. Но тутъ на помощь купцамъ, заводившимъ новыя предпріятія и дававшимъ толчокъ

[1]) Schmoller. Ueber die Entwickelung des Grossbetriebs und die soziale Klassenbildung. Preussische Jahrbücher, LXIX, 1892. S. 460.

зарождающейся промышленности, явилось съ одной стороны массовое изгнаніе крестьянъ земледѣльцевъ съ ихъ земли, вызванное или непомѣрными податями и поборами ихъ владѣльцевъ, или стремленіями тѣхъ же владѣльцевъ расширить свое хозяйство за счетъ крестьянскаго и какимъ бы то ни было образомъ для этого удалить ихъ съ занимаемыхъ ими участковъ, а съ другой стороны — изобрѣтеніе машинъ, явившееся большой замѣной рабочей силы.

Привлеченіе въ ряды рабочихъ крестьянъ, оставившихъ свою землю, и бродягъ, болтавшихся безъ дѣла, не было однако достаточнымъ. Потребность въ расширенномъ производствѣ росла не по днямъ, а по часамъ и ни увеличенное количество рукъ, ни раздѣленіе труда, доведенное до высшей его степени, не могло доставить удовлетворенія запросамъ промышленности. Необходимо было чѣмъ либо замѣнить человѣческій трудъ. Машина была экономической необходимостью, вызывавшеюся условіями производства и сбыта. Пользованіе машинами, а главное ихъ возникновеніе и стремленіе къ созданію новыхъ, облегчающихъ и ускоряющихъ производство усовершенствованій, вовсе не были, какъ думаютъ нѣкоторые, только исключительно плодомъ извѣстнаго техническаго прогресса, основаннаго на научныхъ открытіяхъ, онѣ явились плодомъ экономической необходимости, какъ мы уже упомянули выше. Исторія ихъ возникновенія даетъ этому не мало примѣровъ. Всѣ почти первыя усовершенствованія производства были сдѣланы людьми мало образованными, совершенно неподготовленными научно, людьми всевозможныхъ занятій, по преимуществу ремесленниками — только Картрайтъ былъ духовный — и были вызваны практической необходимостью даннаго времени.

Пока въ нихъ не было надобности, вслѣдствіе ограниченности сбыта, появленіе ихъ оставалось незамѣченнымъ. Многія изъ всѣхъ этихъ усовершенствованій были сдѣланы уже давно, но лежали безъ дѣла, всѣми забытыя, многія такъ и исчезли, почти не вызвавъ попытокъ къ ихъ примѣненію. Трудъ былъ дешевъ, потребности въ массовомъ производствѣ не ощущалось, и машина не отвѣчала потребностямъ производства; такъ, напр., машинное ткачество было открыто въ Данцигѣ приблизительно около 1579 года, а было примѣнено лишь много спустя впослѣдствіи. Кромѣ того примѣненіе машинъ могло найти мѣсто только по отмѣненіи всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, стѣснявшихъ производство, и по введеніи полной его свободы. Свобода промышленности стала теперь непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго прогресса; заработную плату и прибыль теперь, вмѣсто должностныхъ лицъ, стала устанавливать международная конкуренція. Вмѣстѣ же съ расширеніемъ рынка сбыта и ростомъ конкуренціи, когда явилась необходимость концентраціи производства, расширенія его размѣровъ и возможнаго его удешевленія, машины сдѣлались прямо необходимостью, условіемъ жизненности даннаго предпріятія, давая ему возможность производить скорѣе и лучше и

тѣмъ побивать своихъ соперниковъ. — Англія до тѣхъ поръ принуждена была серіозно считаться съ конкуренціей индійской хлопчатобумажной промышленности, которая въ болѣе зажиточныхъ классахъ общества почти совершенно вытѣсняла продукты англійской, пока пользовалась тѣми же первобытными способами производства, на которыхъ застыла Индія. Съ появленіемъ первыхъ машинъ и дальнѣйшимъ ихъ усовершенствованіемъ, Англія не только совершенно вытѣсняетъ изъ своей страны хлопчатобумажныя ткани Индіи, но составляетъ имъ сильную конкуренцію даже на самомъ мѣстѣ ихъ производства и, благодаря своимъ техническимъ успѣхамъ, становится во главѣ хлопчатобумажной промышленности всего міра. Къ концу этого процесса, а именно въ концѣ XVIII столѣтія, механическія усовершенствованія и новыя изобрѣтенія человѣческаго ума въ сферѣ производства произвели тотъ переворотъ, который, охвативъ сначала Англію, а потомъ почти всю западную Европу, измѣнилъ всѣ хозяйственныя отношенія промышленнаго міра. „Онъ создалъ новые классы; сначала буржуазія начинаетъ занимать первенствующее положеніе въ государствѣ вмѣсто прежней земельной аристократіи, а затѣмъ развивающійся рабочій классъ. И въ той мѣрѣ, въ какой данный народъ принимаетъ участіе въ этомъ переворотѣ и основываетъ свое производство на машинѣ, въ той же мѣрѣ превосходитъ онъ теперь всѣ міровыя націи по промышленному могуществу“ [1]).

Такъ какъ, согласно вышеизложенному, прежняя ремесленная организація не могла отвѣчать новымъ экономическимъ условіямъ, то рядомъ съ ней возникаютъ новыя формы промышленности. Этими послѣдними являются съ одной стороны домашняя промышленность, а съ другой — фабрика. Домашняя промышленность, представляющая собой одну изъ формъ капиталистическаго производства, возникаетъ при помощи использованія отчасти навыковъ сельскаго населенія, продолжавшаго заниматься дома тѣми или иными промыслами, отчасти же привлекая къ себѣ городскіе ремесленные элементы, отпадавшіе отъ ремесла Рядомъ же съ домашней промышленностью, на все болѣе замѣтное мѣсто выдвигается капиталистическая фабрика. Экономическими предпосылками ея возникновенія и существованія являются: 1) массовой и болѣе или менѣе постоянный сбытъ ея продуктовъ, т. е. опредѣленная организація рынка, 2) относительно дешевая техника самаго процесса производства и 3) наличіе достаточнаго количества нужныхъ ей свободныхъ рабочихъ рукъ.

При этомъ необходимо отмѣтить, что капиталистическая фабрика вначалѣ возникала не за счетъ и не въ замѣну ремесла, какъ это можно было думать, а по большей части рядомъ съ нимъ, т. е. захватывала въ свои руки такія отрасли производства, которыя не были удѣломъ ремесленной дѣятельности. Борьба фабрики съ ремесломъ относится уже къ гораздо бо-

[1]) Schulze-Gävernitz. Der Grossbetrieb ein wirtschaftlicher und sozialer Fortschritt. Leipzig, 1892. S. 29.

лѣе поздней эпохѣ XIX столѣтія. Точно также не конкурировала фабрика и съ домашней промышленностью, развиваясь по преимуществу параллельно съ этой послѣдней. Рѣшеніе вопроса о преимуществѣ той или другой изъ этихъ формъ промышленности зависѣло отъ технической стороны производства, отъ того, требуется ли въ данной отрасли большое количество основного капитала, отсутствіе необходимости въ которомъ предоставляло всѣ преимущества домашней промышленности.

Всему этому экономическому развитію, вкратцѣ очерченному нами выше, очень содѣйствовало происшедшее въ это время возникновеніе большихъ территоріальныхъ государствъ, правители которыхъ были чрезвычайно заинтересованы въ возможномъ содѣйствіи развитію крупной промышленности и торговли, расцвѣтъ которыхъ знаменовалъ собою подъемъ благосостоянія страны и скопленіе въ ней богатства. Необходимость подъема народнохозяйственной дѣятельности, обусловливаемой оживленіемъ обмѣна, представлялась для тогдашнихъ государственныхъ властителей съ полной очевидностью. Для поддержанія своего могущества за предѣлами государства и проведенія своихъ велѣній внутри страны, имъ въ это время были необходимы постоянное войско и оплачиваемое чиновничество. То и другое требовало денегъ, а эти послѣднія можно было получить только отъ той части населенія, которая сосредоточивала въ своихъ рукахъ извѣстные барыши отъ товарнаго обмѣна. Этотъ послѣдній нужно было поэтому всяческими способами поддерживать, а такъ какъ единственно разработанной политикой поддержанія промышленности была въ это время политика городская, то тогдашнія правительства и повторяютъ, только въ болѣе широкомъ масштабѣ, мѣропріятія прежнихъ городскихъ управленій. Тѣ заботились о городскомъ населеніи, которое должно было быть поставлено въ благопріятное положеніе на счетъ остального населенія; руководители новыхъ государствъ желали доставить всѣ возможныя преимущества туземной промышленности и торговлѣ на счетъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Города дѣйствовали при помощи системы сложныхъ мѣропріятій, запрещеній, ограниченій, направляя промышленность по опредѣленному руслу, государственная власть дѣйствовала точно также путемъ цѣлой сѣти сложнѣйшихъ мѣропріятій по руководству всей экономической жизнью страны. Но въ то время, какъ главнымъ объектомъ работы городскихъ властей была промышленность, цеховое ремесло и, только во вторую очередь, связанная лишь попутно съ ремесломъ торговая дѣятельность, у тогдашней государственной власти на первомъ планѣ стояла забота объ этой послѣдней. Поэтому то этотъ періодъ и называютъ эпохой меркантилизма, торговой системы. „Mercator“, купецъ занималъ первое мѣсто въ заботахъ правительства, которое думало, въ первую очередь, о поднятіи и содѣйствіи торговлѣ, какъ важнѣйшей задачѣ государства.

Таковъ былъ первый періодъ экономической дѣятельности крупныхъ

территоріальныхъ государствъ, возникшихъ въ началѣ новой эпохи исторіи. Этотъ періодъ знаменуется извѣстной связанностью экономическаго оборота, его ограниченностью предѣлами каждаго государства и стѣсненностью чрезмѣрнымъ вниманіемъ и мелочностью государственной опеки.

Въ дальнѣйшемъ мы видимъ, какъ окрѣпшая промышленность и торговля начинаютъ стремиться уйти изъ подъ стѣснительной ферулы государства. Имъ становится тѣсно въ ограниченныхъ рамкахъ, намѣчаемыхъ границами дѣятельности правительственной власти; промышленности, ставшей на свои ноги, дѣлаются крайне нежелательными помочи, на которыхъ ее все еще хотятъ водить. Начинаютъ все болѣе часто раздаваться требованія какъ можно большей торговой и промышленной свободы, а, параллельно съ нею, идетъ стремленіе къ расширенію свободы и политической, поддерживаемое возникшими и окрѣпшими къ этому времени новыми соціальными классами. Наступаетъ эпоха либерализма вообще и экономической свободы въ частности.

Такъ понемногу, на почвѣ этой постепенной экономической эволюціи, зарождается и растетъ то экономическое явленіе, которое мы объединяемъ подъ названіемъ к а п и т а л и з м а и которое заполняетъ собою всю хозяйственную жизнь послѣднихъ столѣтій, рядомъ съ которымъ сохраняются только тѣ или иные остатки экономическаго уклада прежнихъ эпохъ.

Но капитализмъ захватываетъ поле дѣйствія въ экономической жизни далеко не сразу. Рядомъ съ нимъ въ первое время продолжаютъ существовать явленія, представляющія собой продолженіе средневѣковыхъ порядковъ, а иногда уходящія своими корнями даже еще въ эпоху античной древности. Завоеванія капитализма распространяются только постепенно, и о его полной или почти полной побѣдѣ можно говорить, только начиная съ половины XIX вѣка. Но зато въ это время онъ проникаетъ своими проявленіями всю экономическую и общественную жизнь современныхъ, наиболѣе развитыхъ государствъ, опредѣляетъ собой какъ частную дѣятельность, такъ и правительственную политику. Было бы совершенно излишнимъ пытаться здѣсь отмѣтить проявленія этой капиталистической эволюціи въ различныхъ сферахъ экономической жизни. Это завело бы насъ съ одной стороны слишкомъ далеко, а съ другой — выясненію этого вопроса будетъ въ значительной степени посвящено дальнѣйшее изложеніе нашего курса, поскольку современная политическая экономія есть въ своей существенной части экономія капиталистическаго общества. Капитализмъ проявляетъ свое вліяніе и обнаруживаетъ свое господство, какъ опредѣленная форма хозяйственной жизни, въ самыхъ различныхъ ея областяхъ: въ промышленности, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ, развитіи городской жизни, въ смыслѣ созданія особой тенденціи къ образованію крупныхъ городовъ и роста городского населенія [1]),

[1]) М. А. К у р ч и н с к і й. Муниципальный соціализмъ и развитіе городской жизни. СПБ. 1907. Глава первая. В е б е р ъ. Ростъ городовъ въ XIX столѣтіи, пер. Котельникова, СПБ. 1903.

финансовомъ хозяйствѣ государства, отношеніяхъ новыхъ соціальныхъ классовъ, тѣсно связанныхъ въ своемъ происхожденіи съ капитализмомъ и. т. д. Вообще капиталистическій строй хозяйства даетъ особый тонъ и характеръ всей современной экономической и соціальной жизни, создавая своеобразную капиталистическую эпоху человѣческаго развитія.

Этотъ капиталистическій строй, какъ и вообще всѣ тѣ, отмѣченныя нами явленія, которыя обнаружились въ эпоху новой исторіи и все болѣе и болѣе накладывали на нее свой отпечатокъ, всецѣло относятся къ періоду такъ называемаго народнаго хозяйства. Все, что въ это время производится, въ противоположность прежнимъ хозяйственнымъ эпохамъ, изготовляется, за немногими исключеніями, не для собственнаго потребленія и не для непосредственнаго удовлетворенія потребителей, получающихъ все нужное имъ прямо отъ производителя, какъ это было въ средневѣковьи, а носитъ форму товара, т. е. предназначено для обмѣна. Характерной особенностью новаго времени является полученіе всего для насъ необходимаго изъ рукъ торговаго посредника, купца, т. е. особое значеніе торговли, какъ аппарата, служащаго для выполненія функцій по передачѣ продуктовъ изъ производящихъ хозяйствъ въ потребляющія. Все это вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ особенностямъ которыя отличаютъ третью ступень въ Бюхеровской схемѣ послѣдовательнаго развитія формъ хозяйственной жизни.

Нѣкоторые предлагали еще прибавить къ имѣющимся уже въ этой схемѣ тремъ ступенямъ четвертую — мірового хозяйства, но Бюхеръ совершенно категорически возражаетъ противъ такого расширенія. По его мнѣнію, всѣ тѣ явленія, которыя какъ будто бы даютъ основанія для законности такого расширенія: взаимная экономическая зависимость отдѣльныхъ странъ въ дѣлѣ ихъ снабженія необходимыми для нихъ продуктами или въ отношеніи сбыта ихъ собственныхъ произведеній, т. е. все то, что относится къ области международнаго раздѣленія труда, затѣмъ развитіе всевозможныхъ международныхъ соглашеній, организація транспорта или кредитнаго хозяйства, охватывающая весь міръ, необычайное увеличеніе значенія колоніальнаго хозяйства и, наконецъ, политика такъ называемаго имперіализма — все это факты, въ той или иной степени извѣстные и прежнимъ эпохамъ. Вопросъ тутъ только въ степени ихъ распространенія, по существу же они не представляютъ ничего столь принципіально новаго, чтобы на ихъ основаніи можно было говорить о наступленіи какого-то совершенно иного періода хозяйственной жизни. Конечно, эта послѣдняя представляетъ цѣлый рядъ измѣненій, такъ, напримѣръ, можно сказать, что за эпохой господства въ ней абсолютизма, смѣнившагося либерализмомъ, теперь мы переживаемъ своеобразную соціальную эпоху, но всѣ онѣ, тѣмъ не менѣе, съ успѣхомъ, могутъ быть уложены въ предѣлахъ ступени народнаго хозяйства [1]).

---

[1]) Bücher. op. cit. S. 148—149.

Противъ теоріи Бюхера было сдѣлано не мало возраженій. Особенно рѣзко выступилъ противъ нея извѣстный историкъ Эдуардъ Мейеръ въ своемъ докладѣ, прочитанномъ на съѣздѣ нѣмецкихъ историковъ.[1]) Мейеръ возражаетъ главнымъ образомъ противъ выдвинутой еще Родбертусомъ ойкосной теоріи, воспринятой и развитой большинствомъ экономистовъ, въ томъ числѣ, въ первую очередь, Бюхеромъ. Мейеръ не согласенъ съ тѣмъ, что „замкнутое домашнее хозяйство" захватываетъ яко бы періодъ отъ начала цивилизаціи до половины среднихъ вѣковъ, приблизительно до начала второго тысячелѣтія нашей эры, т. е. что къ нему должна быть причислена вся древность, между тѣмъ какъ „народное хозяйство" возникаетъ лишь въ самомъ концѣ среднихъ вѣковъ между XV и XVI столѣтіями.

Въ противоположность этому утвержденію, по мнѣнію Мейера, древній міръ продѣлалъ цѣлый рядъ этаповъ послѣдовательнаго экономическаго развитія, вовсе не носившаго столь однообразнаго характера, какъ это представляютъ Родбертусъ и Бюхеръ. Приводя цѣлый рядъ доказательствъ изъ соотвѣтственныхъ источниковъ, Мейеръ говоритъ, что изъ этого явствуетъ, насколько ошибочна картина экономическаго развитія, нарисованная Бюхеромъ. Седьмое и шестое столѣтія въ греческой исторіи соотвѣтствуютъ въ развитіи новаго времени четырнадцатому и пятнадцатому вѣку послѣ Р. Х., пятое—шестнадцатому. Третье же столѣтіе рисуется уже совершенно модернизированными чертами. Культуру этого времени слѣдуетъ представлять себѣ вполнѣ современной во всѣхъ отношеніяхъ. Только для сравненія надо брать не девятнадцатое столѣтіе, а семнадцатое и восемьнадцатое, когда, несмотря на значительно большую чѣмъ теперь трудность и медленность транспорта, все же существовали чрезвычайно дѣятельныя международныя сношенія и народное хозяйство въ Бюхеровскомъ смыслѣ.

Эти положенія подтверждаются въ дальнѣйшемъ данными изъ жизни Востока, гдѣ уже давно была развита торговля странъ, расположенныхъ у Средиземнаго моря. Въ связи съ этимъ торговымъ движеніемъ, напримѣръ, стоитъ разукрашенное легендою, но по существу несомнѣнно историческое посѣщеніе Соломона Савскою царицей. Точно также и Египетскіе фараоны во всѣ эпохи расцвѣта ихъ государства посылали торговые флоты по Красному морю. При этомъ Египетское царство въ эпоху постройки пирамидъ (около 3000 г. до Р. Х.) является прочно организованнымъ „бюрократическимъ государствомъ", превращаясь къ концу третьяго тысячелѣтія до Р. Х. въ „феодальное государство съ развитымъ леннымъ строемъ." Вообще же, чѣмъ дальше подвигается впередъ развитіе древняго Востока, тѣмъ больше растетъ вліяніе торговли.[2]) Мы можемъ, однако, уже тутъ отмѣтить попутно, что всѣ доказательства Мейера въ отношеніи международной торговли совер-

[1]) Эдуардъ Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра, пер. подъ ред. М. Гершензона. 3 изд. Москва, 1910.

[2]) Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра, стр. 14—18.

шенно излишни, такъ какъ Бюхеръ вѣдь, какъ мы знаемъ, и не отрицалъ никогда наличія этой послѣдней даже и для древняго міра, да это и не могло бы придти никому въ голову, такъ какъ противорѣчило бы всѣмъ извѣстнымъ историческимъ фактамъ.

Такое же разнообразное и сложное развитіе мы находимъ, по мнѣнію Мейера, и въ Греціи. Тамъ мы видимъ древній періодъ — микенскую эпоху, а затѣмъ слѣдуетъ эпоха, которую Мейеръ называетъ „греческимъ средневѣковьемъ", эпоха владычества аристократіи, рыцарскихъ подвиговъ и героической пѣсни, когда землевладѣніе со скотоводствомъ и земледѣліемъ достигло полнаго развитія, когда вырабатывается форма городского государства, которое съ тѣхъ поръ остается типичнымъ представителемъ древней культуры. Въ эту эпоху, точное изображеніе которой сохранилось въ поэмахъ Гомера, автономное хозяйство отдѣльнаго дома дѣйствительно является основной экономической формой. Однако и тогда, составъ общества временъ Гомера не исчерпывается противоположеніемъ между крупными землевладѣльцами и мелкими крестьянами, крѣпостными и поденщиками. Какъ и въ наше время, каждая деревня въ Гомеровскую эпоху имѣетъ своихъ ремесленниковъ. Это такъ называемые „δημιουργοί", т. е. они работаютъ для членовъ общины, а не для самихъ себя. Дальнѣйшее развитіе греческой жизни идетъ болѣе быстрымъ темпомъ. Начиная съ восьмого столѣтія, морская торговля въ Греціи быстро развивается. Это — эпоха колонизаціи, когда эллины „заселяютъ всѣ побережья Средиземнаго моря отъ Кавказа и Крыма до Сициліи и Кампаніи." Открытіе такого громаднаго района и торговое, а часто и политическое господство надъ нимъ заставляетъ предполагать существованіе „производства товаровъ". Вмѣстѣ съ торговлей въ Грецію проникаетъ денежное обращеніе и денежное хозяйство.[1])

Въ дальнѣйшемъ Мейеръ излагаетъ греческую исторію совершенно уже въ модернизированномъ стилѣ. Онъ говоритъ о „буржуазіи", „экономическихъ кризисахъ", „биржевыхъ слухахъ", „тягѣ въ городъ", „полномъ развитіи капитализма, денежнаго хозяйства, капиталистическаго права со всѣми его послѣдствіями" и т. д.[2]) Для насъ должно быть ясно, конечно, что всѣ эти термины Мейера нужно принимать съ большими оговорками. Греческій или римскій „капитализмъ" древняго міра — совсѣмъ, конечно, не „современный капитализмъ", о которомъ такъ красочно и обстоятельно говоритъ въ своихъ работахъ Зомбартъ. Экономическіе кризисы древности были, конечно, кризисами sui generis, совершенно отличными отъ кризисовъ капиталистической эпохи. Мейеръ это недостаточно подчеркиваетъ, да и, вѣроятно, недостаточно сознаетъ эту разницу. Въ итогѣ же всѣхъ своихъ разсужденій Мейеръ, съ точки зрѣнія „историка", доказываетъ, что древній

---

[1]) Мейеръ. op. cit стр. 20—32.

[2]) Мейеръ. op. cit. стр. 36, 37, 59, 63, 89.

міръ имѣлъ свою древнюю, среднюю и новую эпоху и что онъ сошелъ со сцены послѣ того, какъ было вполнѣ изжито его культурное содержаніе[1]).

Точку зрѣнія Мейера въ значительной степени раздѣляетъ и Брейзигъ, который въ своей книгѣ[2]) предлагаетъ различать для каждой народности особый первобытный періодъ, особое древнее, среднее, новое и новѣйшее время, въ отдѣльности для древнихъ грековъ, древнихъ римлянъ, романо-германскихъ народовъ; для каждаго изъ нихъ по принадлежности.

На эту критику Бюхеръ совершенно правильно отвѣчалъ,[3]) что задачей его работы была не „Wirtschaftsgeschichte", а „Wirtschaftstheorie", не экономическая исторія, а экономическая теорія. Его изложеніе, конечно, опускаетъ многіе факты, не останавливается на подробностяхъ; желая найти общія линіи развитія, оно нѣсколько „стилизуетъ" историческую дѣйствительность, но въ этомъ отношеніи задачи экономиста-теоретика и историка въ узкомъ смыслѣ этого слова замѣтнымъ образомъ расходятся[4]). Въ противоположность желанію разсматривать исторію человѣчества, раздѣленную на совершенно самостоятельные, м. б., совершенно не связанные другъ съ другомъ отдѣлы, Бюхеръ, примыкая въ своихъ воззрѣніяхъ къ Родбертусу и въ нѣсколько болѣе отдаленной связи къ Бруно Гильдебранду, представляетъ себѣ экономическую исторію человѣчества, въ общихъ чертахъ, въ качествѣ непрерывной, хотя можетъ быть и отклоняющейся по временамъ зигзагообразной линіи развитія. Для тѣхъ цѣлей, которыя онъ себѣ ставитъ,

---

[1]) Противъ высказанныхъ Бюхеромъ взглядовъ относительно средневѣковья возражалъ также другой историкъ Георгъ фонъ Беловъ. См. его статью „Ueber Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung der Völker, mit besonderer Rücksicht auf die Stadtwirtschaft des deutschen Mittelalters" въ Historische Zeitschrift, Bd. 86. N. F. Bd. I, теперь перепечатанную въ сборникѣ: Georg von Below. Probleme der Wirtschaftsgeschichte. Tübingen. 1920. S. S. 143–257. Нужно отмѣтить еще, кромѣ того, и попытку вѣнскаго историка Допша, стремящагося „стереть характерныя отличія римской и средневѣковой эпохи, устранить идею о преобладаніи земледѣльческаго и натуральнаго хозяйства и представить Каролингскій періодъ, какъ время живого торговаго обмѣна и денежнаго хозяйства." Dopsch. Die Wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit. Weimar, 1913, Bd. II и Его-же. Die wirtschaftliche und soziale Entwicklung Europas, 2 B-de, Wien, 1918 u. 1920. Возраженія противъ взглядовъ Допша см. у П. Г. Виноградова въ „English Historical Review, 1914, I, p. 141, а также П. Г. Виноградовъ. „Экономическія теоріи средневѣковья" въ „Исторіи экономической мысли", Т. I, вып. 3., Москва 1916, стр. 53—55.

[2]) Kurt Breysig. Kulturgeschichte der Neuzeit. 2 Bd. Altertum und Mittelalter als Vorstufen der Neuzeit. Berlin. 1901. Erste Hälfte.

[3]) Во второмъ изданіи своей книги (1898) и въ особомъ приложеніи къ третьему изданію.

[4]) Мы нарочно привели въ предшествующемъ текстѣ довольно подробное изложеніе взглядовъ Мейера, въ значительной степени его-же собственными словами, для того, чтобы была ясна разница подхода къ тѣмъ-же самымъ вопросамъ представителей двухъ различныхъ наукъ, въ зависимости отъ цѣлей, которыя себѣ ставитъ каждая изъ нихъ.

такой подходъ является, можетъ быть, наиболѣе правильнымъ, почему его схема и до сихъ поръ продолжаетъ играть большую роль въ экономической наукѣ. Нашъ схематическій обзоръ точно также примыкаетъ, въ общихъ чертахъ, къ этому построенію.

Литература: Липпертъ. Исторія культуры, пер. съ 7 нѣм. изд. 1908. G. Schönberg. Die Volkswirtschaft, ст. въ Handbuch der Politischen Oekonomie, hrsg. v. Schönberg, 4. Aufl 1897. Зиберъ, Н. Очерки первобытной экономической культуры. 2 изд. 1899. М. Ковалевскій. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. 1895. Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра, пер. съ нѣм. 1898. Его-же. Рабство въ древности, пер, съ нѣм. 1899. O. Neurath. Antike Wirtschaftsgeschichte. 2 Aufl 1918. F. List. Das nationale System der politischen Oekonomie. 1843 (есть русскій переводъ подъ ред. Трубникова, 1891). Bruno Hildebrand. Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft und andere gesammelte Schriften, 1922. Karl Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft, I Sammlung, 16. Aufl. 1922 (есть русск. пер. подъ ред. Кулишера, 1907) и его-же Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte, 1922. П. Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства, 1910. W. Cunningham. An Essay on western civilisation in its economic aspects. 2 vol. 1898—1910. Его-же. The growth of English industry and commerce in modern times, 4 ed. 2. vol, 1907. Th. Rogers. Six centuries of works and wages. 1901. Ashley. Introduction to English economic history and theory. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Западной Европы, 2 тома 1898—1900 и то же въ нѣсколько расширенномъ видѣ по нѣмецки: M. Kowalewsky. Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform, 7 B-de 1901—1914. H. Sieweking. Grundzüge der neueren Wirtschaftsgeschichte, 1923. K. Th. v. Inama Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, 3 B-de, 1879—1901. R. Kötzschke. Grundzüge der deutschen Wirtschaftsgeschichte bis zum 17. Jahrh., 2. Aufl. 1921. Его-же. Allgemeine Geschichte des Mittelalters, 1924. E. Levasseur. Histoire des classes ouvrières en France, 2 ed, 2 vol. 1900—1901. W. Sombart. Der moderne Kapitalismus, 5. Aufl 2 B-de, 1922. І. М. Кулишеръ. Лекціи по исторіи экономическаго быта западной Европы, 6 изд. 1920—1922. Dopsch. Die wirtschaftliche und soziale Entwicklung Europas, 2 B-de, 1918—1920. M. Weber. Wirtschaftsgeschichte, 1923. В. И. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, 4 тома. 1910—1912 П. Н Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, т. I, 5 изд. 1906. J. Kulischer. Russische Wirtschaftsgeschichte, I. Band, 1925.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЦѢННОСТЬ.

Общее понятіе цѣнности. Цѣнность основная и производная. Понятіе цѣнности въ экономической наукѣ. Цѣнность потребительная и мѣновая. Цѣнность въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ. Абстрактная и конкретная цѣнность. Объективная мѣновая цѣнность. Субъективная и объективная теоріи цѣнности. Теорія предѣльной полезности. Ученіе Менгера. Различныя оцѣнки благъ. Блага хозяйственныя и нехозяйственныя. Субъективный и объективный моментъ въ индивидуальныхъ оцѣнкахъ. Понятіе предѣльной полезности. Таблица Менгера. Оцѣнка благъ низшаго и высшаго порядка. Критика теоріи предѣльной полезности. Ея психологичность. Цѣнность и стоимость. Объективныя теоріи. Теорія издержекъ производства. Взгляды представителей классической школы. Трудовая теорія цѣнности. Адамъ Смитъ и двойственность его точки зрѣнія. Рикардо и дальнѣйшее развитіе имъ трудовой теоріи. Бо́льшая послѣдовательность Рикардо и усложненіе имъ поставленныхъ себѣ задачъ. Двоякое основаніе цѣнности. Оцѣнка общей теоретической конструкціи Рикардо. Теорія цѣнности у Маркса. Трудъ, какъ основа измѣренія цѣнности. Ея опредѣленіе въ различныхъ общественно-экономическихъ условіяхъ. Понятіе прибавочной цѣнности. Противорѣчіе между цѣнностью и цѣной. „Загадка“ первого тома „Капитала“. Рѣшеніе вопроса Лексисомъ. Разрѣшеніе вопроса самимъ Марксомъ въ третьемъ томѣ. Опѣнка Марксовской теоріи критикой. Современное положеніе теоріи по вопросу о цѣнности въ Германіи. Взгляды Адольфа Вагнера, Дитцеля, Шмоллера, Лексиса, Оппенгеймера и Лифмана. Точка зрѣнія Касселя. Взгляды на теорію цѣнности русскихъ экономистовъ. Попытка примиренія объективной и субъективной теоріи. Точка зрѣнія Тугана-Барановскаго и Желѣзнова. Статистическое обоснованіе цѣнности у Струве. Теорія предѣльной полезности и издержки производства. Все большее сглаживаніе протоворѣчія между субъективизмомъ и объективизмомъ въ новѣйшее время. Значеніе понятія „цѣнность“ въ теоретической экономической наукѣ.

Вещи познаются сравненіемъ. Сравненіе можетъ исходить изъ различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ вещей; оно можетъ исходить изъ мѣры, вѣса, счета, цвѣта и цѣлаго ряда другихъ отличительныхъ ихъ признаковъ, вызывающихъ соотвѣтственные акты мыслительнаго процесса, занимающагося различеніемъ предметовъ. Однимъ изъ видовъ такого сравненія и является оцѣнка, приводящая насъ къ понятію ц ѣ н н о с т и.

Цѣнность есть понятіе не ограничивающееся только экономической

сферой, а играетъ большую роль вообще въ нашей психологіи, относясь, между прочимъ, и къ области чисто философской, литературной, художественной и т. д. Мы пользуемся этимъ своеобразнымъ способомъ признанія значенія тѣхъ или иныхъ вещей, который мы называемъ оцѣнкой, въ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ сферахъ. Мы говоримъ о цѣнности добродѣтели, жизни, здоровья, о художественной или литературной цѣнности какого-либо произведенія человѣческаго духа не въ меньшей степени, чѣмъ о цѣнности какого-либо товара или земельнаго участка. Изслѣдовать конечные общіе истоки этого нашего признанія представляетъ собой задачу психологіи. Насъ же, какъ изучающихъ экономическія явленія, интересуетъ главнымъ образомъ явленіе цѣнности въ хозяйственной сферѣ [1]).

Между предметами, подлежащими нашей оцѣнкѣ, наблюдается сразу же извѣстное, коренное отличіе. Одни изъ этихъ предметовъ являются для насъ цѣнностью сами по себѣ, они представляютъ собой первоначальную, основную цѣнность (Eigenwert), какъ, напримѣръ, счастье, здоровье, сила, красота, добродѣтель, слава, другіе же мы считаемъ только средствомъ для достиженія какихъ либо, внѣ ихъ лежащихъ постороннихъ цѣлей; они представляютъ собой производную цѣнность, такъ сказать, цѣнность, вторичнаго порядка (Wirkungswert) [2]). Хозяйственныя цѣнности относятся всецѣло къ этой второй категоріи. Мы цѣнимъ и любимъ хозяйственныя блага — если оставить въ сторонѣ случаи болѣзненной, ненормальной скупности — не сами по себѣ, а только въ связи съ тѣмъ содѣйствіемъ, которое они могутъ оказать для нашего благополучія. Всякая оцѣнка хозяйсвенныхъ благъ является только отраженіемъ болѣе первоначальныхъ оцѣнокъ общихъ цѣлей нашей жизни и благосостоянія, для достиженія которыхъ служатъ намъ данныя блага. Такимъ образомъ, всякая цѣнность хозяйственныхъ благъ, въ конечномъ счетѣ, связана съ личностью человѣка и преслѣдуемыми имъ жизненными цѣлями [3]).

Вопросъ о цѣнности, хозяйственныя оцѣнки являются однимъ изъ наиболѣе основныхъ процессовъ мышленія въ экономической сферѣ. Поэтому вполнѣ понятно, что прежняя экономическая наука отводила ему одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ построеніи общей теоріи. Такъ поступали экономисты классики, особенно Рикардо, начинающій свое изложеніе сразу съ изслѣдованія вопроса о цѣнности, такъ строилъ свое научное зданіе Марксъ и точно также поступали и многіе другіе экономисты какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Недаромъ извѣстный нѣмецкій экономистъ Нейманъ го-

---

[1]) E. von Böhm-Bawerk. Positive Theorie des Kapitales. Vierte Auflage. I Band. Jena, 1921. S. 158.

[2]) См. Ehrenfels. Werttheorie und Ethik въ „Avenarius Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Psychologie". Jahrg. 1893. S. 76 ff.; а также Ehrenfels. System der Werttheorie. 1897. S. 53.

[3]) Böhm-Bawerk. o. c. S. 159.

ворилъ, что цѣнность представляетъ собой „существенную основную и исходную точку всего хозяйственнаго строя.“ Въ болѣе близкое къ намъ время въ этомъ отношеніи обнаруживается нѣкоторое измѣненіе взглядовъ. Есть ученые, которые совершенно выбрасываютъ ученіе о цѣнности изъ своего изложенія (Кассель), другіе трактуютъ его въ связи и въ полной зависимости отъ ученія о цѣнѣ, едва ли съ достаточнымъ основаніемъ. Мы еще будемъ имѣть случай вернуться въ дальнѣйшемъ къ этому вопросу.

Терминомъ цѣнность, какъ это не разъ отмѣчалось, въ экономической наукѣ объединяются различныя понятія, имѣющія между собой лишь то общее, что всѣ они стоятъ въ болѣе близкомъ или отдаленномъ отношеніи къ опредѣленію годности какого либо предмета служить человѣческимъ интересамъ, желаніямъ и цѣлямъ. По характеру этой пригодности, со времени Адама Смита, въ наукѣ прочно укоренилось раздѣленіе на а) потребительную цѣнность, т. е. пригодность для употребленія самимъ владѣльцемъ данной вещи, и b) мѣновую цѣнность, т. е. пригодность для отдачи въ обмѣнъ [1]). Адамъ Смитъ опредѣлилъ это различіе въ слѣдующихъ словахъ: „Замѣтимъ, что слово цѣнность имѣетъ два различныхъ значенія; иногда имъ обозначается полезность какого-нибудь извѣстнаго предмета, а иногда оно обозначаетъ возможность, представляемую этимъ предметомъ, купить на него другіе предметы. Первую можно назвать „цѣнность въ употребленіи“, а другую „цѣнностью мѣновою“. Предметы, имѣющіе чрезвычайно высокую цѣнность въ употребленіи, нерѣдко вовсе не имѣютъ или имѣютъ весьма ничтожную мѣновую цѣнность. Ничего не можетъ быть необходимѣе воды, но за нее едва-ли можно что получить. Алмазъ, напротивъ того, едва-ли имѣетъ какую цѣнность въ употребленіи, но за него часто можно вымѣнять огромное количество другихъ вещей“ [2]).

Кромѣ этого различія есть еще другое: именно дѣленіе цѣнности на цѣнность въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ. Цѣнность въ субъективномъ смыслѣ есть то значеніе, которое какое-либо благо или запасъ благъ имѣютъ для благосостоянія какого-либо опредѣленнаго субъекта. Въ такомъ смыслѣ я скажу, что то или иное благо представляется мнѣ цѣнностью, если его наличіе или обладаніе имъ соединены для меня съ удовлетвореніемъ какой либо потребности, какимъ либо удовольствіемъ, пріятностью, или избавляютъ меня отъ лишенія, которое я бы долженъ былъ испытывать, въ случаѣ отсутствія этого блага. Въ такомъ случаѣ, наличіе такого блага представляетъ съ моей точки зрѣнія цѣнность.

---

[1]) F. J. Neumann. Die Begriffe Gut, Werth, Preis, Vermögen etc. въ „Handbuch der Politischen Oekonomie“, hrsg. v. G. Schönberg. 2 Aufl. Tübingen. 1885. Bd. I. S. 156.

[2]) Adam Smith. An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations, 5 ed. (by M'Culloch), Edinburgh. 1859, p. 13, Цит. въ русск. переводѣ П. А. Бибикова, Т. I, СПБ. 1866, стр. 132.

Цѣнность же въ объективномъ смыслѣ есть сознанная нами годность того или иного блага для достиженія какого-либо опредѣленнаго, внѣшняго объективнаго результата. Признавая какое-либо благо съ такой точки зрѣнія цѣнностью, мы ограничиваемся только установленіемъ связи между его наличіемъ и достиженіемъ того или иного эффекта, представляющаго интересъ для человѣческаго благосостоянія, безъ опредѣленія той роли или того значенія, какое оно можетъ имѣть въ сферѣ интересовъ какого либо опредѣленнаго субъекта. Въ такомъ смыслѣ мы говоримъ о цѣнности воды, какъ средства удовлетворенія жажды, — дровъ или каменнаго угля, какъ источника тепловой энергіи, помогающаго намъ бороться съ зимней стужей, не входя въ детальное разсмотрѣніе того отношенія, которое устанавливается между тѣмъ или инымъ конкретнымъ количествомъ воды или угля и интересами какого-либо опредѣленнаго лица.

Совершенно ясно, конечно, что оба эти вида цѣнности хозяйственныхъ благъ могутъ совершенно не совпадать, какъ съ точки зрѣнія ихъ относительныхъ размѣровъ, такъ и самаго ихъ существа. Какъ это объясняетъ на примѣрѣ Бёмъ-Баверкъ, одно и то же количество буковыхъ дровъ, представляющее совершенно одинаковую объективную цѣнность въ смыслѣ топливнаго средства, является совершенно различной субъективной цѣнностью въ хозяйствѣ бѣдняка, у котораго кромѣ этого больше нѣтъ дровъ и нѣтъ денегъ для ихъ покупки, или — въ хозяйствѣ милліонера Если-же взять условія первобытной хозяйственной жизни, гдѣ, скажемъ, дрова имѣются въ неограниченномъ изобиліи подъ рукой, гдѣ онѣ являются „даровымъ благомъ“, тамъ, несмотря на ихъ неизмѣнившуюся объективную цѣнность въ качествѣ топлива, онѣ даже вовсе не будутъ представлять никакой субъективной цѣнности для людского благополучія.

То же самое различіе можно выразить еще и иначе, говоря объ а б с т р а к т н о й и к о н к р е т н о й цѣнности тѣхъ или иныхъ благъ, совпадающей, болѣе или менѣе, съ абстрактной или конкретной полезностью тѣхъ же предметовъ. Хлѣбъ вообще, какъ предметъ питанія, удовлетворяетъ нашу потребность въ пищѣ, онъ абстрактно полезенъ и обладаетъ цѣнностью, но далеко не то-же самое можно сказать о любомъ конкретномъ кускѣ хлѣба. Для человѣка, только что сытно пообѣдавшаго, предложенный ему кусокъ хлѣба не представляетъ никакой конкретной полезности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнности; онъ ему въ данный моментъ совершенно не нуженъ.[1])

Приведенное выше дѣленіе не цѣнности, а полезности на абстрактную и конкретную, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для изслѣдователей,

---

[1]) Дѣленіе цѣнности на абстрактную и конкретную принадлежитъ Pay, за которымъ его повторяли многіе другіе экономисты. См. R a u Volkswirtschaftslehre. 8 Aufl. I, § 62, а также замѣчаніе по этому поводу Б. Баверка. Positive Theorie etc. S. 172.

стоящихъ на почвѣ ученія о такъ называемой предѣльной полезности, о которой намъ придется не мало говорить въ дальнѣйшемъ.

Вообще, понятіе цѣнности является чрезвычайно сложнымъ, разнообразнымъ и важнымъ для человѣческой жизни и можетъ быть, даже въ экономической сферѣ, разсматриваемо съ различныхъ точекъ зрѣнія, не говоря уже объ общефилософскомъ подходѣ къ его опредѣленію. „Что такое цѣнность?“ спрашиваетъ Крейбигъ и даетъ на это такой отвѣтъ: „Психическая цѣнность есть, по нашему пониманію, то значеніе, которое имѣетъ для психики какой-либо феноменъ, благодаря присущему ему тону удовольствія или боли. Чѣмъ вообще сильнѣе выраженъ этотъ тонъ удовольствія и чѣмъ выше его качество, тѣмъ болѣе цѣнно какое-либо представленіе или явленіе“.[1])

Въ связи съ тѣмъ выдающимся значеніемъ, которое имѣетъ понятіе цѣнности для экономической жизни, нѣтъ ничего удивительнаго, что экономическая теорія съ особымъ вниманіемъ останавливалась на немъ, и по этому вопросу было высказано безконечное количество разнообразныхъ мнѣній, были выдвинуты различныя, достаточно противорѣчивыя ученія. Не будучи въ состояніи, да и не задаваясь въ нашемъ курсѣ цѣлью дать сколько-нибудь исчерпывающій ихъ обзоръ, мы можемъ свести все ихъ разнообразіе къ двумъ главенствующимъ группамъ теорій: исходящимъ изъ а) субъективнаго или b) объективнаго принципа, и будемъ, такимъ образомъ, изслѣдовать субъективизмъ и объективизмъ въ ученіи о цѣнности. Можно, конечно, подойти къ такому дѣленію еще и съ нѣсколько иной точки зрѣнія, раздѣляя всѣ теоріи на такія, которыя объясняютъ явленіе цѣнности: а) полезностью предметовъ и b) издержками по ихъ изготовленію, или иначе — теоріи, основывающіяся а) на полезности и b) на затраченномъ трудѣ, поскольку всѣ издержки производства могутъ быть сведены, главнымъ образомъ, къ трудовымъ затратамъ.

Какъ мы уже видѣли выше, еще со времени Адама Смита укоренилось раздѣленіе цѣнности на потребительную и мѣновую. Точно также, и съ точки зрѣнія другого дѣленія на цѣнность въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ, мы должны указать, что среди различныхъ свойствъ, характеризующихъ объективную цѣнность въ отношеніи ея значенія для разныхъ сторонъ нашего благополучія, мы должны для чисто экономической сферы выдѣлить одно ея свойство — объективную мѣновую цѣнность благъ. Подъ мѣновой цѣнностью, въ самомъ общемъ смыслѣ слова, понимается способность блага обмѣниваться на другія блага, доставлять въ мѣновомъ процессѣ извѣстное количество другихъ благъ въ качествѣ своего эквивалента. Такъ какъ современная экономическая наука, которую мы изучаемъ, является экономіей мѣнового хозяйства, то само собой разумѣется, что этотъ послѣдній видъ цѣнности и долженъ явиться предметомъ особаго вниманія нашей науки.

[1]) Kreibig. Geschichte und Kritik des ethischen Skepticismus Wien. 1896, S. 119.

Что такое мѣновая цѣнность? Откуда она почерпаетъ свою основу, чѣмъ она измѣряется? — Вотъ вопросы, которые намъ придется разрѣшать и надъ которыми въ достаточной степени ломали себѣ голову представители экономической науки. Существуетъ извѣстная тенденція въ наше время, когда дѣло касается мѣновой цѣнности, подставлять вмѣсто нея понятіе цѣны. Нѣкоторые такъ прямо и употребляютъ одинъ терминъ вмѣсто другого, какъ совершенно равнозначущіе. „Для экономиста, изучающаго мѣновое хозяйство, говоритъ, напримѣръ, Туганъ-Барановскій, особенно важенъ одинъ видъ объективной цѣнности — мѣновая цѣнность предмета, его покупательная сила, цѣна.“ [1]) Едва ли можно согласиться на такую замѣну одного термина другимъ, на такое идентифицированіе понятій. Мѣновая цѣнность, какъ мы уже сказали, есть способность одного блага обмѣниваться на другія блага, а цѣна есть именно это фактически установившееся соотношеніе между ними. Сами представители школы предѣльной полезности, на почвѣ которой въ значительной степени стоитъ проф. Туганъ-Барановскій, рѣзко подчеркиваютъ указанное различіе. Понятіе „цѣна“ и „мѣновая цѣнность„ никоимъ образомъ не идентичны, говоритъ Бёмъ-Баверкъ. Мѣновая цѣнность есть способность какого-либо блага добывать въ мѣновомъ процессѣ извѣстное количество другихъ благъ, цѣна же есть именно самое это количество благъ [2]).

Для насъ должно быть совершенно ясно, что всякая цѣнность какихъ бы то ни было благъ, въ конечномъ счетѣ, сводится къ личности человѣка и къ преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ. Какъ нами уже указано, въ первую очередь, экономическую науку занимаетъ ученіе объ объективной мѣновой цѣнности. Мы можемъ разсматривать эту послѣднюю въ свѣтѣ объясненія, даваемаго въ этой области группами ученій, исходящихъ изъ субъективнаго или объективнаго принципа. Исторически первая группа появляется раньше и раньше обосновываетъ свою точку зрѣнія. Это и вполнѣ понятно логически. Во всѣхъ своихъ оцѣнкахъ человѣкъ раньше всего исходитъ изъ опредѣленныхъ субъективныхъ представленій и выводовъ, онъ оцѣниваетъ все примѣнительно къ своей личности. Только уже потомъ въ этомъ процессѣ могутъ выступить извѣстные болѣе объективные моменты. Хотя въ этомъ отношеніи, скажемъ мы, забѣгая нѣсколько впередъ, различіе между чисто субъективной и объективной точкой зрѣнія не можетъ быть проведено до конца, совершенно рѣзко отграничивая одну отъ другой. Во всякихъ субъективныхъ оцѣнкахъ есть извѣстный моментъ объективности и, обратно, въ объективныхъ — никогда нельзя обойтись безъ субъективной основы. Это двѣ стороны одной и той же медали.

Исторически, такимъ образомъ, субъективныя теоріи имѣютъ за собой

---

[1]) Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи. 4 изд. Петроградъ, 1917, стр. 41.

[2]) B. Bawerk. o. c. S. 162.

извѣстный пріоритетъ. Какъ это подчеркиваетъ проф. Желѣзновъ, идея полезности, какъ основы хозяйственныхъ благъ, изъ которой и исходятъ представители субъективныхъ теорій, была выдвинута еще древне-греческими философами. Она приписывается Сократу и, несомнѣнно, раздѣлялась Ксенофонтомъ, Платономъ и Аристотелемъ.[1]) Та же идея вновь появляется въ средневѣковьи среди позднѣйшихъ комментаторовъ Аристотеля, особенно у современника знаменитаго автора трактата о деньгахъ Орезма — Буридана, хотя въ общемъ тогдашняя схоластика держалась болѣе на почвѣ объективныхъ основъ ученія объ justum pretium. Но наиболѣе ярко изъ прежнихъ писателей субъективная точка зрѣнія, основывающаяся на полезности и какъ бы предвосхищающая въ нѣкоторыхъ пунктахъ позднѣйшее ученіе такъ называемой австрійской школы, проявляется у блестящаго итальянскаго автора сочиненія о монетѣ — Галіани[2]). Затѣмъ на долгое время субъективное теченіе въ ученіи о цѣнности какъ бы совершенно исчезаетъ, уступая мѣсто воззрѣніямъ противоположнаго характера, и только уже въ половинѣ XIX вѣка снова выдвигается въ Германіи Госсеномъ.

Основателемъ теоріи такъ называемой предѣльной полезности, наиболѣе ярко выражающей въ своихъ ученіяхъ субъективную точку зрѣнія, является въ новѣйшее время нѣмецкій экономистъ Госсенъ, книга котораго „Entwickelung der Gesetze des menschlichen Verkehrs“, вышедшая въ 1854 году, осталась совершенно незамѣченной его современниками, хотя онъ самъ, лично былъ очень высокаго мнѣнія о своей работѣ, что и отмѣтилъ въ предисловіи къ указанной книгѣ. „То, что Копернику удалось сдѣлать для объясненія положенія міровъ въ пространствѣ, говоритъ Госсенъ, то, какъ я думаю, сдѣлано мною для объясненія совмѣстнаго существованія людей на земной поверхности“[3]). Но современники прошли совершенно равнодушно мимо книги прусскаго королевскаго регирунгсъ-ассесора въ отставкѣ, а онъ самъ настолько былъ разочарованъ этимъ равнодушіемъ и отсутствіемъ признанія, что постарался извлечь непроданные экземпляры своей книги изъ продажи, и книга его совершенно изчезла съ книжнаго рынка[4]). Невниманіе къ книгѣ, заключавшей въ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, очень интересныя новыя положенія, было совершенно незаслуженнымъ и можетъ быть, между прочимъ, объяснено, кромѣ чисто случайныхъ причинъ, еще и трудностью ея математической формы изложенія.

Только почти двадцать лѣтъ спустя, тѣ же идеи были, совершенно внѣ

---

[1]) См. R. Kaulla. Die geschichtliche Entwickelung der modernen Werttheorien, Tübingen. 1906. S. 4, а также В. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи. 8. изд. Москва. 1918. стр. 362.

[2]) См. Kaulla. o. c. S. 59 и 114.

[3]) Gossen. Entwickelung der Gesetze des menschlichen Verkehrs. Neue Ausgabe. Berlin. 1889. Vorrede, S. V.

[4]) Vorbemerkung des Verlegers zur neuen Ausgabe. Тамъ-же.

всякой зависимости отъ Госсена, выдвинуты почти одновременно тремя учеными въ трехъ разныхъ европейскихъ странахъ: Джевонсомъ въ Англіи, Менгеромъ въ Австріи и Вальрасомъ въ Швейцаріи [1]). Очевидно, этого рода воззрѣнія къ этому времени какъ бы созрѣли въ умахъ ученыхъ опредѣленнаго направленія и какъ бы носились въ воздухѣ, на что указываетъ ихъ почти одновременное прокламированіе тремя, совершенно самостоятельно другъ отъ друга работавшими конгеніальными учеными. При общемъ сходствѣ основныхъ идей у всѣхъ вышеуказанныхъ авторовъ, между ними имѣются и нѣкоторыя различія, позволяющія, однако, съ полнымъ правомъ зачислить ихъ въ ряды представителей теоріи, такъ называемой, предѣльной полезности [2]). Среди нихъ на особое мѣсто нужно выдвинуть Менгера, сдѣлавшагося главой, такъ называемой, австрійской школы политической экономіи, насчитывающей въ своихъ рядахъ немало выдающихся ученыхъ, жившихъ и писавшихъ по преимуществу въ Австріи. Тѣми изъ нихъ, по трудамъ которыхъ яснѣе и правильнѣе всего можно изложить главнѣйшія основы новаго ученія, являются самъ Менгеръ и Бёмъ-Баверкъ, работами которыхъ поэтому удобнѣе всего пользоваться.

Какъ мы узнаемъ изъ работы Менгера, всѣ блага удовлетворяютъ потребности человѣка или непосредственно или посредственно, и раздѣляются, сообразно съ этимъ, на блага первичныя и блага болѣе высокихъ ступеней. Всѣ эти блага могутъ имѣть для насъ или потребительную, или мѣновую цѣнность, а иногда та и другая могутъ вполнѣ совпадать. На болѣе ранней ступени развитія, напримѣръ, шкура медвѣдя для охотника имѣетъ значеніе для удовлетворенія его непосредственныхъ потребностей, скажемъ, для изготовленія одежды; въ болѣе же позднюю эпоху, при развитіи мѣнового оборота, та же шкура будетъ имѣть для охотника значеніе уже въ качествѣ средства получить путемъ мѣны какіе-либо другіе продукты, при наличіи денежнаго хозяйства — деньги. Въ первомъ случаѣ данное благо (шкура медвѣдя) имѣетъ для охотника потребительную, во второмъ — мѣновую цѣнность [3]).

Очень часто, однако, та и другая цѣнность для одного и того же лица совпадаютъ. Такъ, напримѣръ, имѣющаяся у насъ одежда, мебель, драго-

---

[1]) Jevons. The theory of political economy, 1 ed. London, 1871. K. Menger. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, Erster allgemeiner Teil, Wien 1871. Walras. Elements d'économie politique pure, Lausanne 1874.

[2]) Терминъ этотъ впервые былъ употребленъ Визеромъ въ книгѣ „Über den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes," 1884. S. 128 и съ тѣхъ поръ довольно прочно укоренился не только въ нѣмецкой, но даже и въ англійской экономической литературѣ, гдѣ, вмѣсто употреблявшихся Джевонсомъ выраженій „final degree of utility" и „terminal utility", теперь общеупотребительнымъ стало выраженіе „marginal utility".

[3]) Menger. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 2 Auflage, Wien 1923 S. 111.

цѣнности въ одно и то-же время удовлетворяютъ наши потребности и въ то-же время могутъ быть использованы въ качествѣ мѣновой цѣнности, при ихъ реализаціи, въ случаѣ нужды. Иногда такъ и смотрятъ на нѣкоторые предметы — золотыя вещи, драгоцѣнные камни — какъ на запасъ про черный день. Особенно это имѣетъ мѣсто въ неустойчивые періоды общественной жизни.

Но иногда потребительная цѣнность и мѣновая — совершенно отдѣляются другъ отъ друга. Такъ, какой-либо особо своеобразный костыль для опредѣленнаго калѣки, замѣтки научнаго характера, трудно доступныя для разбора и прочтенія другими лицами, семейные документы и т. д. имѣютъ высокую потребительную цѣнность для ихъ владѣльцевъ и никакой или почти никакой мѣновой, ибо ихъ очень трудно или даже невозможно продать. Съ другой стороны, очки различныхъ номеровъ и оптическіе приборы для оптика, хирургическіе инструменты для мастера и торговца этими послѣдними, книги на мало кому доступномъ, кромѣ немногихъ ученыхъ, языкѣ для книгопродавца и т. п. имѣютъ для всѣхъ этихъ лицъ только мѣновую и никакой потребительной цѣнности. Комбинацій подобнаго рода между относительнымъ значеніемъ потребительной и мѣновой цѣнности можетъ быть очень много. Онѣ также разнообразны, какъ безконечно разнообразна сама жизнь.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какой-либо предметъ имѣетъ для своего владѣльца и потребительную и мѣновую цѣнность, экономическій характеръ будетъ носить та изъ нихъ, которая представляется болѣе важной [1]). Но все равно, каковы бы ни были комбинаціи между этими обоими видами цѣнности, какъ мѣновая, такъ и потребительная цѣнность являются только различными формами одного и того-же всеобщаго явленія цѣнности. Откуда-же черпаетъ свой источникъ это послѣднее?

По словамъ Менгера, далеко не всѣ предметы обладаютъ цѣнностью, а только тѣ изъ нихъ, которые являются хозяйственными благами Что же представляютъ собой эти блага? Классическая политическая экономія дѣлила, какъ мы знаемъ, блага на хозяйственныя и даровыя, въ зависимости отъ того, являются ли они результатомъ затраты нашего труда, или даются намъ даромъ природой, но Менгеръ основываетъ свое дѣленія благъ на хозяйственныя и нехозяйственныя на совершенно иныхъ основаніяхъ. — Когда запасъ какихъ либо благъ, говоритъ Менгеръ, превосходитъ размѣры имѣющейся въ нихъ потребности, мы имѣемъ передъ собой, по принятой имъ терминологіи, нехозяйственныя блага, причемъ это причисленіе благъ къ категоріи „хозяйственныхъ“ или „нехозяйственныхъ“ не представляетъ ничего свойственнаго самимъ благамъ, а зависитъ исключительно отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ первую очередь, количественнаго момента, т. е. величины запаса благъ и размѣра потребности въ этихъ послѣднихъ. Съ такой точки зрѣнія, уменьшеніе количества какихъ либо благъ до размѣра

[1]) Menger. o. c. S. 114.

существующей въ нихъ потребности превращаетъ ихъ изъ нехозяйственныхъ въ хозяйственныя. Это положеніе потверждается, какъ всегда у Менгера и многихъ другихъ представителей австрійской школы, цѣлой массой примѣровъ.

„Когда, говоритъ Менгеръ, какой либо житель дѣвственнаго лѣса имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько сотъ тысячъ стволовъ, въ то время какъ ему нужно въ годъ, для полнаго удовлетворенія своей нужды въ древесныхъ матеріалахъ, всего какихъ-либо двадцать стволовъ, онъ не почувствуетъ никакого ущерба въ отношеніи удовлетворенія своей потребности, если лѣсной пожаръ уничтожитъ какую-нибудь тысячу изъ нихъ, покуда онъ можетъ остающимся ихъ количествомъ покрывать свои потребности въ такой же мѣрѣ, какъ и прежде. Отъ распоряженія однимъ единственнымъ стволомъ, при вышеуказанныхъ условіяхъ, не находится въ зависимости удовлетвореніе ни одной изъ его потребностей, и поэтому этотъ послѣдній и не имѣетъ для него никакой цѣнности. Если же, наоборотъ, въ лѣсу нашелся бы десятокъ дикихъ плодовыхъ деревьевъ, плодами которыхъ питается поселенецъ, и еслибы количество ихъ не превышало его потребности въ плодахъ, то потеря каждаго изъ этихъ деревьевъ заставила бы его испытывать голодъ или удовлетворять свою потребность въ плодахъ менѣе полно, чѣмъ это имѣло мѣсто до сихъ поръ, и потому каждое единичное изъ этихъ плодовыхъ деревьевъ имѣло бы для него цѣнность“ [1]).

Другой примѣръ такого же рода описываетъ намъ положеніе жителей деревни, расположенной на берегу ручья, дающаго ежедневно сотню тысячъ ведеръ воды, въ то время, какъ они нуждаются для удовлетворенія своихъ потребностей только въ одной тысячѣ. Жителямъ, при такихъ условіяхъ, безразлично, что ручей уноситъ ежедневно въ море десятки тысячъ ведеръ, и они не склонны считать цѣнностью отдѣльное ведро воды. Но, еслибы, вслѣдствіе чрезмѣрной засухи или какого либо другого событія въ природѣ, ручей сталъ бы давать только 500 ведеръ ежедневно, т. е. менѣе количества, нужнаго для жителей, то они стали бы считать цѣнностью каждое ведро, съ пропажей котораго они не желали бы мириться. — Поэтому совершенно естественно обнаруженіе явленія цѣнности у хозяйственныхъ (по терминологіи Менгера) благъ и отсутствіе этой послѣдней у — нехозяйственныхъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что цѣнность не есть что либо, свойственное тѣмъ или инымъ благамъ, не является свойствомъ этихъ послѣднихъ, точно также, какъ она не представляетъ чего-либо самостоятельнаго, явленія, существующаго самого по себѣ. „Цѣнность представляетъ собой то значеніе, которое конкретныя блага получаютъ для хозяйствующихъ людей тѣмъ, что эти послѣдніе чувствуютъ свою зависимость въ удовлетвореніи своихъ потребностей отъ распоряженія подлежащими благами, и вслѣдствіе этого, цѣнность эта и не существуетъ внѣ сознанія самихъ людей“ [2]).

[1]) Menger. o c. S. 105—106.

[2]) Menger. o. c. S. 108.

Цѣнности придается, въ первую очередь, опредѣленно субъективный характеръ, а потому въ своей теоріи Менгеръ и выдвигаетъ на первое мѣсто отдѣльныя индивидуальныя оцѣнки. По его словамъ „все зависитъ отъ индивидуальности даннаго отдѣльнаго субъекта; каждый хозяйствующій субъектъ въ себѣ самомъ заключаетъ мѣру того значенія, которое имѣетъ для него удовлетвореніе той или иной единичной потребности“ [1]). Это выдвигаетъ на первое мѣсто въ оцѣнкахъ субъективный моментъ.

Но не нужно думать, что объективный моментъ въ этой теоріи совершенно исключается, онъ тоже указывается, но лишь на второмъ мѣстѣ. Объективный моментъ лежитъ на сторонѣ количества, имѣющагося въ распоряженіи даннаго субъекта благъ, что оказываетъ, въ свою очередь, вліяніе на его субъективныя оцѣнки. Это иллюстрируется слѣдующимъ примѣромъ, взятымъ изъ условій болѣе или менѣе примитивнаго существованія. — Австрійская школа въ особенности любитъ примѣры изъ наиболѣе упрощенной хозяйственной обстановки. — Изолированно живущій земледѣлецъ, говоритъ Менгеръ, располагаетъ послѣ богатой жатвы двумя стами мѣръ зерна. Одна часть этого запаса обезпечиваетъ ему сохраненіе жизни его самого и его семьи до новой жатвы, другая — поддержаніе здоровья, поскольку послѣднее находится въ зависимости отъ болѣе изобильнаго питанія, третья часть даетъ ему сѣмена для новаго посѣва, четвертую онъ можетъ употребить для приготовленія пива, водки и на другія излишества, пятую — для откармливанія своего скота, и, наконецъ, нѣсколько остающихся мѣръ, которыя не находятъ себѣ примѣненія въ отношеніи другихъ болѣе важныхъ потребностей, онъ предназначаетъ для питанія животныхъ, служащихъ цѣлямъ развлеченія.[2]) Конечно, совершенно ясно, что всѣ эти отдѣльныя части его зернового запаса удовлетворяютъ совершенно различныя по своему значенію потребности, которыя земледѣлецъ очень хорошо умѣетъ различать, но все же пока дѣло будетъ обстоять такъ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, онъ будетъ придавать отдѣльнымъ мѣрамъ зерна одинаковую цѣнность, на какую бы потребность онѣ фактически ни шли. Но, еслибы у этого земледѣльца оказалось почему-либо въ распоряженіи меньшее количество зерна, то ему пришлось бы сдѣлать выборъ между различными его употребленіями и, конечно, онъ бы отказался отъ удовлетворенія тѣхъ потребностей, которымъ онъ придавалъ бы наименьшее значеніе. По мѣрѣ уменьшенія запаса, сначала бы отпало содержаніе животныхъ, служащихъ для развлеченія, потомъ откармливаніе скота, приготовленіе спиртныхъ напитковъ и т. д. до послѣдней, самой важной изъ всѣхъ потребностей, поддержанія въ живыхъ себя и своей семьи, потребности, которую онъ, во всякомъ случаѣ, постарался бы удовлетворить. По мѣрѣ сокращенія запаса,

[1]) Menger. o. c. S. 120.

[2]) См. почти аналогичный этому примѣръ колониста, имѣющаго 5 мѣшковъ зерна у Бёмъ—Баверка, Positive Theorie des Kapitales, S. 185—187.

цѣнность остающихся въ немъ благъ опредѣлялась бы все болѣе существенными и важными потребностями.. Цѣнность остающагося въ рукахъ земледѣльца зерна, при постепенномъ сокращеніи его количества, опредѣлялась бы значеніемъ наименьшей изъ тѣхъ потребностей, которыя были бы удовлетворены, или наибольшей изъ тѣхъ, которыя остались неудовлетворенными. Эта граница и являлась бы тѣмъ, что у представителей даннаго направленія носитъ названіе предѣльной полезности.

Это понятіе другой крупный представитель того-же направленія, Бёмъ-Баверкъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Величина цѣнности какого-либо блага опредѣляется важностью той конкретной потребности или частичной потребности, которая является наименѣе важной потребностью изъ числа всѣхъ, еще покрытыхъ имѣющимся въ наличности запасомъ этого рода благъ“ [1]).

Цѣнность какого-либо блага поэтому опредѣляется не самой большей и даже не средней степенью пользы, которую можетъ доставить благо такого порядка, а именно самой меньшей пользой, для которой оно еще можетъ быть раціонально употреблено. Если назвать эту наименьшую степень полезности, стоящую на границѣ экономически возможнаго образа дѣйствій, предѣльной полезностью, то законъ, опредѣляющій величину цѣнности благъ, выразится слѣдующей простой формулой: цѣнность какого-либо блага опредѣляется величиной его предѣльной полезности. По мнѣнію Бёмъ-Баверка, это положеніе является центральнымъ пунктомъ теоріи цѣнности австрійской школы.[2])

Такъ какъ вопросы о порядкѣ удовлетворенія отдѣльныхъ потребностей и о степени этого удовлетворенія въ предѣлахъ каждой конкретной потребности разрѣшаются отдѣльными хозяйствующими субъектами, то поэтому и цѣнность не только по своей сущности, но и по ея размѣрамъ отличается вполнѣ субъективнымъ характеромъ. „Блага всегда представляютъ „цѣнность“ только для опредѣленныхъ хозяйствующихъ субъектовъ, но и для этихъ послѣднихъ они представляютъ только опредѣленную цѣнность“ [3]).

Въ виду ограниченности запаса благъ, имѣющихся въ распоряженіи хозяйствующихъ субъектовъ, имъ постоянно приходится дѣлать выборъ какъ между удовлетвореніемъ тѣхъ или иныхъ потребностей, такъ и степенью удовлетворенія въ предѣлахъ каждой потребности. Людямъ постоянно приходится производить сравненіе, дѣлать выборъ: купить перчатки или книгу, отказаться отъ обѣда и пойти на сбереженныя деньги въ театръ и т. д. Процессъ обыденной жизни представляетъ намъ рядъ постоянно повторяющихся актовъ такого сравненія, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло

---

[1]) Böhm-Bawerk, o. c. S. 184.
[2]) Böhm-Bawerk. o. c. S. 185.
[3]) Menger. o. c. S. 142.

на каждомъ шагу. Для уясненія возможности сравненія значенія такихъ отдѣльныхъ актовъ нашего выбора Менгеромъ предложена слѣдующая таблица[1]):

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	.	.	.	.	.	.	.	.	.
9	9	.	.	.	.	.	.	.	.
8	8	8	.	.	.	.	.	.	.
7	7	7	7	.	.	.	.	.	.
6	6	6	6	6	.	.	.	.	.
5	5	5	5	5	5	.	.	.	.
4	4	4	4	4	4	4	.	.	.
3	3	3	3	3	3	3	3	.	.
2	2	2	2	2	2	2	2	2	.
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Въ таблицѣ этой римскія цифры обозначаютъ различные виды потребностей по степени ихъ относительнаго значенія въ убывающемъ порядкѣ. Цифра I выражаетъ наиболѣе важную потребность, скажемъ въ пищѣ, II — въ одеждѣ, III — въ жилищѣ, цифра V, предположимъ, — потребность въ табакѣ или спиртныхъ напиткахъ и т. д. Каждая изъ этихъ потребностей можетъ быть удовлетворена въ разной степени, и вотъ степень этого удовлетворенія въ предѣлахъ каждаго рода потребности и выражается арабскими цифрами, показывающими также уменьшающуюся степень настоятельности этого удовлетворенія. Удовлетвореніе важнѣйшей изъ потребностей, потребности въ пищѣ, въ первой графѣ, выражаемое въ таблицѣ цифрой 10 — равнозначуще съ сохраненіемъ жизни и поэтому не имѣетъ себѣ соперниковъ въ другихъ графахъ, гдѣ нѣтъ даже такой цифры. Тутъ сравненія и выбора быть не можетъ, ибо сохраненіе жизни, при нормальныхъ условіяхъ, перевѣшиваетъ всякія другія возможныя рѣшенія. Въ отношеніи цифры 9 въ той же графѣ можно сказать, что она выражаетъ, м. б., поддержаніе уже не самой жизни, но здороваго состоянія организма; въ дальнѣйшемъ же питаніе удовлетворяетъ уже извѣстному чувству удовольствія: лакомства, тонкія закуски и, наконецъ, приближается, за извѣстнымъ предѣломъ, къ полному безразличію — 0, чтобы затѣмъ уже превратиться въ неудовольствіе, наказаніе. Стоитъ вспомнить „Демьянову уху“.

Этой различной степенью удовлетворенія разныхъ по своему значенію видовъ потребностей объясняется возможность сравненія между ними. Такъ, напримѣръ, возможность сравненія наиболѣе важныхъ потребностей въ пищѣ

[1]) Menger. o. c. S. 123. Таблица эта приведена въ слегка измѣненномъ видѣ такъ, какъ ее даетъ Böhm-Bawerk, o. c. S. 181. Измѣненіе чисто внѣшнее и представляетъ сравненіе только нѣсколько болѣе наглядным въ смыслѣ сопоставленія одинаковыхъ цифръ въ одной и той же строчкѣ.

или одеждѣ, отнесенныхъ къ первымъ двумъ графамъ I и II — съ потребностью хотя бы въ табакѣ, фигурирующей, по нашему предположенію, въ графѣ V-ой, наступаетъ только тогда, когда въ первомъ столбцѣ удовлетворены уже 5, а во второмъ — 4 ступени. Тутъ уже дальнѣйшій выборъ зависитъ отъ индивидуальныхъ вкусовъ. — Такимъ образомъ сравненіе ведется не между абстрактной потребностью въ пищѣ, наиболѣе важной изъ всѣхъ существующихъ, и потребностью въ табакѣ или украшеніяхъ вообще, а лишь между выборомъ, за наступленіемъ опредѣленнаго предѣла удовлетворенія или насыщенія извѣстныхъ потребностей, того или иного изъ нѣсколькихъ возможныхъ рѣшеній.

Вообще, это взвѣшиваніе различнаго значенія потребностей, выборъ между тѣми, которыя останутся неудовлетворенными, и тѣми, которыя будутъ удовлетворены, сообразно имѣющимся въ наличности средствамъ, а также установленіе степени, въ которой разныя потребности найдутъ себѣ удовлетвореніе, — составляетъ ту часть экономической дѣятельности людей, которая захватываетъ ихъ умы болѣе, чѣмъ какая либо другая, оказываетъ самое широкое воздѣйствіе на ихъ экономическія стремленія и почти неустанно занимаетъ вниманіе каждаго хозяйствующаго субъекта[1]). Нужно признать, что выясненіе этой субъективной психологической стороны опредѣленія цѣнности, — сдѣлано Менгеромъ мастерски, и, во всякомъ случаѣ, обнаруживаетъ большую глубину и тонкость анализа.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе получается, когда отъ благъ, непосредственно удовлетворяющихъ наши потребности, благъ низшаго порядка, по терминологіи Менгера, мы переходимъ къ благамъ, значительно дальше отстоящимъ отъ этихъ потребностей, такъ называемымъ благамъ высшаго порядка, какъ, напримѣръ, сырье или орудія производства. По ученію Менгера, цѣнность такъ называемыхъ дополнительныхъ (komplementäre) благъ высшаго порядка находитъ свою мѣру въ предполагаемой цѣнности благъ низшаго порядка, для изготовленія которыхъ они служатъ, распоряженіе которыми они экономически намъ обезпечиваютъ. Поэтому цѣнность благъ высшаго порядка никоимъ образомъ не обусловлена теперешней цѣнностью благъ низшаго порядка, а — только предполагаемой въ будущемъ цѣнностью этихъ благъ, для изготовленія которыхъ экономически служатъ первыя, и мѣра этой цѣнности находитъ себѣ опредѣленіе только въ этомъ будущемъ[2]). Въ отношеніи же самой мѣры цѣнности средствъ производства, т. е. благъ высшаго порядка, устанавливается положеніе, что эта цѣнность опредѣляется предѣльной полезностью наименѣе важнаго изъ всѣхъ тѣхъ продуктовъ, которые оказывается еще экономически выгоднымъ производить

---

[1]) Menger. o. c. S. 124.

[2]) Menger. o. c. S. 148.

при помощи данныхъ средствъ производства [1]). Такимъ образомъ, цѣнность суконной фабрики и употребляемыхъ на ней машинъ опредѣляется цѣнностью приготовляемаго на ней сукна, цѣнность металлургическаго завода, доменныхъ печей, литейныхъ мастерскихъ и т. д. — цѣнностью изготовленныхъ на этомъ заводѣ рельсъ, стальныхъ балокъ, кровельнаго желѣза или металлической посуды, ножей и ножницъ, если они тамъ изготовляются. При этомъ, въ каждомъ такомъ случаѣ, цѣнность эта измѣряется не полезностью всѣхъ вообще произведенныхъ въ данномъ предпріятіи предметовъ, а предѣльной полезностью наименѣе важныхъ изъ нихъ: сукна самаго худшаго качества, которое есть еще расчетъ выдѣлывать, какихъ-либо ножницъ или ножей, если они оказываются наименѣе значительными по своей предѣльной полезности изъ всѣхъ изготовленныхъ на металлургическомъ заводѣ предметовъ и т. д. Рѣшающей инстанціей, въ конечномъ счетѣ, черезъ рядъ посредствующихъ ступеней, является предѣльная полезность наименѣе цѣнныхъ благъ низшаго порядка, непосредственно служащихъ для удовлетворенія нашихъ потребностей. Вѣдь только въ отношеніи этихъ послѣднихъ въ полныя права вступаетъ индивидуальная, субъективная оцѣнка потребителя, психологія котораго лежитъ въ основѣ всѣхъ построеній школы предѣльной полезности.

Вообще, можно сказать, что цѣнность, придаваемая благамъ высшаго порядка на основаніи значенія (полезности) благъ низшаго порядка, выдвигаетъ точку зрѣнія потребителя; обратная теорія, объясняющая цѣнность благъ низшаго порядка (средствъ потребленія) цѣнностью пошедшихъ на ихъ изготовленіе благъ высшаго порядка (средствъ производства), выдвигаетъ точку зрѣнія производителя. — Это подходъ къ одной и той же вещи съ двухъ противоположныхъ сторонъ. На нашъ взглядъ, вторая точка зрѣнія методологически болѣе подходитъ къ теоріи народнаго хозяйства, описывающаго процессы, лишь ведущіе къ конечной цѣли, которой является потребленіе. Кромѣ того необходимо отмѣтить, что установленіе цѣнности благъ высшаго порядка въ зависимости отъ предѣльной полезности, а, слѣдовательно, и цѣнности будущихъ благъ, при помощи ихъ произведенныхъ, ставитъ вообще цѣнность первыхъ на очень шаткую почву. Цѣнность, напримѣръ, всѣхъ приспособленій и оборудованія суконной фабрики опредѣляется, становясь даже на точку зрѣнія разсматриваемой нами теоріи, не цѣнностью соотвѣтственнаго количества уже имѣющагося въ наличности сукна, а — лишь цѣнностью (мы здѣсь ставимъ этотъ терминъ вмѣсто „предѣльной полезности“ для большаго упрощенія) того сукна, которое еще только имѣетъ быть изготовлено и которое можетъ быть какъ дороже, такъ и дешевле уже существующаго. (Правильнѣе было бы сказать для того, чтобы не вводить уже сейчасъ элементъ цѣны: „можетъ представлять какъ бо́льшую, такъ и меньшую цѣнность по сравненію съ уже существующимъ“).

[1]) Böhm-Bawerk. o. c. S. 221.

Такая конструкція ставитъ вопросъ опредѣленія цѣнности благъ высшаго порядка на очень шаткую и неопредѣленную почву. — Здѣсь особенно и проступаетъ натяжка объясненія цѣнности благъ высшаго порядка съ одной только точки зрѣнія потребителя. Вѣдь тутъ приходится имѣть въ виду вѣроятную цѣнность только еще *будущаго* блага, т. е. предполагается все же расчетъ *производителя*, что выдвигаетъ совершенно иной подходъ къ дѣлу, едва ли могущій мириться съ такой неопредѣленностью расцѣнки находящагося въ рукахъ у производителя запаса благъ (фабрика, сырье, заработная плата и т. д.).

Здѣсь выступаетъ наиболѣе ярко слабая сторона теоріи предѣльной полезности, хорошо объясняющей процессъ индивидуальныхъ расцѣнокъ, субъективную сторону конструкціи потребленія, но становящейся въ тупикъ передъ болѣе объективной стороной хозяйственной жизни — вопросами производства. Школа предѣльной полезности во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ и примѣрахъ исходитъ всегда изъ какъ бы уже заранѣе даннаго запаса благъ; данъ-ли онъ природой, какъ въ примѣрахъ изъ примитивныхъ условій жизни, или созданъ производствомъ въ болѣе современной обстановкѣ. Все равно, въ томъ и другомъ случаѣ дѣло идетъ только объ относительныхъ расцѣнкахъ, выборѣ между уже существующими благами и установленіемъ для нихъ индивидуальной скалы цѣнности, исходящей изъ субъективнаго представленія о предѣльной полезности тѣхъ или иныхъ благъ, могущей быть установленной только для отдѣльнаго лица, да и для этого послѣдняго только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Вѣдь и индивидуальныя расцѣнки того-же самаго субъекта очень измѣнчивы, въ зависимости отъ обстоятельствъ, и значительно колеблются отъ случая къ случаю. Здѣсь тоже получается, какъ мы знаемъ, опять таки только оцѣнка относительной, а не абсолютной полезности. Сравненіе предѣльной полезности разныхъ родовъ благъ было бы мыслимо при необходимости производства выбора, но всегда только въ качествѣ индивидуальнаго случая и на основаніи совершенно субъективныхъ ощущеній потребности въ нихъ. Кромѣ того, вообще, все такого рода разсужденіе о предѣльной полезности примѣнимо только по отношенію къ свободно замѣнимымъ вещамъ. Въ отношеніи же предметовъ, которыми пользуются въ отдѣльности или въ небольшомъ числѣ, оно уже оказывается неудачнымъ [1]).

Въ этой части ученія разсматриваемой нами школы о цѣнности благъ высшаго порядка, средствъ производства, находится ея наиболѣе слабое, наиболѣе уязвимое мѣсто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ пунктъ подводитъ насъ вообще къ слабости общей ея конструкціи, какъ теоріи общественнаго, народнаго хозяйства. Въ вопросѣ же индивидуальныхъ расцѣнокъ, распредѣленія хозяйствующимъ и еще болѣе — потребляющимъ субъектомъ уже го-

[1]) См. Lexis. Allgemeine Volkswirtschaftslehre, Berlin und Leipzig. 1910 S. 29 30.

товыхъ благъ, теорія даетъ очень много удачнаго и остроумнаго. Но все это въ ней говорится и объясняется въ предположеніи, что блага имѣются уже готовыми. Въ первобытныхъ условіяхъ ихъ даетъ окружающая природа, въ условіяхъ мѣнового хозяйства — рынокъ. Но для того, чтобы попасть на рынокъ, блага должны быть сначала произведены, да и въ условіяхъ примитивной обстановки для того, чтобы воспользоваться даже и, такъ называемымъ, даровымъ благомъ, нужно затратить извѣстное количество труда, усилій, т. е. тоже ввести элементъ производства, хотя бы и въ видѣ дѣятельности захватнаго характера. Дико растущіе плоды или ягоды должны быть собраны, что требуетъ извѣстныхъ усилій, вода изъ источника, если она нужна для домашнихъ нуждъ, должна быть принесена, можетъ быть издалека, если только источникъ не находится тутъ же у жилья. Въ Менгеровскомъ примѣрѣ относительно находящагося въ изобиліи и потому не имѣющаго цѣнности лѣса, за исключеніемъ нѣсколькихъ нужныхъ жителямъ деревни стволовъ, упускается изъ вида, что эти деревья для того, чтобы ихъ можно было использовать для топлива или постройки, должны быть срублены и доставлены въ деревню, т. е. на нихъ должно быть затрачено опредѣленное количество усилій. Чѣмъ болѣе сложныя общественныя условія мы возьмемъ, тѣмъ въ большей степени будетъ проявляться этотъ моментъ, т. е. выдвигаться факторъ производства, необходимости затраты опредѣленнаго труда. Рядомъ съ полезностью выступаетъ для конструированія понятія цѣнности еще и другой моментъ — стоимость, затрата для добыванія того или иного предмета, издержки производства. Рядомъ съ чисто субъективнымъ моментомъ выступаетъ уже моментъ объективнаго порядка.

Полезность предмета и ея относительная расцѣнка сохраняетъ все свое значеніе, но рядомъ съ нею выдвигается болѣе важное, съ точки зрѣнія теоріи общественнаго хозяйства, представленіе о томъ, что большинство нужныхъ намъ предметовъ требуютъ съ нашей стороны для ихъ использованія извѣстныхъ усилій. Кромѣ полезности у всѣхъ предметовъ есть еще и другое свойство, это ихъ большая или меньшая „рѣдкость“, на основаніи которой мы различаемъ „хозяйственныя“ блага отъ „свободныхъ“ или даровыхъ. Понятіе „рѣдкости“ совпадаетъ съ необходимостью затраты для пріобрѣтенія того или иного блага опредѣленнаго количества труда. „Эта хозяйственная рѣдкость благъ можетъ носить или естественный, или общественный, или техническій характеръ, будучи связана съ трудностью производства или какими либо общественными монополіями. Вслѣдствіе же соединенія полезности и рѣдкости въ изложенномъ выше смыслѣ, хозяйственныя блага становятся къ человѣку въ особое отношеніе, которое мы называемъ цѣнностью“ [1]). Послѣднія замѣчанія приводятъ насъ къ мысли о томъ, что рядомъ съ теоріей, исходящей изъ субъективнаго объясненія цѣнности, должны быть поставлены такія, которыя выводятъ эту послѣдную изъ болѣе

[1]) Lexis. o. c S. 31.

объективныхъ моментовъ, которыми являются издержки производства, стоимость, трудъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что теорія предѣльной полезности едва ли можетъ считаться послѣднимъ словомъ въ дѣлѣ объясненія цѣнности, какъ это думали нѣкоторые. Въ свое время Д. С. Милль въ своихъ „Основаніяхъ политической экономіи“ замѣтилъ, что въ области теоріи цѣнности экономическая наука сказала свое послѣднее слово, и теперь уже къ этому объясненію не придется прибавить ничего существенно новаго.[1]) Милль въ этомъ отношеніи оказался неправъ; споры о цѣнности не прекратились до нашего времени. Но, по мнѣнію проф. Туганъ-Барановскаго, теперь пророчество Милля можно повторить съ большей надеждой на успѣхъ. „Теорія предѣльной полезности, говоритъ Туганъ-Барановскій, навсегда останется основаніемъ ученія о цѣнности, — она можетъ быть дополнена и измѣнена въ частностяхъ въ будущемъ, но основныя идеи ея составляютъ κτῆμα εἰς ἀεί (вѣчное сокровище) экономической науки. Въ сущности, эта теорія уже и теперь пользуется почти общимъ признаніемъ — на дѣлѣ, если не на словахъ.“[2]) Послѣднее утвержденіе тоже оказывается преждевременнымъ. До сихъ поръ теорія предѣльной полезности не является общепризнанной даже въ Германіи, гдѣ даже очень близкіе ей по духу ученые все же шли своей особой дорогой,[3]) но вліяніе ея на ходъ и развитіе экономической мысли послѣдняго времени, конечно, отрицать не приходится, при чемъ это вліяніе за послѣднія 10—15 лѣтъ значительно увеличилось. Даже несогласные съ ней писатели принуждены такъ или иначе съ ней считаться.

Теорія эта, какъ мы отмѣчали, „субъективистична.“ Она исходитъ изъ стремленія объяснить явленіе цѣнности изъ субъективныхъ отношеній, субъективнаго отношенія человѣка къ тѣмъ или инымъ благамъ, которыя она разсматриваетъ, какъ явленія, опредѣляемыя, въ первую очередь, субъективными оцѣнками. Вслѣдствіе этого теорія цѣнности съ такой точки зрѣнія носитъ по преимуществу психологическій характеръ. Сторонники теоріи предѣльной полезности должны быть, въ первую очередь, психологами и заниматься психологическими изысканіями. Объ этой сторонѣ ихъ построеній, поскольку они имѣли своей задачей, не смотря на свою умышленную общепонятность, построеніе спеціальныхъ научно-методическихъ понятій, можетъ судить только спеціальная критика представителей психологической науки. Эта же послѣдняя была до сихъ поръ не слишкомъ

---

[1]) Д. С. Милль. Основанія политической экономіи. Перев. подъ ред. Остроградскаго, стр. 390.

[2]) Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи. 4 изд., стр. 60.

[3]) Karl Diehl. Die Entwicklung der Wert- und Preistheorie im 19 Jahrhundert, S. 64 въ „Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im XIX Jahrhundert (Festgabe für Schmoller). Erster Teil, Leipzig, 1908.

благопріятна для маргинилистовъ (сторонниковъ ученія предѣльной полезности).[1]) Въ первую очередь, въ этой критикѣ идетъ рѣчь о томъ, являются ли употребляемыя въ данной теоріи основныя психологическія понятія, такія, какъ „полезность", „польза" вообще и „предѣльная полезность" въ особенности, — ясными и пріемлемыми психологическими понятіями, являются ли они измѣримыми въ отношеніи количества и интенсивности, — какимъ образомъ ихъ можно и можно ли вообще измѣрять и т. п. Не слишкомъ удовлетворительное разрѣшеніе этихъ вопросовъ съ одной стороны и проблематичность соединенія такихъ разнородныхъ составныхъ частей, какъ теорія полезности и оцѣнокъ и теорія мѣновой цѣнности, въ одно объединяющее ихъ цѣлое съ другой, — являются однимъ изъ главныхъ основаній, почему теорія предѣльной полезности не могла добиться всеобщаго признанія. Но у нея, какъ мы знаемъ, есть преимущество извѣстнаго единства. Она объясняетъ явленіе цѣнности, исходя изъ одного принципа и представляется поэтому наиболѣе единообразной, всеобщей теоріей цѣнности. Насколько удачно рѣшаетъ она при этомъ свою задачу, мы уже видѣли[2]). Мы въ своемъ изложеніи постарались освѣтить какъ сильныя ея, такъ и слабыя стороны.

Критическія наши замѣчанія по вопросу о субъективномъ обоснованіи ученія о цѣнности привели насъ къ сопоставленію двухъ родственныхъ понятій, которыя, къ тому же, иногда еще и смѣшиваются, — цѣнности и стоимости.

Что это два совершенно различныхъ понятія, ясно всякому, кто сколько-нибудь задумается надъ этими опредѣленіями. Что они представляютъ собой нѣчто разное, можно заключить даже изъ простого разговорнаго языка. Мы неоднократно говоримъ: „эта малоцѣнная вещь стоитъ мнѣ очень много", или, наоборотъ: „я цѣню эту вещь очень высоко, хотя она стоитъ мнѣ очень мало" и т. д. Цѣнность есть наша оцѣнка той или иной вещи, какъ извѣстнаго результата, пріобрѣтенія, которымъ мы пользуемся. Мѣновая цѣнность, какъ мы уже знаемъ, представляетъ собой способность блага къ пріобрѣтенію въ обмѣнъ на него другихъ благъ. Въ томъ и другомъ случаѣ — это извѣстный результатъ, это въ нашемъ представленіи плюсъ, большій или меньшій, смотря по обстоятельствамъ. Стоимость — нѣчто противоположное этому понятію, или, вѣрнѣе, не столько противоположное, сколько подходъ къ тому же предмету съ другой стороны. Стоимость есть указаніе количества затрудненій, которыя намъ нужно было преодолѣть для достиженія извѣстной цѣли, стоимость — это — пожертвованіе. Цѣн-

---

[1]) См. объ этомъ Kraus. „Zur Theorie des Wertes", Halle, 1901 и „Grundlagen der Werttheorie" въ „Jahrbücher der Philosophie", II Bd. 1914.

[2]) См. по поводу этой теоріи еще Alfred Ammon. Der Stand der reinen Theorie въ „Die Wirtschaftswissenschaft nach dem Kriege." (Festgabe für Lujo Brentano), München, 1925, II. Band, S. 279—281.

ность есть цѣль, стоимость — средство для этой цѣли, или, подходя къ этому вопросу болѣе съ бухгалтерской точки зрѣнія, это какъ бы съ одной стороны получка, съ другой — затрата.

Изъ того, что нами сказано выше, а также изъ опредѣленія понятія хозяйственнаго блага, ясно, что всѣ предметы, обладающіе мѣновою цѣнностью представляютъ собой и стоимость. Ибо и всѣ продукты, являющіеся дарами природы, какъ дико растущій лѣсъ, плоды, ягоды въ дикомъ состояніи, какъ мы уже отмѣчали выше, требуютъ для ихъ использованія затраты извѣстнаго труда. Съ этой точки зрѣнія совершенно неправильно утвержденіе, будто такіе предметы „обладая цѣнностью, не имѣютъ никакой абсолютной стоимости, — они являются дарами природы и этимъ существенно отличаются отъ предметовъ, имѣющихъ не только цѣнность, но и стоимость.“[1]) Приводимый для доказательства этого положенія примѣръ метеорита, упавшаго съ неба и заключающаго въ себѣ желѣзную руду, и сравненіе этой послѣдней съ такой же рудой, полученной изъ желѣзнаго рудника, при чемъ обѣ онѣ обладаютъ цѣнностью, но въ то время, какъ руда изъ рудника представляетъ собой и стоимость, такъ какъ стоила извѣстной затраты труда, а руда изъ метеорита такой стоимости не имѣетъ, ибо получена нами даромъ — ничего не доказываетъ. Какъ лѣсу придается значеніе только тогда, когда онъ будетъ приведенъ въ обладаніе человѣка, т. е. когда къ нему будетъ приложенъ трудъ, такъ и со всѣмъ остальнымъ. Всѣ предметы, имѣющіе цѣнность, представляютъ и стоимость, ибо для того, чтобы перевести ихъ въ наше обладаніе, нужна затрата хозяйственнаго труда. Такое исключительное явленіе, какъ указанный въ примѣрѣ метеоритъ, вообще ничего не доказываетъ, ибо теорія никогда не выводится изъ исключеній, а изъ общихъ правилъ, среднихъ, обычныхъ явленій. Но, даже если разбирать данное явленіе по существу, само по себѣ, изъ него не получится вывода о несовпаденіи цѣнности и стоимости. Между желѣзной рудой въ метеоритѣ и находящейся въ рудникѣ нѣтъ, по существу, никакого различія. И та, и другая даны даромъ природой. Весь вопросъ лежитъ только въ томъ, чтобы человѣку вступить въ обладаніе ими. Руду изъ рудника достать стоитъ больше усилій, ибо ее нужно еще поднять на поверхность, а метеоритъ лежитъ уже на землѣ, но если онъ упалъ далеко отъ людского жилья, то, все равно, будетъ стоить извѣстныхъ усилій или затраты его привозъ. Здѣсь вопросъ можетъ идти только о разной величинѣ стоимости, такъ же, какъ эта послѣдняя будетъ проявляться въ разной степени, въ зависимости отъ богатства рудника рудой и большей или меньшей близости ея отъ земной поверхности. Такимъ образомъ, цѣнность руды одинакова, но стоимость ея, въ смыслѣ затратъ, можетъ быть очень различна — явленіе, обнаруживающееся, въ первую очередь въ отношеніи продуктовъ сель-

[1]) Туганъ-Барановскій. Основы etc. стр. 56.

скаго хозяйства и создающее экономическіе результаты, съ которыми намъ придется встрѣтиться въ другихъ отдѣлахъ курса.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, предметы, имѣющіе цѣнность, отличаются и стоимостью, хотя эта послѣдняя, при одной и той же цѣнности предметовъ, можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ не одинакова Но, во всякомъ случаѣ, ясно, что это два совершенно различныхъ понятія. Противопоставленію этихъ двухъ словъ русскаго языка совершенно точно соотвѣтствуетъ противопоставленіе въ нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ словъ Wert, value — цѣнность, словамъ Kosten, Cost — стоимость[1]).

Всякое экономическое понятіе о цѣнности, такимъ образомъ, какъ мы видимъ, исходитъ либо изъ представленія о полезности благъ, либо изъ представленія о той жертвѣ или иначе — стоимости, издержкахъ, которыхъ стоитъ ихъ добываніе. Эти двѣ исходныхъ точки являются основаніемъ двухъ главнѣйшихъ группъ теорій, объясняющихъ цѣнность: теорій, исходящихъ изъ полезности, и теорій, строящихъ свои объясненія на стоимости, издержкахъ. Остальныя теоріи представляютъ, по большей части, извѣстное эклектическое объединеніе обѣихъ вышеуказанныхъ точекъ зрѣнія Съ наиболѣе развитой и современной теоріей первой группы мы уже познакомились въ предшествующемъ изложеніи, теперь намъ нужно подойти къ разсмотрѣнію второй группы — теорій, объясняющихъ понятіе цѣнности издержками производства. Изъ этихъ теорій издержекъ производства самое большое и важное мѣсто въ научно-литературномъ развитіи занимаетъ теорія классической школы политической экономіи.

Теорія издержекъ производства или стоимости, въ противоположность

---

[1]) См. Предисловіе къ русскому переводу перваго тома „Капитала“ Маркса подъ ред. П. Струве СПБ. 1899, стр. XXVIII и слѣд., а также Туганъ-Барановскій. Основы etc. стр. 62. Въ русской экономической литературѣ, особенно марксистской, очень частымъ было смѣшеніе этихъ понятій, подставленіе слова „стоимость“ вмѣсто „цѣнность“ съ отданіемъ предпочтенія первому, такъ что въ большинствѣ случаевъ слово „Wert“ переводится „стоимость“. Такое неправильное словоупотребленіе было введено и закрѣплено первымъ переводчикомъ „Капитала“ на русскій языкъ, и съ тѣхъ поръ очень прочно внѣдрилось Современные русскіе „марксисты“ — коммунисты до сихъ поръ продолжаютъ настаивать на переводѣ термина „Wert“ словомъ „стоимость“. Это мы встрѣчаемъ въ новомъ изданіи перевода „Капитала“ подъ редакціей Базарова и Степанова, въ переводѣ „Финансоваго Капитала“ Гильфердинга (пер. Степанова) и другихъ соотвѣтственныхъ изданіяхъ, хотя бы напримѣръ, сборникѣ статей ряда теоретиковъ марксизма подъ заглавіемъ „Основные проблемы политической экономии“ (изд. 1922 г.). Чуть ли не единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи является Н. Бухаринъ, очевидно, проникшійся по этому вопросу соображеніями „буржуазной“ научной критики. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, положимъ, и другіе авторы, какъ Дволайцкій и Рубинъ, принуждены, когда рѣчь идетъ о субъективной оцѣнкѣ, также дѣлать эту уступку и замѣнять освященный русской марксистской традиціей терминъ „стоимость“ — „цѣнностью“. См. предисловіе къ сборнику „Основные проблемы политической экономии“, 1922, стр. VIII.

теоріи предѣльной полезности, носитъ по преимуществу объективный характеръ. Конечно, и въ ней есть, какъ мы еще будемъ имѣть случай указать, нѣкоторые элементы субъективизма, точно такъ же, какъ и обратно субъективная теорія предѣльной полезности включаетъ въ себя извѣстные объективные моменты. Теорія издержекъ производства ведетъ свое начало отъ Адама Смита, а свое наиболѣе опредѣленное выраженіе она получила у Рикардо. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и разработкѣ она наиболѣе обязана трудамъ Джона Стюарта Милля, Кэри и Кэрнса, съ изложеніемъ котораго въ этомъ отношеніи можно считаться въ первую очередь[1]).

Эта теорія сразу же опредѣленно различаетъ потребительную и мѣновую цѣнность. Потребительная цѣнность, идентифицируемая съ полезностью благъ, основывается исключительно на приносимой этими послѣдними пользѣ. Что касается мѣновой цѣнности, то здѣсь проводится рѣзкое различіе между такими предметами, количество которыхъ можетъ быть въ любомъ размѣрѣ увеличено при помощи производства, и такими, которыхъ нельзя создавать по желанію, — предметами рѣдкости. Цѣнность послѣднихъ, въ качествѣ которыхъ обыкновенно указываютъ рѣдкія статуи и картины, старинныя книги и монеты, особые сорта винъ и вообще вещи, являющіяся продуктами естественной или искусственной монополіи, — опредѣляется съ одной стороны настоятельностью желанія къ ихъ пріобрѣтенію, а съ другой — ихъ рѣдкостью.

Въ отношеніи предметовъ, количество которыхъ можетъ быть увеличиваемо по желанію, различаются опять таки два момента. Тутъ приходится проводить различіе между нормальной, или какъ ее называетъ А. Смитъ, естественной цѣнностью и между, такъ называемой, рыночной цѣнностью, или цѣной. Первая, которая является какъ бы извѣстнымъ средоточіемъ, къ которому постоянно стремятся цѣны всѣхъ товаровъ и отъ котораго онѣ отклоняются только временно, опредѣляется издержками производства этихъ товаровъ, ихъ стоимостью. Вторая — опредѣляется исключительно временнымъ соотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ на рынкѣ, являясь чѣмъ то болѣе случайнымъ.

Все вниманіе представителей классической теоріи было направлено, по преимуществу, на первый изъ указанныхъ видовъ цѣнности; ему посвящены почти всѣ ихъ изслѣдованія въ данной области. Что касается элементовъ, составляющихъ понятіе стоимости производства, то, по мнѣнію классиковъ, они слагаются изъ труда, воздержанія капиталиста и, какъ это еще прибавляютъ нѣкоторые, производственнаго риска[2]). Дальнѣйшій вопросъ о томъ, является ли издержками производства (стоимостью) то пожертвованіе, котораго намъ стоило созданіе данныхъ благъ, или же — тѣ

---

[1]) См. Cairnes. Some Leading Principles of Political Economy, въ русск. переводѣ: Д. Э. Кэрнсъ. пер. М. Туганъ-Барановскаго, изд. Солдатенкова. Москва. 1897. Нѣкоторые основные принципы политической экономіи.

[2]) См. Кэрнсъ, указан. соч. стр. 65-66.

затраты, которыя должны быть вызваны ихъ созданіемъ вновь, ихъ воспроизводствомъ, разрѣшается со временъ Кэри во второмъ смыслѣ, т. е. въ пользу издержекъ воспроизводства. Наконецъ, въ виду неодинаковости высоты издержекъ производства различныхъ предметовъ одного и того же рода, фигурирующихъ въ мѣновомъ оборотѣ, возникаетъ вопросъ, какія изъ нихъ являются опредѣляющимъ моментомъ, и — разрѣшается въ томъ смыслѣ, что на цѣнность вліяютъ наиболѣе высокія издержки, необходимыя еще для обезпеченія рынка нужными товарами. Къ этимъ общимъ положеніямъ присоединяется еще цѣлый рядъ модифицирующихъ обстоятельствъ, многія изъ которыхъ довольно подробно разбираются въ уже указанномъ нами произведеніи Кэрнса.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, теорія классической школы и длиннаго ряда ея послѣдователей. Разсматривая ея характерныя особенности, мы видимъ, что она отличается извѣстнаго рода двойственностью. Цѣнность благъ она разсматриваетъ, исходя не изъ одного общаго принципа, а изъ двухъ: отдѣльно для благъ воспроизводимыхъ и отдѣльно для предметовъ рѣдкости. Если же принять еще въ соображеніе различіе, проводимое между естественной и рыночной цѣнностью и тѣми основаніями, которыя въ нихъ проявляются, то у насъ окажутся въ наличіи даже цѣлыхъ три принципа.

Второй особенностью теоріи классической школы является ея стремленіе разсматривать цѣнность благъ, т. е. условія ихъ мѣнового оборота въ качествѣ обстоятельствъ, зависящихъ, по преимуществу, отъ внѣшнихъ „объективныхъ“ факторовъ, лежащихъ внѣ сферы вліянія обмѣнивающихся индивидуумовъ и совершенно независимыхъ отъ субъективныхъ нуждъ и желаній этихъ послѣднихъ. Теорія эта была съ такой точки зрѣнія весьма „объективистична“. Но рядомъ съ этой объективистичностью, въ нее съ двухъ сторонъ входилъ и субъективный элементъ. Во первыхъ, въ отношеніи тѣхъ предметовъ, цѣнность которыхъ не могла опредѣляться издержками производства или воспроизводства, т. е. предметовъ рѣдкости, по отношенію къ которымъ выступали на сцену только одни субъективныя основанія, въ видѣ большей или меньшей „склонности“ и платежеспособности ихъ потребителей. Во вторыхъ, тотъ же субъективный элементъ обнаруживался и тогда, когда замѣчались отклоненія такъ называемой рыночной цѣнности отъ естественной, при которыхъ играли роль спросъ и предложеніе, тоже проникнутые, по крайней мѣрѣ отчасти, субъективными мотивами.[1])

Изъ вышеизложенной теоріи классической школы, опредѣлявшей собою цѣлый періодъ въ экономической наукѣ, да и сейчасъ играющей еще замѣтную роль въ ученіи такъ называемыхъ „неоклассиковъ“ (въ Англіи и Америкѣ), вытекаетъ, какъ извѣстное ея дальнѣйшее развитіе и модификація, такъ называемая трудовая теорія цѣнности. Эта теорія въ томъ

[1]) A. Ammon. Der Stand der reinen Theorie etc. S. 274—276.

отношеніи модифицируетъ ученіе классиковъ, что сводитъ всѣ издержки производства исключительно къ затратѣ человѣческой силы. Всякія капитальныя затраты, выражающіяся въ запасахъ сырья, идущихъ въ переработку, разнообразныхъ машинахъ и орудіяхъ, трактуются трудовой теоріей тоже въ качествѣ трудовыхъ затратъ, но только сдѣланныхъ въ предшествующіе періоды времени и пошедшихъ на изготовленіе этихъ предметовъ. Остальные элементы производства, какъ, напримѣръ, участвующія въ производствѣ силы природы или, такъ называемое „воздержаніе“ капиталиста попросту сбрасывается этой теоріей со счетовъ.

Начатки трудовой теоріи нужно искать въ отдаленномъ прошломъ. Она была, какъ мы знаемъ, выдвинута еще первыми комментаторами Аристотеля, но еще болѣе замѣтно проявляется этотъ мотивъ, хотя и въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній, у такихъ мыслителей, какъ Гоббсъ и Локкъ. Изъ экономистовъ она намѣчалась уже у Вильяма Петти, но болѣе всего обязана она своимъ прочнымъ введеніемъ въ экономическую науку Адаму Смиту. Какъ замѣтилъ удачно Визеръ, у Адама Смита имѣются, собственно говоря, двѣ теоріи цѣнности: философская и эмпирическая.[1])

Философская теорія Адама Смита — это трудовая теорія цѣнности. Его „Богатство народовъ“ сразу же начинается съ указанія на значеніе труда, какъ создателя всѣхъ цѣнностей, всего народнаго благосостоянія. „Годовой трудъ составляетъ главное средство, ежегодно доставляющее народу всѣ предметы, удовлетворяющіе его первымъ потребностямъ и служащіе для удобства его жизни; и всѣ эти предметы, или производятся непосредственно его трудомъ, или вымѣниваются у другихъ народовъ на произведенія его труда“ [2]). Переходя отъ этого общаго установленія значенія труда для нашего благосостоянія къ опредѣленію того, что представляетъ собой дѣйствительная цѣна или цѣнность (терминологія у Адама Смита недостаточно выдержана) того или иного предмета, Смитъ говоритъ, что, вслѣдствіе необходимости получать многое для удовлетворенія нашихъ потребностей отъ другихъ людей при помощи мѣновыхъ актовъ, мы цѣнимъ каждую вещь по тому, что она намъ приноситъ въ процессѣ обмѣна, а въ этомъ послѣднемъ мы вымѣниваемъ продукты своего труда на продукты чужого. „Цѣнность каждой вещи для хозяина ея, если онъ не думаетъ пользоваться ею и употреблять ее самъ, а намѣренъ промѣнять ее на другую вещь, равна количеству труда, какое онъ можетъ купить или заказать на нее. Слѣдовательно, трудъ есть дѣйствительная мѣра мѣновой цѣнности

---

[1]) Böhm-Bawerk. Art. „Wert“ im Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 3 Aufl. Jena. 1911, VIII Bd. S. 762.

[2]) Адамъ Смитъ. Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ, пер. Бибикова, стр. 91.

всякаго товара“ [1]). И развивая далѣе ту же мысль, Смитъ въ дальнѣйшемъ подчеркиваетъ, что онъ считаетъ дѣйствительной цѣной или цѣнностью, по сравненію съ нарицательной цѣной товаровъ, выражаемой въ деньгахъ. „Дѣйствительная цѣна каждой вещи, то есть, то, что на самомъ дѣлѣ стоитъ вещь тому, кто желаетъ пріобрѣсть ее, — это трудъ и усилія, какія необходимо употребить для пріобрѣтенія ея. А дѣйствительная цѣнность вещи для того, кто пріобрѣлъ ее и желаетъ сбыть, или промѣнять ее за другую вещь, — это трудъ и усилія, которыя могутъ быть сбережены благодаря обладанію ею, или которыя могутъ быть получены отъ другихъ людей при ея содѣйствіи.“ То обстоятельство, что, при развитіи денежнаго хозяйства, мы обычно пользуемся посредничествомъ денегъ, ничего не мѣняетъ въ сущности нашихъ отношеній, базирующихся въ дѣйствительности на трудѣ, на обмѣнѣ равныхъ трудовыхъ эквивалентовъ. „То, что мы покупаемъ за деньги или вымѣниваемъ за другіе предметы, пріобрѣтаемъ мы трудомъ, точно также какъ то, что получаемъ непосредственными нашими усиліями. Деньги и предметы мѣны избавляютъ насъ, правда, отъ этихъ усилій. Въ нихъ заключается уже цѣнность извѣстнаго количества труда, которое мы мѣняемъ на то, въ чемъ предполагаемъ въ такомъ случаѣ цѣнность такого же количества труда. Трудъ былъ первоначальною цѣною, ходячею монетою при первоначальной покупкѣ. Не золотомъ и не серебромъ, а трудомъ пріобрѣталось первоначально всякаго рода богатство; а цѣнность послѣдняго для обладающаго имъ человѣка, желающаго обмѣнять его на какія-либо новыя произведенія, совершенно равна количеству труда, какое можетъ быть куплено или заказано за него“ [2]). И то-же самое нѣсколько далѣе еще болѣе опредѣленно: „Трудъ есть единственно всеобщее, какъ и единственно точное мѣрило цѣнностей, единственное средство для сравненія цѣнности различныхъ товаровъ во всѣ эпохи и во всѣхъ странахъ“ [3]). Въ этихъ словахъ какъ будто бы совершенно ясно и опредѣленно высказана „философская“ теорія цѣнности Адама Смита, основывающая эту послѣднюю на трудѣ и, какъ можетъ казаться, на одномъ только трудѣ. Но въ дальнѣйшемъ Смитъ, какъ это у него часто замѣчается, начинаетъ вносить въ высказанное первоначально положеніе оговорки, дополнять философскую абстракцію конкретными поправками на дѣйствительность.

Идея трудовой цѣнности, оказывается, можетъ находить полное свое осуществленіе только въ условіяхъ первобытнаго или примитивнаго состоянія, — обстановка болѣе развитыхъ хозяйственныхъ отношеній заставляетъ

---

[1]) Adam Smith, Wealth of Nations (by M'Culloch), 5 ed., p. 13. См. Адамъ Смитъ. Богатство народовъ, пер Бибикова, стр. 135. Мы иногда, приводя переводъ Бибикова, позволяемъ себѣ вносить въ него маленькія исправленія въ частностяхъ, считаясь съ англійскимъ текстомъ оригинала.

[2]) Adam Smith. o. c. p. 13—14. То же въ перев. Бибикова, стр. 135—136.

[3]) Adam Smith. o. c. p. 16. русск. пер. стр. 145.

вносить въ нее цѣлый рядъ осложняющихъ моментовъ, вытѣсняющихъ трудъ съ первоначально занятаго имъ мѣста исключительнаго фактора цѣнности. Смитъ вноситъ въ дальнѣйшемъ изложеніи эти осложняющія поправки, замѣняющія первоначальную его теорію другой, связанной съ эмпирическимъ наблюденіемъ надъ экономической дѣйствительностью. „Въ первобытномъ, грубомъ состояніи общества, говоритъ Смитъ, предшествующемъ скопленію капиталовъ и обращенію въ собственность земель, единственное условіе для доставленія какого-либо измѣренія предметовъ мѣны, составляетъ, какъ кажется, количество труда, необходимаго для пріобрѣтенія этихъ предметовъ. Если, напримѣръ, у народа, живущаго охотою, приходится затратить въ два раза болѣе труда для того, чтобы убить бобра чѣмъ дикую козу, то естественно, что бобръ будетъ обмѣниваться за двѣ козы, или будетъ стоить двѣ козы. Такимъ точно образомъ, естественно, что произведеніе двухдневнаго или двухчасового труда будетъ стоить вдвое противъ того, что изготовляется однодневнымъ или часовымъ трудомъ“ [1]). Такіе моменты, какъ бо́льшая или меньшая тяжесть извѣстнаго вида труда, особое искусство или ловкость, требуемая при его выполненіи, и т. п. обстоятельства усчитываются при обмѣнѣ и соотвѣтственно выравниваются такъ, что напримѣръ, „произведеніе часового тяжелаго труда нерѣдко можетъ обмѣниваться на произведеніе двухчасового труда, болѣе легкаго“ [2]).

Но такое простое опредѣленіе величины цѣнности трудомъ и только трудомъ существуетъ только до того момента, пока отношенія въ обществѣ крайне просты и когда „продуктъ труда безраздѣльно принадлежитъ работнику“. Какъ только отношенія усложняются, какъ только появляется раздѣленіе на классы, и рядомъ съ трудомъ становятся представители капитала и землевладѣнія, положеніе рѣзко мѣняется. Въ капиталистическомъ, т. е. организованномъ капиталомъ производствѣ появляется рядомъ съ вознагражденіемъ рабочаго изъ цѣнности продукта и вознагражденіе капиталиста или прибыль. Выручка отъ производства или цѣнность, придаваемая работникомъ сырому матеріалу, разбивается на двѣ части, изъ которыхъ одна „покрываетъ содержаніе работника, а другая служитъ для предпринимателя прибылью на его капиталъ, употребленный на заработную плату и на пріобрѣтеніе сырыхъ матеріаловъ.“ Въ такой болѣе сложной обстановкѣ первоначальная простота отношеній между продуктомъ и его творцомъ уже нарушена. „При такихъ условіяхъ все произведеніе труда не принадлежитъ уже одному только работнику. Въ большей части случаевъ послѣднему придется раздѣлить его съ владѣльцемъ капитала, который нанялъ его

---

[1]) Adam Smith, o. c. p. 21—22. Въ русск. пер. Бибикова, стр. 167, это мѣсто переведено по недосмотру невѣрно.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ „Богатства народовъ“ заключается зародышъ того ученія, которое легло у Маркса въ основу его приравненія квалифицированнаго труда простому и измѣренія этимъ послѣднимъ величины цѣнности.

трудъ." Появленіе землевладѣльцевъ, которые „подобно всѣмъ людямъ, стали собирать плоды тамъ, гдѣ не сѣяли, и требовать поземельной ренты даже за естественныя произведенія земли", еще болѣе осложнило первоначальное простое положеніе дѣла. Для работника, прилагающаго свой трудъ къ землѣ, теперь создалась необходимость „уступить собственнику земли часть того, что онъ соберетъ или произведетъ своимъ трудомъ" [1]). Всѣ эти новыя условія препятствуютъ цѣнности выражать собой одинъ только вложенный въ продукты трудъ, а вызываютъ необходимость включенія въ нее также и вознагражденія капитала и земли въ видѣ процента и земельной ренты. Такимъ допущеніемъ Смитъ отклоняется отъ первоначально установленной имъ чистой трудовой теоріи цѣнности и переходитъ ко второй своей болѣе „эмпирической" теоріи издержекъ производства, къ которой склонялся цѣлый рядъ представителей классической школы политической экономіи и ихъ послѣдователей. Но Смитъ не переходитъ рѣшительно на почву второй теоріи и дѣлаетъ цѣлый рядъ оговорокъ, почему его можно считать сторонникомъ и той и другой. Гораздо рѣшительнѣе высказывается по этому поводу Рикардо, который развиваетъ дальше трудовую теорію, создавая уже гораздо болѣе сложное построеніе, имѣющее въ виду цѣлый рядъ осложняющихъ экономическую жизнь моментовъ.

Рикардо слѣдуетъ за Адамомъ Смитомъ какъ въ отношеніи его философской, такъ и эмпирической точки зрѣнія, но первая, т. е. трудовое обоснованіе цѣнности, выражена у него гораздо яснѣе и послѣдовательнѣе. Ставя исходнымъ моментомъ всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій ученіе о цѣнности, Рикардо сразу же выставляетъ свое основное положеніе: „Цѣнность предмета, или количество всякаго другого предмета, за которое онъ обмѣнивается, зависитъ отъ сравнительнаго количества труда, необходимаго на его производство." [2]) — Нужно при этомъ постоянно помнить, что вездѣ, гдѣ Рикардо говоритъ о цѣнности, онъ имѣетъ въ виду мѣновую цѣнность. — И вотъ, въ дальнѣйшемъ онъ отмѣчаетъ, что непремѣннымъ свойствомъ всѣхъ предметовъ, имѣющихъ цѣнность, является ихъ полезность, но рядомъ съ этимъ свойствомъ должны имѣться еще и другія. „Предметы, обладающіе полезностью, говоритъ Рикардо, заимствуютъ свою мѣновую цѣнность изъ двухъ источниковъ: рѣдкости и количества труда, необходимаго на ихъ добываніе."

Разсматривая значеніе обоихъ этихъ источниковъ, онъ указываетъ на такіе предметы, какъ „рѣдкія картины и статуи, рѣдкія книги и монеты, вина особаго качества", цѣнность которыхъ опредѣляется исключительно ихъ рѣдкостью. „Никакой трудъ не въ состояніи увеличить количества такихъ предметовъ, и поэтому цѣнность ихъ не можетъ быть понижена вслѣдствіе

[1]) Adam Smidth. o. c, p. 23, русск. перев. стр. 170.

[2]) Рикардо. Начала политической экономіи, глава I. См. Сочиненія Давида Рикардо въ перев. Н. Зибера. СПБ. 1882. стр. 1.

увеличенія снабженія . . . Она нимало не зависитъ отъ труда, необходимаго на ихъ первоначальное производство, и колеблется, смотря по измѣненію богатства и наклонностей лицъ, желающихъ обладать ими.“ Но онъ сразу же отмѣчаетъ сравнительно скромную роль такого рода вещей въ экономическомъ оборотѣ, указывая, что, „эти предметы составляютъ лишь весьма незначительную часть той массы вещей, которая ежедневно промѣнивается на рынкѣ. Несравненно большая часть тѣхъ предметовъ, которыми желаютъ обладать люди, доставляется трудомъ, и можетъ быть увеличиваема . . . . . до такого предѣла, который почти безграниченъ, если мы расположены расходовать трудъ, необходимый на добываніе ихъ“ [1]). Въ дальнѣйшемъ, поэтому Рикардо и рѣшаетъ говорить только о товарахъ „такого рода, количество которыхъ можетъ возрастать вслѣдствіе приложенія человѣческаго труда и производство которыхъ находится подъ вліяніемъ свободнаго соперничества“. Такіе же товары, по мнѣнію Рикардо, и составляютъ большинство всѣхъ предметовъ, удовлетворяющихъ наши потребности и играющихъ роль въ экономическомъ оборотѣ.

Рикардо начинаетъ свое изслѣдованіе съ разбора простѣйшихъ отношеній, которыя мы видѣли въ первобытномъ обществѣ, т. е. еще до того момента, когда въ экономической жизни начинаютъ играть роль капиталъ и частная собственность на землю. На первыхъ ступеняхъ общественной жизни, говоритъ онъ, мѣновая цѣнность свободно воспроизводимыхъ предметовъ или „правило, установляющее количество одного предмета, которое должно давать въ обмѣнъ за другой, зависитъ почти исключительно отъ сравнительнаго количества труда, употребленнаго на производство каждаго изъ нихъ.“ Въ этомъ пунктѣ Рикардо всецѣло присоединяется къ подобному же положенію Адама Смита, на которое онъ и ссылается, и говоритъ, что „если количество труда, заключенное въ предметѣ, регулируетъ его мѣновую цѣнность, то всякое возрастаніе въ количествѣ труда должно увеличивать цѣнность предмета, на который употребленъ трудъ, точно также, какъ всякое уменьшеніе количества труда должно понижать цѣнность“ [2]). Таково его первое и основное положеніе, вполнѣ примѣнимое для тѣхъ первобытныхъ условій, когда издержки производства тѣхъ или иныхъ благъ опредѣляются исключительно только трудомъ. Но, въ дальнѣйшемъ, Рикардо переходитъ къ усложненію поставленной имъ себѣ задачи, разсматривая вмѣсто первобытнаго общества болѣе современную экономическую обстановку и вводя послѣдовательно въ свою экономическую теорему новыя дополнительныя условія. Такъ, онъ учитываетъ то обстоятельство, что въ развитомъ въ экономическомъ отношеніи обществѣ мы имѣемъ передъ собой трудъ различнаго качества, получающій неодинаковое вознагражденіе. Этотъ фактъ онъ, идя вслѣдъ за Адамомъ Смитомъ и намѣчая пути для Маркса,

[1]) Рикардо. о. с. стр. 2.

[2]) Рикардо. Ibid. стр. 3.

не считаетъ какимъ-либо затрудненіемъ для своей теоріи. „Оцѣнка разнородныхъ качествъ труда приспособляется на рынкѣ скоро и достаточно точно ко всѣмъ практическимъ требованіямъ и въ значительной степени зависитъ отъ сравнительной ловкости рабочихъ и отъ напряженности нхъ труда. Разъ установившаяся сравнительная лѣстница подвергается лишь незначительнымъ измѣненіямъ. Если день рабочаго ювелира стоитъ болѣе, чѣмъ день болѣе простого рабочаго, то это отношеніе давно уже опредѣлилось и заняло надлежащее мѣсто въ ряду цѣнностей.“ [1])

Слѣдующій шагъ Рикардо переводитъ его какъ будто бы уже въ сферу „эмпирической“ теоріи цѣнности Адама Смита, къ переходу отъ чисто трудовой теоріи къ теоріи издержекъ производства. Но, переходя къ ней, онъ продолжаетъ оставаться, и это и составляетъ его отличіе отъ своего предшественника, — все же на почвѣ той же трудовой теоріи. Именно, въ третьемъ отдѣленіи своей первой главы, трактующей о цѣнности, Рикардо вводитъ въ опредѣленіе цѣнности вліяніе капитала, примѣняемаго въ производствѣ, т, е. „орудій, машинъ и зданій, служащихъ производству.“ Но онъ не останавливается, какъ Смитъ, только на поверхности этого явленія, не вводитъ прямо въ цѣнность продукта вознагражденіе капиталиста въ видѣ прибыли, а анализируетъ глубже самое понятіе капитала, сводя этотъ послѣдній опять таки къ труду, но только предшествующему, затраченному предварительно на созданіе элементовъ, входящихъ въ понятіе капитала. Такимъ образомъ, и при принятіи въ соображеніе необходимости возмѣщенія капитальныхъ затратъ, вознагражденія капиталиста, оно сводится, въ концѣ концовъ, къ тому же труду, и установленный Рикардо основной принципъ цѣнности остается въ полной силѣ.

Это введеніе въ сферу разсужденія капитала только усложняетъ проблему, но не мѣняетъ ея сущности. Если взять, напримѣръ, производство бумажныхъ чулокъ изъ привозимаго моремъ хлопка, то какія либо усовершенствованія въ процессѣ ихъ изготовленія, а, слѣдовательно, и сокращеніе количества необходимаго для этого труда, должны вліять понижающимъ образомъ на ихъ мѣновую цѣнность. Усовершенствованія капиталистическаго производства, сберегая человѣческій трудъ, понижаютъ поэтому цѣнность продуктовъ. „Еслибы потребовалось менѣе рукъ на производство хлопка, если бы стало употребляться менѣе матросовъ на кораблѣ, или менѣе плотниковъ при сооруженіи корабля, который привезъ хлопокъ къ намъ, еслибы менѣе людей было занято при постройкѣ зданій и машинъ, или, если бы, по сооруженіи ихъ, увеличилась производительность машинъ, то цѣнность чулокъ неизбѣжно упала бы, и владѣлецъ ихъ сталъ бы, слѣдовательно, располагатъ меньшимъ количествомъ другихъ вещей. Они понизились бы потому, что на ихъ производство стало бы требоваться меньше труда, и въ

[1]) Рикардо. о. с. стр. 8.

обмѣнъ за нихъ стали бы, поэтому, давать меньше другихъ вещей, въ производствѣ которыхъ не было сдѣлано подобнаго сбереженія труда. — Сбереженіе труда всегда и неизбѣжно понижаетъ относительную цѣнность товара — все равно, произошло ли оно въ трудѣ, необходимомъ на производство самаго товара, или въ трудѣ, потребномъ на образованіе капитала, при помощи котораго производится товаръ.“ [1]) Такимъ образомъ, всѣ капитальныя затраты сводятся къ труду, и трудъ, въ какой бы то ни было сложной и отдаленной формѣ, остается главнымъ факторомъ, опредѣляющимъ цѣнность.

Вхожденіе въ производство капитала значительно осложняетъ первоначальную простоту отношеній. Еще болѣе осложненія вносится тѣмъ обстоятельствомъ, что капиталы въ производствѣ носятъ неодинаковый характеръ, отличаясь неодинаковой прочностью, раздѣляясь на такъ называемые капиталы основные и оборотные. Здѣсь выступаетъ уже на сцену моментъ времени, неодинаковая продолжительность производства, которая въ дальнѣйшемъ привлекаетъ еще большее вниманіе Рикардо. „Если бы, говоритъ Рикардо, люди обходились въ производствѣ вовсе безъ машинъ, а употребляли бы одинъ только трудъ, и если бы продолжительность труда, отъ начала производства до доставки товаровъ на рынокъ, была одинакова, то мѣновая цѣнность товаровъ въ точности соотвѣтствовала бы количеству затраченнаго труда. Точно также, если бы они употребляли капиталъ одной и той же цѣнности и одной и той же прочности, то и въ этомъ случаѣ цѣнность произведенныхъ товаровъ была бы одинакова и измѣнялась бы только подъ вліяніемъ большаго или меньшаго количества труда, посвященнаго на ихъ производство.“ [2]) Но въ дѣйствительности положеніе часто оказывается совершенно инымъ. Количество затраченнаго капитала и его составъ въ различныхъ предпріятіяхъ оказываются совершенно неодинаковыми, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, неодинаково и время ихъ производства, т. е. тотъ срокъ, который проходитъ до момента готовности продукта и его обращенія въ продажу. Если принять въ соображеніе большую или меньшую прочность капиталовъ двухъ предпріятій, говоритъ Рикардо, или, что „то же самое, тотъ промежутокъ времени, который долженъ пройти прежде, чѣмъ можетъ быть доставленъ на рынокъ извѣстный сортъ товаровъ, то цѣнность ихъ не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать количеству труда, служащаго для ихъ производства.“ Цѣнность эта будетъ стремиться вознаградить соотвѣтственную отрасль производства „за болѣе продолжительное время, которое должно пройти, пока наиболѣе дорогой продуктъ можетъ быть пущенъ въ продажу.“ [3]) Такимъ образомъ „товары, на производство которыхъ затрачены одинаковыя количества труда, будутъ имѣть различную мѣновую цѣнность, если они не

---

[1]) Рикардо о. с. стр. 11.

[2]) Рикардо о. с. стр. 15.

[3]) Ibid. стр. 16.

могутъ быть доставлены на рынокъ въ теченіи одного и того-же времени.“ Здѣсь Рикардо вводитъ уже совершенно опредѣленно въ установленіе размѣра цѣнности новый моментъ, которымъ является прибыль, вознаграждающая за удлиненное время производства, о чемъ онъ самъ говоритъ въ достаточно ясныхъ выраженіяхъ. „Различіе въ цѣнности товаровъ . . . . . зависитъ отъ того, что прибыль накопляется въ качествѣ капитала и составляетъ единственное справедливое вознагражденіе за время, въ теченіе котораго она не расходовалась.“ [1])

И, наконецъ, останавливаясь еще болѣе подробно на этомъ моментѣ, Рикардо отмѣчаетъ, что, не смотря на независимость величины относительной цѣнности отъ общаго повышенія или пониженія заработной платы, такое измѣненіе будетъ происходить подъ вліяніемъ „неодинаковой прочности капитала и большей или меньшей быстроты, съ которой онъ возвращается къ предпринимателю“. Между заработной платой и прибылью существуетъ обратная зависимость, какъ это указываетъ Рикардо въ дальнѣйшихъ главахъ своего изслѣдованія и какъ мы въ дальнѣйшемъ будемъ еще имѣть случай убѣдиться. „Поэтому, говоритъ Рикардо, всякое увеличеніе задѣльной платы, или, что то-же самое, всякое пониженіе прибыли ведетъ къ уменьшенію относительной цѣнности товаровъ, произведенныхъ при помощи прочнаго капитала и, наоборотъ, къ соотвѣтственному возвышенію цѣнности тѣхъ продуктовъ, которые произведены посредствомъ капитала менѣе долговѣчнаго“ [2]). Это происходитъ благодаря тому, что въ производствѣ товаровъ, произведенныхъ при помощи машинъ, быстро изнашивающихся, на продуктъ переносится значительная доля труда, въ производствѣ же товаровъ, производимыхъ машинами болѣе прочными, т. е. болѣе долговѣчными, на продуктъ переходитъ сравнительно меньшее количество труда. Поэтому увеличеніе заработной платы и оказываетъ въ обоихъ этихъ случаяхъ неодинаковое дѣйствіе.

Тутъ вліяніе момента прибыли на цѣнность товаровъ подчеркивается снова въ достаточно ясной формѣ. Это положеніе подтверждается еще разъ самимъ Рикардо въ примѣчаніи къ шестому отдѣлу первой главы, гдѣ онъ, поправляя Мальтуса, говоритъ, что отождествленіе стоимости и цѣнности вполнѣ правильно, если понимать „подъ стоимостью „издержки производства“ со включеніемъ прибыли“ [3]). Уже въ первой главѣ своего главнаго сочиненія Рикардо, такимъ образомъ, совершенно опредѣленно указываетъ на значеніе прибыли, какъ составной части издержекъ производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнности, или, какъ это отмѣчаетъ проф. Маршаллъ, на значеніе, въ качествѣ элемента издержекъ производства, рядомъ съ трудомъ еще и

---

[1]) Ibid. стр. 19.

[2]) Ibid. Стр. 20. Здѣсь уже до нѣкоторой степени предвосхищается Марксовское дѣленіе капиталовъ на капиталы „высокаго“ и „низкаго“ органическаго строенія.

[3]) Рикардо. о. с. стр. 26, примѣчаніе.

момента времени или выжиданія [1]). Еще разъ та же мысль высказывается въ одномъ изъ писемъ Рикардо къ Макъ-Кёллоку, гдѣ онъ говоритъ: „я иногда думаю, что если бы мнѣ пришлось вновь писать главу о цѣнности, помѣщенную въ моей книгѣ, то я призналъ бы, что относительная цѣнность товаровъ регулируется двумя причинами вмѣсто одной, именно: относительнымъ количествомъ труда, необходимаго для производства данныхъ товаровъ, и размѣромъ прибыли (by the rate of profit) за время, въ которое капиталъ оставался спящимъ (dormant), и пока эти товары не были доставлены на рынокъ“ [2]).

Такимъ образомъ, Рикардо включаетъ въ свою теорію въ качествѣ элементовъ, образующихъ цѣнность, трудъ, капиталъ и время, связанное съ большими или меньшими размѣрами прибыли. Въ качествѣ отличія отъ взглядовъ на этотъ предметъ Адама Смита, нужно указать на сведеніе имъ капитальныхъ затратъ къ тому же труду, что придаетъ его теоріи большую цѣльность и что очень существенно въ смыслѣ проникновенія въ самую суть производственныхъ отношеній, и, кромѣ того, Рикардо, въ противоположность Смиту, исключаетъ, въ связи съ своей особой теоріей, о которой намъ еще придется говорить впослѣдствіи, изъ опредѣленія общей суммы издержекъ производства земельную ренту, спеціальный доходъ владѣльца земли, такъ какъ по его мнѣнію, цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ опредѣляется такими условіями производства, гдѣ нѣтъ мѣста особымъ доходамъ землевладѣльца, а въ установленіи издержекъ играютъ роль только трудъ и капиталъ.

Беря самую основу теоріи цѣнности Рикардо, нужно указать, что у него имѣется собственно не одна теорія цѣнности, а двѣ: одна для благъ, относящихся къ категоріи предметовъ рѣдкости, и другая для благъ, количество которыхъ можетъ быть увеличено по нашему желанію. Въ связи съ этимъ, по его мнѣнію, цѣнность опредѣляется въ одномъ случаѣ рѣдкостью, а въ другомъ случаѣ — трудомъ. Сначала у Рикардо, какъ это отмѣчаетъ его новѣйшій критикъ, проф. Аммонъ, говорится о томъ, что цѣнность опредѣляется рѣдкостью и трудомъ, а въ дальнѣйшемъ ходѣ мысли изъ *и* дѣлается *или* и вмѣсто единообразнаго объясненія получается извѣстный дуализмъ, при чемъ вся масса хозяйственныхъ благъ распадается на двѣ совершенно несоединимыя части, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой особый источникъ цѣнности [3]).

Въ дальнѣйшемъ тотъ же авторъ отмѣчаетъ, что предположеніе Рикардо о возможности любого увеличенія количества благъ второй категоріи „если

---

[1]) Alfred Marshall. Principles of economics, p. 816.

[2]) Letters of D. Ricardo to J. R. M. Culloch, edited by Hollander. Publications of the Americ. Econ. Association, vol. X, 1895. pp. 70—71, цит. у В. Я. Желѣзнова, Очерки политической экономіи. 8 изд. стр. 398.

[3]) Alfred Ammon. Ricardo als Begründer der theoretischen Nationalökonomie, Jena 1924. S. 20.

мы только расположены расходовать трудъ, необходимый на добываніе ихъ", совершенно произвольно и неправильно. Количество благъ этого рода тоже ограничено въ зависимости отъ размѣровъ и качества земельной площади, наличія необходимыхъ для этого рабочихъ орудій и матеріаловъ и, самое главное, — отъ достаточнаго количества труда, который тоже ограниченъ въ своемъ запасѣ. Трудъ тоже въ опредѣленномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, трудъ извѣстнаго качества, является относительной рѣдкостью. Такимъ образомъ, и продукты, якобы увеличиваемые по нашему произволу, заключаютъ въ себѣ тоже нѣкоторый элементъ рѣдкости [1]). Всякая цѣнность есть, по мнѣнію Аммона, цѣнность рѣдкости. Правда, первоначальная, естественная рѣдкость благъ можетъ быть искусственно измѣнена, уменьшена благодаря труду, но она не можетъ быть совершенно уничтожена, потому что самъ трудъ является рѣдкимъ, представляетъ цѣнность рѣдкости [2]). Такимъ образомъ, теорія Рикардо можетъ быть исправлена въ томъ смыслѣ, что для всякихъ благъ, кромѣ труда, въ качествѣ опредѣляющаго цѣнность момента, должна быть привлечена еще и рѣдкость [3]).

Мы остановились такъ долго на теоріи Рикардо не только потому, что самъ онъ, по поводу разсмотрѣнія вопроса о цѣнности, говоритъ, что „ни откуда не вытекало столько ошибокъ и такого различія мнѣній въ этой наукѣ, какъ изъ шаткости значенія, которое приписывалось слову цѣнность" [4]), но и вслѣдствіе трудности самаго изложенія у Рикардо, особенно досадной въ виду значенія, которое и до сихъ поръ сохранили его взгляды. Въ отношеніи этой трудности играетъ роль не только то, что онъ, по собственнымъ словамъ, былъ „a poor master of language", плохой мастеръ изложенія, но и вообще недостаточно отдѣлывалъ и развивалъ внѣшнюю форму своихъ мыслей. „Его изложеніе настолько же неясно, насколько его мысль глубока," говоритъ Маршаллъ. И тотъ-же Маршаллъ въ другомъ мѣстѣ подчеркиваетъ, что Рикардо былъ слишкомъ скупъ на слова, что онъ, къ несчастію, находилъ удовольствіе въ короткихъ фразахъ и возлагалъ слишкомъ много на своихъ читателей, надѣясь, что они всегда будутъ въ состояніи дополнить для себя его изложеніе тамъ, гдѣ онъ ограничился для нихъ только намекомъ [5]).

Кромѣ того приходится усчитывать и то обстоятельство, что, несмотря на всю ошибочность многихъ взглядовъ Рикардо, они продолжаютъ сохранять очень большую важность для теоріи экономической науки. Въ этомъ отношеніи характерно мнѣніе цитировавшагося уже нами выше новѣйшаго

---

[1]) Ammon. o. c. S. 18.

[2]) Ammon. o. c. S. 103.

[3]) Проф. Аммонъ излагаетъ это нѣсколько иначе, почти совершенно исключая значеніе труда, но въ остальномъ его мысли вполнѣ соотвѣтствуютъ изложенному.

[4]) Рикардо, о. с. Стр. 3.

[5]) Marschall, Principles, p. 813 and 816.

изслѣдователя Рикардо, профессора Аммона. Хотя онъ признаетъ, что въ экономическомъ построеніи Рикардо едва ли остается нетронутымъ хотя бы одинъ камень, онъ все-же считаетъ, что его „Начала политической экономіи“ еще и до сихъ поръ представляютъ собой не только исходную историческую точку для возникновенія и развитія теоріи экономической науки, но въ то же время и непосредственную основу всякой работы въ этой области. „Фундаментъ науки заложенъ Рикардо, и поэтому каждый долженъ строить свою теорію, начиная съ Рикардо и опираясь на него“ [1]). Вотъ почему намъ по многимъ вопросамъ придется еще не разъ считаться даже съ устарѣвшими и ошибочными мнѣніями этого крупнѣйшаго теоретика классической школы.

И, наконецъ, въ этомъ отношеніи играетъ роль еще одинъ моментъ: значеніе теоріи цѣнности Рикардо для пониманія генезиса идей Маркса, ибо изъ внимательнаго чтенія Рикардо мы выносимъ впечатлѣніе, что у этого послѣдняго, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, находится чрезвычайно большое количество экономическихъ идей Маркса, къ ознакомленію съ теоріей цѣнности котораго мы теперь и переходимъ.

Послѣ того, какъ цѣлый рядъ писателей соціалистическаго направленія — Томпсонъ, Прудонъ, Родбертусъ — выдвигая трудовую точку зрѣнія въ вопросѣ объясненія цѣнности, главнымъ образомъ использовали и опирались на положенія представителей классической школы, Карлъ Марксъ предпринялъ попытку созданія въ этомъ отношеніи болѣе самостоятельной теоріи, хотя и идущей все же, какъ мы уже указали, отъ ученія Рикардо.

Марксъ ставитъ своей задачей изученіе хозяйства капиталистическаго общества. „Богатство обществъ, въ которыхъ господствуетъ капиталистическій способъ производства является огромнымъ скопленіемъ товаровъ,“ — такими словами начинаетъ Марксъ свое главное изслѣдованіе. Первымъ шагомъ, который онъ въ этомъ отношеніи дѣлаетъ, является анализъ товара. Товары отличаются другъ отъ друга различными качествами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладаютъ двумя свойствами: полезностью и способностью обмѣниваться на другіе товары. Марксъ и останавливаетъ свое вниманіе на этомъ послѣднемъ ихъ свойствѣ. На чемъ оно основывается? — Полезныя качества различныхъ вещей до нельзя разнообразны и не могутъ быть основаніемъ того общаго, что объединяетъ ихъ въ мѣновомъ оборотѣ и въ нашей относительной оцѣнкѣ, которую мы называемъ „мѣновой цѣнностью.“ — „Этимъ общимъ, говоритъ Марксъ, не можетъ быть ни геометрическое, ни физическое, ни химическое, ни какое-либо иное естественное свойство товаровъ. Ихъ физическія свойства имѣютъ вообще значеніе лишь постолько, посколько они дѣлаютъ ихъ полезными предметами, т. е. потребительными

[1]) Ammon, o. c. S. 100 u. IV.

цѣнностями. Но съ другой стороны, очевидно, что характернымъ для мѣнового отношенія товаровъ является именно его независимость отъ потребительныхъ цѣнностей ... Какъ потребительныя цѣнности, товары имѣютъ, прежде всего, различныя качества; какъ мѣновыя цѣнности они могутъ разниться лишь количествомъ и не заключаютъ въ себѣ поэтому ни одного атома потребительной цѣнности". Что же является у нихъ при такихъ условіяхъ общимъ? „Если оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность товаровъ, отвѣчаетъ Марксъ, то у нихъ останется только одно свойство, а именно то, что всѣ они — продукты труда. Но разсматриваемый такъ продуктъ труда является существенно инымъ, чѣмъ онъ представлялся намъ раньше. Разъ мы оставляемъ въ сторонѣ его потребительную цѣнность, мы, вмѣстѣ съ этимъ отвлекаемся и отъ всѣхъ тѣхъ физическихъ элементовъ и формъ, которыя дѣлаютъ его потребительной цѣнностью. Это уже больше не столъ, домъ, пряжа или какая либо другая полезная вещь; всѣ его доступныя чувственному воспріятію свойства улетучились. Это также больше не продуктъ столярнаго, плотничьяго, прядильнаго или какого-либо другого опредѣленнаго производительнаго труда. Когда продукты труда перестаютъ быть полезностями, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, воплощенный въ нихъ разнообразный трудъ утрачиваетъ свой полезный характеръ, и, стало быть, различіе конкретныхъ формъ этого труда исчезаетъ: онѣ уже больше не отличаются другъ отъ друга, а всѣ сводятся къ равному человѣческому труду, выражаютъ абстрактный человѣческій трудъ." Что же останется послѣ такого отвлеченія во всѣхъ окружающихъ насъ самыхъ разнообразныхъ товарахъ? „Отъ нихъ осталась только одна, общая имъ всѣмъ и какъ бы призрачная сущность, простой сгустокъ безразличнаго человѣческаго труда, т. е. затрата человѣческой рабочей силы — безотносительно къ формѣ затраты. Всѣ эти вещи теперь выражаютъ собою лишь тотъ фактъ, что при ихъ производствѣ потрачена человѣческая рабочая сила, что въ нихъ накопленъ человѣческій трудъ. Въ качествѣ кристалловъ этой общей всѣмъ имъ общественной субстанціи они являются цѣнностями — товарными цѣнностями." Такимъ образомъ, сущность мѣновой цѣнности коренится въ трудѣ, употребленномъ на созданіе тѣхъ или иныхъ предметовъ. Трудъ является основой возможности всѣхъ мѣновыхъ отношеній. Но, всякія мѣновыя отношенія для своего осуществленія предполагаютъ необходимымъ наличіе возможности соотвѣтственныхъ сравненій, измѣренія мѣновой цѣнности. „Какъ же, однако, измѣрить величину этой цѣнности? Посредствомъ количества содержащейся въ ней „созидающей цѣнность субстанціи," т. е. труда. Самое же количество труда измѣряется продолжительностью его, а для рабочаго времени, въ свою очередь, существуетъ извѣстный масштабъ — опредѣленныя единицы времени, какъ-то часы, дни и т. д." Итакъ, основаніе измѣренія цѣнности найдено — это количество времени, затраченное на изготовленіе того или иного предмета. Но этимъ не устраняются всѣ трудности. Вѣдь затраченный трудъ можетъ

быть трудомъ различнаго качества какъ въ отношеніи его большей или меньшей напряженности, такъ и въ отношеніи высоты его квалифицированности. „Можетъ показаться, говоритъ, останавливаясь на этомъ затрудненіи, Марксъ, что разъ цѣнность товара опредѣляется количествомъ потраченнаго на его производство труда, то чѣмъ лѣнивѣе или неискуснѣе человѣкъ, тѣмъ большую цѣнность имѣетъ товаръ, такъ какъ тѣмъ больше времени ему требуется для его приготовленія. Однако трудъ, образующій субстанцію цѣнности, есть одинаковый человѣческій трудъ, затрата одинаковой человѣческой рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся въ товарныхъ цѣнностяхъ, разсматривается здѣсь какъ одна и та же рабочая сила, хотя она состоитъ изъ безчисленнаго множества индивидуальныхъ рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ представляетъ собою такую-же человѣческую силу, какъ и всѣ другія, поскольку она обладаетъ характеромъ средней общественно-рабочей силы и какъ таковая дѣйствуетъ, т. е. употребляетъ для производства какого-либо товара лишь средне-необходимое или общественно-необходимое рабочее время. Общественно же необходимымъ рабочимъ временемъ является то рабочее время, которое, при существующихъ нормальныхъ въ данномъ обществѣ, условіяхъ производства и средней степени умѣлости и напряженности труда, необходимо для изготовленія той или другой полезной вещи.“ При этихъ условіяхъ лѣнивый работникъ или человѣкъ, изготовляющій пряжу ручнымъ способомъ, когда нормальнымъ является примѣненіе въ данной отрасли машиннаго производства, не можетъ вслѣдствіе этого требовать за свои продукты повышенной расцѣнки въ связи съ болѣе продолжительнымъ затраченнымъ имъ временемъ „Величина цѣнности какой либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно-необходимаго труда или общественно-необходимаго для ея производства рабочаго времени. Каждый отдѣльный товаръ считается здѣсь вообще какъ средній экземпляръ даннаго рода товара. Товары, въ которыхъ содержатся одинаковыя количества труда или которые могутъ быть произведены въ одинаковые промежутки рабочаго времени, имѣютъ поэтому одинаковую цѣнность. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого. Какъ цѣнности, всѣ товары суть только опредѣленныя количества застывшаго рабочаго времени“ [1]).

Такимъ образомъ улаживается затрудненіе съ различной степенью интенсивности или искусства вложеннаго въ продукты труда. Но, какъ мы уже указали выше, есть еще и различія труда по его разнообразной квалификаціи, труда болѣе простого и болѣе сложнаго. Это затрудненіе Марксъ

---

[1]) К. Марксъ. Капиталъ. Т. I. перев. подъ ред. П. Струве. СПБ. 1899. Эта и предшествующія цитаты взяты со стр. 3—5 указаннаго изданія.

разрѣшаетъ достаточно легко, идя въ этомъ отношеніи по пути, уже намѣченному Смитомъ и Рикардо, но только нѣсколько болѣе развивая выставленное ими положеніе. Какой бы трудъ мы ни взяли въ его конкретномъ выраженіи: трудъ землекопа или инженера, трудъ дровосѣка или ученаго — всегда это, въ конечномъ счетѣ, только опредѣленный видъ затраты человѣческой мускульной или нервной энергіи. „Трудъ ткача, говоритъ Марксъ, и трудъ портного, хотя качественно они — различныя производительныя дѣятельности, оба представляютъ производительную трату человѣческаго мозга, мускуловъ, нервовъ, рукъ и т. д., и въ этомъ смыслѣ оба они только человѣческій трудъ ... Сложный трудъ есть только потенцированный (возведенный въ степень) или вѣрнѣе помноженный простой трудъ, такъ что меньшее количество сложнаго труда равняется большему количеству простого труда. Опытъ показываетъ, что такое приведеніе постоянно происходитъ. Какой-нибудь товаръ можетъ быть произведеніемъ самаго сложнаго труда, но цѣнность его дѣлаетъ его равнымъ продукту простого труда, а потому и сама представляетъ лишь извѣстное количество простого труда. Различныя отношенія, въ которыхъ различные виды труда приводятся къ простому труду, какъ къ общей единицѣ измѣренія, устанавливаются посредствомъ общественнаго процесса, за спиной производителей, а потому кажутся имъ установленными обычаемъ“ [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что самые разнообразные товары въ отношеніи ихъ мѣновой цѣнности приводятся къ одной общей основѣ, труду, или вѣрнѣе, количеству заключающагося въ нихъ рабочаго времени, а трудъ различнаго качества, въ смыслѣ его напряженности, ловкости и большей или меньшей сложности, приравнивается къ простому труду, являющемуся основой всѣхъ этого рода сравненій и расчетовъ. Мы видимъ какъ бы своеобразное приведеніе всѣхъ разнообразнѣйшихъ товаровъ къ одному знаменателю, который позволяетъ производить по отношенію къ нимъ сравненіе и создаетъ въ отношеніи ихъ возможность установленія соотвѣтственныхъ равенствъ, показывающихъ чему равняется опредѣленное количество одного товара, выраженное въ другомъ товарѣ. Это приводитъ насъ къ установленію простѣйшаго выраженія цѣнности одного товара, представленнаго отношеніемъ цѣнности двухъ товаровъ: x товара $A = y$ товара B или x товара A равноцѣнно y товара B; 20 аршинъ холста = 1 сюртуку, или 20 аршинъ холста ровноцѣнны одному сюртуку. „Тайна всякой формы цѣнности, говоритъ Марксъ, скрывается въ этой простой формѣ“ [2]).

Проще всего отношеніе между трудомъ и создаваемыми имъ цѣнностями будетъ тогда, когда мы имѣемъ передъ собою наиболѣе примитивную обстановку, не осложняемую ни условіями рынка, ни посредничествомъ де-

---

[1]) Марксъ. о. с. Стр. 9—10.

[2]) Марксъ. о. с. Стр. 13.

негъ. Въ такой примитивной обстановкѣ передъ человѣкомъ выдвигаются только его потребности и необходимость удовлетворить ихъ при помощи того единственнаго средства, которое у него имѣется, его труда, или иначе — рабочаго времени. При такихъ условіяхъ человѣкъ неизбѣжно долженъ выбрать изъ среды этихъ потребностей важнѣйшія и удовлетворяющія ихъ блага цѣнить, въ первую очередь, въ зависимости отъ количества того труда, которое они ему стоили. Марксъ и прибѣгаетъ для иллюстраціи своей мысли къ такого рода примѣрамъ, при чемъ идетъ отъ наиболѣе простой формы къ все болѣе усложняющимся общественнымъ отношеніямъ. Сначала онъ беретъ Робинзона на его островѣ. Какъ онъ ни скроменъ, все же ему нужно удовлетворять свои различныя потребности, т. е. заниматься разнообразной хозяйственной дѣятельностью. „Несмотря на разнообразіе своихъ производительныхъ функцій, онъ знаетъ, что всѣ онѣ суть лишь различныя формы дѣятельности одного и того-же Робинзона, а потому только различные виды человѣческаго труда. Сама нужда заставляетъ его строго распредѣлять свое время между различными функціями. Какая изъ нихъ поглощаетъ у него большую или меньшую часть его трудовой дѣятельности, — зависитъ отъ большей или меньшей трудности, которую приходится преодолѣть для полученія намѣченнаго полезнаго результата.“ Такъ какъ Робинзонъ спасъ съ корабля часы, гроссъ бухъ, чернила и перо, то онъ, какъ „порядочный англичанинъ начинаетъ вести бухгалтерскую книгу своему существованію,“ отмѣчая въ ней размѣры имѣющихся у него запасовъ, а также то количество времени, которое онъ тратитъ на созданіе каждаго изъ необходимыхъ ему продуктовъ. „Всѣ отношенія между Робинзономъ и вещами, которыя составляютъ созданное имъ самимъ богатство ... просты и очевидны ... Тѣмъ не менѣе въ нихъ содержатся всѣ существенныя опредѣленія цѣнности.“ Слѣдующій, болѣе сложный примѣръ, переноситъ насъ въ условія крѣпостного, средневѣковаго хозяйства. Здѣсь на почвѣ личной зависимости и принужденія создается обязательство крѣпостныхъ поставлять своему владѣльцу опредѣленное количество цѣнностей въ той или иной формѣ. Всѣ онѣ фигурируютъ въ механизмѣ общественныхъ отношеній въ видѣ непосредственнаго труда и натуральныхъ повинностей, т. е. сводятся къ труду. „Крѣпостной трудъ такъ же хорошо измѣряется временемъ, какъ и трудъ, производящій товары; но каждый крѣпостной знаетъ, что онъ тратитъ опредѣленное количество своей личной рабочей силы на службѣ своего господина.“ Здѣсь отношенія между трудомъ и создаваемыми имъ цѣнностями въ видѣ повинностей, уплачиваемыхъ помѣщику, тоже достаточно ясны, не затемненныя никакими привходящими фактами.

Такія же простыя отношенія будутъ и при использованіи свободнаго труда въ обстановкѣ деревенскаго патріархальнаго производства любой крестьянской семьи, которая производитъ для собственныхъ потребностей хлѣбъ, скотъ, пряжу, холстъ, одежду и т. д. „Различные направленные на произ-

водство этихъ продуктовъ виды труда, каковы земледѣліе, скотоводство, пряденье, тканье, шитье и т д., представляютъ собою въ своей натуральной формѣ общественныя функціи, являясь функціями семьи, которая такъ же, какъ и товарное производство, обладаетъ своей естественно развившейся системой раздѣленія труда.“ Здѣсь также чрезвычайно ясна зависимость между тѣми или иными продуктами и измѣряемой продолжительностью времени затратой опредѣленнаго количества индивидуальнаго рабочаго времени или труда.

Наконецъ, еще нѣсколько болѣе сложную картину представляетъ собой союзъ свободныхъ людей, которые работаютъ общими орудіями производства и „всѣ свои индивидуальныя рабочія силы сознательно расходуютъ, какъ единую общественную рабочую силу.“ Здѣсь, только въ расширенномъ масштабѣ, проявляются снова тѣ-же отношенія къ труду, что мы видѣли на островѣ Робинзона, только тамъ всѣ продукты были плодомъ его собственнаго индивидуальнаго труда, здѣсь же совокупный продуктъ союза есть общественный продуктъ. „Часть этого продукта будетъ служить вновь средствомъ производства. Она будетъ оставаться общественнымъ достояніемъ. Но другая часть потребляется членами общины, а потому должна быть между ними распредѣлена . . . Предположимъ — лишь для установленія параллели съ системой товарнаго производства, — что доля каждаго производителя въ средствахъ существованія опредѣляется его рабочимъ временемъ. Въ такомъ случаѣ рабочее время играетъ двоякую роль. Его общественно-планомѣрное распредѣленіе регулируетъ надлежащее отношеніе различныхъ видовъ (функцій) труда къ различнымъ потребностямъ. Съ другой стороны, рабочее время служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣриломъ индивидуальнаго участія производителей въ общей работѣ, а потому — и въ той долѣ общаго продукта, которая предназначается для индивидуальнаго потребленія. Общественныя отношенія людей къ ихъ работамъ и къ ихъ продуктамъ остаются здѣсь простыми и прозрачными одинаково какъ въ производствѣ, такъ и въ распредѣленіи“ [1]).

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, приведенныхъ Марксомъ, дѣло обстоитъ чрезвычайно просто. Въ развитыхъ общественныхъ отношеніяхъ картина значительно усложняется необходимостью обмѣна съ одной стороны и денежными отношеніями съ другой, которыя затемняютъ тѣ простыя основныя связи, которыя существуютъ между мѣновою цѣнностью и трудомъ. Мы видѣли уже простую форму цѣнности, выражавшую мѣновыя отношенія двухъ товаровъ. Въ усложняющемся мѣновомъ процессѣ, при постоянныхъ подобнаго рода сравненіяхъ, они ведутъ къ созданію безконечнаго количества такихъ уравненій, приводящихъ, въ концѣ концовъ, къ сравненію цѣлаго ряда разнообразныхъ товаровъ съ какимъ либо однимъ товаромъ и, наконецъ, — и къ тому всеобщему товару, которымъ являются деньги. „Денежная форма

[1]) Марксъ, о. с. Эта и предшествующія цитаты на стр. 38—40.

есть только отраженіе въ одномъ товарѣ отношенія между всѣми другими товарами“ Въ товарномъ хозяйствѣ всѣ отношенія между товарами и между товарами и деньгами пріобрѣтаютъ особую специфическую форму. Товары какъ бы одушевляются, начинаютъ жить своей самостоятельной жизнью. Это создаетъ, какъ говоритъ Марксъ, своеобразный фетишизмъ товарнаго хозяйства. Конечно, товары не могутъ сами пойти на рынокъ и тамъ сами обмѣниваться. За ними всегда стоятъ ихъ владѣльцы, товаропроизводители, но всѣ эти лица существуютъ на рынкѣ другъ для друга только — какъ представители товаровъ, какъ товаровладѣльцы. Отношенія между людьми превращаются въ отношенія вещей другъ къ другу. Это объясняется общественнымъ характеромъ труда, заключающагося въ товарахъ, и тѣмъ процессомъ его относительнаго приравниванія къ простому, абстрактному труду, которое имѣетъ мѣсто на рынкѣ и объясняетъ оцѣнки и обращеніе товаровъ, происходящія какъ бы совершенно самопроизвольно. „Отношенія между производителями, въ которыхъ проявляется общественный характеръ ихъ труда, выражаются въ формѣ общественнаго отношенія продуктовъ труда“ [1]).

Вотъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, ученіе Маркса о цѣнности, какъ оно изложено имъ въ первомъ томѣ его „Капитала“. Оно представляетъ собой дальнѣйшее развитіе и завершеніе трудовой теоріи цѣнности, заложенной еще въ трудахъ англійскихъ экономистовъ классиковъ и особенно Рикардо. По этому ученію основа всякой мѣновой цѣнности есть трудъ, и мѣновыя отношенія должны базироваться на относительныхъ количествахъ рабочаго времени, заключающагося въ тѣхъ или иныхъ товарахъ. Такое впечатлѣніе получается отъ чтенія соотвѣтственныхъ главъ перваго тома „Капитала“, но, какъ оказывается изъ дальнѣйшаго развитія Марксомъ его ученія, это положеніе представляетъ собой только самую общую схему. Въ дальнѣйшемъ, именно въ третьемъ томѣ того-же „Капитала“, она терпитъ весьма существенныя ограниченія.

Для того, чтобы понять въ болѣе завершенномъ видѣ все ученіе Маркса о цѣнности, необходимо ввести въ наше изложеніе нѣкоторыя понятія, которыхъ мы коснемся подробнѣе только впослѣдствіи. Какъ мы знаемъ, Марксъ дѣлитъ капиталъ въ производствѣ на двѣ части: постоянный и перемѣнный, при чемъ къ первому относятся всѣ вообще производительныя затраты кромѣ затратъ на рабочую силу, а ко второму — именно эти послѣднія, т. е. издержки по оплатѣ рабочей силы. Настоящимъ творческимъ элементомъ въ производствѣ, въ смыслѣ созданія совершенно новыхъ цѣнностей, прибавочнаго продукта, является только живой человѣческій трудъ, т. е. перемѣнный капиталъ. Что же касается постояннаго капитала, то всѣ относящіяся къ нему затраты — орудія и сырье — передаютъ готовому продукту только соотвѣтственную часть своей цѣнности —

[1]) Марксъ, о. с. стр. 34.

цѣликомъ или по частямъ — и, мѣняя въ производственномъ процессѣ свою форму, не прибавляютъ къ цѣнности готовыхъ продуктовъ ни „атома“ новой цѣнности. Такимъ образомъ, въ новыхъ продуктахъ, полученныхъ въ результатѣ производства, заключается возмѣщеніе соотвѣтственной цѣнности постояннаго капитала, плюсъ цѣнность перемѣннаго капитала и, кромѣ того, результатъ дѣятельности этого послѣдняго — прибавочный продуктъ или прибавочная цѣнность. Величина этой послѣдней, какъ это ясно изъ изложеннаго, находится въ прямой зависимости отъ величины употребленнаго въ предпріятіи перемѣннаго капитала. Такъ какъ прибавочная цѣнность — непосредственная основа прибыли, то, слѣдовательно, чѣмъ больше въ предпріятіи перемѣнный капиталъ, тѣмъ больше прибыль, т. е. тѣмъ больше возрастаетъ его цѣнность по сравненію съ произведенными въ производствѣ затратами. Постоянный капиталъ въ этомъ отношеніи не оказываетъ, по ученію Маркса, вліянія на это возрастаніе. Такимъ образомъ, по тому, какъ это было изложено Марксомъ въ первомъ томѣ его „Капитала“, размѣръ прибавочной цѣнности зависѣлъ исключительно отъ величины перемѣннаго капитала, затратъ на рабочую силу. Если взять предпріятія, работающія вовсе безъ постояннаго капитала, съ примѣненіемъ одной только рабочей силы, то цѣнности созданныхъ въ нихъ продуктовъ будутъ пропорціональны количеству вложеннаго въ нихъ труда, и ихъ прибавочныя цѣнности или прибыли въ нихъ будутъ соотвѣтствовать величинѣ произведенныхъ капитальныхъ затратъ, т. е. суммамъ, истраченнымъ на наемъ рабочихъ. Если же взять предпріятія съ различнымъ составомъ капитала, гдѣ наряду съ перемѣннымъ фигурируетъ и постоянный — и при томъ въ различныхъ пропорціяхъ, то цѣнность полученныхъ въ нихъ продуктовъ будетъ чрезвычайно неодинакова, въ зависимости отъ большаго или меньшаго количества прибавочной цѣнности, полученной въ результатѣ отъ примѣненія большаго или меньшаго количества живой рабочей силы. Такъ какъ Марксъ утверждалъ — что онъ неоднократно подчеркиваетъ на всемъ протяженіи перваго тома, — что всѣ товары обмѣниваются по ихъ цѣнностямъ, то получается положеніе, при которомъ предпріятія, примѣняющія много рабочей силы по сравненію съ остальными ихъ капитальными затратами, должны продавать свои продукты значительно дороже лучше оборудованныхъ предпріятій, гдѣ великъ постоянный капиталъ и малъ перемѣнный и гдѣ, вслѣдствіе этого, создается меньшая прибавочная цѣнность; поэтому и прибыли въ этихъ различныхъ предпріятіяхъ, въ расчетѣ на весь капиталъ, будутъ крайне неодинаковы. Получалось впечатлѣніе, что чѣмъ болѣе примитивно оборудовано то или иное предпріятіе, т. е. чѣмъ меньше въ немъ прочныхъ капитальныхъ затратъ, тѣмъ оно оказывается выгоднѣе съ точки зрѣнія результатовъ производства, т. е. количества создаваемыхъ въ немъ новыхъ цѣнностей.

Таково было впечатлѣніе отъ теоріи, изложенной въ первомъ томѣ,

и это впечатлѣніе рѣзко расходилось съ экономической дѣйствительностью, гдѣ мы видимъ, что продукты обмѣниваются не по ихъ цѣнностямъ въ Марксовскомъ смыслѣ, а по цѣнамъ, соотвѣтствующимъ издержкамъ производства и дающимъ въ результатѣ для всѣхъ предпріятій болѣе или менѣе одинаковый средній уровень прибыли. Цѣны и цѣнности, какъ ихъ нужно было понимать по изложенной теоріи, совершенно расходились въ процессѣ обмѣна, между тѣмъ какъ, по впечатлѣнію отъ перваго тома, этого никоимъ образомъ не должно было бы получаться. Первый томъ оставлялъ всѣхъ подъ впечатлѣніемъ какой то странной загадки, которая обѣщала быть разгаданной въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Когда вышелъ второй томъ „Капитала“ уже послѣ смерти Маркса, то его издатель, ближайшій другъ и соратникъ Маркса, Энгельсъ, указывая въ предисловіи на впечатлѣніе, произведенное во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ теоріей прибавочной цѣнности, которая была какъ бы „ударомъ грома изъ яснаго неба“, предлагалъ экономистамъ разрѣшить загадку перваго тома и показать, „какимъ образомъ можетъ и должна образоваться одинаковая равная норма прибыли не только безъ нарушенія закона цѣнности, но, напротивъ, на его основѣ“, т. е., какимъ образомъ обмѣнъ по дѣйствительнымъ цѣнамъ не противорѣчитъ соотношенію трудовыхъ цѣнностей. Въ этомъ отношеніи экономистамъ предлагалось торопиться, такъ какъ готовившійся къ печати третій томъ „Капитала“ долженъ былъ разрѣшить въ этомъ отношеніи всякія сомнѣнія [1]).

Изъ числа такихъ попытокъ нужно на особое мѣсто выдвинуть соображенія профессора Лексиса, высказанныя имъ въ рецензіи на второй томъ „Капитала“ [2]), гдѣ онъ, въ существенныхъ чертахъ, предвосхитилъ то разрѣшеніе загадки, которое долженъ былъ представить третій томъ. Обращая вниманіе на противорѣчіе между фактическимъ образованіемъ цѣнъ и Марксовской теоріей цѣнности, Лексисъ указывалъ, кромѣ различія, вызываемаго въ этомъ отношеніи бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ занятыхъ рабочихъ, т. е. величиной перемѣннаго капитала, еще и на различіе въ быстротѣ оборота капитала. Дѣйствительность показываетъ, что при томъ же уровнѣ прибавочной цѣнности, т. е. одинаковомъ числѣ занятыхъ рабочихъ и той же степени „эксплуатаціи“ этихъ послѣднихъ, годичная прибыль капиталистовъ, при различной быстротѣ оборота ихъ капиталовъ, оказывается чрезвычайно неодинаковой. По Марксовской схемѣ, капиталъ, оборачивающійся десять разъ въ годъ, при томъ же числѣ занятыхъ имъ рабочихъ и при прочихъ равныхъ условіяхъ, долженъ былъ бы дать въ десять разъ большее количество прибыли, чѣмъ другой такой же капиталъ, но оборачивающійся

[1]) Предисловіе Энгельса ко второму тому „Капитала“. Kapital, II, 7 Auflage, Hamburg, 1922, S. XVII und XXII–XXIII.

[2]) W. Lexis. Die Marxsche Kapitaltheorie. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Neue Folge, XI Band. 1885. S. 452—465.

одинъ разъ въ годъ. Но не перешли ли бы, при такихъ условіяхъ, всѣ капиталисты отъ предпріятій съ медленнымъ оборотомъ капитала исключительно къ такимъ, гдѣ это обращеніе идетъ быстро? Въ результатѣ, вѣроятно, увеличеніе производства въ одной сферѣ и уменьшеніе его въ другой неизбѣжно произвело бы передвиженіе цѣнъ, и, въ итогѣ, оказало бы соотвѣтственное вліяніе на размѣры прибыли въ обѣихъ этихъ сферахъ. Единственно возможнымъ выходомъ изъ этого положенія является предположеніе, что мы имѣемъ передъ собой состояніе нѣкотораго равновѣсія, при которомъ прибыль отдѣльныхъ предпріятій находится въ соотвѣтствіи со всѣмъ затраченнымъ въ нихъ капиталомъ, а не съ одной только величиной использованной въ нихъ рабочей силы. Но такое разрѣшеніе на почвѣ образованія соотвѣтственныхъ цѣнъ стоитъ вѣдь въ полномъ противорѣчіи съ ученіемъ Маркса, что, товары продаются по ихъ цѣнности“[1]).

Какова бы ни была разгадка, обѣщанная въ третьемъ томѣ, Лексисъ уже заранѣе указывалъ, что разрѣшеніе вышеприведеннаго противорѣчія невозможно, если „различные виды товаровъ разсматриваются отдѣльно и если ихъ цѣнность должна быть равна мѣновой цѣнности, послѣдняя-же — равна или пропорціональна ихъ цѣнамъ“.

Совершенно очевидно, что дѣйствительныя среднія цѣны товаровъ, въ которыхъ выражается ихъ нормальная мѣновая цѣнность, не могутъ соотвѣтствовать только „сгустившемуся“ въ товарахъ количеству затраченной при ихъ производствѣ живой человѣческой силы. Построеніе Маркса можетъ быть сохранено только при томъ условіи, что мы откажемся отъ измѣренія цѣнности отдѣльныхъ товаровъ по вложенному въ нихъ труду, и будемъ имѣть въ виду только производство товаровъ въ цѣломъ и распредѣленіе его результатовъ между всѣмъ вообще участвующимъ въ производствѣ количествомъ капиталистовъ и рабочихъ. Прибавочная цѣнность, лежащая въ основѣ прибыли, должна распредѣляться между членами капиталистическаго класса не въ соотвѣтствіи съ числомъ занятыхъ каждымъ изъ нихъ рабочихъ, а соотвѣтственно вложенному каждымъ капиталу, включая туда же и затраты на землю[2]).

Желая какъ можно ближе подойти къ основамъ теоретической конструкціи Маркса, Лексисъ предлагаетъ исходить изъ извѣстной идеальной цѣнности товаровъ, соотвѣтствующей количеству овеществленныхъ въ нихъ трудовыхъ единицъ. Эти идеальныя цѣнности не могутъ въ точной пропорціи быть выражены въ дѣйствительныхъ цѣнахъ, но могутъ быть разсматриваемы какъ исходный пунктъ извѣстной тенденціи, ведущей къ образованію дѣйствительныхъ реальныхъ цѣнъ. Послѣднія обязаны своими размѣрами тому обстоятельству, что капиталы одинаковой величины требуютъ одинаковыхъ прибылей, безотносительно къ тому положенію, занимаютъ ли

[1]) Lexis, o c. S. 459—460.

[2]) Lexis, o. c. S. 462.

они, въ зависимости отъ сочетанія въ нихъ постояннаго и перемѣннаго капитала или отъ продолжительности времени ихъ обращенія, — много или мало рабочей силы. При сравненіи капиталовъ различнаго сложенія (т. е. различнаго количества въ нихъ постоянныхъ и перемѣнныхъ частей) мы увидимъ, что уравненіе прибылей между ними происходитъ благодаря тому, что капиталисты, занимающіе въ своихъ предпріятіяхъ относительно большее количество труда, превращающагося непосредственно въ прибавочную цѣнность, принуждены отдавать часть ея тѣмъ предпринимателямъ, которые занимаютъ относительно меньшее количество рабочей силы. При такихъ условіяхъ изъ двухъ производителей какого-либо товара, тѣ или иныя количества котораго взаимно обмѣниваются другъ на друга, благодаря тенденціи къ уравненію прибылей, то, что относительно выигрываетъ одинъ, — теряетъ другой. Такъ какъ, такимъ образомъ, потери и выигрыши въ отношеніи прибавочной цѣнности въ средѣ класса капиталистовъ взаимно сглаживаются, то общая величина прибавочной цѣнности остается такой-же, какъ если бы цѣны были пропорціональны идеальной цѣнности товаровъ. Такъ Лексисъ примиряетъ для Марксовской теоріи идеальную цѣнность, о которой идетъ все время рѣчь въ первомъ томѣ, съ той реальной дѣйствительностью, которую даетъ намъ картина фактическихъ отношеній на почвѣ цѣнъ. Въ этой конструкціи Лексисъ, въ существенныхъ чертахъ, предвосхитилъ то рѣшеніе, которое на самомъ дѣлѣ было предложено Марксомъ въ третьемъ томѣ. Для Лексиса было ясно что другого выхода не было и, если бы Марксъ попытался найти иное разрѣшеніе, то онъ сталъ бы на совершенно невѣрный путь[1]).

Правильность намѣченнаго „вульгарнымъ“ экономистомъ рѣшенія была признана, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, самимъ Энгельсомъ, который хотя и говоритъ, что это не столько рѣшеніе, сколько всего только правильная постановка вопроса, однако называетъ эту попытку въ предисловіи къ третьему тому „Капитала“ „поразительной“ (geradezu überraschend)[2]). Но это рѣшеніе, при всей его кажущейся естественности и законности, представлялось Лексису настолько не вяжущимся со всѣми предшествовавшими, достаточно опредѣленными заявленіями самого Маркса, что, въ случаѣ его принятія, приходилось придти къ заключенію, что Марксъ всѣми своими предшествующими указаніями на пресловутую тайну или загадку цѣнности въ извѣстномъ смыслѣ издѣвался надъ своими читателями[3]).

---

[1]) Lexis, o. c. S. 464—465.

[2]) См. Karl Marx. Das Kapital. III Band. Hamburg, 1894. Vorwort von F. Engels. S. XI—XII.

[3]) По мнѣнію проф. Борткевича, такъ это и было. Марксу нравилась роль своего рода интригующаго Мефистофеля. См. L. v. Bortkiewicz. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System. Erster Artikel. Archiv für Sozialwiss. und Sozialpolitik. XXIII Band. S. 4.

И вотъ когда, наконецъ, появился третій томъ, загадка была разгадана въ духѣ, чрезвычайно близко напоминающемъ талантливый прогнозъ профессора Лексиса. Оказывается, что всѣ прежнія утвержденія дѣлались Марксомъ при теоретическомъ предположеніи, что товары обмѣниваются по ихъ цѣнностямъ, что должно было бы вести къ различной высотѣ прибыли. Но это только теоретическое предположеніе. Въ дѣйствительности же, разнаго уровня прибыли для различныхъ отраслей промышленности не бываетъ, да и не можетъ быть безъ того, чтобы не опрокинуть всей системы капиталистическаго производства. Цѣна, основывающаяся на издержкахъ производства, одинакова для продуктовъ различныхъ производственныхъ сферъ, въ которыхъ употреблены въ дѣло одинаковые капиталы, каково бы ни было, въ дѣйствительности, органическое строеніе послѣднихъ. Эта же одинаковость цѣнъ по стоимости производства является основаніемъ конкуренціи въ приложеніи капиталовъ въ разныхъ производственныхъ отрасляхъ, чѣмъ и объясняется созданіе средняго уровня прибыли [1]).

Въ зависимости отъ внутренняго строенія капиталовъ, т. е. употребленія въ нихъ большаго или меньшаго количества живой рабочей силы, ихъ продукты продаются то выше, то ниже ихъ цѣнности. Всѣ товары продаются по ихъ производственнымъ цѣнамъ, эти же послѣднія равны ихъ стоимости плюсъ прибыль, соотвѣтствующая опредѣленному ея среднему уровню. Въ отношеніи капиталовъ высокаго органическаго строенія, т. е. съ большей долей постояннаго капитала, мы видимъ, что ихъ продукты должны, при условіи общаго уровня прибыли, продаваться выше ихъ цѣнности; въ отношеніи же капиталовъ низкаго органическаго строенія, т. е. съ малой долей постояннаго и большой — перемѣннаго капитала, мы видимъ обратное, продажу по цѣнамъ ниже ихъ цѣнности. На сто затраченныхъ въ производствѣ единицъ всякій капиталъ, безотносительно къ его сложенію изъ постоянной и перемѣнной частей, приноситъ въ опредѣленную единицу времени (скажемъ — въ годъ) прибыль, соотвѣтствующую въ среднемъ прибыли, причитающейся на 100 единицъ всего общественнаго капитала въ общей сложности. Отдѣльные капиталисты играютъ тутъ, поскольку дѣло идетъ о прибыли, только роль акціонеровъ акціонерной кампаніи, гдѣ доли прибыли распредѣляются равномѣрно на каждую сотню, и поэтому эта прибыль разнится у отдѣльныхъ капиталистовъ только въ зависимости отъ вложеннаго каждымъ капитала, отъ количества принадлежащихъ ему акцій.

Вышеуказанныя отклоненія цѣнъ отъ цѣнности товаровъ вверхъ и внизъ взаимно уничтожаются въ общемъ итогѣ. Самый же процессъ этого выравниванія и приноровленія цѣнъ къ прибыли происходитъ, какъ и большинство процессовъ капиталистическаго производства, только въ очень запутанной и приблизительной формѣ, въ качествѣ трудно уловимаго резуль-

---

[1]) K. Marx. Kapital. III Band, 1 Teil. S. 132.

тата вѣчныхъ колебаній [1]). Какъ происходитъ этотъ процессъ въ дѣйствительности, Марксъ не объясняетъ подробнѣе, тѣмъ болѣе что протекаетъ онъ у капиталиста за спиной, и этотъ послѣдній его „не видитъ, не понимаетъ, да въ дѣйствительности имъ и не интересуется“ [2]). Его интересуетъ не соотношеніе цѣнъ и цѣнности, а получаемая имъ прибыль, которая, какъ мы знаемъ, и ведетъ къ перемѣщенію капиталовъ изъ одной сферы въ другую въ поискахъ соотвѣтственнаго уровня прибыли, распредѣляющейся по различнымъ отраслямъ производства, сообразно величинѣ вложенныхъ въ нихъ капиталовъ, какова бы ни была внутренняя структура послѣднихъ.

Вотъ, такимъ образомъ, дальнѣйшее развитіе ученія Маркса о цѣнности, положеннаго имъ въ основу всѣхъ его разсужденій въ первомъ томѣ „Капитала“. Можно было придти на основаніи вышеизложеннаго къ заключенію, что Марксъ въ третьемъ томѣ отказывается отъ положеній, выдвинутыхъ имъ въ началѣ всей своей экономической конструкціи, или, что у него имѣются двѣ теоріи: одна чисто абстрактная — о цѣнности, и другая, болѣе близкая къ дѣйствительной жизни — о цѣнахъ. Но, по мнѣнію одного изъ первыхъ критиковъ третьяго тома, профессора Зомбарта, въ этомъ нѣтъ никакой необходимости. По его мнѣнію, ученіе Маркса нужно разсматривать, какъ чисто теоретическую конструкцію, которая только подходитъ, „приближается“ къ явленіямъ дѣйствительности. И въ третьемъ томѣ „Капитала“ предметомъ разсмотрѣнія не являются феномены дѣйствительной хозяйственной жизни. Его понятіе цѣнности представляетъ собой не эмпирическій, а чисто умозрительный фактъ. „Понятіе цѣнности, говоритъ Зомбартъ, есть вспомогательное средство нашего мышленія, которымъ мы пользуемся для уясненія себѣ феноменовъ хозяйственной жизни, оно представляетъ собой явленіе логическаго порядка.“ Представленіе о цѣнности даетъ намъ возможность придать товарамъ, качественно различнымъ, въ видѣ предметовъ потребленія, количественную опредѣленность. Систему Маркса можно только тогда правильно осмыслить, если поставить въ ея центрѣ понятіе производительности, находящее свое экономическое выраженіе въ понятіи цѣнности [3]). Въ дальнѣйшемъ эта сторона ученія Маркса вызвала громадную критическую литературу [4]), при чемъ много слабыхъ мѣстъ въ конструкціи Маркса было вскрыто въ ней съ достаточной ясностью. Такъ, напримѣръ, была доказана неправильность Марксовскихъ перечисленій цѣн-

[1]) Marx. Kapital III [1], S. 135—140.

[2]) Marx, o. c. S. 147

[3]) Werner Sombart. Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx. „Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik“, VII Band, 1894. S. 560, 574, 577 u ff.

[4]) См. интересный обзоръ главнѣйшихъ мнѣній въ этой области у L. von Bortkiewicz. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System, Erster Artikel. „Archiv für Sozialwiss. und Sozialpolitik“, XXIII Band. 1906. S. 1—50.

ностей въ цѣны производства[1]), какъ и вообще отмѣчена общая незаконченность и неотдѣланность всего его экономическаго построенія. Часть этой литературы занимаетъ по отношенію къ ученію цѣнности Маркса совершенно отрицательную позицію и считаетъ его совершенно ненужнымъ въ ходѣ развитія экономической науки. И, тѣмъ не менѣе, это ученіе продолжало и послѣ такихъ утвержденій привлекать къ себѣ усиленное вниманіе изслѣдователей какъ со стороны его цѣнителей, такъ и опредѣленныхъ противниковъ.

Можно сказать, что значительная часть возраженій противъ теоріи Маркса обусловлена самимъ ея характеромъ, даже манерой изложенія Маркса съ его необычайнымъ пристрастіемъ къ Гегелевской діалектикѣ, къ стремленію по Гегелевскому образцу „проіецировать логическія противорѣчія въ самыя вещи", о которыхъ идетъ рѣчь[2]). Кромѣ того нужно принять во вниманіе, что произведеніе Маркса такъ и осталось незаконченнымъ, что оно представляетъ только одно „туловище" его теоріи безъ завершающихъ конечностей[3]) и было опубликовано въ отрывкахъ послѣ его смерти. Главное же, что сыграло неблагопріятную роль для его теоріи, это чрезмѣрно раздутое и преувеличенное имъ самимъ противорѣчіе въ его ученіи о цѣнности и цѣнахъ. Въ то время, какъ ученіе о цѣнности въ первомъ томѣ является болѣе всего чисто теоретической, логической конструкціей, извѣстной „рабочей гипотезой", ученіе о цѣнахъ въ значительной степени приближается къ обычной теоріи издержекъ производства, изложенной только „въ нѣсколько иныхъ словахъ", какъ говорила Гётевская Гретхенъ. Между первой и второй частью его ученія вполнѣ возможно извѣстное согласованіе, какъ это хочетъ доказать и самъ Марксъ, если его понимать именно въ такомъ болѣе абстрактномъ смыслѣ, какъ теоретическое построеніе, а не объясненіе конкретной дѣйствительности. Но самъ Марксъ пожелалъ вначалѣ придать своему „закону" цѣнности значеніе какой-то необычайной загадки, чего то необычайно интригующаго, стараясь внушить своимъ читателямъ, что этотъ законъ цѣнности именно и регулируетъ дѣйствительныя мѣновыя отношенія. Когда, послѣ этого, въ третьемъ томѣ ему пришлось перейти къ дальнѣйшему развитію своей теоріи и приблизить ее къ явленіямъ экономиче-

---

[1]) См. v. Bortkiewicz. Wertrechnung und Preisrechnung etc. Zweiter Artikel. „Archiv für Sozialwiss. und Sozialpolitik". XXV Band, SS. 14, 15 u ff. и Туганъ Барановскій. Теоретическія основы Марксизма. СПБ. 1905. стр. 114—117, а также поправки Борткевича къ положеніямъ Т. Барановскаго, особенно Archiv etc. Band XXIII, SS. 43 ff. и въ статьѣ „Zur Berichtigung der grundlegenden theoretischen Konstruktion von Marx im dritten Band des „Kapital". „Jahrbücher für Nationalök. u. Statistik." III Folge, 34 Band, 1904 S. 319 ff., особенно конецъ статьи, стр. 335.

[2]) v. Bortkiewicz, o. c. Archiv, XXIII. S. 4.

[3]) Sombart, o. c. S. 571.

ской дѣйствительности, это развитіе показалось цѣлому ряду лицъ не развитіемъ, а кореннымъ противорѣчіемъ, полнымъ отказомъ автора отъ начальныхъ положеній его конструкціи.

Ученіе Маркса оказалось неоконченнымъ и логически незавершеннымъ. Въ немъ немало слабыхъ мѣстъ, и все же оно представляется крупнымъ пріобрѣтеніемъ экономической науки. Это все же, даже и въ такомъ незаконченномъ видѣ, послѣдовательное развитіе и завершеніе трудовой теоріи классической школы, главнымъ образомъ, продолженіе ученія Рикардо. Оно является чрезвычайно цѣннымъ достиженіемъ экономической мысли и входитъ въ экономическую теорію въ качествѣ одного изъ этаповъ намѣченнаго уже и ранѣе подхода къ экономическимъ вопросамъ съ точки зрѣнія послѣдовательно проведеннаго объективизма.

Если отъ этихъ болѣе или менѣе рѣзко опредѣленныхъ теорій прошлаго перейти къ современности и взять хотя бы болѣе близкій къ намъ періодъ развитія экономической науки въ Германіи, то по вопросу о цѣнности и цѣнѣ взгляды большинства экономистовъ можно, по словамъ проф. Диля, характеризовать, какъ выраженіе извѣстнаго эклектизма и скептицизма[1]) Ни одно изъ главенствующихъ направленій объективнаго или субъективнаго характера, ни теорія издержекъ производства, ни теорія полезности не завоевало настолько господствующаго положенія, чтобы пріобрѣсти въ наукѣ руководящее значеніе. Въ отношеніи теоріи предѣльной полезности должно быть отмѣчено, что совершенно различна судьба ея въ ея настоящей родинѣ Австріи, гдѣ она получила значительное распространеніе такъ же, какъ и заграницей — въ Голландіи, Америкѣ, Англіи, отчасти въ Россіи — и собственно въ Германіи, гдѣ она нашла себѣ, особенно вначалѣ, не слишкомъ много послѣдователей. Изъ числа адептовъ и дальнѣйшихъ продолжателей теоріи предѣльной полезности, писавшихъ на немѣцкомъ языкѣ, нужно, между прочимъ, указать, кромѣ цитированныхъ нами въ своемъ мѣстѣ, еще Филипповича, Ауспица и Либена, Цуккеркандля, Викселя.

Цѣлый рядъ писателей занимаетъ въ этомъ отношеніи посредствующее положеніе, стараясь связать ученіе классической школы съ теоріей австрійцевъ. Довольно характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи могутъ явиться взгляды Адольфа Вагнера. — Вагнеръ различаетъ[2]) двоякаго рода основанія, опредѣляющія высоту договорной и рыночной цѣны: a) относящіяся къ данному моменту, т. е. спросъ и предложеніе и b) для благъ, обычно производящихся для сбыта, длительныя основанія, стремящіяся проявить себя при системѣ конкуренціи на долгое время и болѣе или менѣе фактически осуществляющія это стремленіе, — именно издержки производства. Въ отно-

[1]) Karl Diehl. Die Entwicklung der Wert und Preistheorie im 19 Jahrhundert. Art. in „Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im neunzehnten Jahrhundert". Leipzig. 1908, Erster Teil, S. 64—71.

[2]) A. Wagner. Theoretische Sozialökonomik, Leipzig, 1907.

шеніи моментовъ, важныхъ съ точки зрѣнія спроса, Вагнеръ указываетъ на большое значеніе теоріи предѣльной полезности. Въ отношеніи же производства выдвигаетъ законъ издержекъ, къ которымъ тяготѣютъ цѣны [1]).

О томъ, какъ на вопросы цѣнности смотритъ Лексисъ, мы отчасти уже знаемъ по его критическимъ замѣчаніямъ по поводу ученія австрійской школы [2]). Лексисъ отмѣчаетъ у благъ два свойства: полезность и рѣдкость, при чемъ послѣдняя совпадаетъ съ необходимостью затраты со стороны человѣка, для пріобрѣтенія того или иного блага, опредѣленнаго количества труда. Соединеніе полезности и рѣдкости, т. е. необходимости трудовой затраты для полученія опредѣленнаго предмета, придаетъ этому послѣднему съ точки зрѣнія хозяйствующаго субъекта особое свойство, которое мы называемъ „цѣнностью“. Дневная или годовая потребность для хозяйства въ какомъ либо благѣ представляетъ величину, заранѣе опредѣленную на основаніи раціональнаго расчета, но „рѣдкость“ этого послѣдняго не опредѣляется уже болѣе по субъективному ощущенію недостатка, а по объективной трудности добыванія предположенныхъ его количествъ, т. е. по необходимымъ для этой цѣли затратамъ [3]). Какъ мы видимъ, Лексисъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, ближе всего подходящей къ теоріи издержекъ производства, но излагаетъ эту послѣднюю въ связи съ примѣненіемъ термина рѣдкости, сводя, однако, это понятіе сразу же къ необходимости трудовыхъ затратъ.

Можно еще отмѣтить попытку Дитцеля слить воедино теорію классиковъ и теорію предѣльной полезности. Дитцель утверждаетъ, что, при правильномъ пониманіи, теорію классиковъ можно безъ всякаго труда соединить съ теоріей предѣльной полезности [4]). Въ болѣе же позднее время онъ приходитъ вообще къ мысли о совершенной излишности для теоріи ученія о цѣнности, безъ котораго можно легко обойтись какъ въ объясненіи явленія цѣнъ, такъ и въ теоріи распредѣленія [5]).

Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ мы вообще подходимъ къ теченію своего рода скептицизма въ вопросѣ о теоріи цѣнности. У нѣкоторыхъ это мнѣніе высказывается еще въ болѣе затушеванной формѣ, при чемъ они только возражаютъ противъ созданія самостоятельнаго ученія о цѣнности рядомъ съ ученіемъ о цѣнахъ, другіе же вовсе хотятъ исключить его изъ сферы изслѣдованія экономической науки.

Перваго взгляда придерживается Шмоллеръ. По его мнѣнію, цѣна и цѣнность не заслуживаютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія, такъ какъ цѣна явля-

---

[1]) Wagner. Theoretische Sozialökonomik. SS. 224 u. 235

[2]) См. выше стр. 154—155.

[3]) См. W. Lexis. Allgemeine Volkswirtschaftslehre, Berlin und Leipzig, 1910. S. 28—35.

[4]) См. H. Dietzel. Theoretische Sozialökonomik, Leipzig, 1895. S. 227 ff.

[5]) H. Dietzel. Vom Lehrwert der Wertlehre und vom Grundfehler der Marxschen Verteilungslehre, Leipzig, 1921. S. 36, 39 und passim.

ется наиболѣе точнымъ выраженіемъ цѣнности. „Приводимое иногда въ курсахъ разграниченіе между особымъ ученіемъ о цѣнности и особымъ — о цѣнѣ, мы считаемъ ненужнымъ“ [1]). Однако, въ общемъ, онъ все же говоритъ и о цѣнности, какъ таковой, и занимаетъ среднее положеніе въ отношеніи различныхъ теорій происхожденія цѣнности. Онъ — противникъ чистой трудовой теоріи, но не соглашается и со всѣми выводами психологической австрійской школы. Съ одной стороны онъ признаетъ, что всѣ вещи цѣнятся человѣкомъ по тому „съ чѣмъ бо́льшимъ количествомъ пожертвованій и усилій ихъ можно произвести,“ съ другой же стороны говоритъ, что цѣнность есть „возникшее путемъ сравненія представленіе относительно размѣровъ того значенія, которое имѣетъ для хозяйственной сферы человѣка какое-либо отдѣльное благо или трудовое усиліе по сравненію съ другими, благодаря своей примѣнимости и годности для этихъ хозяйственныхъ цѣлей“ [2]). Въ концѣ концовъ, Шмоллера можно скорѣе всего причислить къ сторонникамъ теоріи издержекъ производства. „Такъ психологически, говоритъ онъ, издержки производства стоятъ въ центрѣ соображеній всѣхъ участниковъ рыночнаго оборота“ [3]).

Наиболѣе скептическое направленіе въ разсматриваемомъ нами вопросѣ выдвигаетъ даже вообще сомнѣніе, создало-ли ученіе о цѣнности во всѣхъ его предшествующихъ попыткахъ что-либо примѣнимое къ дѣлу, и имѣется-ли вообще смыслъ и основаніе разыскиванія единообразнаго объясненія цѣнности и цѣны. Наиболѣе радикальнымъ скептикомъ въ этомъ отношеніи выступаетъ Готтль [4]), выдвигающій сомнѣніе, было-ли ясно теоретикамъ самое понятіе цѣнности. Точно также Карлъ Диль [5]) не разъ указывалъ на неудачность попытокъ установленія единообразныхъ законовъ цѣнности и цѣны.

Изъ привлекающихъ къ себѣ вниманіе наиболѣе современныхъ теорій мы должны сказать нѣсколько словъ о взглядахъ на этотъ предметъ Касселя, Оппенгеймера и Лифмана. Выше уже мы отмѣтили наростаніе въ литературѣ извѣстнаго скептическаго отношенія къ ученію о цѣнности вообще и стремленіе къ объединенію теорій цѣнности и цѣны, съ отведеніемъ преобладающаго мѣста послѣдней. Это настроеніе проявляется особенно ярко въ экономической конструкціи шведскаго ученаго Касселя. Какъ онъ это отмѣчаетъ въ предисловіи къ нѣмецкому изданію своего курса и далѣе въ самомъ его текстѣ „особое ученіе о цѣнности является для эконо-

[1]) G. Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, B. II, Leipzig, 1904. S. 106.

[2]) Schmoller, o. c. S. 105—106.

[3]) Schmoller, o. c. S. 153.

[4]) Gottl. Der Wertgedanke, ein verhülltes Dogma der Nationalökonomie. Jena 1897.

[5]) Karl Diehl. Sozialwissenschaftliche Betrachtungen zu David Ricardos System der Volkswirtschaft und Besteuerung. Bd. I, Leipzig 1905.

мической науки совершенно излишнимъ." Вмѣсто „крайне неопредѣленнаго и растяжимаго понятія цѣнности" вся теорія соціальной экономіи „можетъ быть построена непосредственно на основѣ теоріи образованія цѣнъ", которая, въ свою очередь, связана съ ученіемъ о деньгахъ. Тогда мы получаемъ „ученіе о цѣнѣ вмѣсто ученія о цѣнности" [1]). Однако, даже и Кассель, при такомъ своемъ отрицательномъ отношеніи къ цѣнности, не можетъ въ текстѣ своего курса совершенно избѣжать употребленія этого термина и пользуется имъ нѣсколько разъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи [2]). Такова, очевидно, сила научной традиціи или трудность обойтись безъ этого, хотя бы даже и излишняго, по мнѣнію указаннаго автора, понятія.

Оппенгеймеръ такъ же, какъ и Лифманъ, удѣляютъ свое главное вниманіе вопросу объ обмѣнѣ и образованіи цѣнъ, и мы встрѣтимся еще съ ихъ взглядами въ соотвѣтственномъ мѣстѣ нашего курса. Здѣсь насъ интересуетъ исключительно то, что они говорятъ о цѣнности. Оппенгеймеръ ставитъ своей задачей „развить на субъективистическомъ основаніи, но въ существѣ все же объективистическое новое ученіе о цѣнности". При этомъ онъ указываетъ, что его наименованіе „статическая цѣна" соотвѣтствуетъ терминамъ классиковъ: „цѣнность" и „мѣновая цѣнность". Останавливаясь въ дальнѣйшемъ на выясненіи этого понятія, Оппенгеймеръ устанавливаетъ, что „всѣ продукты соотвѣтствуютъ въ точности статической цѣнѣ потраченнаго на нихъ въ итогѣ рабочаго времени," или нѣсколько иначе: „всѣ продукты обмѣниваются соотвѣтственно овеществленному въ нихъ рабочему времени." Что же такимъ образомъ является субстанціей цѣнности, спрашиваетъ онъ, и даетъ слѣдующій отвѣтъ: „очевидно, овеществленный въ продуктахъ, „матеріализированный," „створоженный" трудъ, измѣряемый временемъ." Здѣсь Оппенгеймеръ совершенно ясно становится на почву, отмѣченную трудами Смита, Рикардо и Маркса. Но Оппенгеймеръ считаетъ, что въ этомъ отношеніи онъ не повторяетъ старое, а создаетъ, какъ онъ говоритъ, вмѣсто старыхъ теорій, связанныхъ съ количествомъ или съ временемъ трудовыхъ затратъ, свою новую „теорію цѣнности товаровъ, основанную на цѣнности труда" („Arbeitswerttheorie des Warenwertes")[3]). Тѣ же мысли Оппенгеймеръ высказываетъ еще и въ иной формѣ, утверждая, что „стоимость является причиной цѣнности въ экономическомъ смыслѣ, а мѣра стоимости является мѣрой этой экономической цѣнности." — „Цѣнность въ хозяйствѣ, связанномъ съ рынкомъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, представляетъ собой объективную цѣнность доставки продуктовъ на

---

[1]) Gustav Cassel. Theoretische Sozialökonomie. Dritte Auflage, Erlangen, 1923, S. 41—42 und Vorwort zur ersten Auflage, S. III—IV. Еще рѣзче та же мысль высказана имъ въ „Grundgedanken der theoretischen Ökonomie", Leipzig 1926. S. 13.

[2]) См. напр. Cassel, o. c. S. 50.

[3]) F. Oppenheimer. Wert und Kapitalprofit. Neubegründung der objektiven Wertlehre, 2 Aufl. Jena 1922. S. 4, 21, 58 und 69.

рынокъ“ [1]). На основаніи вышеуказаннаго можно вполнѣ согласиться съ Оппенгеймеромъ, что его теорія является объективной теоріей, стоитъ на почвѣ старыхъ представителей этого направленія, хотя и стремится сочетать свои взгляды съ положеніями представителей субъективной школы, сторонниковъ теоріи предѣльной полезности. Въ болѣе подробную оцѣнку его взглядовъ мы здѣсь входить не можемъ.

Лифманъ удѣляетъ вопросу о цѣнности весьма мало мѣста и трактуетъ его при томъ совершенно отрицательно. Его вниманіе поглощено въ гораздо большей степени вопросомъ объ образованіи цѣнъ. Вообще, по его мнѣнію, нѣтъ особаго понятія „цѣнности“ какого либо блага, отличнаго отъ его „цѣны“. Если бы, говоритъ онъ, „не придерживались этого заблужденія, то не поставили бы понятіе цѣнности въ центръ нашего вниманія и не изобрѣли бы произвольную конструкцію предѣльной полезности для его объясненія. Тогда исходили бы изъ понятія чистой пользы, стремленія къ наслажденію, и, если бы ему была противопоставлена еще также съ психической точки зрѣнія стоимость, то уже давно пришли бы къ созданію правильной теоріи“ [2]). При такой точкѣ зрѣнія естественно, что, по мнѣнію Лифмана, „созданіе особаго понятія цѣнности, долженствующаго зависѣть не только отъ пользы, но и отъ рѣдкости, является не только излишнимъ, но прямо таки запутывающимъ“. Вообще, утверждаетъ Лифманъ, совершенно невозможно опредѣлить „цѣнность“ какого-либо отдѣльнаго блага. Всякая цѣнность является совершенно очевидно производной отъ представленія о цѣнѣ и, вслѣдствіе этого, результатомъ мѣнового денежнаго оборота. Даже и предметы, удовлетворяющіе наши потребности, не имѣютъ цѣнности, а представляютъ собой только совершенно индивидуальную, чисто психическую, совершенно не могущую быть выраженной во внѣ полезность. „Полезность всегда только относительное понятіе и всегда можетъ быть опредѣлена только при помощи сравненія всѣхъ полезностей, всѣхъ важныхъ для насъ потребностей — съ какимъ либо орудіемъ сравненія, которое должно быть, конечно, уже заранѣе даннымъ“. Такое положеніе мы и имѣемъ, при существованіи денежнаго хозяйства, въ наличіи доходовъ въ денежной формѣ, и мы можемъ въ результатѣ назвать „сравненіе всѣхъ оцѣниваемыхъ нами полезностей съ какимъ либо денежнымъ доходомъ — цѣнностью“. Вотъ какъ будто бы нѣкотораго рода опредѣленіе понятія цѣнности, къ которому приходитъ Лифманъ, но онъ и тутъ спѣшитъ оговориться, что такое опредѣленіе не представило бы для насъ никакого существеннаго результата, и поэтому гораздо правильнѣе „избѣжать этого опаснаго выраженія, разложивъ его на его основныя понятія полезности и

[1]) F. Oppenheimer. Theorie der reinen und politischen Ökonomie, 3 Auflage, Berlin 1919, S. 333 und 465.

[2]) Robert Liefmann. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, I Band, 3 Auflage, Stuttgart. 1923. S. 249.

стоимости“ [1]). Какъ мы видимъ, теорія Лифмана, если только это можно назвать теоріей, ибо она ограничивается очень немногими, вскользь брошенными замѣчаніями, представляетъ собой въ этомъ вопросѣ мало интереснаго и сводится болѣе всего къ отрицательному выводу о ненужности и опасности самостоятельнаго понятія цѣнности. Мы удѣлили ей нѣсколько словъ только въ виду того вниманія, которое вообще въ настоящее время привлекаютъ работы Лифмана въ нѣмецкой литературѣ. Характеризуя же его взгляды съ точки зрѣнія принятаго нами дѣленія теорій на субъективныя и объективныя, мы должны отнести ихъ скорѣе къ первой категоріи, на чемъ онъ и самъ настаиваетъ, критикуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ усиленнымъ образомъ взгляды маргиналистовъ. [2])

Что касается мнѣній русскихъ экономистовъ по разбираемому нами вопросу, то значительная ихъ часть придерживалась трудовой теоріи цѣнности, излагавшейся ими въ той формѣ, которую ей придалъ Марксъ. Въ такомъ духѣ представлена эта теорія у Зибера [3]), А. И. Чупрова [4]), Исаева [5]), Мануилова [6]), Петра Маслова [7]) и цѣлаго ряда другихъ писателей по экономическимъ вопросамъ [8]). Но одновременно существовало и другое направленіе, этому противоположное, частью примыкавшее къ теоріи предѣльной полезности, частью исходившее изъ другихъ предпосылокъ, среди представителей котораго можно назвать Георгіевскаго [9]), Залѣсскаго [10]), Билимовича [11]) и другихъ [12]).

---

[1]) R. Liefmann, o. c. S. 250—254.

[2]) Довольно распространенное въ настоящее время названіе сторонниковъ теоріи предѣльной полезности, отъ англійскаго „marginal utility“.

[3]) Н. И. Зиберъ. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно экономическихъ изслѣдованіяхъ. Изд. 3-е. СПБ. 1898.

[4]) А. И. Чупровъ. Курсъ политической экономіи. Москва. 1892 и рядъ послѣдующихъ изданій.

[5]) А. А Исаевъ. Начала политической экономіи, СПБ. 1893. (6 изд.-1905 г.)

[6]) А. А. Мануиловъ. Политическая экономія. 3 изд. Москва. 1919 и Его-же. Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы. 1901.

[7]) П. Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства СПБ. 1910.

[8]) Изъ нѣмецкихъ экономистовъ въ академической сферѣ нужно выдѣлить и поставить на нѣсколько особое мѣсто швейцарскаго профессора Платтера, стоящаго довольно опредѣленно на точкѣ зрѣнія теоріи Маркса, по крайней мѣрѣ вполнѣ пріемлющаго основныя положенія этой послѣдней. J. Platter. Grundlehren der Nationalökonomie. Kritische Einführung in die soziale Wirtschaftswissenschaft. Berlin 1903. Имѣется и въ русскомъ переводѣ: Юліусъ Платтеръ. Основныя ученія политической экономіи, 2 тома. Москва. 1908—1909.

[9]) П. И. Георгіевскій. Политическая экономія. 2 тома. 4 изд. СПБ. 1904.

[10]) В. Ф. Залѣсскій. Ученіе о цѣнности. Казань. 1893.

[11]) А. Билимовичъ. Къ вопросу о расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ. Кіевъ 1914.

[12]) См. по этому поводу H. J. Seraphim. Neuere russische Wert und Kapitalzinstheorien, Berlin. 1925. Довольно интересная работа, обнаруживающая, однако,

Что касается авторовъ двухъ наиболѣе распространенныхъ въ настоящее время русскихъ курсовъ политической экономіи — Туганъ-Барановскаго и Желѣзнова, то оба они занимаютъ въ этомъ вопросѣ позицію, въ значительной степени примиряющую оба крайнія направленія, хотя Туганъ-Барановскій является большимъ поклонникомъ ученія предѣльной полезности, а Желѣзновъ гораздо болѣе склоняется къ объективному направленію и, въ частности выступаетъ довольно опредѣленнымъ защитникомъ многихъ положеній Маркса. Отстаивая значеніе теоріи предѣльной полезности, о чемъ мы уже говорили выше [1]), Туганъ-Барановскій очень опредѣленно возражаетъ противъ теоріи абсолютной трудовой цѣнности Маркса. Но вообще, субъективная и объективная теоріи въ этомъ вопросѣ, по его мнѣнію, вовсе не такъ противоположны, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. „Обѣ теоріи цѣнности, говоритъ онъ, по обычному мнѣнію взаимно исключающія другъ друга, находятся въ дѣйствительности въ извѣстной гармоніи другъ съ другомъ. Обѣ теоріи изслѣдуютъ различныя стороны одного и того же хозяйственнаго процесса оцѣнки. Теорія предѣльной полезности выяснила субъективные, трудовая теорія — объективные факторы хозяйственной цѣнности“ [2]). Но подъ трудовой теоріей онъ понимаетъ здѣсь не ученіе Маркса, а теорію Рикардо. Теорія Маркса, по его мнѣнію, „дѣйствительно непримирима съ теоріей предѣльной полезности ... Иное слѣдуетъ сказать о теоріи Рикардо. Ученіе о предѣльной полезности не только не находится въ противорѣчіи съ этой теоріей, но, наоборотъ, обѣ теоріи ... дополняютъ другъ друга и образуютъ собой логическіе коррелаты“ [3]). Истинная теорія цѣнности, по мнѣнію Туганъ-Барановскаго, должна отъ субъективныхъ элементовъ хозяйства возвыситься до объективныхъ элементовъ, „исходя изъ субъективной предѣльной полезности, перейти къ труду, какъ объективному фактору цѣнности“. Собственная теорія Туганъ-Барановскаго, выдвигающаго существованіе двухъ самостоятельныхъ категорій стоимости и цѣнности, даетъ возможность „сохранить соціальное содержаніе теоріи цѣнности Маркса, отбросивъ въ то же время тѣ неправильные экономическіе выводы, къ которымъ Марксъ былъ приведенъ неправильнымъ отождествленіемъ цѣнности и стоимости“ [4]). Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, у Туганъ-Барановскаго намѣчается совершенно опредѣленно синтезъ субъективной и объективной теорій, при чемъ подъ послѣдней имѣется въ виду по преимуществу трудовая теорія Рикардо. Въ своей конструкціи Туганъ-

---

какъ вообще не вполнѣ достаточное знакомство автора съ обстановкой и теченіями русской общественно-экономической мысли, такъ и неумѣнье распредѣлить и оцѣнить разбираемыхъ авторовъ соотвѣтственно ихъ истинному удѣльному вѣсу.

[1]) См. стр. 156.

[2]) Туганъ-Барановскій. Основы etc. стр. 53.

[3]) Т.-Барановскій, о. с. стр. 61.

[4]) Т.-Барановскій, о. с. стр. 76.

Барановскій пытается дать даже точную формулу такого синтеза, указывая, что предѣльная полезность свободно воспроизводимыхъ продуктовъ должна быть прямо пропорціональна ихъ трудовой стоимости. Но математическое доказательство этой „теоремы“ оказывается въ достаточной степени „условнымъ“, какъ это признаетъ и самъ авторъ [1]).

На такой же примиряющей позиціи стоитъ, въ общемъ, и проф. Желѣзновъ, только онъ подъ трудовой теоріей имѣетъ въ виду, въ первую очередь, теорію Маркса. Несмотря на то, что теорія предѣльной полезности и трудовая кажутся какъ будто бы діаметрально противоположными и, несмотря на рѣзкую полемику, которая велась между ихъ сторонниками „при безпристрастномъ разсмотрѣніи нельзя не видѣть, что по существу онѣ не враждебны, а дополняютъ другъ друга .... Поэтому при извѣстныхъ предположеніяхъ возможенъ синтезъ обѣихъ теорій“ [2]). Въ общемъ же Желѣзновъ склоняется, въ итогѣ своихъ разсужденій, къ выводу о томъ, что проблема цѣнности до сихъ поръ остается еще далеко не разрѣшенной окончательно. „Современная политическая экономія далека еще отъ сколько-нибудь законченнаго объясненія проблемы цѣнности ... въ ней все еще остается много темнаго и неразгаданнаго, въ особенности въ томъ, что касается наиболѣе близкаго къ намъ круга хозяйственныхъ отношеній“ [3]).

Нѣсколько отличное отъ всѣхъ изложенныхъ только что взглядовъ занимаетъ выдвигаемое проф. Струве обсужденіе вопроса о цѣнности съ точки зрѣнія „статистификаціи“ политической экономіи. Струве указываетъ, что въ развитіи ученій объ объективной цѣнности, какъ основѣ цѣны „цѣнность являетъ собой какъ бы „universale“ цѣны, такое „universale“, которому теорія приписываетъ высшую реальность по сравненію съ цѣной и которое объективно опредѣляетъ послѣднюю“ [4]). Другое пониманіе цѣнности, въ противоположность указанному выше „реалистическому“, носитъ „номиналистическій“ характеръ и исходитъ изъ отдѣльныхъ конкретныхъ актовъ оцѣнки, объективизирующихся въ цѣнѣ. Цѣнность съ такой точки зрѣнія понимается, какъ „субъективное состояніе.“ Къ теоретическому этому понятію, какую бы логически-конструктивную форму оно ни носило, Струве относится отрицательно. „Цѣнность одинаково и какъ субстанція, и какъ „universale“ цѣны есть понятіе, безполезное для познанія эмпирическихъ фактовъ образованія цѣны; она означаетъ не болѣе не менѣе какъ метафизическую гипотезу, которая не можетъ имѣть никакого примѣненія въ наукѣ“ [5]). Мы можемъ замѣтить только по поводу этого утвержденія, что метафизичность даннаго построенія еще не является основаніемъ для его отвер-

---

[1]) Т. Барановскій, о. с. стр. 51—52.

[2]) Желѣзновъ. Очерки политической экономіи, 1918. Стр. 426—427.

[3]) о. с. стр. 428.

[4]) Петръ Струве. Хозяйство и цѣна. Москва. 1913. ч. I. Введеніе. стр. XXII.

[5]) П. Струве, о. с. стр. XXX.

женія, тѣмъ болѣе что мы знаемъ не мало „гипотезъ“, которыя являлись крайне плодотворными для научнаго изслѣдованія.

Отъ критическихъ замѣчаній по поводу существующихъ теорій цѣнности Струве переходитъ къ построенію своего „статистическаго“ пониманія или, вѣрнѣе, опредѣленія этого термина. Онъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ какъ возведенія цѣны къ цѣнности, такъ не придаетъ особаго значенія и тонкостямъ психологическаго субъективизма въ теоріи цѣнности, т. е. возражаетъ какъ противъ объективнаго, такъ и субъективнаго способа объясненія этого понятія. По его словамъ, онъ идетъ къ разсмотрѣнію проблемы цѣны — цѣнности своимъ особымъ путемъ, въ одно и то же время критическимъ и эмпирическимъ. „Въ отличіе отъ традиціоннаго пониманія, которое цѣну возводитъ къ объективной цѣнности, говоритъ Струве, я возвожу послѣдняго къ первой. Реальному экономическому разсмотрѣнію даны либо только отдѣльныя „цѣны“, либо еще не объективировавшіеся отдѣльные оцѣночные акты. Исходя изъ этого, я показываю, какъ изъ цѣнъ логически и исторически слагается цѣнность, являющаяся порожденіемъ, или отвержденіемъ цѣнъ: цѣнность вскрывается какъ производная цѣны, или точнѣе, цѣнъ“ — Въ такомъ смыслѣ понятая цѣнность, какъ это кидается въ глаза, соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе тому, что мы называемъ „средней цѣной“ или „уровнемъ цѣнъ“ классической политической экономіи. Развивая далѣе свою мысль, Струве указываетъ, что въ этомъ вопросѣ онъ проводитъ „сингуляристическое“ пониманіе, единственно для данной проблемы, по его мнѣнію, пріемлемое съ точки зрѣнія эмпиризма, и строитъ чисто эмпирическое, въ частности статистическое, понятіе цѣнности. „Что цѣны представляютъ, продолжаетъ онъ далѣе, объектъ статистики, конечно, хорошо и давно извѣстно даже неэкономистамъ. Но что цѣнность есть понятіе своеобразнаго, неосознаннаго, такъ сказать, сырого статистическаго мышленія, это, мнѣ кажется, до сихъ поръ не сознавалось и во всякомъ случаѣ не продумывалось до конца экономистами. Между тѣмъ такое пониманіе цѣнности углубляетъ это понятіе и въ то же самое время остается на строго эмпирической почвѣ. На фактахъ я вскрываю и иллюстрирую статистическій характеръ тѣхъ операцій, при помощи которыхъ въ дѣйствительной жизни изъ оцѣночныхъ актовъ или изъ цѣнъ раціонально построятся цѣнность (объективная). Это есть раскрытіе того, что можно назвать статистической природой цѣнности“ [1]).

Здѣсь цѣнность опредѣляется въ результатѣ, какъ статистическое понятіе, между тѣмъ какъ послѣднее въ значительной степени является понятіемъ экономически-философскимъ, и вмѣсто „углубленія“, при такой трактовкѣ, получается скорѣе уничтоженіе его въ качествѣ самостоятельной логической конструкціи. При такихъ условіяхъ отъ цѣнности, какъ отъ тео-

[1]) op. cit. стр. XXXIII—XXXIV.

ретическаго экономическаго понятія остается очень мало. Это уже не самостоятельное понятіе, а лишь только выводъ изъ цѣнъ, средняя цѣна, простая или взвѣшенная средняя, „модусъ“, т. е. въ концѣ концовъ, совершенно ненужный, излишній экономическій терминъ. Такимъ образомъ, этимъ сведеніемъ цѣнности къ средней цѣнѣ, къ чему то статистически опредѣлимому для каждаго даннаго момента, Струве совершенно отвергаетъ всякую теорію въ этой области. На такомъ базисѣ можно дать лишь исторію измѣненія цѣнности и цѣнъ, но не теорію цѣнности. Понимая теорію въ Менгеровскомъ смыслѣ, какъ нахожденіе всеобщаго, типическаго, или беря теоретическое, номографическое изслѣдованіе въ смыслѣ Виндельбанда-Риккерта, мы принуждены были бы, съ точки зрѣнія Струве, совершенно отказаться отъ такого „научнаго“, въ узкомъ смыслѣ слова, подхода къ вопросу о цѣнности. Мы не отрицаемъ возможности и такого рода подхода къ изслѣдованію этого вопроса, какой предлагаетъ Струве, не можемъ только считать его цѣлесообразнымъ и плодотворнымъ съ точки зрѣнія достиженій теоріи экономической науки.

Что касается чисто статистической стороны вопроса, то и она вызываетъ сразу же извѣстныя принципіальныя возраженія. Разсматривавшій эту сторону вопроса А. А. Чупровъ указываетъ, что теоретическая переработка статистическаго матеріала не предполагаетъ отказа отъ категоріи цѣнности, какъ основы цѣнъ. По его словамъ „цѣнность, какъ величина, въ своемъ численномъ значеніи познаваемая лишь изъ цѣнъ, и въ этомъ смыслѣ „образующаяся“ изъ цѣнъ, но не опредѣляемая цѣнами, а опредѣляющая ихъ средній уровень, — такое представленіе не только не противорѣчитъ формально статистической точкѣ зрѣнія, но, напротивъ, ею почти постулируется“ [1]).

Какой же выводъ мы можемъ сдѣлать изъ представленнаго нами бѣглаго обзора ряда ученій о цѣнности? Всѣ они, за немногими исключеніями, могутъ быть уложены въ указанныя нами въ самомъ началѣ двѣ главныя группы: объективизма и субъективизма. При этомъ, какъ это уже намѣтилось въ предыдущемъ изложеніи, между этими, вначалѣ какъ будто бы совершенно противоположными и враждующими направленіями экономической мысли понемногу обнаруживается полная возможность примиренія. Каждому изъ нихъ въ настоящее время трудно отрицать справедливость опредѣленныхъ положеній и извѣстныхъ отправныхъ пунктовъ другого. Въ

---

[1]) А. А. Чупровъ. Мѣсто понятія цѣнности въ статистической теоріи цѣны. Ст. въ „Сборникѣ статей, посвященныхъ П. Б. Струве ко дню тридцатипятилѣтія его научно-публицистической дѣятельности“. Прага, 1925, стр. 164 и 170. См. кромѣ того по поводу теоріи Струве въ томъ-же „Сборникѣ“ статью С. Кона, О „статистификаціи“ политической экономіи, а также его-же работу „Математическое и эмпирико-статистическое направленіе въ теоріи цѣны“ въ „Русскомъ экономическомъ сборникѣ“, книга II и III. Прага, 1925.

ученіи о цѣнности уже издавна шла борьба между двумя принципами, на которыхъ она должна была базироваться въ первую очередь: между полезностью, приносимой благами, и издержками, возлагаемыми на насъ ихъ добываніемъ [1]). Въ свое время Генрихъ Дитцель предлагалъ сопоставлять другъ съ другомъ цѣнность и стоимость или издержки. Какъ онъ утверждалъ, стоимость и цѣнность покрываютъ другъ друга; величина издержекъ покрывается величиной цѣнности [2]). Съ тѣхъ поръ, какъ это писалось, давно уже стало ясно, что между объективизмомъ и субъективизмомъ въ ученіи о цѣнности нѣтъ той противоположности, какъ это казалось сначала, что они представляютъ собой элементы, взаимно проникающіе другъ друга. Такъ, напримѣръ, въ ученіи о предѣльной полезности совершенно опредѣленно подчеркивается значеніе издержекъ, стоимости производства. Въ производственномъ процессѣ каждый производитель строитъ свои расчеты, т. е. производитъ оцѣнки, въ зависимости отъ величины издержекъ производства, т. е. стоимости составляющихъ его производственныхъ элементовъ, если же принять во вниманіе то выдающееся мѣсто, которое среди послѣднихъ занимаетъ трудъ, то различіе между этой субъективной теоріей и объективной, трудовой — становится весьма незначительнымъ. А таковы вѣдь на этотъ счетъ взгляды виднѣйшихъ представителей изъ среды маргиналистовъ [3]). Но съ другой стороны, и объективная теорія проникается все болѣе субъективными моментами, которые, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, можно найти даже у Рикардо. Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ не имѣется ни одной сколько-нибудь замѣтной въ научномъ отношеніи теоріи мѣновой цѣнности, которая бы исключительно базировалась только на однихъ объективныхъ или субъективныхъ факторахъ, понимая подъ ними въ первомъ случаѣ издержки, а во второмъ — полезность. „Контроверза между объективистическимъ и субъективистическимъ направленіемъ въ ученіи о цѣнности обозначаетъ такимъ образомъ только то, дѣлаемъ ли мы удареніе на издержкахъ, или на полезности“ [4]).

Цѣнность въ наиболѣе общемъ, абстрактномъ смыслѣ представляетъ собой логическое понятіе, которое можетъ быть конструировано съ такимъ же успѣхомъ для отдѣльнаго человѣка, какъ и для массы людей, но мѣно-

---

[1]) E. v. Böhm-Bawerk. Der letzte Maassstab des Güterwerthes. Zeitschrift für Volkswirtschaftslehre. Bd. III. S. 187; въ настоящее время перепечатано въ Gesammelte Schriften von E. v. Böhm-Bawerk, Wien 1924. S. 405—406.

[2]) Heinrich Dietzel. Theoretische Sozialökonomik, I Band, Leipzig 1895, S 203.

[3]) Friedrich Freiherr v. Wieser. Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft въ „Grundriss der Sozialökonomik“, I Abteilung, II Teil, 2. Aufl. Tübingen 1924, S. 73—78 u. 83.

[4]) L v. Bortkiewicz. Objektivismus und Subjektivismus in der Werttheorie; отдѣльный оттискъ изъ „Nationalekonomiska Studier Tillagnade Knut Wicksell“, стр. 4 и 17.

вая цѣнность есть, несомнѣнно, общественное явленіе, связанное съ наличіемъ мѣнового оборота, т. е. общества, опредѣленной массы мѣняющихся субъектовъ. Пока мы прослѣживаемъ самое возникновеніе идеи цѣнности, какъ опредѣленнаго акта оцѣнки, сравненія, цѣнностнаго процесса, если можно такъ выразиться, — до тѣхъ поръ мы имѣемъ дѣло съ субъективнымъ, въ значительной степени психическимъ моментомъ. Но, когда мы переходимъ къ мѣновой цѣнности, то эта послѣдняя выступаетъ передъ нами уже не въ качествѣ размышленія отдѣльнаго субъекта относительно удовлетворенія его личныхъ потребностей, а начинаетъ отражать на себѣ извѣстныя общественныя цѣлевыя функціи и, въ качествѣ таковой, уже заключается въ опредѣляемыхъ ею благахъ; она съ ними „связывается". Цѣнность представляетъ собой съ такой точки зрѣнія выраженную въ самой сжатой формѣ квинтэссенцію соціальныхъ отношеній, связанныхъ съ экономической сферой, и поэтому можно сказать, что народнохозяйственная жизнь создаетъ цѣнность въ качествѣ орудія измѣренія, мѣры для сравненія кажущихся совершенно разнородными предметовъ. Такъ же, какъ всѣ остальныя современныя науки, видящія свою задачу въ замѣнѣ текучаго качественнаго момента — количественнымъ, опредѣляемымъ числомъ, мѣрой, вѣсомъ, точно такъ же и экономическая наука, только по выполненіи подобной задачи, пріобрѣтаетъ болѣе точный, а, слѣдовательно, и болѣе научный характеръ.

Съ такой точки зрѣнія „цѣнность въ качествѣ мѣры хозяйственныхъ предметовъ выполняетъ въ сферѣ народнаго хозяйства необычайно существенную функцію, приводя пестрый хаосъ явленій въ связанный порядокъ опредѣленной системы; она представляетъ съ такой точки зрѣнія мостъ, связывающій разнородные элементы естественнаго и соціальнаго порядка, производства и распредѣленія, труда и наслажденія. Цѣнность представляетъ собой проявляющееся въ мѣрѣ выраженіе единства всей системы. Приходится сожалѣть, что безплодный споръ объективистовъ и субъективистовъ разрушилъ это единство . . . Имѣется только одна цѣнность, цѣнность дѣйствительной жизни, нѣтъ никакой субъективной или объективной цѣнности самой по себѣ" [1]). Между объективизмомъ и субъективизмомъ ведется только своего рода домашній споръ, который и долженъ быть рѣшенъ въ ихъ собственныхъ предѣлахъ. Они вѣдь подходятъ къ одной и той же вещи лишь съ различныхъ сторонъ, и поэтому ни одно изъ этихъ направленій не даетъ намъ полноты и цѣльности народнохозяйственнаго пониманія. Поэтому задачей философско-экономическаго подхода къ рѣшенію даннаго вопроса является, въ связи съ тѣмъ, что философія представляетъ собой ученіе объ единствѣ и соотношеніи всѣхъ вещей, — возстановленіе этого нарушеннаго единства, этой порванной связи. „Нѣтъ объекта безъ субъекта, но и субъ-

[1]) Rudolf Stolzmann. Grundzüge einer Philosophie der Volkswirtschaft. Versuch einer Volkswirtschaftslehre auf philosophischem Grunde, Jena, 1920. S. 202 – 203.

екта безъ объекта," говоритъ Штольцманъ. Субъективизмъ и объективизмъ представляютъ собой только двѣ связанныхъ другъ съ другомъ части одного и того же единства, которое и создаетъ между ними духовное сродство [1]).

Такимъ образомъ, въ настоящее время можно считать болѣе или менѣе преодолѣнной кажущуюся противоположность объективизма и субъективизма, которая уже давно превратилась въ противопоставленіе словесныхъ боевыхъ лозунговъ, подъ которыми имѣется очень мало дѣйствительно столь противоположнаго реальнаго содержанія. Цѣнность, въ качествѣ проблемы экономической теоріи, по своему характеру и сущности представляетъ собой несомнѣнно объективное явленіе, но въ то же время она такъ же несомнѣнно является и субъективно обусловленнымъ феноменомъ. Субъективное и объективное начала въ цѣнности объединяются въ одно нераздѣльное цѣлое. Это ведетъ какъ бы къ извѣстному дуализму въ объясненіи цѣнности, препятствуетъ созданію единообразной теоріи, отлитой какъ бы изъ одного куска. Но этотъ дуализмъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, только кажущійся. Въ данномъ случаѣ, какъ разъ, мы имѣемъ только двѣ стороны одной и той же медали, орла и рѣшку одной и той же монеты. Наличіе этихъ двухъ сторонъ въ томъ и другомъ случаѣ нисколько не нарушаетъ объединяющаго ихъ единства, внѣшнія качества котораго онѣ опредѣляютъ. Точно также и въ нашемъ вопросѣ, объ теоріи объективизма и субъективизма, при дальнѣйшемъ развитіи науки, вѣроятно окончательно сольются въ общее, объединяющее ихъ единство всеобъемлющей теоріи.

И, наконецъ, еще нѣсколько словъ по поводу уже отмѣчавшагося нами выше [2]) стремленія подставлять вмѣсто понятія цѣнности, какъ общаго мѣнового соотношенія, понятіе цѣны, какъ конкретное, реальное выраженіе этого соотношенія. Мы видѣли уже въ нашемъ предшествующемъ изложеніи примѣры того, какъ нѣкоторые экономисты стремятся отмахнуться отъ вышеуказаннаго понятія цѣнности. Мы еще разъ подчеркиваемъ здѣсь неосновательность такого рѣшенія. Оно равнозначуще стремленію безъ всякой нужды уменьшать сокровищницу выработанныхъ экономической наукой совершенно опредѣленныхъ понятій. Понятіе цѣнности существуетъ въ нашемъ лексиконѣ не только обывательскомъ, но и научномъ, совершенно безотносительно къ его примѣненію въ экономической сферѣ; въ этой же послѣдней для насъ совершенно неустранимо представленіе объ относительныхъ оцѣнкахъ, о томъ относительномъ значеніи, которое мы придаемъ тѣмъ или инымъ благамъ еще до того, какъ появляется ихъ конкретная рыночная цѣна. При пользованіи однимъ только терминомъ „цѣна" и исключеніи термина „цѣнность" не только становится болѣе бѣднымъ нашъ экономическій языкъ, но и исключается искусственно понятіе, которое все равно остается существовать наряду и совершенно независимо отъ наличія другого,

---

[1]) Stolzmann, o. c. S. 205.

[2]) Стр. 144 и 188—189.

ему очень родственнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, все же отличнаго отъ него понятія цѣны. Такое обѣднѣніе языка и понятій въ опредѣленной сферѣ нѣсколько напоминаетъ другое, аналогичное ему стремленіе въ психической сферѣ исключить понятіе альтруизма и все въ человѣческой психикѣ объяснять однимъ только эгоистическимъ началомъ [1]).

Такимъ образомъ, простой цѣлесообразностью диктуется не исключать изъ нашей конструкціи того термина, который отвѣчаетъ наличію опредѣленнаго, имѣющагося у насъ самостоятельнаго представленія. Во всякомъ случаѣ, необходимо не смѣшивать обоихъ понятій цѣнности и цѣны, разъ мы ими обоими пользуемся, потому что они выражаютъ собой два совершенно различныхъ явленія, которыя, въ то же время представляютъ собой и двѣ совершенно различныя проблемы. Одна изъ нихъ является болѣе общей, другая — болѣе спеціальной. Несомнѣнно, оба эти понятія весьма близки и родственны другъ другу, но все же они далеко не совпадаютъ, при чемъ логически проблема относительныхъ цѣнностныхъ выраженій благъ, проблема цѣнности представляется болѣе всеобъемлющей. Совершенно безплоднымъ является споръ о томъ, говоритъ проф. Аммонъ, нужно ли называть субъективный факторъ въ мѣновыхъ отношеніяхъ „цѣнностью“. „Это разногласіе чрезвычайно страннымъ образомъ превратилось въ вопросъ, можно ли объяснять цѣны безъ понятія цѣнности, можетъ ли объясненіе цѣнъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и экономическая теорія „быть освобождена отъ цѣнности“. Что здѣсь дѣло идетъ исключительно только о словѣ, это должно было бы стать яснымъ ученымъ такой значительности, какъ Кассель, Готтль, Эйленбургъ и т. п. „Господство словъ“ по видимости здѣсь проявилось въ обратномъ обычному смыслѣ. Боятся слова, которое не является однозначущимъ, и ведутъ борьбу противъ его употребленія вмѣсто того, чтобы бороться противъ его ложнаго или безцѣльнаго истолкованія“ [2]).

Ученіе о цѣнности, какъ мы могли убѣдиться, занимаетъ въ экономической наукѣ весьма замѣтное мѣсто, но, несмотря на массу удѣленнаго ему вниманія и массу связанныхъ съ нимъ споровъ и разногласій, понятіе это и до настоящаго момента не можетъ считаться окончательно разъясненнымъ. Во всѣхъ тѣхъ теоріяхъ, которыя по этому поводу создавались, во всѣхъ попыткахъ объясненій постоянно сквозила только какая-либо одна сторона истины, но не вся истина въ ея цѣломъ. Въ этомъ случаѣ какъ бы иллюстрировалась недостаточная способность человѣческаго разума проникнуть въ истинную сущность вещей, невозможность для него представить себѣ „бытіе идей въ полубытіи міра“, какъ это училъ Платонъ. Намъ въ этомъ отношеніи приходитъ на умъ то поэтическое Платоновское сравненіе положенія людей съ заключенными въ пещерѣ, которые видятъ не самые

[1]) М. Курчинский. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии. Петроград, 1920, стр. 66, 72 или въ нѣмецкомъ переводѣ: Der Apostel des Egoismus, Berlin, 1923, S. 50 ff.

[2]) A. Ammon. Der Stand der reinen Theorie etc. S. 317.

дѣйствительные предметы, а только отражающіяся отъ нихъ на стѣнахъ пещеры тѣни [1]). Но человѣческая мысль своей упорной работой все же стремится раскрыть и раскрываетъ многое изъ того, что сначала представлялось ей въ столь неясномъ и запутанномъ видѣ. Такое постепенное разъясненіе получаетъ въ ходѣ развитія экономической мысли и вопросъ о цѣнности.

Литература: Adam Smith. An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations; есть въ русск. пер. П. А. Бибикова, 1866. John Stuart Mill. Principles of political economy; есть перев. Чернышевскаго, 1865 и пер. подъ ред. Остроградскаго, 1897. Gossen. Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, 2. Aufl. 1889. Jevons. Theory of Political Economy, 1871. L. Walras. Elements d'économie politique pure, 1874. K. Menger. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 2 Auflage, 1923; есть русскій переводъ. E. v. Böhm-Bawerk. Positive Theorie des Kapitales, 4 Aufl. 1921. Его-же. Der letzte Maassstab des Güterwerthes. Zeitschrift für Volkswirtschaftslehre. B. III. А. Мануиловъ. Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы, 1901. В. Ф. Залѣсскій. Ученіе о цѣнности, 1893. F. v. Wieser. Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft въ „Grundriss der Sozialökonomik, I Abt., II Teil, 2 Aufl., 1924. Cairnes. Some Leading Principles of Political Economy; есть русск. пер. Туганъ-Барановскаго, 1897. Д. Рикардо. Сочиненія, пер. Н. Зибера, 1882. К. Марксъ. Капиталъ, томы I–III. Бемъ-Баверкъ. Теорія Маркса и ея критика, пер. подъ ред. Георгіевскаго, 1897. R. Hilferding. Böhm-Bawerks Marx-Kritik. Marx Studien, I, 1904. W. Lexis. Die Marxsche Kapitaltheorie, Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, Neue Folge, XI Band, 1885. Werner Sombart. Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx. Archiv f. soziale Gesetzgebung und Statistik, VII Band, 1894. М. Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма, 1905. L. v. Bortkiewicz. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System, Archiv f. Sozialwiss. u. Sozialpolitik. Bd. XXIII und XXV, 1906, 1907 Его-же. Zur Berichtigung der grundlegenden theoretischen Konstruktion von Marx etc., Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, III Folge, 34 Band, 1907. Его-же. Objektivismus und Subjektivismus in der Werttheorie, оттискъ изъ „Nationaleconomiska Studier Tillagnade Knut Wicksell. R. Kaulla. Die geschichtliche Entwickelung der modernen Werttheorien, 1906. Lujo Brentano. Die Entwicklung der Wertlehre, 1908. W. Lexis. Allgemeine Volkswirtschaftslehre, 1910. G. Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, Bd. II, 1904. A. Wagner. Theoretische Sozialökonomik, 1907. H. Dietzel. Theoretische Sozialökonomik, I Band, 1895. Его-же. Vom Lehrwert der Wertlehre und vom Grundfehler der Marxschen Verteilungslehre, 1921 K. Diehl. Die Entwicklung der Wert und Preistheorien im 19. Jahrhundert въ „Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im neunzehnten Jahrhundert", I Teil, 1908. М. Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи, 4 изд., 1917. В. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи, 8 изд., 1918. П. Струве. Хозяйство и цѣна, 1913. А. Билимовичъ Къ вопросу о расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ, 1914. A. Marshall. Principles of Economics, 8 ed. 1925. A. Ammon. Der Stand der reinen Theorie въ „Festgabe für Lujo Brentano", 1925. Его-же. Ricardo als Begründer der theoretischen Nationalökonomie, 1924. R. Stolzmann. Grundzüge einer Philosophie der Volkswirtschaft, 1920.

[1]) См. одно изъ лучшихъ изданій „Политейи": Plato's Republic, edited by B. Jowett and Lewis Campbell. Oxford, 1894, vol. I, The greek text, p. 293—294, а также въ нѣмецкомъ переводѣ: Platon. Staat, übersetzt von Otto Apelt, 5 Auflage. Leipzig 1920, VII Buch, S. 269—270.

Est
B-1722
I
4904

Складъ изданія „КНИГА“, Юрьевъ, Рыцарская ул. 19.